

Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук
Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы
Институт славяноведения Российской академии наук

Ежегодник
по аграрной истории
Восточной Европы
2013 год

*Земледельцы и землевладельцы российской деревни
конца XV – конца XX веков:
экономическое, социальное и культурное развитие*

Москва
2014

ББК 63.3
Е-36

«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы» — издание
Научного совета по проблемам аграрной истории Восточной Европы
при Отделении историко-филологических наук РАН

Издание основано в 1959 г. и восстановлено под прежним названием в 2012 г.

Редакционная коллегия

Е. Н. Швейковская (ответственный редактор), В. А. Ильиных,
М. Д. Карпачев, А. И. Комиссаренко, В. Д. Назаров, В. Н. Никулин,
Н. В. Соколова (ответственный секретарь), Д. А. Хитров

*Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 14-01-16032д*

Е-36 Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2013 год: Земледельцы и землевладельцы российской деревни конца XV — конца XX веков: экономическое, социальное и культурное развитие / Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы при ОИФН РАН; Отв. ред. Е. Н. Швейковская. — М.: Древлехранилище, 2014. — 258 с.; илл.

ISSN: 2305-5057

ISBN: 978-5-93646-245-0

В издание включены статьи, посвященные исследованию неоднозначно протекавших процессов в аграрной экономике и социальной сфере России на протяжении длительного времени с конца XV до конца XX в. Целостный подход, положенный в основу издания, придает его тематике безусловную актуальность, а используемые впервые источники данные, по большей части архивные, обеспечивают новизну.

ББК 63.3

Е-36

ISSN: 2305-5057

ISBN: 978-5-93646-245-0

© Коллектив авторов, 2014

© «Древлехранилище», оформление, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
<i>Л. Г. Степанова</i> Модель среднего крестьянского хозяйства Новгородской земли конца XV – начала XVI вв.....	7
<i>П. В. Чеченков</i> Аграрное развитие и землевладение в Нижегородском уезде после «казанского взятия»	18
<i>Н. В. Соколова</i> Землевладение Амвросиева Дудина монастыря (XV – начало XVIII в.)	29
<i>М. С. Черкасова</i> Алатырские акты и вотчинное право в Среднем Поволжье в первой четверти XVII в.....	59
<i>Д. А. Черненко, П. В. Чеченков</i> Экономическое состояние служилого землевладения в Нижегородском уезде в 1620-е гг.....	71
<i>И. Л. Манькова</i> Далматовский Успенский монастырь в последней четверти XVII – начале XVIII в.: социальные процессы по вкладным книгам	81
<i>В. Ю. Румянцев, А. А. Голубинский, М. С. Солдатов, Д. А. Хитров</i> Земледельческое освоение и состояние фауны Европейской России по материалам Генерального межевания	89
<i>М. И. Роднов</i> Система управления в помещичьем хозяйстве Мензелинского уезда Оренбургской губернии накануне отмены крепостного права	108
<i>М. Д. Карпачёв</i> Либералы справа: дворянство Воронежской губернии об отмене крепостного права	114
<i>С. В. Беспалов</i> Падение хлебных цен как фактор аграрного кризиса в России конца XIX века и как вызов для бюрократической элиты	129
<i>Н. М. Александров</i> Земельный рынок и проблема крестьянского малоземелья в пореформенной России (по материалам Верхнего Поволжья)	140

<i>И. Н. Слепнёв</i> К вопросу о сущности аграрного кризиса в России	153
<i>В. Н. Никулин</i> Судовые промыслы крестьян северо-западных губерний России (конец XIX – начало XX в.)	162
<u>С. А. Есиков</u> , <i>М. М. Есикова</i> Деятельность Тамбовского земства по организации кооперативного движения в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.)	176
<i>В. В. Кондрашин</i> Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939 гг. (к итогам российско-французского проекта)	181
<i>Л. Н. Мазур</i> Модели потребления крестьянства: от традиционности к модерну (по материалам Среднего Урала)	197
<i>В. А. Ильиных</i> Кампания по ограничению личных приусадебных хозяйств в Новосибирской области в конце 1930-х гг.	209
<i>И. Е. Кознова</i> Бывший крестьянин: между сельским прошлым и городским настоящим.	220
<i>Л. Н. Мазур, О. В. Горбачев</i> Материальная культура советской деревни второй половины XX в.: опыт интерпретации художественного кино	234
Summary	250

CONTENTS

Introduct.	5
<i>Stepanova L. G.</i> The Model of middle peasant farm of Novgorod land at the end of XV and the beginning of XVI centuries	7
<i>Chechenkov P. V.</i> Agricultural development and land ownership in the Nizhny Novgorod district after the “capture of Kazan”	18
<i>Sokolova N. V.</i> The Landowning of Ambrosius Dudin Monastery (XVth – early XVIIIth c.)	29
<i>Cherkasova M. S.</i> Alatirskie acts and land propertyrights in the Middle Volga region in the first quarter of the 18th century	59
<i>Chechenkov P. V., Chernenko D. A.</i> Economic situation in noble estates in the Nizhny Novgorod district in 1620s.	71
<i>Mankova I. L.</i> Dalmatovsky Uspenskij Monastery in the late of XVII – early XVIII c.: Social processes according to the deposit books.	81
<i>Rumiantsev V. Ju., Golubinskij A. A., Soldatov M. S., Khitrov D. A.</i> Agricultural development and fauna of European Russia in the late XVIII – early XIX centuries: Distribution of mammals according to the materials of General Land Survey	89
<i>Rodnov M. I.</i> The system of administration in the manor farm in Menzelinsky uезд of Orenburg gubernia on the eve of the abolition of serfdom	108
<i>Karpachev M. D.</i> “Liberals on the right”: The Reaction of the Voronezh Nobility on the Conditions of the Abolition of Serfdom	114
<i>Bespalov S. V.</i> Decrease of the grain prices as the factor of agrarian crisis in Russia in the end of the XIX century and as a challenge for bureaucratic elite.	129
<i>Aleksandrov N. M.</i> The land market and problem of shortage of peasant land after the abolition of serfdom in Russia (according to the materials of the Upper Volga region)	140

<i>Slepnev I. N.</i> On the question of the nature of the agrarian crisis in Russia	153
<i>Nikulin V. N.</i> Maritime industry and the peasants of the north-west gubernias of Russia (late XIX – early XX centuries)	162
<u>Esikov S. A.</u> , <i>Esikova M. M.</i> The activities of the Tambov zemstvo in the organization of the cooperative movement in the period of World War I (1914–1918)	176
<i>Kondrashin V. V.</i> Soviet village by the eyes of VCHK-OGPU-NKVD. 1918–1939 (to the results of the Russian-French project)	181
<i>Mazur L. N.</i> The consumption patterns of the peasantry, from tradition to modernity (based on the Middle Urals)	197
<i>Ilinykh V. A.</i> Campaign to limit individual household of kolkhozniks' and other villagers in the Novosibirsk region in the late 1930s	209
<i>Koznova I. E.</i> The former peasant: between rural past and urban present	220
<i>Mazur L. N., Gorbachev O. V.</i> The material culture of the Soviet countryside in the 2nd half of the XX century: the experience of feature films interpretation	234
Summary	250

*Л. Г. Степанова*¹

Модель среднего крестьянского хозяйства Новгородской земли конца XV — начала XVI вв.

В статье предлагается модель среднего крестьянского хозяйства Новгородской земли конца XV — начала XVI вв., построенная на основе расчетов его доходов и расходов. Современные данные об урожайности и средних посевах крестьянских хозяйств позволяют пересмотреть ранее предложенные модели.

Ключевые слова: Новгородская земля, крестьянское хозяйство, крестьянский бюджет, урожайность, размер посевов.

В 70-х гг. XX в. авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» применили метод моделирования крестьянского хозяйства для характеристики его состояния на рубеже XV—XVI вв. Как подчеркивали исследователи, модель крестьянского хозяйства может только условно воспроизвести изучаемые явления общественной жизни, в данном случае доходы, повинности и потребление крестьянских хозяйств [2, с. 51]. Однако построение подобных моделей позволяет проверить влияние на крестьянское хозяйство различных факторов, в том числе увеличение ренты и государственных повинностей, неурожаев и других бедствий, изучить поведение объекта в определенных, меняющихся условиях [2, с. 52].

Модель крестьянского хозяйства строиться на основании его бюджета, который является показателем общего уровня жизни и имущественного положения. Как и все бюджеты, крестьянский бюджет состоит из доходов и расходов, которые для безбедного существования должны соответствовать друг другу. Исполон веков бюджет крестьянской семьи в России зависел от производительности собственного труда, условий местности, где располагалось дворохозяйство, погодных условий. Натуральный характер хозяйства, потреблявшего все то, что им самим производилось, как правило, обуславливал большинство статей доходов. Расходы крестьянской семьи, в свою очередь, были связаны с задачей сохранения приемлемой стабильности существования, поскольку на протяжении столетий крестьянское хозяйство было нацелено только на собственное воспроизводство.

¹ *Степанова Лилия Геннадьевна*, кандидат исторических наук, Академия маркетинга и социально-информационных технологий, liliya_stepanova@list.ru, Россия, г. Краснодар.

Для расчета крестьянского бюджета исследователи учитывают многие параметры. В первую очередь оцениваются исходные данные дворохозяйства, в частности его демографические характеристики, учитывающие численный и возрастной состав хозяйства и другие его особенности. Второй важной составляющей являются источники доходов, как постоянные, так и временные и сезонные. В качестве третьей составляющей выступают расходы семьи, как повседневные, так и исключительные, связанные с особыми событиями. Среди других параметров также оцениваются кормовая база, обеспечение семенами и сельскохозяйственными орудиями, ссуды и кредиты.

Авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» признавали, что обсчитать все статьи доходов и расходов крестьянской семьи в XV—XVI вв. не представляется возможным, поскольку писцовые книги не содержат многих данных. В частности, если говорить о доходах, не поддаются исчислению доходы от животноводства, птицеводства, огородничества, охоты и рыболовства, промысловой деятельности и сбора грибов и ягод [2, с. 46]. При оценке расходов крестьянской семьи отсутствуют данные о расходах на многие хозяйственные нужды, инвентарь, жилье, одежду, личные потребности [2, с. 47—48]. Поэтому фактически для построения модели крестьянского хозяйства этого периода можно использовать данные писцовых книг о посевах хлебов и высчитанные данные о расходах крестьянской семьи на основные продукты питания и фураж.

При моделировании среднего крестьянского хозяйства конца XV — начала XVI в. авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» также отталкивались и от других числовых показателей. В частности ими были высчитан средний размер повинностей крестьян по всем новгородским пятинам. Численный состав крестьянского двора исследователями был определен на уровне 5 душ обоюбого пола, средняя урожайности ржи в сам-4, средняя запашка на обжу — 3,2 коробы или 9,5 га в трех полях [2, с. 363]. В результате проделанного опыта моделирования ученые пришли к заключению, что в Водской и Шелонской пятинах при урожайности сам-4 и при низкой норме потребления хлеба (15 пудов в год на человека и 15 пудов на скот) при получении небольших доходов от леса и реки крестьянские хозяйства могли иметь сравнительно небольшой остаток зерна. При такой урожайности на питание людей и корм скота в среднем однолошадном хозяйстве расходовалось не менее 67% совокупного продукта, остальные 33% приходились на долю хозяйственного накопления, приобретение предметов первой необходимости. Причем на долю прибавочного продукта и хозяйственного накопления отводилось не менее 30% [2, с. 365—367].

Однако подходы ленинградских историков к составлению на основании подобной урожайности крестьянских бюджетов вызвали сомнения, поскольку давали основание говорить о широком распространении в Новгородской земле на рубеже XV—XVI вв. зажиточных дворов [3, с. 331; 4, с. 66—85]. Это, в свою очередь, позволяло строить предположения о том, что выделение из крестьянской среды богатой верхушки «могло при определенных условиях создать предпосылки для появления в будущем крестьянской буржуазии» [2, с. 371].

Попытаемся создать модель среднего крестьянского хозяйства Новгородской земли в конце XV — начале XVI в., учитывая современные результаты исследований. В первую очередь определимся с понятием среднее крестьянское хозяйство. Ленинградские ученые за него приняли крестьянское хозяйство, положенное в одну обжу. Напомним, что обжа являлась нетвердой окладной единицей, опирающейся на производственные показатели среднего двора отдельного региона. Судя по всему, обжа выступала в качестве своеобразного эталона, с которым сравнивались крестьянские дворы данного региона и в зависимости от своей производственной мощности подлежали большему или меньшему обложению (т. е. клались в доли обжи или в несколько обож) [10, с. 19—24].

В обжу во всех пятинах, кроме Обонежской, были положены наиболее крупные группы хозяйств, имевшие по сравнению остальными средние посевы и покосы. Размер обжи в новгородских пятинах сильно различался. В Шелонской пятине в обжу клался двор, в котором запашка в среднем достигала 4,3 коробьи ржи и насчитывалось около 38,1 копны сена. В Водской пятине однообожный двор имел 3,8 коробьи и 24,4 копны сена, в Деревской пятине — 2,4 коробьи пашни и 16,1 копны сена, в Бежецкой пятине — 2,9 коробьи и 16,6 копны сена, в Обонежской пятине — 1,8 коробьи пашни и 16 копен сена [11, с. 230].

По нашим подсчетам, в среднем однообожном дворе Новгородской земли запашка составляла — 3 коробьи пашни, т. е. была чуть ниже, чем по подсчетам ленинградских ученых. Наиболее показателен пример со средним двором в Обонежской пятине, где однозначно средним был не однообожный двор, а двор, положенный в доли обжи. По нашим данным, однообожными здесь оказались только 19,9% дворов [11, с. 149]. В Шелонской пятине однообожными были 43,8% описанных дворов [11, с. 132], в Бежецкой пятине — 53,6% [11, с. 155], в Водской пятине — 53,3% [11, с. 144], в Деревской пятине — 86,8% [11, с. 138]. Несомненно, необходимо учитывать все недочеты при оценке писцами платежеспособности крестьянского двора, нетвердость самой окладной единицы, трудности при приравнивании к определенному эталону реальных крестьянских дворов. Поэтому за основу моделирования мы возьмем не однообожный двор со средними хозяйственными показателями — посевами и покосами, а средний крестьянский двор, т. е. наиболее распространенный на определенной территории [12, с. 95—100]. В основу расчетов будут положены следующие показатели запашки средних дворов по различным территориям Новгородской земли: в Шелонской пятине — 5,4 коробьи, в Водской пятине — 4,8 коробьи, в Бежецкой пятине — 3,8 коробьи, в Деревской пятине — 2,6 коробьи, в Обонежской — 1,3 коробьи. В качестве среднего двора Новгородской земли берется двор с запашкой 4 коробьи в поле.

Реальный численный состав двора в Новгородской земле на рубеже XV—XVI вв. до сих пор вызывает дискуссии. Авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» полагали, что в новгородских писцовых книгах зафиксированы главы семейств, поэтому двор с одной семьей исчисляли в количестве 5 человек, двор с двумя семьями — в 7,5 человека, двор с тремя — в 10 человек [2, с. 19—20]. Наши данные показывают, что в Новгородской земле на рубеже XV—XVI вв. среднем

на один крестьянский двор приходилось 1,5 мужские души, т. е. показатель оказывается чуть выше, чем у авторов «Аграрной истории Северо-Запада России», что связано с разными методиками обработки статистических данных писцовых книг. Однако различия оказываются незначительными, а полученные данные позволяют заключить, что в Новгородской земле в XV—XVI вв. были широко распространены малые, однопоколенные или двухпоколенные семьи [9, с. 121—131]. Поэтому доводы ленинградских исследователей о средней численности двора с одной мужской душой в 5 человек не вызывают возражений и также берутся за основу наших расчетов, но при этом мы учитываем имеющуюся разницу показателей по пятинам.

При определении нормы потребления хлеба на рубеже XV—XVI вв. авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» исходили максимально из 20 пудов зерна, а минимально — из 15 пудов, выделяя еще 20 пудов для фуража [2, с. 363]. В то же время для последующих веков при расчете крестьянского бюджета общепринята норма в 3 четверти или 24 пуда на душу обою пола. В эту цифру исследователи включают расход и на продовольственные и хозяйственные нужды [5, с. 3; 6, с. 387—389; 8, с. 238, 243]. В пересчете на калории такое количество зерна дает около 3200 ккал в день. При большом объеме физической нагрузки и недостатке других продуктов питания ниже этой цифры спускаться уже нельзя [6, с. 388]. Но из этой нормы нужно еще выделить расход зерна на подкормку скота (на рабочую лошадь — 16 пудов в год [7, с. 363], на две коровы и свинью — 8 пудов [6, с. 389]). Для детей и престарелых норма потребления, как правило, составляет половину нормы взрослого человека [14, с. 141].

Подсчитаем зерновой бюджет средней крестьянской семьи Новгородской земли конца XV — начала XVI в., исходя из соответствия одной коробьи ржи 7 пудам, коробьи овса — 4,7 пуда, коробьи ячменя — 6 пудам, коробьи пшеницы — 7—8 пудам [2, с. 31—32] и взяв за основу запашку среднего крестьянского двора. За среднюю урожайность примем расчетную цифру сам-2, полученную на основании данных писцовых книг об эквивалентном переводе хлебного издоля в посп [13, с. 184]. Поскольку в конце XV в. на большей территории Новгородской земли удельный вес пшеницы в оброчном зерне составлял только 5—8% [2, с. 344—345] и вес одной коробьи пшеницы был почти равен весу одной коробьи ржи (7—8 пудов), мы в своих расчетах пшеницу отдельно не выделяем.

Исходя из этих показателей, валовой урожай зерновых при урожайности сам-2 и запашке 4 коробьи составлял 16 коробей или 93,6—104 пудов зерна (56 пудов ржи, 37,6 пудов овса или 48 пудов ячменя). Однако половину полученного зерна крестьянской семье нужно было оставить на семена. Другая половина в размере 8 коробей или 47—52 пудов зерна могла использоваться для собственных и хозяйственных нужд. В то же время для семьи, состоящей из 5 человек (2 взрослых и 3 детей), были необходимы, как минимум, 84 пуда зерна. Поскольку на средний крестьянский двор в новгородских пятинах приходилось 1,5 мужские души, крестьянской семье из 6—7 человек (3 взрослых и 3 детей), требовалось не менее 108 пудов зерна. Дефицит продовольственного бюджета составлял 56 пудов зерна. В то же время, при урожайности сам-3 валовой урожай увеличивался до 24 коро-

бей или 140,4—156 пудов зерна (84 пуда ржи, 56,4 пуда овса или 72 пуда ячменя). Однако оставался дефицит зерна в размере 4 пудов.

При принятой за основу расчетов урожайности сам-2 среднее крестьянское хозяйство Шелонской пятины, в котором насчитывалось 1,7 мужских душ (6—7 человек в семье или 3 взрослых и 4 детей) с запашкой 5,4 коробы снимало валовой урожай в размере 21,6 коробы в трех полях или 126,36—140,4 пудов зерна (75,6 пудов ржи, 50,76 пудов овса или 64,8 пудов ячменя). Для питания семьи требовалось 120 пудов зерна. Дефицит зернового бюджета при выделении половины зерна на семена составлял около 50 пудов. При урожайности сам-3 урожай достигал 32,4 коробы или 189,5—210,6 пуда зерна (113,4 пуда ржи, 76,1 пуда овса или 97,2 пуда ячменя). После вычета семян могли даже оставаться небольшие «излишки» в размере 6—20 пудов.

В Водской пятине при урожайности сам-2 средний крестьянский двор с запашкой 4,8 коробы собирал валовой урожай, равный 19,2 коробы или 110,4—124,8 пудам зерна (67,2 пуда ржи, 43,2 пуда овса или 57,6 пуда ячменя). Семье, насчитывавшей 1,7 мужских души (6—7 человек в семье или 3 взрослых и 4 детей), требовалось 120 пудов зерна. Хлебный дефицит достигал здесь 65 пудов. При урожайности сам-3 урожай увеличивался до 28,8 коробы или 168,5—187,2 пудов зерна (100,8 пудов ржи и 67,7 пуда овса или 86,4 пуда ячменя), но после выделения семян семье оставалось довольствоваться 113,3—124,8 пудами зерна. Дефицит составлял около 7 пудов.

В Деревской пятине в среднем дворе с запашкой 2,6 коробы при урожайности сам-2 валовой урожай достигал 10,4 коробы или 60,8—67,6 пуда зерна (36,4 пуда ржи и 24,4 пуда овса или 31,2 пуда ячменя). Для собственного потребления крестьянской семье, в которой зафиксировано 1,2 мужских души (5 человек в семье или 2 взрослых и 3 детей), после вычета семян можно было оставить половину. В то же время при принятой норме потребления хлеба ей требовалось около 84 пудов зерна. Дефицит составлял 34 пуда. При урожайности сам-3 валовой урожай составлял 15,6 коробы или 91—101,4 пуда зерна (54,6 пуда ржи и 36,7 пуда овса или 46,8 пуда ячменя), но только от 61 до 66,6 пудов семья могла использовать для собственного потребления. В хлебном бюджете недоставало от 17 до 23 пудов зерна.

В Бежецкой пятине при урожайности сам-2 средний крестьянский двор с запашкой 3,8 коробы собирал 15,2 коробы зерна или 88,9—98,8 пуда (53,2 пудов ржи, 35,7 пудов овса или 45,6 пудов ячменя). Крестьянскому хозяйству, в котором насчитывалось 1,4 мужские души (5 человек в семье или 2 взрослых и 3 детей), требовалось для собственных нужд 84 пуда зерна. Дефицит достигал 40 пудов. При урожайности сам-3 валовой урожай составлял 22,8 коробы или 133,4—148,2 пуда зерна (79,8 пуда ржи, 53,6 пуда овса или 68,4 пуда ячменя). В бюджете при принятых нормах потребления оставались «излишки» в размере 4 пудов зерна.

В Обонежской пятине в среднем крестьянском дворе с запашкой 1,3 коробы при урожайности сам-2 валовой урожай в трех полях достигал только 5,2 коробы или 30,4—33,8 пуда зерна (18,2 пуда ржи, 12,2 пуда овса или 15,6 пуда ячменя). В то же время в среднем дворе пятины насчитывалось 1,7 мужские души (8 человек или 4 взрослых и 3—4 детей). Для собственных нужд такому двору требова-

лось 138 пудов зерна. Дефицит хлебного бюджета здесь был просто огромным — 121 пуд. При урожайности сам-3 валовой урожай увеличивался до 7,8 коробы или 45,6—50,7 пуда (27,3 пуда ржи, 18,3 пуда овса или 23,4 пуда ячменя). Зерновой дефицит сокращался до 94 пудов, продолжая оставаться очень большим.

Предложенное моделирование зернового бюджета среднего крестьянского двора Новгородской земли на рубеже XV—XVI вв. позволяет более точно оценить реальный уровень жизни крестьян. Хлеба в пятинах явно не хватает. Однако хлебопашество не было единственным источником доходов крестьянского хозяйства. Они пополнялись продуктами животноводства, птицеводства, огородничества, а также за счет рыболовства, охоты, даров леса, занятий промыслами. Поскольку в новгородских писцовых книгах нет сведений о наличии скота, но имеются данные о заготовленном сене, мы можем условно оценить крестьянские хозяйства, исходя из следующих норм расхода сена в период стойлового содержания: 70 пудов — на лошадь, 50 пудов — на корову и около 30 пудов — на овцу [6, с. 234]. За средний размер волоковых копен в первом варианте наших расчетов возьмем 4 пуда [6, с. 220], во втором — 5 пудов [1, с. 368].

Крестьянский двор Шелонской пятины в среднем заготавливал 48,4 копны сена [11, с. 132]. При весе копны в 4 пуда заготавливалось на двор 193,6 пуда сена, которого должно было хватить для прокорма лошади, являющейся тягловой силой в хозяйстве, коровы и двух-трех овец. При весе копны 5 пудов на двор приходилось уже 242 пуда сена, позволявших содержать одну лошадь, одну-две коровы, три-четыре овцы. В Водской пятине крестьянский двор в среднем накашивал 28,1 копны сена [11, с. 144]. Это значит, что минимально он имел 112,4 пуда сена, максимально — 140,5 пуда. В первом случае запасы сена позволяли содержать лошадь и корову. Во втором случае — лошадь, корову и овцу. В Деревской пятине в среднем на двор крестьяне накашивали 17,1 копен сена [11, с. 139]. В лучшем случае (85,5 пуда) такие запасы сена давали возможность содержать лошадь с овцой, в худшем случае (68,4 пуда) — только лошадь. В Бежецкой пятине укусы крестьян составляли в среднем 20,8 копны сена. При весе волоковой копны 4 пуда средний укос составлял 83,3 пуда, при весе волоковой копны 5 пудов он достигал 104 пуда. Таких запасов сена хватало только на лошадь с коровой или овцой. В Обонежской пятине крестьянский двор заготавливал в среднем 12 копен сена. Это позволяло запастись минимально только 48 пудами сена, максимально — 60 пудами сена, которых не хватало даже для лошади.

Наши данные носят приблизительный, оценочный характер, но состояние кормовой базы в целом свидетельствует об общем уровне развития животноводства. Несомненно, что в крестьянских хозяйствах рационы кормления скота были более адаптированы к повседневной жизни. Сено нередко заменялось мякиной, яровой и овсяной соломой, тростником [6, с. 225—226]. Можно предположить, что имелись неучтенные писцами сенокосные угодья, поэтому для корректировки данных мы будем исходить из максимального расчета веса волоковой копны в 5 пудов. Но в любом случае количество заготавливаемого сена на неучтенных угодьях не было столь большим, чтобы изменить наш подход к примерной оценке крестьянских хозяйств.

Авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» при моделировании среднего крестьянского хозяйства Новгородской земли учитывали доходы от животноводства и технических культур, оценив их в 25% доходов от хлебопашества [2, с. 363]. По их же подсчетам, соотношение в натуральном оброке мелкого дохода с основными хлебами в большинстве пятин составляло 100:21 [2, с. 46]. Однако такое соотношение исследователи посчитали заниженным. В то же время скромные запасы сена свидетельствуют о том, что численность скота в крестьянских хозяйствах Новгородской земли была невелика. Поэтому в своих расчетах мы будем отталкиваться как от более реального соотношения продукции животноводства и технических культур с хлебами в натуральном оброке в размере 20%, так и из 25%, обоснованных ленинградскими учеными.

Попытаемся высчитать доходы и расходы среднего крестьянского двора Новгородской земли в конце XV — начале XVI в. в денежном выражении, взяв за основу цены, приведенные в «Аграрной истории Северо-Запада России» [2, с. 33]. Учитывая, что условный пуд разных хлебов стоил 1,3 деньги новгородской [2, с. 50], средний двор Новгородской земли с запашкой около 4 коробей в трех полях при урожайности сам-2, выделив половину зерна на семена, мог получить только 67,6 деньги от хлебопашества. Доход от животноводства и технических культур не превышал 13,5 деньги в том случае, если составлял пятую часть дохода от хлебопашества, и 16,9 деньги — если четвертую часть. Без учета других источников дохода эти части бюджета давали 81,1—84,5 деньги. В то же время среднему двору Новгородской земли для личных и хозяйственных нужд требовалось зерновых в денежном выражении на 140,4 деньги, продукции животноводства и технических культур — на 28,1 деньги, на выплату среднего размера повинностей (высчитанных по всем пятинам) — 46 денег. Без расходов на другие нужды только на эти необходимые статьи бюджета нужно было 214,5 деньги.

При урожайности сам-3 средний крестьянский двор в два раза улучшал свое благосостояние, получая 135,2 деньги от хлебопашества и от 27 до 33,8 деньги от животноводства и технических культур. Общий доход от этих статей бюджета достигал уже 162,2—169 денег, а на необходимые расходы в бюджете не хватало от 45,5—52,3 деньги, которые нужно было перекрывать за счет доходов от неземледельческой деятельности крестьян. В свою очередь, авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» оценивали стоимость продуктов питания, получаемых средним хозяйством Новгородской земли при урожайности сам-3 сверх доходов от хлебопашества, животноводства и технических культур, от 30 денег минимально до 90 денег — максимально [2, с. 365].

Однако средние дворы очень отличались по пятинам, поскольку имели разные размеры запашки и запасов сена, количество проживавших в них людей и разную тяжесть обложения. Рассмотрение модели среднего крестьянского двора по пятинам дает более реальную картину, поскольку учитывает особенности функционирования крестьянского хозяйства в различных условиях. Так, средний крестьянский двор Шелонской пятины с запашкой 5,4 коробьи, отложив семена для будущего посева, при урожайности сам-2 мог получить доход от хлебопашества в размере 91,3 деньги и 18 денег от животноводства и технических культур

при 20% доли дохода от зерновых, и 22,8 деньги — при 25%. При урожайности сам-3 доход увеличивался до 182,5 денег от зерновых культур и 37 денег от животноводства и технических культур в первом случае и 45,6 деньги — во втором случае.

Если оценить необходимые расходы на питание крестьянской семьи и фураж в деньгах, то получается, что только стоимость зерна должна составлять 156 денег, стоимость продукции животноводства и технических культур — 31 деньги. По подсчетам ленинградских историков средний размер повинностей помещичьих крестьян (не только денежных платежей, но и натурального оброка, оцененного исследователями в деньгах) в Шелонской пятине достигал 97 денег, оброчных крестьян — 71 деньги [1, с. 365]. Таким образом, без учета других расходов крестьян хозяйственные нужды крестьянского двора Шелонской пятины составляли в денежном выражении как минимум 258—284 деньги. При урожайности сам-3 общий доход от земледелия и животноводства достигал 220—228 денег. Для бездефицитного бюджета в среднем крестьянском хозяйстве Шелонской пятины от 38 до 60 денег должны были приносить доходы от других, неучтенных нами источников. По нашим подсчетам, при урожайности сам-2 доход от хлебопашества, животноводства и технических культур сокращался вдвое, до 109—114 денег. При всех учтенных расходах в бюджете образовывался дефицит в размере 149—170 денег, который необходимо было перекрывать за счет других резервов.

В Водской пятине при урожайности сам-2 доход от хлебопашества среднего крестьянского двора при запашке 4,8 коробьи в денежном выражении составлял 81 деньги, от животноводства и технических культур — от 16 до 20 денег. При урожайности сам-3 доход двора от хлебопашества возрастал до 163 деньги, от животноводства и технических культур — от 33 до 41 деньги. По данным авторов «Аграрной истории Северо-Запада России» повинности помещичьих крестьян в пятине достигали 76 денег, оброчных — 53 [1, с. 365]. Потребительские расходы среднего крестьянского двора составляли 156 денег на зерно и 31 деньги — на продукцию животноводства и технических культур. Следовательно, в расходной части бюджета должно быть минимум 240—263 деньги. Для ликвидации дефицита неучтенные источники доходов при урожайности сам-2 должны приносить от 139 до 162 денег, при урожайности сам-3 от 36 до 59 денег.

В Деревской пятине средний крестьянский двор с запашкой 2,6 коробьи при урожайности сам-2 получал доход от хлебопашества в размере 43 денег, доход от животноводства и технических культур находился в пределах 8,9—11 денег. В переводе на деньги потребление зерновых составляло 109,2 деньги, потребление продукции животноводства и технических культур — 21,8 деньги. Размер повинностей по подсчетам ленинградских историков находился в пределах 25 денег у оброчных крестьян и 45 денег — у помещичьих [2, с. 365]. В расходной части бюджета крестьянского двора должно было быть минимум 156—176 денег. В то же время дефицит бюджета крестьянского хозяйства при урожайности сам-2 достигал 104,1—122 денег. При урожайности сам-3 доход от хлебопашества составлял 87,9 деньги, от животноводства — от 17,6 до 22 денег. Дефицит бюджета сокращался до 12,1—50,5 деньги.

В Бежецкой пятине средний крестьянский двор с запашкой 3,8 коробы при урожайности сам-2 мог получить только 64,2 деньги дохода от хлебопашества и от 12,8 до 16 денег от животноводства и технических культур. При зерновом бюджете, оцениваемом в 109,2 деньги, потреблении продуктов животноводства и технических культур, оцениваемых в размере 21,8 деньги, и величине средних повинностей на двор 25,2 деньги у помещичьих крестьян и 28,6 деньги — у великокняжеских [2, с. 243], расходная часть бюджета составляла уже 156,2—159,6 денег. Дефицит в данном случае достигал 79,2—82,6 денег. При урожайности сам-3 то же хозяйство могло получить 128,4 денег дохода от зерновых культур и от 25,7 до 32 деньги — от животноводства и технических культур. В данном случае крестьянский бюджет без учета других источников его пополнения составлял 154,1—160,55 деньги и оказывался фактически бездефицитным.

В Обонежской пятине при урожайности сам-2 средний крестьянский двор с запашкой 1,3 коробы мог получить доход от хлебопашества в размере 22 денег, от животноводства и технических культур — от 4,4 до 5,5 деньги. В то же время потребительские расходы двора были большими. По взятым за основу наших расчетов нормам крестьянский двор Обонежской пятины должен был потреблять только зерна на 179,4 деньги, продукции животноводства — на 44,9 деньги. Размер повинностей на двор в пятине по данным ленинградских исследователей находился в диапазоне от 14,3 до 25,6 деньги [2, с. 275], составляя в среднем 19,6 деньги. В целом эта расходная часть крестьянского бюджета без учета других расходов на личные и хозяйственные нужды здесь оказывалась достаточно большой — 243,9 деньги. Доходы от хлебопашества и животноводства составляли 26,4—27,5 деньги и явно не перекрывали дефицит бюджета. При урожайности сам-3 доход от хлебопашества повышался до 43,9 деньги, от животноводства — до 8,8—11 денег. Однако даже в этом случае при таких источниках доходов среднему крестьянскому в Обонежской пятине не хватало от 191,2 до 232,9 деньги для перекрытия дефицита бюджета.

Крестьянские хозяйства новгородских пятин существовали в различных условиях. Местности, в которых основывались крестьянские дворы, отличались по своим природно-климатическим и почвенным условиям, ландшафту, близостью к рекам и озерам, дорогам и городам, давностью освоения территории и нормами обложения. Все это накладывало отпечаток на условия и уровень жизни крестьянской семьи. Если в Шелонской пятине крестьянские хозяйства были типично земледельческими, то в Обонежской пятине большую роль в хозяйстве играли охота и рыболовство, которые в условиях более холодного климата служили существенным источником пополнения бюджета семьи. В Водской пятине дополнительным источником дохода крестьянских хозяйств были промыслы. Эти бросающиеся в глаза различия неоднократно подчеркивали многие исследователи. Однако оставался без ответа вопрос, насколько крестьянские хозяйства нуждались в компенсационных источниках пополнения своего бюджета, не связанных с земледелием и животноводством.

Проведенное нами моделирование крестьянского хозяйства на основании расчета хлебного бюджета при урожайностях сам-2 и сам-3, примерной оценки

уровня развития животноводства в хозяйстве, позволяет охарактеризовать крестьянский двор в Новгородской земле конца XV — начала XVI в. как очень гибкую хозяйственную структуру, находящую для сохранения приемлемых условий существования дополнительные источники в окружающей среде. Как показывает наше исследование, для поддержания жизненного цикла крестьянской семьи продукции, производящейся в хозяйстве и получаемой от хлебопашества и животноводства, при урожайности зерновых сам-2, не хватало для перекрытия всех ее потребностей. В то же время возрастание урожайности до сам-3 позволяло в два раза поднять благосостояние крестьянского двора. Но и при этой урожайности в большинстве новгородских пятин бюджетный дефицит при поступлении доходов только от хлебопашества и животноводства сохранялся, что не позволяет говорить о возможности хозяйственного накопления. Даже в наиболее плодородной и более благоприятной для земледелия Шелонской пятине при низких урожаях крестьяне перекрывали образовавшийся дефицит за счет резервов, в частности, рыболовства, охоты, даров леса (грибов, ягод, диких плодов и растений), бортничества (меда), огородничества (репы, капусты), продукции промыслов. При этом доля продуктов питания, включавшихся в рацион крестьянской семьи от неземледельческих источников, зависела от количества получаемого урожая, поэтому нередко была достаточно большой. Роль компенсационных источников пополнения крестьянского бюджета возрастала не только в неурожайные годы, но и с освоением крестьянскими хозяйствами менее плодородных земель.

Вековая приспособляемость к погодным и почвенным условиям местности обитания, к урожайным и неурожайным годам помогала оптимизировать жизнь крестьянской семьи и находить пищевые резервы в голодные и неурожайные годы. В местностях, неблагоприятных для развития земледелия, такие резервы в виде продуктов охоты, рыболовства, грибов, ягод, лесных и болотных растений, служили постоянным подспорьем крестьянского хозяйства. Однако в условиях низких урожаев эти дополнительные источники были важны и для типично земледельческого хозяйства.

Литература

1. *Абрамович Г. В.* Некоторые изыскания из области метрологии XV—XVI вв. (коробья, копна, обжа) // Проблемы источниковедения. Т. XI. М., 1963.
2. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971.
3. *Горская Н. А.* Зажиточное крестьянство России до начала XVIII в. в трудах Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001.
4. *Горская Н. А., Милов Л. В.* Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России // История СССР. 1982. № 2.

5. *Кеппен П.* О потреблении хлеба в России // Оттиск из Журнала Министерства Внутренних Дел. 1840. Июнь.
6. *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
7. *Осьминский Т. И.* Бюджет пошехонской вотчины П. М. Бестужева-Рюмина (1731 г.) // Вопросы аграрной истории (Материалы научной конференции). Вологда, 1968.
8. *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957.
9. *Степанова Л. Г.* Демографические характеристики крестьянского двора в XV—XVI вв. // Образы аграрной России IX—XVIII вв. Памяти Натальи Александровны Горской. Сб. статей. М., 2013.
10. *Степанова Л. Г.* Новгородская обжа по массовым данным писцовых книг конца XV — начала XVI в. // Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России. Научные чтения, посвященные памяти Петра Андреевича Колесникова (к 95-летию со дня рождения). Вологда, 2003.
11. *Степанова Л. Г.* Новгородское крестьянство на рубеже XV — XVI столетий (уровень развития хозяйства). М., 2004.
12. *Степанова Л. Г.* Новые подходы в моделировании бюджета крестьян XVI в. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2011. № 6 (44).
13. *Степанова Л. Г.* Урожайность зерновых культур в конце XV — начале XVI в. (по данным новгородских писцовых книг) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2000. № 5.
14. *Янсон Ю. Э.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1881.

*П. В. Чеченков*¹

Аграрное развитие и землевладение в Нижегородском уезде после «казанского взятия»²

В статье на основе анализа актового материала выясняется хозяйственно-экономическое состояние Нижегородского уезда в первые два десятилетия после падения Казанского ханства, от которого регион зависел предшествующие сто лет.

Ключевые слова: земледелие, сельские промыслы, землевладение, Нижний Новгород.

Во второй половине XV — первой половине XVI в. Нижегородский край находился на острие военного и политического противостояния Московского государства и Казанского ханства. Регион защищал Центр страны от нападений, служил плацдармом и ресурсной базой для экспансии в Поволжье. Соответственно, его хозяйственно-экономическое состояние напрямую зависело от развития русско-казанских отношений и усилий Москвы по укреплению рубежей государства. Этим вопросам посвящен ряд наших публикаций [20; 21; 22]. В данной работе попытаемся выяснить как важнейшие события 50-х гг. XVI в., связанные с изменением политической карты Восточной Европы, повлияли на теперь уже внутренние области России, подвергавшиеся ранее негативному воздействию. Хронологическими рамками будут служить ликвидация Казанского ханства в 1552 г. и первое крупное «черемисское» восстание 1572 г., серьезно сказавшееся на состоянии пограничных с казанскими землями уездов. Поставленная задача для данной местности осложняется отсутствием полноценного описания Нижегородского уезда первых десятилетий после «казанского взятия». В нашем распоряжении лишь разрозненные данные актового материала.

Победа над Казанью в 1552 г. не могла не отразиться на хозяйственной жизни Нижегородского края. Как симптом оживления экономических процессов можно рассматривать возобновившийся интерес крупных духовных корпораций к ни-

¹ *Чеченков Павел Валерьевич*, кандидат исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева», chеченkoff@yandex.ru, Россия, г. Нижний Новгород.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-01-00206).

жегородским владениям, заметно упавший в предшествующий период. Наиболее дальновидным оказался Троице-Сергиев монастырь. «Казанская война» 1545—1552 гг. с самого начала носила наступательный со стороны Москвы и довольно решительный характер. Уже на начальном ее этапе троицкие власти поспешили обзавестись землями под Нижним Новгородом. Ранее влиятельные монастыри центра страны не рисковали заводить здесь капитальное хозяйство. У Троице-Сергиева монастыря до этого момента в районе Нижнего Новгорода были только водные угодья, а земли лишь в самой западной волости уезда — Гороховецкой. Сразу пять оброчных деревень и одну поместную получил в Стрелецкой волости Троицкий монастырь от правительства 23 декабря 1546 г. [17, с. 15—16, 22—23]. В январе 1548 г., когда Иван IV возвращался через Нижний Новгород из первого казанского похода, власти монастыря умудрились выпросить жалованную грамоту с освобождением от уплаты побора с явки мертвого тела «намѣстнику нашему балахонскому и волостелю и ихъ тиунюмъ». Льгота относилась к данному ранее «лужку» в Балахне, где теперь «дворишка изъставили монастырские для нужи и варницъ для...». Документ распространяет действие льготы на погибших в результате различных операций производственного процесса изготовления соли [24, с. 11]. По-видимому, монастырь разворачивал свою деятельность в Балахне на широкую ногу и начал активно эксплуатировать приобретенные соляные ресурсы, что при несовершенстве техники приводило к частым несчастным случаям. Из указной грамоты от 13 ноября 1553 г. узнаем, что монастырский двор на посаде оброс целой слободой, а в монастырских варницах соль вываривалась не только на обиход, но и на продажу [17, с. 16—17].

Также от времен «Казанской войны» и послевоенного периода дошли сведения о ранее неизвестных рыболовных угодьях на Волге в нижегородском ее течении Никольского Угрешского монастыря (Лысковские воды) [13, с. 226].

Сразу после падения Казани возродился интерес Владимирского Рождественского монастыря к своим нижегородским Подвязским водам на Оке, которые «старцы покинули» еще в конце XV — начале XVI в. [3, с. 120]. В 1552/53—1553/54 гг. монастырские власти добились подтверждения своих прав на безоброчное владение этими угодьями и постарались прочнее здесь обосноваться. Они получили «у Подвязских вод под двор место на непашенной земле на пойме...» [8, с. 192—193]. Расширился и сам рыбный промысел. В частности, появилось ранее не упоминаемое угодье Закалье. Одновременно ожил и старый конфликт с Нижегородским Никольским Дудиным монастырем. Со стороны последнего вновь начались жалобы на самоуправство представителей влиятельного хозяина соседних владений. Правительству пришлось отправить нижегородским властям указную грамоту об обеспечении владельческих прав Дудина монастыря. Однако вопрос решен так и не был, конфликт продолжался³. В данном случае мы имеем дело не с единичным явлением. Можно говорить об общем обострении борьбы за нижегородские рыбные угодья во второй половине 40-х — начале 50-х гг. XVI в. В это время у Нижегородского Печерского монастыря произо-

³ РГАДА. Ф. 281. Нижний Новгород. № 145/8086. Л. 2, 4, 5.

шли конфликты с Московским Симоновым и с нижегородскими посадскими. У последних, в свою очередь, также был конфликт и с Симоновым монастырем [6, с. 94; 10, с. 427].

Интересные данные извлекаем из упоминаний об указных грамотах, посланных в Нижний Новгород с запрещением взимать пошлины с рыбных ловель на Оке Владимирского Рождественского монастыря. Первая от 1552/53 г. адресована гостям Семену Романову и Алексею Хозникову, вторая от апреля 1553 г. предназначена «откупщику» Якову Ожигобесову [8, с. 192, 193]. Как известно, в ходе реформ середины XVI в. началось постепенное внедрение откупной системы сбора косвенных налогов и податей. Откупщиками являлись отдельные должностные лица из центрального аппарата и предприимчивые деятели из местного населения. В качестве первых часто выступали гости. В частности, Алексей Хозников был представителем династии крупных московских купцов [12, с. 67, 123—124]. Как видим, интерес к доходам от нижегородских промыслов в канун «казанского взятия» проявляли представители верхушки русского купечества. Надо полагать, откуп оброка с вод под Нижним Новгородом сулил немалые выгоды.

Таким образом, мы можем констатировать увеличение спроса, прежде всего извне, на нижегородские земли, природные ресурсы и доходы с них. Перспектива исчезновения военной угрозы заставляла крупные духовные корпорации возобновлять и расширять хозяйство в нижегородских вотчинах. Подъем экономики делал вероятным увеличение податей, что привлекало богатых московских откупщиков.

Однако по-другому могли обстоять дела у местных собственников и просто населения. Небольшое, но по своему яркое свидетельство находим в правой грамоте Дудина монастыря от 12 февраля 1555 г. В ее составе дошли обыскные речи нижегородских посадских о бое, грабеже и захвате братьями Скорятиными со своими людьми дудинской деревни. В показаниях нижегородцев читаем: «Слухом есмя, господине, слышали, крестьяне монастырские в деревне Чернцово *после заворохи вышли жить и хлеб сеяли...* (курсив наш. — П. Ч.)». Представители монастыря говорили, что «в Чернцове селище рожь сеяли наши крестьяне монастырские в 61-м году», т. е. это происходило в 1552/53 г. [9, с. 161, 165]. Таким образом, документ фиксирует оживление давно запустевшей деревни (селища) как результат прекращения «заворохи», т. е. беспорядков, смуты. Время окончания последней совпадает с взятием Казани. Интересен не только сам факт, но и восприятие современниками окружающей действительности. Происходившее они ощущали, как возвращение к мирной жизни и благополучию. Победа над Казанью ярко запечатлелась в народной памяти. Еще долго нижегородские крестьяне и посадские отсчитывали время от «казанского взятия» [17, с. 27].

В жалованной грамоте тому же Дудину монастырю от 25 апреля 1560 г. на д. Тредворицы в Березополье Нижегородского уезда (правобережье нижней Оки, ограниченное Волгой и Кудьмой) излагается челобитье старцев: «...что у них на монастырской землѣ, на лѣси стало десять д[е]ревень, да пять починков. А въ монастыре Николы чудотворца тридцать пять братевъ и имъ деи тою землею

прокормица немочно»⁴. Создаваемое старцами впечатление бедственного положения, на наш взгляд, лукаво. Наличие в вотчине пяти починков, составляющих треть от общего числа поселений, говорит об активном освоении территории, росте населения и, в общем, является положительным фактором. Не совсем ясно, относится ли упоминание десяти деревень ко всем владениям монастыря или только к их березопольской части, где располагался и он сам. Об этой последней нам известно мало. Зато источники неплохо зафиксировали деятельность монастыря в Стрелице (левобережье Оки при впадении ее в Волгу). Его действия не были похожи на поведение бедной обители. Дудинские старцы приобретали здесь оброчные деревни, несмотря на запреты центральных властей передавать эти селения монастырям и детям боярским в обход оброчников и бортников. В течение 40-х — 50-х гг. XVI в. были скуплены частями дд. Оверкиево и Семиха («половинами», «четвертями», «оброчными вытями»), а также д. Семиха Малая. В 1551 г. Рюма Александров сын Ляцкий занял у Дудина монастыря 6 рублей под залог поч. Рюмина. По-видимому, Ляцкий так и не смог расплатиться. В писцовой выписи от 20 августа 1553 г. и выписи из писцовых книг от 1564/65 г. его починок фигурирует среди владений монастыря. Вероятно, таким же образом к старцам отошла д. Миленки. Крестьяне продали ее в 1539/40 г. Р. М. Доможирову, а в 1561/62 г. ямские деньги за нее платил монастырь. Остается неизвестной история приобретения д. Еремеевка (Еремеевское) и сщ. Обогрино [17, с. 14, 25, 79—80; 15, с. 221, 234; 7, с. 208—209; 10, с. 447—451]⁵. Ясно, что стяжательская деятельность монастыря основывалась на тяжелом положении этой местности. Крестьяне и дети боярские продавали и закладывали свои деревни и починки не от хорошей жизни.

Важные сведения, разъясняющие специфику положения разных составляющих Нижегородского уезда, дают грамоты Печерского монастыря. Ему 15 июня 1561 г. были отделены луга «в Артемьеве луге» на «горней стороне» и в «Княжем луге» за Волгой. Угодья были даны вместо других (в тех же Артемовских лугах), когда-то отобранных у монастыря и переданных ямской слободе. Причину наделения ямских охотников покосами на «горней стороне» узнаем из данной грамоты от 15 ноября 1599 г.: «ямские старинные пожни в Стрелице за Окою да в другом мѣсте за рекою за Волгою, и им деи тѣх своих пожен косити было незлѣ для воины казанских татар и луговые черемисы» [17, с. 20, 98]. По-видимому, селения в Стрелице чаще, чем в Березополье страдали от нападений. Близлежащие владения Дудина монастыря в большей степени защищенные крепостью Нижнего Новгорода позволяли ему развернуть активные действия в менее защищенном и более разоренном районе.

Линия поведения, выбранная властями Дудина монастыря, объясняет своеобразие его конфликтов со светскими землевладельцами в 50-х гг. XVI в. В 1551—1552 гг. старцы судились с детьми боярскими Арбузовыми о земле д. Семиха, а в 1554—1555 гг. — со Скорятиными о земле д. Чернцово селище [15, с. 220—236; 9, с. 159—167]. В обоих случаях представители и владения монастыря подверг-

⁴ РГАДА. Ф. 281. Нижний Новгород. № 243/8184. Л. 44 об., 45.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Нижний Новгород. Стб. № 35/20674. Ч. 1. Л. 69 (№ 5).

лись жестокому нападению со стороны своих оппонентов («бой и грабеж»). В последнем случае спорная деревня была захвачена силой. Вероятно, причина здесь не просто в буйном характере соседей (как писал В. Б. Кобрин [14, с. 183]). Данные из документа середины XVI в., отразившего судебное разбирательство по тяжбе Троице-Сергиева монастыря с балахнинскими посадскими о землях в Стрелице показывают следующее. Многие участники разбирательства, кроме представителей монастыря, заявляли об отсутствии у них старожильцев и документов, так как первые погибли «от казанских людей», вторые сгорели в учиненных последними пожарах [17, с. 23, 29]. В такой ситуации монастыри оказывались в выигрышном положении, так как их архивы хранились в более надежных местах. Этим, вероятно, и пользовались дудинские старцы, захватывая соседние владения. Проживая на разоренной территории, дети боярские, оказывались, беззащитны перед монастырем. Отсюда и схожая агрессивная реакция.

Еще плачевнее дела обстояли в землях, располагавшихся восточнее Нижнего Новгорода. Так, 25 июля 1560 г. Г. Н. Голосов получил поместье на р. Имзе, полностью состоящее из перелога и «дубрав пашенных» [1, с. 169—170]. У Благовещенского монастыря, согласно выписи из писцовых книг 1559/60 г., старинные центры вотчины Плотинское и Мигино стояли пустыми, а пашня была полностью запереложена. Мигинский бортный ухажей был к этому времени захвачен окрестной черемисой [5, ч. 3, с. 40, 41, 51—52]. Печерскому монастырю 21 июля 1561 г. была пожалована волость Плещо во Владимирском уезде взамен отписанной вотчины с. Кадницы и сщ. Запрудного Нижегородского уезда. Документ, оформивший обмен, содержит писцовую выпись того же времени. Из нее узнаем, что церковей в Кадницах и Запрудном не было, потому, что их «разорили казанские люди». К Запрудному было припущено в пашню еще два селища. Земли Запрудного частично обрабатывались, возможно, жителями соседних селений, а в Кадницах на 15 десятин пашни приходилось 129 десятин перелога и 36 десятин леса, «который дан в пашню»⁶. Другой старинной вотчиной монастыря было с. Полянское на Пьяне. Из разъезжей грамоты на земли этого села с соседней мордвой и помещиками известно, что рядом с ним находилось три селища: Веркуровское, Васильево и Фомина слободка [17, с. 36—37]. Наличие селищ говорит о том, что запустение имело длительный характер.

Вотчина Печерского монастыря сильно пострадала во второй половине 30-х — первой половине 40-х гг. Общее состояние дел в ней после взятия Казани сформулировано в правой грамоте Симонова монастыря по тяжбе слуги Печерского монастыря с симоновским старцем и спасским протопопом (Спасского собора Нижнего Новгорода) об озере у Нижнего Новгорода. По словам печерского слуги: «Были, господине, у архимарита крепости на то озеро Даниловское да утерялись в казанскую войну... а учили то озеро ловити (симоновские старцы и слуги, спасский протопоп с братией. — *П. Ч.*) в татарщину и после татарщины, а монастырь, господине, в те поры был в запустенье...» [6, с. 192]. Монастырь, по-видимому, настолько ослабел, что вадская мордва в 1559/60 г. смогла перехватить у не-

⁶ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 579. Оп. 589. Д. 609. Л. 1.

го девять оброчных озер в пойме Пьяны. Восемь из них числились в начале XVI в. за монастырем в безоброчном владении. Однако этот крупный нижегородский феодал довольно быстро смог накопить силы. Буквально на следующий год он смог ликвидировать опасный прецедент: «наддал» за эти озера три рубля, по сравнению с двухрублевым оброком, выплачиваемым вадской мордвой [17, с. 19].

Печерские старцы вели наступление на владения окрестной мордвы не только при помощи экономических методов, но, вероятно, и прибегая к прямому подлогу. Известен докладной список 16 февраля 1509 г. по тяжбе между Печерским монастырем и мордвой «великого князя». Документ сохранился в подлиннике и в списке 1630—40-х гг. Акт содержит текст правой грамоты XV в. по аналогичной тяжбе. В это время на суде представители монастыря прошли по меже своего с. Полянского с землями государевой мордвы и указали, что по отношению к данному селению за р. Пьяной находятся «земли великого князя». Так записано в подлиннике судного списка 1509 г., но в копии вместо этого читается «земли манастырские села Ягодново». Надо полагать, что Ягодное перешло к печерским старцам не вполне законно. Поэтому в XVII в. и была составлена копия с искажениями первоначального текста. Наиболее ранний из сохранившихся (и подлинный) документ, фиксирующий это селение за монастырем, а, следовательно, закрепляющий права на него данного собственника — разъезжая 10 июля 1562 г. [16, с. 116—117, 119 (прим. 10, 11); 17, с. 36—37].

Таким образом, преодолевая трудности и используя сложившуюся ситуацию, печерская духовная корпорация активно включилась в процесс увеличения своей вотчины путем захвата и покупки соседних земель и угодий. Старцы 17 января 1563 г. купили за пятнадцать рублей поч. Сопчино у Ю. Т. и К. Т. Псковитиновых в дворцовой Зауольской волости⁷. Там же была приобретена пуст. Починок Сошников по вкладам А. П. Пономарева и Ермолая Васильева [10, с. 432]. В «Сурских лугъх» 3 сентября 1561 г. монастырь получил четыре озера на оброк в три рубля. В грамоте указано, что ранее этими угодьями пользовались «василегородцкие посадцкие люди... А оброку давали два рубля денег да пошлины» [17, с. 35]. По всей видимости, также как и в случае с вадской мордвой, старцы предложили более высокую плату.

В указной грамоте от 29 февраля 1581 г. в Нижний Новгород воеводе Д. В. Сабурову и дьяку П. Шипилову приводится следующее челобитье властей Спасо-Евфимьева монастыря: «наперед сего изстари к Спасскому монастырю наше (царя и великого князя. — П. Ч.) жалованье на Волге (далее в тексте следует перечисление вод по обоим берегам реки в районе Разнежья и устья Суры. — П. Ч.)... И теми, де, водами владели оне к Спасскому монастырю *до казанские войны*, и как, деи, завоевались казанские люди, и на тех, де, их водах людей монастырских побили, а иных в полон поймали, и грамоту, де, нашу жалованную на те воды взяли. И от тех, де, мест и по ся место те воды отдавали в оброк в Нижнем Новгороде...» (курсив наш. — П. Ч.) [4, с. 390]. При этом называются одно или два озера из тех, что достались в 1561 г. Печерскому монастырю вместо василегородских посадских

⁷ ЦАНО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

(«в Сурском лугу... озерко Федоровское»; возможно, оз. Локонное и Лукино — одно и то же). Данная информация сама по себе не противоречит показаниям старцев, но они зачисляются в свои владения «заводы Рознежские». О них хорошо известно, что еще с первой половины XV в. они принадлежали Благовещенскому монастырю [5, ч. 1, с. 206]. Этот факт в сочетании с отсутствием даже намека в более ранних документах на владения здесь Спасо-Евфимьева монастыря заставляет усомниться в правомерности претензий последнего. По-видимому, его власти использовали в Нижегородском крае тактику аналогичную с местными духовными землевладельцами. Неудивительно, что она порождала и схожую реакцию, запечатленную зарядной записью конца 1565 — начала 1566 г. Запись зафиксировала полюбовное решение дела о «грабеже и обиде» между кожуховскими бортниками и вновь полученной монастырем д. Худяковой в Березополье [4, с. 267—268]. То есть округление монастырских владений также сопровождалось противодействием со стороны местного населения.

На фоне имеющегося запустения в уезде характерными явлениями 50-х — начала 70-х гг. стали «припуск в пашню» одних селений к другим и рост дворности. Сведения о дворности в актовом материале второй половины XV — первой половины XVI в. не многочисленны, но они чаще говорят о малодворных деревнях в 1—3 двора. Документы, относящиеся ко времени после взятия Казани отразили несколько изменившуюся ситуацию. Благовещенский монастырь был пожалован 23 мая 1554 г. д. Гнилищей в Стрелице. В это время в ней насчитывалось 9 дворов [5, ч. 3, с. 17]. У Печерского монастыря в начале 60-х гг. XVI в. были отписаны земли в районе с. Кадницы, среди них сщ. Запрудное, к которому были припущены в пашню сщ. Даниловское, Семенищи и Поляна, а также припущены бортные земли д. Калининской⁸. Выпись 1564/65 г. из писцовых книг Г. Заболоцкого на оброчные земли Дудина монастыря в Стрелице зафиксировала итог стяжательской деятельности старцев в конце 30-х — 50-х гг. XVI в. За это время было приобретено 5 деревень. Из них поч. Рюменский к середине 60-х гг. оказался припущен в пашню к д. Семиха Большая, а пуст. Оверкиево к д. Еремеевской. При этом в Семихе Большой было 8 дворов [17, с. 80; 7, с. 208—209]. Суздальский Спасо-Евфимьев монастырь в середине 60-х гг. XVI в. получил в безоброчное владение 4 деревни, починок и пустошь в Березополье. Из их описания в отводной грамоте от 6 апреля 1565 г. следует, что в д. Мещерская Поросль было 6 дворов крестьянских, в том числе один «без пашни», в бортной д. Худяково — 6 дворов, в бортной д. Костино — 9 дворов, в том числе два «без пашни» [4, с. 263—264]. Согласно ввозной грамоте В. К. Каиреву от 20 сентября 1572 г. им было получено две трети сщ. Козлова, а к последнему были припущены в пашню два селища — Бабурино и Балково [2, т. 2, с. 165—166].

Описание отведенных в 1565 г. Спасо-Евфимьеву монастырю деревень позволяет сделать некоторые наблюдения относительно причин роста дворности. В д. Мещерская Поросль из шести дворов в двух записаны Никоновы Гришка и Ивашко, в двух или трех других — Ивановы Матюша, Булгачко и, может быть,

⁸ ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 609. Л. 1.

Овдокимко. Из девяти дворов д. Костино в четырех фигурируют Константиновы Васюк, Сенька, Степанко, Тренька. По всей видимости, в этих селениях не происходило отпочкования починков за счет отселения новых семей.

Анализ упоминаний различных типов поселений по разрозненным данным актового материала за 1553—1572 гг. дал следующие результаты. Нам удалось зафиксировать 11 сел, 31 деревню, 10 починков, 10 пустошей и 8 селищ [5, ч. 3, с. 17, 32, 40—41; 9, 159—167; 17, с. 18—19, 35—37, 79—80; 2, т. 1, с. 103—104, 282—283, т. 2, с. 165—166, т. 3, с. 284; 7, с. 208—209; 4, с. 267—258, 261—264, 267—270; 10, с. 450—451]⁹. Сравним эти данные с периодом от смерти Ивана III до взятия Казани (1505—1552 гг.) [22, с. 159]. От общего числа упоминаний во втором случае к селам относятся 19% селений, в первом — 16%, к деревням — 51% и 45%, к починкам — 22,6% и 14,5%, к пустошам — 3,7% и 13%, к селищам — 3,7% и 11,5%.

Осознавая все несовершенство методики данного подсчета, тем не менее, подчеркнем, что за 1553—1572 гг. запустевшие населенные пункты в актовом материале упоминаются гораздо чаще, чем починки. Такой результат соответствует общей для страны тенденции затухания «починковой» колонизации и появления первых признаков намечающегося экономического кризиса. Ранее широкая практика предоставления «льготы» и невысокий размер государственных податей стимулировали формирование все новых единиц расселения. Теперь происходит рост дворности селений, не сопровождавшийся соответствующим расширением угодий. Через некоторое время такая ситуация, в свою очередь, вызвала к жизни широкий процесс приверстывания к действующим поселениям угодий окружавшей их массы пустошей [11, с. 166—171].

Из отмеченных выше источников хорошо видно, что огромную роль в интересующем нас регионе играли сельские промыслы, в частности бортничество и, особенно, рыболовство. Актовый материал по Нижегородскому уезду за данный период дает приблизительно одинаковое число упоминаний признаков земледелия и различных угодий (сенокосных, рыболовных, бортных). В предшествующий период рыболовство и все, что с ним связано, фигурировало в документах гораздо чаще [22]. Сложно сказать, имеем ли мы здесь дело со случайностью или в экономике края произошли определенные изменения. Очень может быть, что интерес к нижегородским «водам» в это время уже сокращался. Теперь для крупных феодалов (от которых сохранилось много грамот) открылась возможность эксплуатировать угодья ниже по Волге. К концу XVI в. даже местный Печерский монастырь обзавелся водами в районе Самары¹⁰.

Бортные угодья занимали огромные пространства к югу и юго-востоку от Нижнего Новгорода. Лишь к юго-западу, в наиболее освоенной и наименее разоряемой местности, ситуация, по-видимому, постепенно менялась. Еще в конце XV в. здесь в березопольских владениях Дудина монастыря «бортного деревья стало мало» так как лес был «высечен». Также известно, что незадолго до передачи Спасо-Евфимьеву монастырю деревни Зименки в Березополье, она была перевер-

⁹ РГАДА. Ф. 281. Нижний Новгород. № 243/8184. Л. 44—47 об.; Ф. 1209. Нижний Новгород. Стб. № 35/20674. Ч. 1. Л. 69 (№ 5); ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 609. Л. 1.

¹⁰ ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 17. Л. 1, 4, 5; Ф. 2013. Оп. 1. Д. 2. Л. 18 об. — 21.

дена из бортовых в посопные (т. е. натуральный оброк стал взиматься не медом, а зерном) [3, с. 329; 4, с. 261]. Следовательно, дворцовое ведомство считало уже невыгодным эксплуатацию некоторых селений в Березополье как бортовых.

Тяжелое состояние значительной части земель уезда, наличие большого числа пустошей и селищ, начавшийся процесс приверстывания — все это свидетельствует в пользу большого распространения пашни «наездом». Некоторые бортовые селения, по-видимому, обходились только наездом пашней [5, ч. 3, с. 17, 32]. Важной составляющей земледелия являлся «лес пашенный», использовавшийся как резерв для периодического обновления пашни (как следствие применение здесь подсеки и перелога). Практически во всех документах этого времени, описывающих селения и фиксирующих количество пашни, отмечен и «лес пашенный».

Однако в наиболее благополучной юго-западной части уезда трехполье, вероятно, носило более устойчивый характер. В правой грамоте от 12 февраля 1555 г. Дудину монастырю по тяжбе о земле д. Чернцово селище в Березополье содержатся редкие сведения об орудиях обработки и зерновых¹¹. В состав документа включен текст челобитной (около 6 июля 1554 г.) старцев, где они обвиняют детей боярских в силовом захвате спорной земли, «бое и грабеже». Среди награбленного на монастырском дворе перечислены: «полчетвертьцать четвертей овса, да 10 четвертей муки ржаные, да 15 четвертей ячмени, да 2 четверти семени конопляново, ... да пятеры сошники и с полицами, да четверть солоду ржаново, да четверть круп гречневых». Согласно показаниям старцев, у их крестьян было взято «50 четвертей овса, 5 четвертей пшеницы, да 4 четверти ржи, да 15 чети ячмени, да тридцать сотниц немолоченово овса, да пятнадцать сотниц немолоченной пшеницы...» [9, с. 160]. Обращает на себя внимание наличие (правда, в монастырском хозяйстве) сошников с полицами. Применение сохи с полицей традиционно связывается с повышением культуры земледелия, наличием старопахотных земель, внедрением навозного удобрения, распространением паровой системы. К сожалению, говорить определенно о соотношении зерновых в монастырском и крестьянском хозяйстве нельзя, так как речь идет не о высеянном хлебе, а о хранящихся запасах. Тем не менее, некоторые наблюдения вполне возможно сделать. Как видим, наряду с рожью было украдено значительное количество овса. Их утверждение в качестве основных и почти монопольных культур связано с развитием трехполья. По мере уменьшения роли подсечного земледелия удельный вес ячменя сокращался, а роль менее прихотливого овса возрастала [23, с. 36; 18, с. 38—45; 19, с. 105]. Однако в нашем случае ячмень также представлен довольно широко. Высевалась и прихотливая пшеница. Все это свидетельствует в пользу того, что паровое пашенное земледелие с трехпольным севооборотом не являлось замкнутой системой.

Таким образом, животрепещущая проблема границ различных владений и прав собственности на землю и угодья в 50—60-х гг. XVI в. свидетельствует о напряженной ситуации в пограничном с казанскими землями регионе. Прекращение военного давления привело не только к облегчению, но также к мобилизации

¹¹ А. В. Антонов ошибочно отнес данный населенный пункт к Гороховецкой волости.

собственности и ущемлению прав русских крестьян, мордвы и мелких светских землевладельцев. В тоже время хозяйственно-экономическое состояние края в эти десятилетия продолжало оставаться сложным, так как для восстановления требовался более продолжительный период. Именно в этот момент в регионе начался характерный для всей страны процесс «приверстывания» запустевших селений, что тормозило восстановление и развитие поселенческой структуры. Внутри обширного Нижегородского уезда обозначились микрорегионы, различавшиеся по степени запустения и устойчивости пашенного земледелия: земли к юго-востоку от уездного центра (меньшая часть Березопольского стана и Закудемский стан), земли за Окой (Стрелицкий стан) и земли к юго-западу (большая часть Березопольского стана). Последние, будучи наиболее удалены от восточных соседей, находились в наилучшем положении. Прекращение военных действий на территории Нижегородского края способствовало появлению первых признаков постепенной утраты доминирующих позиций в сельском хозяйстве рыболовства и бортничества.

Литература

1. Акты XIII — XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М., 1898. Ч. 1.
2. Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. М., 1997, 1998, 2002. Т. 1—3.
3. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. 3.
4. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506—1608 гг. М., 1998.
5. Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1951. Ч. 1. М., 1961. Ч. 3.
6. Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симона монастыря (1506—1613 г.). Л., 1983.
7. *Анпилогов Н. Г.* Нижегородские документы XVI века (1588—1600 гг.). М., 1977.
8. *Антонов А. В.* Вотчинные архивы владимирских монастырей и соборов XIV — начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4.
9. *Антонов А. В.* Правая грамота 1555 года из архива Нижегородского Дудина монастыря // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. С. 155—167.
10. *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Вотчинные архивы нижегородских духовных корпораций конца XIV — начала XVII веков // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 415—476.
11. *Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV — XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.
12. *Зимин А. А.* Опричнина. 2-е изд. М., 2001.
13. *Кашианов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н.* Хронологический перечень имунитетных грамот XVI века. Ч. 3 // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968. С. 197—253.

14. *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV — XVI вв.). М., 1985.
15. *Лихачев Н. П.* Сборник актов собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. Вып. 1—2.
16. *Максин В. А., Пудалов Б. М.* Докладной судный список 1509 года из архива Нижегородского Печерского монастыря // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 111—119.
17. Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 3. Ч. 1 // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сборник. Нижний Новгород, 1913. Т. XIV.
18. *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
19. *Соколова Н. В.* Аграрные технологии в Нижегородском крае XVII — середины XVIII вв. (по материалам монастырских вотчин) // Аграрные технологии в России IX — XX вв.: Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 101—112.
20. *Чеченков П. В.* Аграрное освоение Нижегородского края в годы Казанских войн // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы, исследования и методология, опыт и перспективы: Материалы XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2009. Кн. 1. С. 101—107.
21. *Чеченков П. В.* Военная служба на Казанском рубеже в середине XVI в. // Марийский археографический вестник. Научно-практический ежегодник. 2013. № 23. С. 7—20.
22. *Чеченков П. В.* К вопросу об экономическом развитии Нижегородского края в конце XIV — первой половине XVI вв. // Нижегородский краеведческий сборник. Нижний Новгород, 2005. Т. 1. С. 156—180.
23. *Шапиро А. Л.* Проблемы социально-экономической истории Руси XIV — XV вв. Л., 1977.
24. *Шумаков С.* Материалы для истории Нижегородского края. Нижний Новгород, 1898. Вып. 1.

*Н. В. Соколова*¹
**Землевладение Амвросиева Дудина монастыря
(XV — начало XVIII в.)**

В статье на основе анализа монастырских актов, делопроизводственных документов, писцовых описаний и переписных книг, монастырских хозяйственных книг рассматривается история землевладения Амвросиева Дудина монастыря, основные этапы формирования вотчины. Привлечение картографических источников XVIII в., а также материалов Генерального межевания позволило провести ретроспективное картографирование монастырских владений.

Ключевые слова: вотчина, монастырь, монастырское землевладение, Генеральное межевание.

Амвросиев Николаевский Дудин монастырь является одной из древнейших Нижегородских обителей². Документы монастыря неоднократно использовались, как в исторических исследованиях общего плана по самой разнообразной тематике [1; 4, с. 71—95; 8, с. 93, 100, 111, 183; 12, с. 263—264; 17, с. 45; 18,

¹ *Соколова Наталья Викторовна*, кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, nsns@list.ru, Россия, г. Москва.

² Временем возникновения Дудина монастыря принято считать XIV в. — на основании упоминания грамот нижегородских князей в тексте включенного акта в правой грамоте 1633 г.: «Да в грамоте ж великого князя Данила Борисовича написано: Святаго деля Николы, по деда своего грамоте великого князя Костентина Васильевича и по дядей своих грамоте князя великого Ондreja Костентиновича, князя великого Дмитрея Костентиновича и по отца своего грамоте князя великого Бориса Костянтиновича, князь Данило Борисович пожаловал игумена Игнатъя з братьею, или хто по нем иный игумен будет, водами теми, куды княже поледье не бывало издавно, кривою рекою Кляпоборицею с Осовцем; и что моя тоня была князя великого, на Калах, и яз ту тоню дал великому Николе в дом, в Васильеве острове озерко, что они ж их чистили, — как владели доселево, так и ныне им их ведать по тому ж» (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси (конец XIV — начало XVI в.) (далее — АСВР). М., 1964. Т. 3. № 298. С. 326). О существовании Дудина монастыря в начале XV в. свидетельствует запись на Евангелии (апракос), хранящемся в фондах Нижегородского государственного художественного музея: «В лето 6916 написаны быша книги сия, глаголымыя четвероблаговестник, повелением смиреннаго игумена Сергия, а рукою многогрешнаго раба божия Андреа святому Николе во Амвросиев манастырь при велицем князи Васильи Димитриевиче самодержци всея Руси в то лето, егда не бысть по архиепископе по Киприане архиепископа в Руси». Рукопись впервые была описана архимандритом Макарием в 1857 г., им был опубликован и текст о времени ее создания [9, с. 44—46]. Позднее рукопись неоднократно привлекала внимание исследователей;

с. 35—36, 75, 108; и др.], так и в краеведческой и историко-церковной литературе, посвященной непосредственно обители [6; 7; 9; 10; 16, с. 20—27; и др.], однако объектом специального научного изучения история монастырского землевладения ранее не становилась. В публикациях краеведов и церковных историков история формирования монастырской вотчины нередко подменялась перечислением известных автору актов на угодья, земли, лавки и пр. Так, архимандрит Макарий (Мирослюбов), публикуя перечень царских и патриарших грамот, извлеченный им «из описи царских грамот, хранившихся в нем до его упразднения (1764 г.) и отосланных в Коллегию экономии», делает вывод о том, что «по этим грамотам к Дудину монастырю по второй ревизии принадлежали из подмонастырской вотчины в селе Подъяблонново мужского полу 51 душа и в слободке Тетерюгино 15 душ...» (здесь и далее курсив мой. — Н. С.) [9, с. 241—242]³. К сожалению, современные авторы, как и их предшественник 150 лет назад, исходят из априорного представления о том, что все хоть единожды упомянутые в монастырских актах угодья, земли и иные имущественные объекты становились навсегда его «владениями» [6; 7; 10, с. 319—321]. Однако объем реально находившихся в собственности монастыря в тот или иной конкретный момент времени земель или угодий, дворов или торговых мест далеко не всегда тождественен совокупности того, что нашло отражение в датированных предшествующим периодом актах. И дело не только в сохранности монастырских архивов или точности передачи содержания текста в том случае, если исследователям он известен лишь в виде включенного акта, в пересказе более поздних документов, описи монастырской казенной палаты или архива. Необходимо учитывать, что характер (направленность) изменений в землевладении монастырей мог быть различен: наряду с новыми приобретениями духовные корпорации какие-то земли и угодья теряли, например, в результате перехода приписных пустыней в ведение инога монастыря или церковного иерарха, в состав дворцовых земель, другие — выкупались родственниками лиц, ранее передавших их монастырю, а лавки, полученные в качестве вклада, перепродавались. В монастырских архивах нередко хранились документы, давно утратившие свое практическое значение (например, на бывшие ранее за монастырем оброч-

соответственно, воспроизводилась и запись, с различной степенью тщательности при передаче текста, но неизменным игнорированием правил перевода дат на современное летоисчисление. (См. напр.: Привалова Н. И. Древнерусские рукописи и старопечатные книги Областной библиотеки, Областного краеведческого и Художественного музеев в г. Горьком // Труды Ин-та рус. лит. Отд. древнерус. лит. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 503; Балакин П. П., Нестеров И. В. Коллекция рукописных и старопечатных книг Нижегородского государственного художественного музея. Каталог. № 1-1. (<http://www.opentextnn.ru/history/arkheography/specification/?id=2725>)

³ Переиздание в 1999 г. сделало книгу архимандрита Макария, ранее доступную узкому кругу специалистов, краеугольным камнем публикаций краеведов, порой «редактировавших» текст по своему разумению — с отбрасыванием «лишнего», а то и прямым искажением информации. Так, один из авторов, для которого время проведения II ревизии, по-видимому, так и осталось одной из «тайн» Дудина монастыря, пишет: «А к концу 17 столетия, согласно проведенной второй ревизии, монастырь был хозяином (данные архимандрита Макария) пахотных земель, санных покосов, крепостных крестьян в деревнях Подъяблонное и Тетерюгино, Калика...» (Пчелин Н. А. Домовая обитель патриарха: тайны Дудина Николая Чудотворца Амвросиева монастыря. Н. Новгород, 2002. С. 18.)

ные земли или угодья) или никогда такого не имевшие. Соответственно, все известия актов требуют тщательного и детального сопоставления с сохранившимися материалами писцового делопроизводства, прежде всего, земельными кадастрами и подворными описями, монастырскими хозяйственными книгами и пр.

Обращение к подобным документам в научно-популярном очерке Н. Ф. Филатова, посвященном Дудину монастырю, к сожалению, не сопровождалось ни корректным определением источников, ни указанием места их хранения [16, с. 24—25]. Так, цитируемый автором текст из «найденной нами в центральных архивах (?! — Н. С.) описи монастыря 1621 года» вроде бы свидетельствует о том, что речь идет о «Книгах письма и меры Нижегородского уезда писца Дмитрия Васильевича Лодыгина, Василия Ивановича Полтева и дьяка Дементия Образцова 7129-го, 130-го и 131-го годов» (или некоей выписи из них). Но тогда не понятны ни претензии на приоритет введения документа в научный оборот, ибо писцовая книга давно известна исследователям⁴, детально описана, использовалась в исследованиях по истории монастырского землевладения в Нижегородском крае [11, с. 156—160; 13; 15, с. 225—233], ни неоправданно «избирательный» подход к содержащейся в рукописи информации, ни имеющиеся в очерке фактические ошибки. В кандидатской диссертации А. А. Давыдовой, в силу ее проблематики, был использован текст писцового описания 1620-х гг., касающийся лишь заволжской части владений Дудина монастыря [5, с. 141—144]. Исследователю остались не известны сотные выписи на вотчины монастыря, которые позволяют точнее восстановить лакуны в тексте, возникшие вследствие физического повреждения подлинника.

К числу новейших публикаций формально могут быть отнесены вышедшие в 2007—2008 гг. работы О. В. Дегтевой, А. В. Маштафарова и Д. Б. Кочетова. Однако публикации О. В. Дегтевой [6; 7] в части, посвященной истории Дудина монастыря до секуляризации, практически целиком состоят из заимствований у предшественников, включая воспроизведение сомнительной достоверности сведений из краеведческой литературы, а также содержат утверждения, удивительные в работе историка (а именно так она отрекомендована в списке редакционного совета журнала «Нижегородская старина»)». Бесспорным достоинством статьи о Дудине монастыре в «Православной энциклопедии» [10, с. 319—321] является расши-

⁴ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. I. СПб., 1869. С. 166. № 1705, 1708.

⁵ Так, по мнению О. В. Дёгтевой, «расположенная в окружении лесов, лугов и пастбищ обитель фактически сразу же, с момента своего основания, завладела этими землями и стала одним из крупнейших монастырских феодальных поместий». Показательно и заимствование (вслед за Н. А. Пчелиным) из книжки 1941 года издания (*Шеломаев В. П.* Богородский район. (Прошлое и настоящее). Горький, 1941) абсурдного тезиса о том, что «общий размер монастырского землевладения на территории современного Богородского района составлял порядка тридцати процентов всех пожалованных и розданных князьями и царями земель» [6, с. 17, 18]. Уже упомянутая запись на Евангелии (апракос) поименована «актом» («Первое письменное упоминание об этой обители в древних актах относится к 1408 году»), мало того — актом, позволяющим установить имя «первого официального настоятеля» Дудина монастыря [7, с. 32]. На листах подлинных писцовых книг 1620-х гг., которые указаны О. В. Дёгтевой в списке источников в обеих публикациях, находится текст, не имеющий отношения к Дудину монастырю.

рение круга источников⁶. В то же время, вряд ли можно признать оправданным обращение к сведениям о владениях Дудина монастыря из сводных ведомостей о населении монастырских вотчин в XVII в., поскольку сохранились не только материалы переписных книг 1646 и 1678 гг., но и описания обители и ее владений 1670-х гг. и 1701—1702 гг. Безусловно, специфика энциклопедической статьи как жанровой формы ставит автора в непростые условия, однако небрежность, с которой А. В. Маштафаров и Д. Б. Кочетов, характеризуя монастырское землевладение, оперируют столетиями, уездами и волостями, вызывает искреннее недоумение. В энциклопедической статье есть и фактические ошибки⁷.

Целью данного исследования было создание более полной и достоверной истории землевладения Амвросиева Дудина монастыря с привлечением всей совокупности источников: монастырских актов, делопроизводственных документов, писцовых описаний, монастырских хозяйственных книг, картографических материалов и пр. Верхняя хронологическая граница работы определена проведенным в связи с передачей в 1701 г. управления монастырскими владениями в руки вновь созданного Монастырского приказа описанием, которое подвело итог развития землевладения Дудина монастыря к моменту первой попытки секуляризацией церковных вотчин при Петре I.

Важнейшими источниками стали монастырские акты, как опубликованные⁸, так и архивные, прежде всего, из фонда Грамоты Коллегии экономии РГАДА⁹.

⁶ Тем досаднее небрежность при составлении научно-справочного аппарата статьи. Так, подготовленные с участием одного из соавторов перечни нижегородских монастырских актов [2] отнесены к «источникам», а монография М. И. Горчакова «О земельных владениях все-российских митрополитов, патриархов и св. Синода (998—1738 гг.)», с указанием двух конкретных страниц, на которых опубликованы документы, — к «литературе». В списке источников отсутствует ряд использованных авторами документов, в том числе опубликованных.

⁷ Например, авторы вводят читателя в заблуждение, утверждая, что «указом царя Михаила Феодоровича Романова в 1614 г. к Дудину монастырю приписан Матюшевский Воскресенский монастырь, который ранее Дудин монастырь приобрел с землями и угодьями за 200 р. и 245 четв. ржи».

⁸ Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Т. I. Киев, 1860. № 66. С. 128—133; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1861. Т. 3. № 10. С. 17—18; № 13. С. 20; Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1864. Т. 2. № 155 (III). Стб. 458—460; Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1875. Т. 2. № 224. С. 991—994; Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. № XII. С. 220—236; Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 3. Грамоты Коллегии Экономии по Арзамасскому, Балахнинскому и Нижегородскому уездам. Ч. I. (1498—1613 г.) под редакцией А. К. Кабанова (далее — *Кабанов А. К.* Материалы по истории Нижегородского края) // Действия НГУАК. Сборник. Т. XIV. Отд. III. Н. Новгород, 1913; Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1961. Ч. 3. С. 73—74; АСВР. № 298—302, 306; Антонов А. В. Правая грамота 1555 года из архива Нижегородского Дудина монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 6. М., 2000. С. 159—167; *Он же*. Правая грамота 1555 года из архива Нижегородского Дудина монастыря // Историко-археографические исследования: Россия XV — начала XVII века. М., 2013. С. 188—208; Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье (XVII в. — первая четверть XVIII в.). Чебоксары, 2006. № 39, 40, 54, 76.

⁹ Акты, касающиеся истории землевладения Дудина монастыря, хранятся и в других архивных собраниях: Государственный исторический архив Чувашской республики. Ф. 3. Оп. 1.

Следует отметить, что ряд актов в этом фонде описаны среди материалов уездов, где у монастыря владений никогда не было¹⁰. К их числу относятся и древнейшие сохранившиеся в виде подлинников правые грамоты от 15 января 1552 г. и 12 февраля 1555 г. А. В. Антонов, опубликовавший последнюю по списку 1683 г. считал, что «грамота сохранилась в составе копийной книги Дудина монастыря конца XVII в., но несмотря на свой исключительный интерес, до сих пор оставалась не изданной» [1, с. 155]. Соответственно, ни сам подлинник правой грамоты, ни его публикация в 1860 г. А. А. Федотовым-Чеховским не были учтены и в перечне актов нижегородских монастырей [2, с. 450]. Трудно переоценить значимость для изучения монастырского землевладения указной грамоты от 18 марта 1606 г., включающей сведения межевых отводов на Коршевский и Кляпоборский бортный ухажей 1499/1500, 1564/1565 и 1593/1594 гг., грамоты патриарха Филарета от 4 февраля 1633 г., в которой сохранился текст отводной памяти Остафья Молвянинова и Михаила Арапова 1499/1500 г. на монастырские рыбные ловли, жалованных грамотах от 11 августа 1622 г. и 20 ноября 1676 г. и др.¹¹

Копийная книга Дудина монастыря, хранящаяся в этом же фонде, содержит списки 34 документов, охватывающих период с 1552 по 1653 г., в том числе 6 актов XVI в. Она представляет собой рукопись в 4°, имеет кожаный переплет «сумкой». Текст написан скорописью второй половины XVII в. на бумаге с филигранями типа «Герб Амстердама» и литерами¹². Изначально рукопись состояла из 29 тетрадей по 8 листов с кириллической фолиацией и сигнатурой. Более поздняя, карандашная арабскими цифрами, фолиация охватывает также предпосланное тексту оглавление. По листам собственно списков документов (т. е. без оглавления и преамбулы, со второго листа буквенной фолиации до оборота л. 231) читается скрепа «Диак Денис Дятловской»¹³. Время написания самой копийной книги прямо обозначено в тексте, как и причина ее составления, на что обратил внимание еще Л. В. Черепнин [18, с. 45]: «192-го октября в 11 день по указу великого господина святейшаго Иоакима патриарха Московского и всеа Руси по отписке патриарша домового Николаевского Амбросиева Дудина монастыря игумена Георгия з братьею для вотчинного межевого дела списаны списки в сю книгу великих государей з жалованных грамот и со всяких крепостей¹⁴ и посланы в монастырь к игумену з братьею с их монастырским служкою с Сенькою Харламовым. А подлинные жалованные грамоты и всякие крепости в патриаршем Дворцовом приказе у подьячего у Микифора Мартинова»¹⁵. Таким образом, на момент составления сборника подлинные документы находились в Москве, где копийную книгу и «справил

Д. 3, 4; РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 847; РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1914. Л. 1—2; Центральный архив Нижегородской области. Ф. 579. Оп. 589. Д. 346, 347, 349 и др.

¹⁰ РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 239; Оп. 2. Д. 320 (Арзамас); Оп. 11. Д. 5908. Л. 1—9. (Каргополь); Оп. 14. Д. 8449 (Великий Новгород); Оп. 14. Д. 8883. Л. 1—11 (Переславль-Залесский).

¹¹ АСВР. Т. 3. № 301—302; РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8013, 8038, 8086, 8164 и др.

¹² РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8184.

¹³ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 167.

¹⁴ Конец цитаты в книге Л. В. Черепнина.

¹⁵ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8184. Л. 3—3 об.

Микишко Мартинов»¹⁶. Наиболее поздняя упомянутая в рукописи дата (6 июля 1676 г.) содержится в записях о «подписании» на имя царя Федора Алексеевича грамот от 29 июля 1606 г., 11 августа 1622 г. и 21 августа 1641 г., что не противоречит датировке сборника. В копияльную книгу вошли только публично-правовые акты, в расположении которых соблюдение хронологического, географического или тематического принципа не прослеживается.

Среди материалов писцового делопроизводства бесспорный интерес представляет впервые вводимое в научный оборот свидетельство о размерах владений Дудина монастыря в Березопольском стане Нижегородского уезда из межевой книги 1562 г.¹⁷ Текст выполнен почерком середины XVI в., имеет подпись в конце («Диак Третьяк Дубровин») и скрепу по столбцам («На сем ставе диак Третьяк Михайлов сын Дубровина»¹⁸). Следовательно, документ представляет собой одновременную межеванию (или близкую по времени) выпись, оформленную непосредственно участвовавшим в межевании дьяком Т. М. Дубровиным¹⁹, который упомянут в преамбуле вместе с писцом Григорием Ивановичем Заболоцким. Физический дефект текста по правому краю первого листа (первые 15 строк), к сожалению, не позволяет прочесть имя второго писца («...вич Казаринов») и установить точную дату документа (двадцатые числа марта). Факт такого межевания вотчины Дудина монастыря ранее был известен по упоминанию в писцовых и межевых книгах 1620-х гг. Дмитрия Лодыгина, который отводил монастырские земли «по старым межам и урочищам и по старым граням писма Григорья Заболоцкого, а где старых граней нет в тех местах учинены межи и грани по сторожилцевым скаскам тутошних и окольных людей»²⁰.

Выпись из писцовых книг того же Г. И. Заболоцкого 1564/1565 г.²¹ на оброчные деревни Дудина монастыря в Стрелицком стане Нижегородского уезда, сохранившаяся в составе документа конца XVI в., введена в научный оборот Г. Н. Анпиловым. Однако подготовленная исследователем публикация текста в ряде случаев не исправна. Из существенных дефектов следует отметить пропуск двух крестьянских дворов (Олешки Иванова и Федьки Васильева) в д. Еремеевской²², а также неверно прочитанное имя писца (должно быть «по Петровым книгам Турова»)²³.

¹⁶ Там же. Л. 231. С. Б. Веселовский, знавший аналогичную запись на можайском акте 1675 г. (*Дионисий, архимандрит*. Можайские акты. 1506—1775. СПб., 1892. С. 238), неверно интерпретировал имя и включил в свой справочник «справного подьячего патриаршего Дворцового приказа» Никиту (не Никифора, как следовало бы) Мартынова (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. С. 321).

¹⁷ РГАДА. Ф. 281. Оп. 14. Д. 8449.

¹⁸ Скрепа аналогична той, что имеется в документе от 26 марта 1562 г. (Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. Т. 1. С. 217).

¹⁹ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. С. 163.

²⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 293. Л. 942—942 об.

²¹ Таким образом, источники опровергают тезис П. В. Чеченкова о том, что Г. И. Заболоцкий работал в 1561—1562 гг., а в 1564 г. «состав комиссии полностью обновился» [19, с. 673—676].

²² Это объясняет несовпадение результатов подсчета по тексту публикации и итоговой цифры в указной грамоте от 25 августа 1595 г. (РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 7987; Д. 8184. Л. 117).

²³ *Анпилов Г. Н.* Нижегородские документы XVI века (1588—1600 гг.). М., 1977. С. 208—209; РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Нижнему Новгороду. Д. 35. Л. 124.

В грамоте патриарха Филарета в Нижний Новгород к воеводе П. П. Головину от 30 мая 1620 г. приведены выдержки из выписей с писцовых книг «за приписью дьяка Третьяка Дубровина да Лашука Володимерова 73-го году» на монастырские сенокосы на левобережье Оки, представленных в связи с разбирательством конфликта между Троице-Сергиевым и Дудиным монастырями²⁴. В царской грамоте нижегородскому воеводе кн. Н. А. Хованскому от 18 марта 1606 г. содержится упоминание «выписи 7073-го году писца Григорья Заболоцкого с товарищи за дьячьей приписью» на Кляпоборский и Коршевский бортный ухажей²⁵. В писцовых и межевых книгах Дмитрия Лодыгина в связи с описанием монастырских рыбных ловель упомянута выпись из писцовых книг 7073 г. за приписью дьяка Постника Дмитриева²⁶; выпись на оброчные рыбные ловли из книг Григория Заболоцкого включена в грамоту патриарха Филарета от 4 февраля 1633 г.²⁷ В своей совокупности эти источники позволяют составить достаточно полное представление о вотчинных и оброчных владениях Амвросиева Дудина монастыря к середине 1560-х гг.

Исследователям давно известна «Книга Нижегородского уезда государевых дворцовых бортных, оброчных и посопных сел и деревень, письма и дозора Василия Федоровича Борисова да подьячего Третьяка Аврамова лета 7096 года»²⁸, однако дозор 1587/1588 г. не ограничивался дворцовыми владениями. Копии с книг В. Ф. Борисова и подьячего Третьяка Аврамова использовались в качестве приправочной документации писцами, работавшими в Нижегородском уезде в начале 1620-х гг. Так, при описании вотчин Нижегородского Печерского монастыря сравнение проводилось с «памятью ис Поместного приказу за приписью дьяка Третьяка Корсакова с нижегородских книг писма и дозору Василия Борисова 96 году», при описании Дудина монастыря — со списком «за приписью дьяка Ондreja Варева 130-го году с книг Василия Борисова да подьячего Третьяка Обрамова 96 году»²⁹. Особенность использования писцами сведений дозорной книги о вотчине Дудина монастыря заключается в том, что в отличие от других монастырских вотчин в Березопольском стане, например, Нижегородского Печерского, Суздальского Спасо-Евфимьевского, Троице-Сергиева, в текст писцовой книги были внесены не только итоговые данные, но перечень деревень и починков во владениях духовной корпорации. Сохранилась также жалованная грамота от 11 августа 1622 г., в текст которой были включены сведения по другой выписи из дозорных книг Василия Борисова («Да в нынешнем во 130-м году в памяти ис Поместного приказу за приписью дьяка [Ивана] Грязева³⁰ написано в нижегородских книгах писма и дозору Василия Борисова да подьячево Третьяка Оврамова лета 6096-го году в Нижегородском уезде в Березопольском стану в монастырских

²⁴ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8184. Л. 167 об.

²⁵ АСВР. Т. 3. № 302. С. 330.

²⁶ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. С. 153.

²⁷ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8086. Л. 5; 8184. Л. 82—84 об.; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 293. Л. 952 об.

²⁸ *Анцологов Г. Н.* Нижегородские документы XVI века. С. 5—76; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7514. Л. 1—83.

²⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 293. Л. 906 об., 938.

³⁰ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. С. 136—137.

вотчинах написано...»)³¹. Сравнения двух источников показало, что размеры пашни паханой, сенокосов, «пашенного и непашенного» леса, перечень населенных пунктов тождественны; сведения о количестве дворов в жалованной грамоте отсутствуют.

Отмечавшиеся выше физические дефекты части листов подлинных писцовых книг 1620-х гг.³², относящихся к вотчинам Дудина монастыря, могут быть компенсированы использованием сотных выписей. Наиболее ранней из них является сделанная непосредственно после завершения описания «Выпись с нижегородских книг писма и меры Дмитрия Васильевича Лодыгина, Василя Ивановича Полтева, дьяка Дементия Образцова 128 и 130 году». Большая часть рукописи, содержащая описание вотчин Дудина и приписного Матюшевского монастырей, выполнена скорописью в тетрадах в 4°, переплетена в кожу, имеет оглавление. По листам читается скрепа дьяка Дементия Андреевича Образцова³³, обрывающаяся на слоге «де». Продолжение ее (начиная со слога «мен») обнаружено на листах описания заволжских владений монастыря, выполненного тем же почерком в тетрадах в 4° без переплета³⁴. Можно предположить, что эти тетради были вырваны после потери заволжских вотчин. Таким образом, запись в конце текста в тетрадах без переплета («С писцовыми книгами справил подьячей Василей Семенов») относится ко всему тексту сотной выписи³⁵.

Сведения о владениях Дудина монастыря из материалов всероссийских переписей — из нижегородских переписных книг кн. Ивана Федоровича Шаховского и подьячего Прокофия Симонова 1646 г. и кн. Юрия Михайловича Сонцова-Засекина и подьячего Михаила Спасеньева 1678 г., а также монастырских хозяйственных книг, в частности, нескольких описаний монастыря и его вотчин начала 1670-х гг. и 1701—1702 гг., положены в основу сопоставления номенклатуры названий сельских поселений и анализа состава вотчины, использовались при изучении динамики численности населения в монастырских владениях, а также при их картографировании.

Во второй половине 1670 г. келарем Нижегородского Печерского монастыря Дионисием Омачкиным в связи с передачей Амвросиева Дудина и Матюшевского монастырей патриарху были составлены описные книги, экстракт из которых был включен в жалованную грамоту Федора Алексеевича патриарху от 20 ноября 1676 г. Программа этого описания изложена в грамоте Алексея Михайловича от 28 июля 1670 г.: «В том Дудине монастыре церкви божи и в них всякую церковную утварь и монастырское строение и в слободах слуг и служебников, а в селах и в дерев-

³¹ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8038. Л. 2.

³² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 293. Л. 914—953 об., 1181—1189.

³³ У С. Б. Веселовского отчество дьяка отсутствует (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. С. 379). На одном из листов рассматриваемой рукописи в традиционный текст скрепы «Дьяк Дементей Образцов» добавлено «Андреев сын». (РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8050. Л. 11.)

³⁴ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8039. Л. 3—53; Д. 8050. Л. 1—13.

³⁵ Сотные выписи нижегородских Печерского и Благовещенского монастырей «справил тот же подьячий: «Справил подьячей Васка Семенов», «С писцовыми книгами справил подьячей Васка Семенов» (РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8040. Л. 59 об., 123 об.; РГБ ОР. Ф. 29. Оп. 1. Д. 128. Л. 411 об.).

нях и во дворах крестьян и бобылей и всякия угоды описать, и описные книги прислать к Москве»; в том же году опись была прислана в Монастырский приказ. Сведения о монастырской вотчине из жалованной грамоты, сохранившейся в списке 1693 г., в целом подтверждаются рядом источников, известных в подлинниках. Речь идет, в частности, об описаниях Дудина монастыря и его вотчины в связи со сменой настоятеля по распоряжению из патриаршего Дворцового приказа за приписью дьяка Дениса Дятловского, произведенных тем же Дионисием Омачкиным (май-июнь 1671 г.) и Алексем Артемьевичем Раковым (март—май 1672 г.), а также книге обмера полей в январе 1672 г. келарем Дудина монастыря Евфимием Печерским, казначеем старцем Фалелеем, конюшим старцем Акинфием и выборными крестьянами (с указанием числа дворов в сельских поселениях)³⁶.

Источником, позволяющим подвести итоги развития землевладения Амвросиева Дудина монастыря к началу XVIII в., является описание 1701—1702 гг. [14]. Документ сохранился в составе конволюта аналогичных описей патриарших владений³⁷, который не вошел в перечни, опубликованные И. А. Булыгиным [3, с. 311—325]. Рукопись в 1°, в кожаном переплете. Монастырь и его владения в нижегородском уезде описывал стольник Петр Борисович Вельяминов. Как и в других нижегородских книгах этого писца, им подписаны все листы, но обязательно имеются и рукоприкладства других участников описания. Так, на описи самого монастыря читаются скрепы монастырских властей («К сим переписным книгам игумен Нектарий руку приложил», «К сим переписным книгам Дудина монастыря иеромонах Иоасаф вместо сына своего духовнаго казначея монаха Герасима по ево велению руку приложил»), на описании монастырских Успенской и Никольской церквей — священников Алексея, Савина и дьякона Петра, приходских Ильинской и Троицкой — священников Адриана и Григория. Листы с описанием сельских поселений в нижегородских вотчинах содержат скрепы священника Ильинской церкви Адриана Федорова, который «вместо старосты Дмитрия Дмитриева сына Мясникова с товарищи по их велению руку приложил». Описание самого Дудина монастыря началось 12 ноября 1701 г. К описанию нижегородских вотчин монастыря приступили 20 апреля, время окончания работ приблизительно позволяет установить текст пометы, сделанной при поступлении рукописи в Монастырский приказ: «1702 мая в 2 день поданы с отписью». Находящиеся в том же переплете описные книги алатырских владений Дудина монастыря («деревня Балеева, Наумова тож») заверены рукой описывавшего монастырские владения в Алатырском уезде стольника Семена Ивановича Толстого, а также монастырского старца («К сим книгам старец Самойло руку приложил»). В качестве даты описания указан только месяц («1701-го ноября в день»). Для изучения истории землевладения интерес представляет как само описание вотчин, так и опись хранившихся в монастырской казенной палате документов.

Для картографирования владений Дудина монастыря привлекались материалы Генерального межевания, прежде всего, хранящиеся в Межевом отделе РГАДА

³⁶ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2; Ф. 281. Оп. 13. Д. 8136; Д. 8164. Л. 3 об.—7; Д. 8196; Д. 8252; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7529.

³⁷ Там же. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 71—359.

уездные атласы Балахнинского, Горбатовского, Вязниковского уездов, планы ряда конкретных дач, Полевые записки. В исследовании использовались также карты конца 1720-х — 1735 гг.³⁸ и соответствующие листы Атласа А. И. Менде, материалы Докучаевского описания³⁹.

* * *

Анализ свидетельств о начальном этапе формирования вотчины Амвросиева Дудина монастыря, сохранившихся в виде упоминаний или включенных актов в документах XVI—XVII вв., показывает, что наиболее ранние пожалования представляли собой промысловые угодья. Речь идет о «рыбных ловлях» в Оке, ее притоке р. Кляпоборице и озерах, начало освоения которых монахами источники относят еще к периоду суздальско-нижегородского великого княжества, а также Коршевском и Кляпоборском бортном ухожее (1484/1485 г.). Первое подробное описание монастырских рыбных ловель и бортного ухोजея содержится в отводе Остафья Молвянинова и Михаила Арапова (1499/1500 г.). Промысловая деятельность требовала и некоторой инфраструктуры, а следовательно, пожалования априори означали и начало хозяйственного освоения берегов рек и островов, распахку удобных участков «бортного» леса⁴⁰.

³⁸ Например, карта «Territoires de Nijni Novgorod et de Balakhna» (1729 г.) из собрания рукописных карт Жозеф-Николя Делиля в Национальной библиотеке Франции, в качестве составителей которой указаны Иван Соловцов и Никита Пушкин (<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b550031344>); карта Нижегородского уезда 1732 г. из собрания И. К. Кирилова, которую «описывал и рисовал навигатор Степан Орликов» (Ландкарта Нижегородского уезда // Атлас Всероссийской империи: Собрание карт / Репринт издания 1722—1737 гг. СПб.: Альфарет, 2008. С. 28 (<http://www.runivers.ru/bookreader/book16667/#page/28/mode/1up>)); «Carte du territoire de Nijininovgorod» 1735 г. (Jean Chekhonskoy et Etienne Orlikov, géodésistes) из коллекции того же Жозеф-Николя Делиля (<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55003045m>). Последняя, судя по совпадению даты и имен составителей, некоторым особенностям передачи гидрологических объектов, рельефа местности и прочим признакам, вероятно, представляет собой копию с карты из Библиотеки Академии наук (см.: *Александров Б. В.* Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР // *Гнучева В. Ф.* Географический департамент Академии Наук XVIII в. / Под ред. А. И. Андреева; отв. ред. Г. А. Князев. [Труды Архива Академии Наук СССР; Вып. 6]. М.; Л., 1946. Приложение II. № 255). В собрании БАН находится еще несколько карт Нижегородского, Алатырского, Арзамасского, Балахонского, Курмышского, Юрьевецкого, Ядринского уездов, в том числе составленных теми же геодезистами (*Александров Б. В.* Описание рукописных карт XVIII в. № 183, 187, 188, 243, 255—261, 314, 317), которые, по-видимому, являются подготовительными материалами к выполненной ими же большой карте Нижегородской губернии 1735 г. (БАН. Рукописный отдел. № 602. Карта Нижегородской губернии, составленная в 1735 г. кн. Иваном Шехонским и Степаном Орликовым; описание см.: *Александров Б. В.* Описание рукописных карт XVIII в. № 145).

³⁹ РГАДА. Ф. 1321, 1354, 1357; Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Естественно-историческая часть. Вып. 8. Нижегородский уезд. СПб., 1885.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8013; Д. 8086; Д. 8184. Л. 78—78 об.; РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1914. Л. 1—2; *Кабанов А. К.* Материалы по истории Нижегородского края. № 95. С. 110; АСВР. Т. 3. № 298—302, 306. К сожалению, от внимания публикаторов, а затем и от составителей перечня актов нижегородских монастырей [2, с. 446] ускользнуло то обстоятельство, что несмотря на

Крестьянские поселения на принадлежащих монастырю сельскохозяйственных угодьях впервые зафиксированы в тексте правой грамоты судей А. Г. и Н. Г. Девочкиных (с доклада Григорию Федоровичу Давыдову Хромого), которая как включенный акт сохранилась в правой грамоте Дудину монастырю от 12 февраля 1555 г. А. В. Антонов обратил внимание на «видимый трехлетний перерыв» между датами включенного акта: «Приговорная запись датирована 17 февраля 1521 г., хотя показания от судебных мужей были получены еще в январе 1518 г.» [1, с. 157]. Однако выдвинутая им версия о «простой ошибке переписчика, принявшего, к примеру, небрежно написанное зело за фиту», несостоятельна, поскольку в подлиннике документа обе даты указаны прописью⁴¹. В ходе судебного разбирательства в связи с земельным конфликтом Владимира и Ивана Скрятиных и Дудина монастыря, состоявшегося, вероятно, в 1517 г., «старожильцы, люди добрые» Нестор Степанов сын Семской, Сергей Тропин, Елсук Мальцов и Степан Пахомов подтвердили, что спорное «селище Черньцово да и та земля, на которой земле Володя да Иван деревню поставили, никольская Дудина монастыря», указав при этом весьма значительные сроки, за которые они могут свидетельствовать (от 70 до 40 лет). Характер своих взаимоотношений с монастырем уточняет Елсук Мальцов: «А жил есми, господине, на той земле за манастырем дватцать лет». Показывая известные им межи, старожильцы вывели судей «к никольской ж земле х деревне Подсосенью Дудина монастыря»⁴².

Согласно челобитью властей Дудина монастыря, изложенному в жалованной грамоте от 25 апреля 1560 г., к этому времени «у них на *монастырской земле на леси стало* десять деревень да пять починков». Относительно размеров этих владений сведений не сохранилось. В оброчной бортной д. Тредворцы, передаваемой монастырю этой грамотой, по писцовым книгам Петра Турова и дьяка Дементия Слугина было «пашни семдесят четвертей в поле, а в дву потому ж, сена триста копен»⁴³. Проведенное два года спустя межевание Г. И. Заболоцкого и дьяка Третьяка Дубровина (март 1562 г.) позволяет составить перечень крестьянских поселений в монастырской вотчине в Березопольском стане Нижегородского уезда. В межевых книгах зафиксированы деревни Тетерюгина, Каликина, Подсосенье, Чернцова, Болотце, Шварева, Высокое, Тредворцова, Трестянки Монастырские и починок Дубенки. Список, возможно, не является исчерпывающим, поскольку в межевой книге не могли быть упомянуты деревни, которые находились «в межах» только с дудинскими же деревнями. Отметим, что в документе отдель-

соединительный союз в названии бортного ухозя («Коршевский и Кляпоборский») в источниках используется форма единственного числа.

⁴¹ РГАДА. Ф. 281. Оп. 11. Д. 5908. Л. 5. Важным дополнением к перечисленным А. В. Антоновым документам, относящимся к суду Г. Ф. Давыдова, является подлинная правая грамота 1517/1518 г. по земельному спору Владимирского Рождественского и Егорьевского монастырей, в которой фигурируют тот же дьяк Суморок Пуятин, что и в дудинском акте. (РГАДА. Ф. 281. Оп. 6. Д. 1788; Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. Т. 1. № 26. С. 28.)

⁴² РГАДА. Ф. 281. Оп. 11. Д. 5908. Л. 3—4.

⁴³ Там же. Оп. 13. Д. 8164. Л. 8; Д. 8184. Л. 44 об., 45; Кабанов А. К. Материалы по истории Нижегородского края. № 97. С. 110.

но от остальной вотчины описаны границы земель починка Дубенки; вероятно, он был передан монастырю в процессе описания («оброчная земля деревни Дубенок, что дана в монастырь к Николе Чудотворцу безоброчно»). В межевых книгах зафиксировано их соседство с владениями, которые Дудин монастырь получит 23 года спустя, в 1585 г.: «Направе земля поместная Ширия Княжгорского деревни Польца, а налеве земля и лес починка Дубенок монастырского»⁴⁴.

Выпись из писцовых книг «за приписью диака Третьяка Дубровина да Лашука Володимерова 73-го году» свидетельствует, что монастырские крестьяне пользовались сенокосами не только рядом со своими деревнями, но и на левобережье Оки напротив монастыря, а также на островах. Источник сообщает и размеры этих угодий: «Николы Чюдотворца Дудина монастыря лугов за Окою рекою, что косят монастырские крестьяне на себя ко всем деревням по Осовцу и по Оке реке и на Ломове острове и около Свята озера и по обе стороны истока, что из Свята озера, по горы, три тысячи двесте копен»; еще в 835 копен оценивались сенокосы д. Тредворцова — за Окой же, от р. Ржавки до Ломова острова⁴⁵. Подобная ситуация отнюдь не уникальна: в нижегородских платежницах можно найти и другие примеры того, как расположенные на правом берегу Оки деревни косили сено на луговой стороне, в заливных лугах. Тот же писец зафиксировал сохранение за монахами Дудина монастыря промысловых угодий, в частности, бортного леса. В книгах «отдельных Григория Заболотцкого 73 году» были описаны рыбные ловли монастыря, в том числе те, что находились в Оке в непосредственной близости от обители и «сумеж» с водами Владимирского Рождественского монастыря. Конфликты с последним по поводу границ рыболовных угодий вспыхивали неоднократно. Постоянное воспроизводство споров было обусловлено не только субъективными причинами, но и объективной невозможностью раз и навсегда зафиксировать границы рыболовных владений (или оброчных держаний) в условиях постоянных изменений в русле Оки⁴⁶.

В писцовых книгах Г. И. Заболотцкого 1564/1565 г. описаны также оброчные деревни Дудина монастыря за Окой: «деревня Семиха Большая на речке на Семихе, да в ту деревню припущено в пашню починок Рюминской», «деревня, что был починок Еремеевской, да в ту же деревню припущено в пашню пустошь Оверкиева, что была Гаврила да Нечая Удосольских с товарищи» и «деревня Малая Семиха Вьюница по речке по Вьюнице». В них насчитывалось 16 крестьянских дворов, которые обрабатывали 120 четвертей пашни в одном поле («а в дву потому ж»). Писцы констатировали, что в описываемой местности «земля худа», зафиксировали ко всем деревням сенокосы на 170 копен и «лес большой» у д. Большой Семихи. Собственного монастырского хозяйства тут не было, имелся двор «на приезд старцом и слугам»⁴⁷.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 281. Оп. 14. Д. 8449. Л. 1—8.

⁴⁵ Там же. Оп. 13. Д. 8184. Л. 167 об., 168.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 239; Оп. 13. Д. 8086; Д. 8184. Л. 82—82 об., 85 об.; РИБ. Т. 2. № 224; АСВР. Т. 3. № 300, 306; Кабанов А. К. Материалы по истории Нижегородского края. № 60. С. 76.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Нижнему Новгороду. Д. 35. Л. 124.

Следует подчеркнуть, что речь идет именно об оброчных держаниях («Оброку с тое деревни по Петровым книгам Турова 4 гривны денег да пошлины, да с починка Рюминского, что припушен в пашню, оброку четверть пуда меду по Федоровским книгам Киселева», «А оброку с тое деревни давали 2 алтына денег», «Оброк с тое деревни давали по гривне денег да пошлина»). Позднее, в попытках вернуть эти земли, монастырские власти будут использовать выражение «купленные их монастырские деревни», однако изложение в правой грамоте от 15 января 1552 г. и указной грамоте от 25 августа 1595 г. документов, по которым, по утверждению Дудина монастыря, им были приобретены эти земли, свидетельствует, что де факто речь идет о переуступке на тех или иных условиях именно оброчных прав⁴⁸. А потому не удивительно, что 15 ноября 1551 г. было предписано «те монастырские деревни Семиха и Мочилище и Ильину деревню Арбузова Ведищево отписать на царя и великого князя да отдати в оброк бортником или оброчником, хто болши оброку надаст, потому что *оба истцы тяжютца о царя и великого князя деревнях оброчных*⁴⁹, а к Николе в монастырь и Илье Арбузову *те деревни дали на оброк* нижегородские ключники без царева и великого князя ведома». Впрочем, в январе 1552 г. эти земли по-прежнему за монастырем: «А деревень, сказал, не отписал на государя, потому Ведищевскую деревню царь, государь и князь великий отдал новокрещенному мордвину Назару Мелсянову, а деревню Семиху отдал к Николе в монастырь в Дудин игумену Макарью з братьею»⁵⁰. 28 марта 1560 г. Дудин монастырь получил на земли в Стрелице «оброчную» грамоту и хозяйствовал здесь, по-видимому, до запустения деревень в годы «черемисской войны»⁵¹.

Единственным новым приобретением Дудина монастыря в Нижегородском уезде в период между межеванием Г. И. Заболоцкого и дозором В. Ф. Борисова (1587/1588 г.) стала упомянутая выше пустошь Польце, которая была получена им по грамоте Федора Ивановича от 4 июня 1585 г. Документ позволяет судить о размерах царского пожалования и потенциале развития этой вотчины: «По нижегородским книгам писма и дозору Пятого Тумского с товарищи лета 7084-го году написано: за вдовою за Огафьею за Ширияевскою женою Княжегорского да за ее сыном за Офанасьем в деревне в Большом Польце на речке на Черной пашни па-

⁴⁸ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 7987; Ф. 1209. Столбцы по Нижнему Новгороду. Д. 35. Л. 91—92; Кабанов А. К. Материалы по истории Нижегородского края. № 63. С. 79—80. Сравнение включенного акта, датированного 20 июня 1550 г. (из грамоты от 15 января 1552 г.), с аналогичной сделкой между светскими контрагентами, зафиксированной в частном акте 1539/1540 г. из архива Троице-Сергиева монастыря, показывает, что подобные «купли» не были чисто монастырским изобретением. (РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 7950; Д. 8182. Л. 22—22 об.; Кабанов А. К. Материалы по истории Нижегородского края. № 9. С. 14; Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. № XII. С. 221.)

⁴⁹ Оброчные земли фигурируют в документах середины XVI в. как особая категории земель. См. напр.: ПРП. М., 1956. Вып. 4. С. 579.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 281. Оп. 14. Д. 8883. Л. 2, 10, 11. Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. № XII. С. 236.

⁵¹ «И после де тое черемисские войны те их монастырские деревни за пустотою отданы были на оброк в Нижнем казанцу Семену Пелепелицыну». В царской указной грамоте от 25 августа 1595 г. он же записан как «сын боярской казанец Семейка Перепелицин». (РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 7987; Д. 8184. Л. 112—119 об.; Ф. 1209. Столбцы по Нижнему Новгороду. Д. 35. Л. 151; Антлогов Г. Н. Нижегородские документы XVI века. С. 208. Прим. 2.)

ханые шестнатцать чети да перелогом пятьдесят чети, и всего шесдесят шесть чет-вертей в поле, а в дву потому же, сена пятьдесят копен, лесу пашенного черного пять десятин. А по дозору сына боярского Захария Розщепихина лета 7093-го году в том Большом Польце пашни паханые пять чети да заросли и перелогу шестде-сят одна четь в поле, а в дву потому ж, лесу черного раменья шесть десятин, сена пятьдесят копен»⁵².

Дозорные книги Василия Борисова и подьячего Третьяка Аврамова зафиксировали «Дудина монастыря в вотчине в живущем пятнатцать деревень да два починок да в пусе три деревни. А в них в живущем 3 двора монастырских, 9 служ-ных, 7 детенышевых, 110 крестьянских, 3 бобыльских пустых да 20 мест дворо-вых. Пашни паханые 433 чети да перелогом и лесом поросло 613 четь, и обоего 1066 четь в поле, а в дву потому ж. Земля добра. Сена ко всем деревням за Окою рекою против монастыря в Васильевском лугу да на речке на Ржавке возле Чор-ной две тысячи четыреста копен, лесу пашенново и непашенново тритцать пять десятин». Источник впервые позволяет составить полный перечень населенных пунктов в вотчине монастыря в Березопольском стане Нижегородского уезда. На правом берегу Оки были описаны монастырские деревни Тетерюгино, «Бере-зина на Оке реке», «другая деревня Березино», Подъяблоня, Тредворцы, Дубен-ки, Каликино, Пирошково, Чернцово, Сляднево, Швариха, Трестяна, Польце, Высокое («да к ней же снесена деревня Ивняжки»), починок Ерпелиха. Еще три деревни (Корчеусова, Подсосенье и Болотцо) помечены как запустевшие. Впер-вые названы монастырские поселения «за Окою рекою» — деревня Жолнино и починок Садки. Обращает на себя внимание сокращение числа починок (с пя-ти безымянных в 1560 г. до двух в 1587/1588 г.) при практически не изменившемся общем количестве поселений (в начале 1560-х гг. — 16, к концу 1580-х гг. — 17), что, по-видимому, свидетельствует о замедлении процессов «внутренней колони-зации» в вотчине⁵³.

В середине 1590-х гг. Дудин монастырь предпринял попытку вернуть об-рочные деревни в Стрелицком стане Нижегородского уезда. Указной грамотой от 25 августа 1595 г. предписывалось отдать монахам земли, которые были на об-роке у «сына боярского казанца Семейки Перепелицина», и впредь не передавать никому ни в поместье, ни на оброк «из наддачи». Однако монастырь владел ими лишь год. Выбор в 1599 г. места для мельницы «на речке на Гнилище повыше де-ревни Нагулина под Нагулинским полем пониже Крутицкого устья» свидетелст-вует, что монастырские власти рассчитывали продолжать хозяйственное освоение земель в Стрелище⁵⁴, но затем надолго отказались от расширения вотчины за счет волжско-окского междуречья. В отличие от Троице-Сергиева или Нижегород-ского Благовещенского монастыря, которым удалось перевести ранее оброчные земли в Стрелицком стане в вотчинное владение, Дудин монастырь сделать это-го не смог. В первой четверти XVII в. они продолжали оставаться оброчными:

⁵² РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8184. Л. 20 об.—21.

⁵³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 293. Л. 938.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8184. Л. 173. Безоброчное владение мельницей и тремя десяти-нами земли к ней было подтверждено грамотой от 20 июля 1606 г.

«Деревня Семиха Большая на речке на Семихе, да с починка Романовского, да з деревни с починка Ермаковского, с пустоши Оверкеева, да з деревни с Малые Семихи на речке на Винице у немчина у Юрья Шултетова оброку 30 алт., пошлин 9 ден.». Показательны обоснования судебных решений 1630-х гг., когда монахи вновь обращаются с челобитными об этих землях (в 1636/1637 и 1639 гг.). Во-первых, было указано, что в писцовых книгах Г. И. Заболоцкого они записаны за монастырем как оброчные, а не как вотчина. Во-вторых, констатировалось, что в дозорных книгах Василия Борисова они — за казанским жильцом Семеном Ивановым сыном Пелепелицыным, в писцовых книгах Дмитрия Лодыгина — за Михаилом Юрьевым сыном Шултетовым с матерью вдовой Марией, «а за Никольским Дудиным монастырем деревни Семихи с пустошами, о которых бьют челом государю игумен Еуфимей з братиею на немчина на Михайла Шултетова, в Васильевых книгах Борисова 96-го году и в Дмитреивых книгах Лодыгина с товарыщи 129-го и 130-го году в вотчине ни на оброке не написано». Особо отмечалось, что во время дозора 1587/1588 г. и писцового описания 1620-х гг. Дудин монастырь не обращался с жалобами на завладение кем-либо его деревнями, и объяснить причины этого убедительно монастырские власти не смогли⁵⁵.

Можно предположить, что в конце XIV — начале XVII в. имело место принципиальное изменение хозяйственной стратегии Дудина монастыря, явившееся результатом действия совокупности ряда факторов. В 1598/1599 г. монахи получили земли пустоши Кишемская на р. Кишма. Во время разбирательства по поводу неправомерного включения этих земель в состав пожалованных Кузьме Минину владений, которое закончилось в январе 1614 г. в пользу монастыря, им были представлены две царские грамоты с красновосковыми печатями, за приписью дьяка Нечая Федорова. Документы подтверждали передачу «пустоши Кишемской, что была на оброке за кореляны» Дудину монастырю «в балахонской соли место», «что им наперед сего дано в монастырь з Балахны по сороку пуд соли и... во 107-м году дано им в монастырь Кишемская деревня безоброчно»⁵⁶. Безусловно, отсутствие оброчных платежей делало эти земли более привлекательными для хозяйственного освоения, чем утраченные деревни в Стрелице.

Согласно указной грамоте в Нижний Новгород воеводе кн. Н. А. Хованскому и дьяку Филимону Озерову от 15 октября 1605 г., в том же 1598/1599 г. Дудину монастырю был отдан (вместе с церковной землей) запустевший Троицкий монастырь в Березопольском стане Нижегородского уезда: «А живал де в нем игумен и братья, питались пашенкою. И с того де монастыря дани и посохи не имывали. И от мору монастырь запустел. И в прошлом де во 107 году тот пустой монастырь

⁵⁵ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 7987; Ф. 1209. Столбцы по Нижнему Новгороду. Д. 35. Л. 59—158; Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сборник статей, сообщений, описей и документов (далее — Действия НГУАК). Н. Новгород, 1905. Т. IV. Отдел III. С. 105; Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. // Смутное время Московского государства. 1604—1613 гг. : Материалы, изд. Имп. О-вом истории и древностей рос. при Моск. ун-те. Вып. 7. М., 1910. С. 63, 228; *Кабанов А. К.* Материалы по истории Нижегородского края. № 63. С. 78—81.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8015; 8038; Д. 8184. Л. 200 об.—201; *Кабанов А. К.* Материалы по истории Нижегородского края. № 97.

приписан к нашему богомолью к Дудину монастырю»⁵⁷. Еще один монастырь — Матюшевский (Воскресенский) — был приписан к Дудину монастырю по его челобитью 12 апреля 1614 г. в качестве своеобразной компенсации за деньги и хлеб, взятые в 1609/1610 г. кн. А. А. Репниным и в 1611/1612 г. кн. Д. М. Пожарским и Кузьмой Мининым — «за двести рублей, что взяли из Дудина монастыря в Нижнем при царе Василье ратным людем на жалованья, да за двесте за сорок за пять чети за рожь, что взяли при боярех в Нижнем воиводы ратным же людем на корм». Монастырь находился на той же р. Кишма, что и упомянутая выше пустошь Кишемская, его земельные владения были положены в сошное письмо («А в сошном де письме земли к тому монастырьку на шездесят на семь чети») ⁵⁸. В отличие от «худых» земель в оброчных деревнях в Стрелицком стане в д. Кишемская, с. Троицкое и с. Воскресенское, по свидетельству писцовых книг 1620-х гг., «земля добра». Таким образом, у монастыря появилась возможность для развития земледелия, включая организацию владельческой запашки, в районе более плодородных почв⁵⁹.

Интерес Дудина монастыря к землям на р. Узоле в Заволжье, тогда еще отнесенным к уезду Юрьевца Поволжского, был обусловлен, вероятно, иными обстоятельствами, поскольку писцами они характеризуется как «худые». В адресованной в Балахну указной грамоте от 20 февраля 1606 г. сказано: «В нынешнем в 114-м году пожаловали есмя безоброчно к Дудину монастырю их пустынькою урочищем Скоробогатым, что пахали старцы, и займище Воротнево и иные займища, что было за Иванком Бучневым с товарищи и за Михалком Немировым, по обе стороны по рекам и до вершины по реке по Узоле и по Хохлеме, по двум речкам Сергам, и в стрелице, и в раменье порожней бортной лес, знамя крест с отметки, и бортной лес на новодел во всей вотчине. И в тех де местех росчистити им лес и пашня роспахать и храм поставить»⁶⁰. В условиях острой конкуренции между монастырями (не столько даже за землю как таковую, сколько за рабочие руки), в которой ресурсы Троице-Сергиева монастыря или патриаршего Благовещенского монастыря явно превосходили дудинские, безоброчное владение, а также возможность создания на Узоле новых поселений (и налоговые льготы для них), вероятно, рассматривались монастырем в качестве преимуществ, способных привлечь в вотчину крестьян, дополнительным стимулом чего выступали выдаваемые «новоприходцам» в Заволжье монастырские ссуды («лес росчистили, и на ту росчистку на починки крестьян посажали, и монастырскую ссуду им давали») ⁶¹.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8012; Д. 8184. Л. 153—153 об.; *Кабанов А. К.* Материалы по истории Нижегородского края. № 93.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8184. Л. 186—186 об., 191, 227 об.—229.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 293. Л. 933 об., 934 об., 940.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8184. Л. 156—156 об. Таким образом, А. А. Давыдова ошибается, утверждая, что «в 1620-х годах у Нижегородского Дудина Амвросиева монастыря в этих землях, в дремучих лесах появилась небольшая отдаленная от населенных мест „пустынька Скоробогатая“» [5, с. 141].

⁶¹ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8184. Л. 110 об. Вероятно, практика таких ссуд нашла отражение и в документе от 15 января 1552 г., в котором говорится, что в ходе конфликта в Стрелице у монахов среди прочего взяли «пять рублей денег привезли были крестьяном давати ссуду» (Там же. Оп. 14. Д. 8883. Л. 5; *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. С. 226).

Еще одним обстоятельством, предопределившим внимание Дудина монастыря именно к землям по рекам Узолу и Хохломе, была возможность заготовки в заволжских лесах и сплава по этим рекам дров для недавно приобретенной соляной варницы в Балахне⁶². Узол, левый приток Волги, впадает в нее чуть выше Балахны. Моя гипотеза, сформировавшаяся на основе упоминания в источнике о том, что один из прежних держателей этих оброчных земель, Михалко (позднее, в монашестве — старец Марко) Немиров, ранее «для выгонку дров чистил реку Узолу», нашла прямое подтверждение в документе, датированном 24 марта 1614 г.: «Пустынька Скоробогатое... Да оне же де у той пустыньки лес секут и гоняют тот лес Узолою рекою на Балахну к варнице на дрова»⁶³.

Однако, безусловно, для хозяйства монастыря, в значительной мере натурального, реки являлись, прежде всего, источником поступления рыбы, чрезвычайно важного продукта питания в рационе православных монахов. В нижегородских платежницах 1607/1608, 1613/1614, 1618/1619 гг. фигурируют выплаты за оброчные рыбные ловли: «Николы Чудотворца Дудина монастыря у игумена Корнилья з братьею с их монастырских вод, что сумес Рождественского монастыря с водами, оброку 25 алтын, пошлин полосмы денги. 3 Дмитриевских вод в Оке реке на горней стороне оброку 13 алтын 2 деньги, пошлин 4 деньги, и обоего оброку и пошлин рубль 6 алтын полшесты деньги»⁶⁴.

В писцовых книгах 1620-х гг. «письма и меры Нижегородского уезда писца Дмитрия Васильевича Лодыгина, Василия Ивановича Полтева и дьяка Дементия Образцова»⁶⁵ были зафиксированы изменения, произошедшие в составе вотчин Амвросиева Дудина монастыря. Наиболее значительной, как по площади земельных владений, так и по населению, являлась «подмонастырская» вотчина. В нее входили слободка Тетерюгина, 2 сельца, 16 деревень, жеребей села Троицкого («вопче с помещики», земли Троицкого монастыря), в которых, по подсчетам писцов, насчитывалось 201 крестьянский двор, 54 двора бобыльских, 11 дворов «служних», 6 дворов «детенышевых», 14 дворов пустых, «место дворовое», 4 двора монастырских («живут в них детеныши для монастырские пашни») и «двор животинной». Писцами зафиксировано монастырской «пашни паханые» 140 четв.⁶⁶ («а пашут детеныши и крестьяня згоном»), 40 четв. «служни» пашни («а пашут сами на себя»), 556 четв. крестьянской пашни, а также «наездом пашни и с тем что пашут сторонние люди 140 четь, да перелогу и с лесною порослью 608 четь, да лесом поросло против приправочных книг Василия Борисова 20 четь». Всего в «подмонастырской» вотчине было «пашни и перелогом и лесом поросло 1504 четверти в поле, а в дву потому ж»; земля оценивалась как «добрая». Сравнение данных

⁶² В 1604/1605 г. монастырю была дана грамота на варницу в Балахне, предписывавшая с соли, которую варят на монастырский обиход, «весчие пошлины до указу не имать» (РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8184. Л. 175 об.).

⁶³ Там же. Л. 100 об., 189 об.

⁶⁴ Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. С. 72—73, 119, 139; Действия НГУАК. Т. VI. Отдел III. С. 102.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 8039. Л. 3—53; Д. 8050. Л. 1—13; Д. 8058; Д. 8196; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 293. Л. 914—953 об., 1181—1189.

⁶⁶ Здесь и далее — в одном поле, «а в дву потому ж».

из приправочных книг о землях «старых» монастырских вотчин, ранее самостоятельного Троицкого монастыря и д. Кишемской с итогами собственного описания позволило писцам сделать вывод: «Сверх приправочных книг Василия Борисова примерной с новолесною рощистью 340 четвертей в поле, а в дву потому ж». В писцовых книгах зафиксированы также сведения о рыбных ловлях и бортном лесе Дудина монастыря, сенокосах монастырских крестьян (около деревень, на левобережье Оки и на островах, всего 4900 копен).

Анализ номенклатуры названий сельских поселений в вотчине Дудина монастыря (на сопоставимых территориях в Березопольском стане Нижегородского уезда) в период между дозором 1587/1588 г. и писцовым описанием 1620-х гг. показал незначительность изменений в системе расселения. Если по книгам Василия Борисова в вотчине было 17 жилых объектов (15 деревень, 2 починка) и 3 пустых деревни, то по книгам Дмитрия Лодыгина — 19 жилых поселений (2 сельца, часть села, 16 деревень) и 2 пустоши. Находившаяся вблизи монастыря д. Тетерюгина в писцовых книгах Дмитрия Лодыгина впервые обозначена как слободка. Один из имевшихся в вотчине починков исчез бесследно, другой — превратился в деревню. Из трех пустовавших деревень одна возродилась как жилое поселение, причем достаточно многодворное⁶⁷. Особо следует отметить, что ранее считавшиеся деревнями Чернцова и Кишемская записаны писцами как «сельцо», т. к. там был владельческий двор (в данном случае — монастырский), но не было церкви как обязательного атрибута села⁶⁸. Если в Кишемской, новой вотчине, к тому же достаточно удаленной от монастыря, появление монастырского двора ожидаемо, то во втором случае это связано, вероятно, с организацией владельческой запашки, возделываемой монастырскими детенышами и крестьянами «згоном». При этом «сельцо, что была деревня Чернцова» не относилось ни к крупнейшим поселением в вотчине, ни к расположенным вблизи монастыря. При выборе именно его для организации монастырской запашки руководствовались какими-то иными критериями. Можно предположить, что в этой деревне, которая упоминается как поселение на землях Дудина монастыря в наиболее ранних актах, были подходящие условия для земледелия и монастырские «старожилыцы» с опытом ведения именно земледельческого хозяйства⁶⁹.

Преобладающей формой поселения в монастырской вотчине в 1620-х гг. оставалась деревня. Самой многонаселенной была д. Каликина (32 крестьянских двора и 8 бобыльских). Еще 9 населенных пунктов имели от 10 до 18 крестьянских дворов (деревни Подъяблонная, Дубенки, Тредворицы, Польце, Трестяна Монастырская, Швариха, Сляднева, Подсосенье и сельцо Чернцова), несколько меньше были деревни Высокая и Пирошково (7—8 крестьянских дворов). Мало-

⁶⁷ Речь идет о д. Подсосенье, той самой, что существовала уже в 1517 г. Такая ее «живучесть», по-видимому, свидетельствует о неких бесспорных для крестьян преимуществах ее местоположения, гидрологических и/или почвенных условий.

⁶⁸ Н. Ф. Филатов пишет о двух «селах», что отнюдь не одно и то же [16, с. 25].

⁶⁹ К приведенным выше сведениям из правой грамоты от 12 февраля 1555 г. можно добавить свидетельства источников об участии крестьян д. Чернцова Алексея Лифантьева и Михаила Филипьева в качестве «сторонних сторожилыцев» на отводе земель в марте 1597 г. (Анпилогов Г. Н. Нижегородские документы XVI века. С. 218.)

дворные деревни были, скорее, исключением (Большое Березино — 1 крестьянский двор и 1 бобыльский; «Бережное, другое Березино» — 2 крестьянских). В целом, население вотчины выросло более чем вдвое, при этом доля дворов во вновь приобретенных с. Троицком и сц. Кишемском составляет чуть менее 15% этого прироста. Если в дозоре 1587/1588 г. в вотчине было отмечено 20 «дворовых мест» (т. е. без жилых построек), то в писцовых книгах 1620-х гг. — 14 дворов пустых и только одно «дворовое место». Можно предположить, что заведенные здесь крестьянские хозяйства не смогли пережить трудности Смутного времени. Отражением тех же процессов стало сокращение более чем вдвое сошного тягла, зафиксированное в нижегородских платежницах: в 1607/1608 и 1613/1614 гг. с «Николы Чудотворца Амбросиева Дудина монастыря сошного письма в живущем пол сохи и пол-пол-пол-трети сохи» платили 7 руб. 6 алт. 3 д., в 1618/1619 г. — «с полчетьи и с пол-полчети и с пол-пол-полтрети сохи 3 рубля полдесяты ден.»⁷⁰. Доля пустых дворов в вотчинах Дудина монастыря в Березопольском стане на момент писцового описания 1620-х гг. составляла всего 5,9%, что сопоставимо со значением этого показателя (5%) в нижегородских владениях Печерского монастыря (при том, что в его бывших курмышских вотчинах — 43%, а у Благовещенского монастыря, большая часть владений которого находилась на юго-востоке Нижегородского уезда, — 31%). Как представляется, это есть отражение высокой степени восстановления крестьянского земледельческого хозяйства вотчин, расположенных в непосредственной близости от монастырей.

В ходе писцового описания в Нижегородский уезд была передана принадлежавшая Дудину монастырю «пустыня монастырь Пречистые Богородицы Скоробогатые на реке на Узоле, а в нем церковь Благовещение Пречистые Богородицы... И в монастыре ж две кельи, а около монастыря ограда замет. Да за монастырем двор монастырской, а живут в нем монастырские детеныши для монастырские пашни Петрушка Степанов, Тимошка Осипов. Да церковных причетников: двор попов Поликарпа Матвеева, двор проскурницын. Да двор крестьянинской Федки Вырина». Соответственно, писцами зафиксирована запашка церковная, крестьянская и монастырская: «А под монастырем пашни и с тем, что припущено в пашню два починка, починок Корноухов, починок Выползов, пашни паханые новолесные рощисти, и с тем, что припущено в пашню, церковные земли 12 четь, да монастырские пашни⁷¹, а пашут детеныши, 17 четвертей, да крестьянские пашни 3 четверти, да перелогом 24 четверти. И обоего пашни паханые и перелогом оприч церковные земли 44 четверти в поле, а в дву потому ж».

В монастырскую вотчину также входили «к той же пустыни деревни и починки стали и вновь ставятца на новолесных рощистях» (11 деревень, 10 починков и 5 займищ)⁷². Как соотношение различных типов поселений в заволжских вла-

⁷⁰ Действия НГУАК. Т. VI. Отдел III. С. 48; Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. С. 18, 130.

⁷¹ У А. А. Давыдовой — ошибочно — «мирские» [5, с. 142].

⁷² Иные цифры приведены А. А. Давыдовой: «Кроме этой пустыни Скоробогатовскую волость в 1620-х годах составляли 28 населенных пунктов. Жилыми из них было 26. Большинство их писец отнес к категории починков и займищ „на льготе“ — 17 новых поселений».

дениях монастыря, так и предоставление налоговых льгот для 6 починков и 4 займищ («для дворовые ставки и распашки во всяких государевых податех дано льготы со 132 году сентября с 1 числа на 10 лет») свидетельствует, что на момент писцового описания шел процесс крестьянского расселения и активного хозяйственного освоения заволжской вотчины Дудина монастыря. В той части вотчины, что была положена в тягло писцы зафиксировали 39 дворов крестьянских, 13 бобыльских, один пустой, «пашни паханые крестьянские и с тем, что под монастырем, 114 четвертей да перелогом 78 четвертей, и обою пашни и перелогом, оприч того что под монастырем, 192 четверти в поле, а в дву потому ж», в льготных починках и на займищах — 5 дворов крестьянских, 10 бобыльских, 4 «избенки», «пашни паханые новолесные рощисти 12 четвертей с осминою в поле, а в дву потому ж». В писцовых книгах 1620-х гг. отдельно описаны владения приписного Матюшевского монастыря — с. Матюшево (Воскресенское) на р. Кишме, в котором было 14 крестьянских и 10 бобыльских дворов, «пашни паханой» монастырской 40 четв., крестьянской — 40 четв., перелогом — 42 четв.

Таким образом, обращение к писцовому описанию 1620-х гг. показало неполноту имеющихся в литературе сведений о вотчине Амвросиева Дудина монастыря [5, с. 141—143; 16, с. 24—25], который на тот момент являлся одним из крупнейших землевладельцев Нижегородского края, уступавшим по общему количеству пашни паханой и перелогу, числу крестьянских и бобыльских дворов, средним размерам поселения среди собственно нижегородских монастырей лишь Печерскому и Благовещенскому [13, с. 331, 374, 375]. Между переписями 1620-х и 1640-х гг. Дудин монастырь не приобрел новых земельных владений. На фоне почти пятикратного увеличения количества дворов во владениях Благовещенского монастыря, трехкратного — в вотчине Печерского, удвоение числа принадлежащих ему крестьянских дворов выглядит весьма скромно. В 1646 г. на землях духовной корпорации в Березопольском стане Нижегородского уезда, включая с. Матюшево (Воскресенское), насчитывалось 396 дворов (935 д. м. п.). Применительно к этим владениям речь идет исключительно об увеличении дворности ранее существовавших поселений. Иная картина наблюдалась в Заволжье,

Исследователь, вероятно, посчитала как «населенный пункт» упомянутые в писцовых книгах Дмитрия Лодыгина в весьма специфическом контексте топонимы: «припущено в пашню два починка, починок Корноухов, починок Выползов». Примечательно, что в переписных книгах 1646 г. оба они вновь зафиксированы как названия починков, причем в Корноухове было 3 крестьянских двора и 1 бобыльский, а в Выползове жили церковные причетники. Сведения писцовых книг о заволжской вотчине Дудина монастыря (число деревень, починков и займищ, «живущие четверти» и «сошное письмо») находят подтверждение в платежным документам. Так, в нижегородских платежницах 1645/1646 и 1647/1648 гг. записано: «пустыня монастырь Пречистые Богородицы Скоробогатые, а к монастырю 11 деревень да 4 починка да займище в живущем с 17 четьи, а сошного писма с пол-пол-полчети сохи и с чети без полуосмины пашни 19 алт. 3 ден., да со лготных сошти починков да с 4 займищ с живущаго сошти четьи 4 алт. 3 ден., и обою 24 алт. И те деньги на нынешней 156 год взяты сполна» (Действия НГУАК. Н. Новгород, 1913. Т. XV. Вып. III. С. 115; Вып. V. С. 111). Поскольку платежницы отражают не фактическое состояние дел на дату их составления, а предшествующий писцовый оклад, то умозаключения А. А. Давыдовой об изменениях в монастырской вотчине, основанные на сопоставлении писцового описания и «Платежной книги 1646 года», не имеют отношения к реальности [5, с. 142—143].

где продолжалась внутренняя колонизация вотчины — возникли новые починки, существенно выросло число деревень, большинство из которых продолжали оставаться малодворными. Согласно переписи 1646 г. здесь было 2 сельца («сельцо Скоробогатой пустыни» и «сельцо, что был починок Солишное»), 17 деревень, 38 починок, 3 займища, одна пустая деревня, 285 крестьянских и бобыльских дворов (584 д. м. п.)⁷³. Отметим, что полученные итоговые цифры количества дворов в монастырской вотчине отличаются, хотя и несущественно, от тех данных, что включены в «Роспись ис переписных книг перечневую, сколько за кем числом крестьян», датированную Н. К. Никольским 1653—1654 гг., и «Роспись 170 году, какова взята из Монастырского приказу за дьячьёю приписью, сколько за всеми монастырями крестьянских дворов», согласно которым за монастырем числилось 696 дворов⁷⁴.

Нижегородскими переписными книгами 1678 г. зафиксирована общая тенденция довольно значительного, более чем на треть, сокращения количества крестьянских и бобыльских дворов у крупнейших нижегородских монастырей по сравнению с переписными книгами 1640-х гг.: у Печерского монастыря оно составило 36%, у Благовещенского — 41%, у Дудина — 46%. Прежде всего, это происходило за счет перераспределения земельных владений внутри самой церковно-монастырской корпорации. В частности, причисление Дудина монастыря вместе с приписным Матюшевским монастырем к Патриаршему Дому сопровождалось передачей в непосредственное ведение патриаршей канцелярии не только матюшевского с. Воскресенское, но и части дудинских вотчин (Скоробогатовской волости и с. Соличное с деревнями)⁷⁵. В 1678 г. во владениях Дудина монастыря, по подсчетам писцов, оставалось 315 дворов (1205 д. м. п.). Таким образом, на сопоставимых территориях, в той части вотчины, управление которой осталось за дудинскими властями, в период между государственными переписями произошло сокращение числа дворов примерно на 11% — при заметно выросших и общем количестве д. м. п., и средних показателях населенности двора⁷⁶.

Обращение к описям начала 1670-х гг. позволяет составить представление о ситуации в вотчине Дудина монастыря после его превращения в домовую обитель патриарха. Номенклатура названий сел и деревень в описи Дионисия Омачкина 1670 г., сведения которой были включены в текст жалованной грамо-

⁷³ РГАДА. Ф. 281. Д. 8136, 8196.

⁷⁴ Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. 1861. Т. 2. С. 401—422; *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII в. Т. I. Вып. 1. СПб., 1897. Прил. 1. С. X.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Д. 7529. Л. 344—358 об., 425 об.—426 об. Если Матюшевский монастырь и с. Воскресенское (Матюшево) и далее оставались за патриархом (в «Переписных книгах патриарших вотчин 1702 г.» в Нижегородского уезда значится «новоприданное село Матюшево», в «Книге переписной, сколько за Святейшим патриархом в разных уездах крестьянских и бобыльских дворов» 1710 г. — «патриарше село Воскресенское, что был Матюшев монастырь»), то заволжские владения Дудина монастыря затем не раз меняли владельца. В начале XVIII в. это заопределенная вотчина Высокопетровского монастыря. (РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 119. Л. 377—399; Д. 157; *Булыгин И. А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. С. 222.)

⁷⁶ РГАДА. Ф. 281. Д. 8252; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7529. Л. 378—404 об.

ты 1676 г., совпадает с переписными книгами 1678 г.⁷⁷, однако количество дворов в большинстве населенных пунктах отличается, порой существенно. Всего в монастырской вотчине насчитывалось 716 крестьянских и бобыльских дворов, в том числе 429 дворов — в той ее части, которая осталась за Дудиным монастырем. Имеющиеся разночтения в демографической информации монастырских хозяйственных книг 1670—1672 гг. не меняют картину принципиально. Таким образом, источники показывают, что сокращение числа дворов в вотчине началось после передачи монастыря патриарху, в последние годы перед общероссийской переписью. Если сравнивать данные тех владений, которые остались в вотчине Дудина монастыря, то количество дворов здесь уменьшилось примерно на четверть. Наряду с побегам, в том числе в связи с крестьянской войной Степана Разина, затронувшей Нижегородский край самым непосредственным образом, имели место, вероятно, и организованные переселения монастырских крестьян на земли патриарха. Так, согласно сказке монастырских слуг и мирских выборных 1678 г., часть «беглых» из д. Высокая и д. Тредворцы «живут в патриаршей Спасской волости»⁷⁸. Тот факт, что количество зафиксированных в переписных книгах 1678 г. пустых дворов существенно меньше, чем можно было бы ожидать, исходя из состояния вотчины на момент описаний 1670—1672 гг., позволяет высказать гипотезу о сокрытии части дворов от налогообложения. Предположение представляется тем более вероятным, что писцами была пресечена подобная попытка в расположенной неподалеку вотчине Нижегородского Благовещенского монастыря, также домового монастыря патриарха⁷⁹.

С начала 1680-х гг. единственным более или менее легальным способом расширения владений монастырей становятся «мены», как правило, представлявшие собой замаскированную куплю-продажу земли без крестьян. Начало формированию ядринской вотчины Дудина монастыря («село Никольское за рекою Сурою», «Никольское, а Выла тож») было положено в 1682/1683 г. неэквивалентным обменом с ядринцем Микитой Городецким, передавшим монахам часть своей поместной земли («12 четь в поле, а в дву потому ж»). Несмотря на то, что подобные обмены должны были производиться без крестьян, «пусто на пусто», уже в писцовых книгах стольника Константина Кафтырева и подьячего Алексея Волкова 1684/1685 и 1685/1686 гг. новая монастырская вотчина предстает довольно обжитой: «Блаженные памяти великого господина святейшего Иоакима, патриарха Московского и всеа России, домового ево Николаевского Амросиева Дудина монастыря игумена Георгия з братиею вотчина Николаевская поселена внове на новоросчисных бортных местех подле черемиских земель. А в той Никольской деревне крестьянских дватцать восемь дворов, двор бобыльской». Согласно сказ-

⁷⁷ Во всех документах уже отсутствует д. Березина, которая еще существовала в середине 1640-х гг.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7529. Л. 385 об., 386 об. Спасская волость — бывшая вотчина Нижегородского Благовещенского монастыря, также отошедшая патриарху в период между переписями 1646 и 1678 гг.

⁷⁹ Там же. Л. 377—377 об. Речь идет о 21 дворе в с. Гнилицы и д. Гавриловка в Стрелицком стане.

ке посельского старца, «переведены те крестьяня и поселены на той земле того ж Николаевского Дудина монастыря из Нижегородского уезду из розных вотчин после переписных книг в прошлом во 192 году»⁸⁰. В алатырской вотчине Дудина монастыря (деревня «Балеева, а Наумово и Веригино тож»), также сформировавшаяся в результате неэквивалентных обменов⁸¹, в ноябре 1701 г. насчитывалось 25 крестьянских дворов. Перед описывавшим вотчину стольником С. И. Толстым крестьяне заявили, что часть из них были «перевезены в деревню Балееву» монастырем из его нижегородских вотчин, а кто-то «пришел собою» оттуда же⁸².

Доля земель, полученных в результате «мены» в самом Нижегородском уезде, у всех нижегородских монастырей была невелика; в основном речь идет о незначительных «округлениях» старых владений за счет соседних земель. В описи документов в казенной палате Дудина монастыря 1701—1702 гг. зафиксирована «зделошная запись» 1695/1696 г. о промене П. Ф. Скорятиным «поместной своей земли в Нижегородском уезде в Березопольском стану в деревне Трестяне и в пустошах, дворовые места и починки, дачю с пашнею и с лесы и с санными покосы и со всеми угоды и с примерною землею две чети в поле, а в дву потому ж», примыкавшей к одноименной монастырской деревне⁸³.

Во всех неэквивалентных обменах Дудин монастырь взамен вновь приобретаемых земель отдавал некоторую долю принадлежавших ему владимирских пустошей. Точная дата приобретения монастырем этих земель не известна. В 1701—1702 гг. в монастыре имелась недатированная «данная Василия Иванова сына Языкова, что он дал в дом чудотворца Николая и преподобного отца Сергия в Дудин монастырь вотчины своей две деревни Тарасово да Язвецово по приказу дяди своего Филиппа по изустной грамоте, и на те деревни вотчинные крепости дал игумену Михаилу з братиею» и документ 1597/1598 г., в котором д. Тарасова уже названа монастырской⁸⁴. Обе деревни превратились в пустоши задолго до осуществления монастырем неэквивалентных обменов: уже в 1655/1656 г. монастырь сдавал эти пустоши в аренду крестьянам соседней дворцовой д. Шатнева на 20 лет (оброк составлял 10 рублей в год); пустошами они являются и на момент проведения межевания в середине 1670-х гг.⁸⁵ Во всех сохранившихся документах площадь уступаемых монастырем владимирских земель крайне невелика.

Наложение запрета на подобные сделки известным указом от 11 марта 1701 г. («с помещики и с вотчинники жилыми и пустыми землями до указу Великого Государя не менятца») в условиях вводимых государством ограничений на распоря-

⁸⁰ РГАДА. Ф. 281. Оп. 20. Д. 14743; Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье. С. 117—118.

⁸¹ См., напр.: РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 150. История формирования алатырских и ядринских вотчин монастыря не является предметом данного исследования. Однако, следует подчеркнуть, что каких-либо оснований для вывода о существовании у Дудина монастыря владений в этих уездах в XVI в. источники не дают [6, с. 18; 10].

⁸² РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 305, 338, 356.

⁸³ Там же. Л. 192 об.

⁸⁴ Там же. Л. 199—199 об. П. Строев знает игумена Михаила в 1573 и 1585—1588 гг. (*Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви*. СПб., 1877. С. 618).

⁸⁵ Там же. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 192 об., 199—199 об., 200 об.—201; Ф. 281. Оп. 1. Д. 74; и др.

жение движимым имуществом и денежными средствами духовных корпораций было обусловлено стремлением не допустить как распродажу монастырских земель, так и конвертацию подпадающего под указ движимого имущества и денег в земельные владения⁸⁶. Согласно описанию П. Б. Вельяминова в 1701—1702 гг. нижегородские владения Амвросиева Дудина монастыря включали подмонастырскую Тетерюгинскую слободу, жеребей села Троицкое и 15 деревень, в которых насчитывалось 436 дворов (1454 д. м. п.). Владения Дудина монастыря значительно уступали как крупнейшим собственно нижегородским духовным корпорациям: у Печерского монастыря только в Нижегородском уезде (т. е. без курмышского с. Коропово) насчитывалось 1813 крестьянских и бобыльских дворов (5088 д. м. п.), у Благовещенского — 1189 дворов (4062 д. м. п.), так и нижегородским вотчинам Троице-Сергиева монастыря [13; 14]. За последнюю четверть XVII в. не изменилось ни число поселений, ни их статус, ни номенклатура названий населенных пунктов. Мирской староста Дмитрий Дмитриев сын Мясникова засвидетельствовал перед переписчиками, что по сравнению с предыдущей переписью 1678 г. лишь в двух деревнях число дворов сократилось (на одно дворохозяйство в связи со смертью или побегом дворовладельца), в остальных — количество дворов увеличилось («те дворы прибыли розделились ис тех же крестьянских дворов от семей», «те дворы прибыли розделились ис тех же крестьянских дворов сын от отца, брат от брата») или осталось прежним. Как представляется, близость числа дворов к данным монастырских хозяйственных книг начала 1670-х гг. является косвенным свидетельством исчерпанности ресурсов для существенного расширения крестьянского землепользования в нижегородской вотчине Дудина монастыря. Ответом на наметившуюся проблему малоземелья и стало переселение нижегородских крестьян во вновь приобретенные владения монастыря в Алатырском и Ядринском уездах.

Как хронологически наиболее близкое к существующим картографическим материалам XVIII в. описание 1701—1702 гг. является в данном исследовании исходной точкой ретроспективного картографирования землевладения Дудина монастыря. Большинство поселений вотчины было обнаружено на картах 1730-х гг. и уездных планах Генерального межевания, в составе двух крупных дач (Горбатовский уезд, дача № 129; Балахнинский уезд, дача № 92). Однако привязка к карте ряда исчезнувших к моменту межевания деревень потребовала привлечения всей информации, содержащейся в более ранних источниках, прежде всего в межевых книгах 1562 г., писцовых и межевых книгах 1620-х гг., изучения гидронимов и оронимов в «ареале соотнесения» ранее уже идентифицированных монастырских деревень. Так, местоположение д. Высокая удалось установить благодаря ремарке писцовых книг Дмитрия Лодыгина, что она «на долу стоит на два усада через враг»; последний был отождествлен с отмеченным на межевом плане Высоковским оврагом. Достаточно точно нанести на карту д. Тредворицы, которая, согласно писцовым книгам 1620-х гг., «на верховье речки Чорные стоит на два усада», позволяет упоминание ее в межевых книгах 1562 г. в связке с частновла-

⁸⁶ Там же. Ф. 237. Оп. 1. Д. 45. Л. 79; ПСЗ. Т. IV. № 1839.

дельческой д. Трестяны⁸⁷. Для д. Пирошково в качестве основания для привязки к местности, пусть и приблизительной, рассматривается совокупность упоминаемого в писцовой книге гидронима («на речке на Дубрословке») и свидетельства А. М. Бритова, жителя д. Шварихи, также входившей когда-то в вотчину Дудина монастыря, о том, что одно из полей в окрестностях и сегодня называется Пирожково⁸⁸. Исчезнувшая ко времени Генерального межевания д. Садки, согласно источникам, располагалась на левобережье Оки, «на Садовом озере» или «на озере Садки»⁸⁹.

Попытка продолжить ретроспективное картографирование и привязать к карте монастырские деревни из писцовых книг 1620-х гг., которые к 1702 г. уже не существовали, также оказалась в целом успешной. Так, о д. Большое Березино известно, что она находилась «через овраг» от д. Подъяблонной, и этот овраг был идентифицирован на плане дачи № 129. Название еще одного поселения («Бережное, другое Березино») указывает на его прибрежное положение, что подтверждается дозорными книгами Василия Борисова, в которых оно фигурирует как «Березино на Оке реке». Пустошь Болотцо («бывшая деревня Болотцо»), согласно тексту межевых книг 1562 г., расположена рядом с частновладельческой д. Непейцина, а писцы 1620-х гг. отмежевывают ее вместе с монастырским сц. Чернцово от частновладельческой же д. Грибанцовой, что и позволяет определить примерное ее местонахождение⁹⁰. Таким образом, исчезнувшие к началу XVIII в. деревни подмонастырской вотчины из писцовых книг Дмитрия Лодыгина также находились в границах дачи № 129.

Уже на карте 1729 г. из собрания Национальной библиотеки Франции обнаружены с. Матюшево (Воскресенское) на р. Кишме и с. Скоробогатое в Заволжье. Отметим, что для заволжских вотчин картографирование возможно лишь частично, ввиду большого количества починков, однодворных и малодворных деревень, значительная часть которых позднее была переименована или прекратила свое существование, не оставив следа в картографических источниках XVIII в. Местоположение оброчных монастырских деревень в Стрелицком стане Нижегородского уезда может быть установлено приблизительно по ряду гидронимов, сопутствующих им в актах и выписи из писцовых книги Григория Заболоцкого и Третьяка Дубровина (1564/1565 г.).

В дополнение к поиску сельских поселений монастырской вотчины на картах и в документах Генерального межевания было проведено и «обратное» сопоставление, отправным пунктом которого явилось составление перечня объектов, помеченных межевщиками как относящиеся к ведомству Коллегии экономии. Это

⁸⁷ В материалах Генерального межевания одноименная пустошь зафиксирована как отдельная дача.

⁸⁸ Пчелин Н. А. Домовая обитель патриарха: тайны Дудина Николая Чудотворца Амвросиева монастыря. С. 31.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 293. Л. 929 об., 935, 950 об.; Ф. 1354. Оп. 265. Ч. 1. (898) Д. П—11 (красн.). Отметим, что монастырские деревни Желнино и Садки, несмотря на их расположение на левом берегу Оки, в источниках всегда отнесены к Березопольскому стану Нижегородского уезда.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 293. Л. 945 об.

позволило идентифицировать некоторые принадлежавшие Дудину монастырю вотчины, которые в силу своего местоположения не попадали в первоначальный «ареал соотносения», в частности, монастырскую д. Кишемская (Горбатовский уезд, дача № 174), которая ввиду отсутствия в документах уникального для данной местности топонима ранее могла быть лишь приблизительно локализована в верхнем или среднем течении современной р. Кишма⁹¹. Материалы Генерального межевания свидетельствуют о долевом владении и в последней четверти XVIII в. с. Троицкое (Горбатовский уезд, дача № 375), часть которого отошла Дудину монастырю в 1598/1599 г. вместе с запустевшим Троицким монастырем.

В целом, коэффициент соотносения поселений вотчины Дудина монастыря в Нижегородском уезде в XVI — начале XVIII в. с объектами, нашедшими отражение в материалах Генерального межевания, очень высокий. Удалось картографировать или достаточно точно локализовать большинство деревень из дозорных книг 1587/1588 г., писцовых книг 1620-х гг., переписных книг 1646 и 1678 гг. и описания 1701—1702 гг. Анализ показал, что систему расселения в нижегородской вотчине монастыря с конца 1580-х гг. можно считать в целом преемственной. К началу XVIII в. нижегородская вотчина состояла из четырех частей. Самая большая из них располагалась в Березопольском стане на правом берегу Оки, непосредственно примыкая к монастырю. Вотчина на р. Кишме (д. Кишемская) и жеребей в с. Троицкое были невелики. Владения на левом берегу Оки были значительны по площади и, несмотря на их малонаселенность (д. Жолнина, д. Садки), играли важную роль в организации монастырского и крестьянского хозяйства, поскольку здесь были вотчинные сенокосы и принадлежавшие монастырю промысловые угодья.

В рамках исследования была предпринята попытка соотнести с материалами Генерального межевания топонимы из жалованной грамоты 1484/1485 г. и межевых отводов 1499/1500, 1564/1565 и 1593/1594 гг. на Коршевский и Кляпоборский бортный ухажей, а также отводной памяти Остафья Молвянинова и Михаила Арапова 1499/1500 г. на рыбные ловли, полученные монастырем по наиболее ранним великокняжеским актам. Важными представляются следующие наблюдения. Во-первых, можно предположить, что с получением Коршевского и Кляпоборского бортного ухажей возможности Дудина монастыря по хозяйственному освоению прилегающих к обители и рыболовным угодьям территорий существенно расширились. Однако источники этого времени не содержат информации о характере использования этих промысловых угодий, поэтому необходимо избегать неоправданных модернизаций⁹².

Во-вторых, попытка картографирования Коршевского и Кляпоборского бортного ухажей показала, что на левом берегу Оки часть межевых ориентиров идентифицировать невозможно, однако для правобережья границу бортных вла-

⁹¹ В рассматриваемое время считалось, что в озеро, на берегу которого стоит с. Ворсма, впадает р. Кишма, а вытекает из него другая река, называвшаяся местными жителями Ворсма.

⁹² Примером такой модернизации может служить тезис авторов статьи «Рыболовный промысел в окрестностях Нижнего Новгорода в средние века» о том, что «монастырские рыболовные промыслы обслуживались большими коллективами зависимых крестьян» [4, с. 86].

дений монастыря удалось прочертить на планах Генерального межевания практически непрерывной линией, начинающейся с Оринкина оврага (в материалах межевания — «Аринкинский») и заканчивающейся устьем речки Кривуши (на плане Горбатовского уезда — р. Криуша, правый приток Оки, впадающий в нее выше Дудина монастыря). Следует подчеркнуть, что территория правобережной части Коршевского и Кляпоборского бортного ухोजея существенно больше, как отмежеванной в 1785 г. дачи с. Подъяблонное с деревнями (Горбатовский уезд, № 129), так и «подмонастырских» владений Дудина монастыря, документированных материалами писцового делопроизводства XVI — начала XVIII в. При этом монастырский бортный ухोजей конца XV в. и дача Экономического ведомства представляют собой как бы два «пересекающихся множества». Чрезвычайно важным представляется то обстоятельство, что в полученном «ареале совпадения» находятся деревни Чернцово и Подсосенье, известные как входящие в вотчину Дудина монастыря по наиболее ранним источникам. Иными словами, картографирование подтвердило, что исторически ядром формирования вотчинного землевладения Дудина монастыря была именно территория бортного ухोजея⁹³. Тем не менее, сельскохозяйственное освоение леса, где ходили монастырские бортники, не являлось исключительной прерогативой Дудина монастыря, внутри его границ находятся населенные пункты, известные в XIV в. как частновладельческие, оброчные и поместные. И, наоборот, некоторая часть дачи экономических крестьян (д. Польце и д. Дубенка) лежит за пределами монастырского бортного ухोजея, на левом берегу реки Черной. Описание местоположения исчезнувшей к моменту Генерального межевания д. Тредворица («на верховье речки Черные стоит на два усада») не позволяет однозначно установить, являлась ли эта территория частью Коршевского и Кляпоборского бортного ухोजея, граница которого как раз и проходила по упомянутой реке. Скорее всего, нет, так как жалованная грамота 25 апреля 1560 г. локализует эту деревню «в Березополье в Селейкинской волости»⁹⁴. Отличие деревень Коршевской волости⁹⁵, возникших на землях монастырского

⁹³ Обращение к материалам Докучаевского описания Нижегородской губернии подтверждает данное наблюдение. «Остальная часть плато, как видно из описания его рельефа, овражиста и холмиста, на ровных же местах обладает типичными суглинистыми почвами, которые развиты в следующих селениях: ...Ченцово (Чернцово источников XVI—XVII вв. — *Н. С.*), Сляднево, Подсосенье, Швариха, Калинкино (Каликино. — *Н. С.*), Трестяна... Эти суглинистые почвы отличаются крайним однообразием как по цвету, так и по мощности; цвет их серый с каштановым оттенком, содержание гумуса от 2½ до 3½%, мощность равномерно окрашенного почвенного горизонта 7—8 дюймов; переходный ореховатый слой, толщиной до 8 дюймов, указывает на то, что эти почвы лесного происхождения, что здесь некогда были леса; это последнее подтверждается отчасти и остатками чернолесья, разбросанного отдельными группами, в виде рош и перелесков, по всему плато, а также и рассказами старожилов». (Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. С. 132—133.)

⁹⁴ РГАДА. Ф. 281. Оп. 5. Д. 8184. Л. 44; *Кабанов А. К.* Материалы по истории Нижегородского края. № 97. С. 109.

⁹⁵ Вопрос о том, что собой представляла Коршевская волость выходит за рамки данной статьи. Однако картографирование показало, что отнесение А. В. Антоновым д. Чернцова к Гороховцевской волости — явное недоразумение [1, с. 156]. Как справедливо указывал П. В. Ченцов, крестьяне этой волости в документе фигурируют в качестве «судных мужей», а деревни Чернцово и Непецино упоминаются в нижегородских документах конца 1580-х гг. [18, с. 35—

бортного ухोजея («на монастырской земле на леси стало»), от новых приобретенных из фонда оброчных или поместных земель, которые требовали соответствующего документального оформления, нашло отражение в комплексе актов Дудина монастыря⁹⁶.

Картографирование монастырской вотчины по межевым книгам 1562 г. показало, что пределы земледельческого «освоения» монастырем Коршевского и Кляпоборского бортного ухोजья к этому времени в основном уже определились. Границы монастырской вотчины очень близки к тому, как очерчена на планах Генерального межевания дача № 129. Анализ текста межевых книг также объяснил причины возникновения внутри дачи Экономического ведомства небольшого анклава (Горбатовский уезд, дача № 130). Он образовался там, где Г. И. Заболоцким была отмежевана «поместная земля Матфея Княжгорского деревни Бокше-евской», «в межах» которой упомянуты монастырские деревни Шварева (д. Швариха источников XVII в. — *Н. С.*) и Тредворцова, а также частновладельческая деревня Польце. С приобретением земель последней (пустошь Большое Польце) в 1585 г. и оставшиеся различия практически исчезли, что прослеживается при наложении на планы Генерального межевания границ вотчины Дудина монастыря из писцовых и межевых книг 1620-х гг.

На основе межевой выписи на владимирскую вотчину Дудина монастыря из «Книг письма и меры писца стольника Назария Михайловича Засецкого да подьячего Осипа Леонтиева 182-го и 183-го годов»⁹⁷ был составлен список деревень дворцовой Ярополческой волости, находившихся «в межах» с пустошами Тарасовой и Язвецово. Большая их часть выявлена на планах Генерального межевания, что позволило идентифицировать в качестве бывших монастырских пустошей дачу Экономического ведомства (Вязниковский уезд, дача № 30). На момент проведения Генерального межевания пустоши по-прежнему оставались в однородном во владельческом отношении окружении (Вязниковский уезд, дача № 5). Можно предположить, что новые владельцы, получившие часть монастырской земли в результате неэквивалентного обмена, сами не осуществляли здесь какой-либо хозяйственной деятельности (например, сдавали свои доли в аренду⁹⁸), а возможно, уже изначально речь шла о фиктивных сделках, не предусматривавших каких-либо изменений в статусе владимирских владений монастыря.

Таким образом, изучение истории формирования вотчины Амвросиева Дудина монастыря позволяет констатировать, что процесс складывания земельных

36]. Соответственно, лишено смысла и упоминание Гороховецкой волости в статье о Дудине монастыре в «Православной энциклопедии» [10].

⁹⁶ Документ 1585 г. на пустошь Большое Польце также не содержит указания на ее принадлежность к Коршевской волости, хотя последняя будет упомянута в другой жалованной грамоте спустя всего полгода (РГАДА. Ф. 281. Оп. 5. Д. 7977; Д. 8184. Л. 15—19, 44 об.; *Кабанов А. К.* Материалы по истории Нижегородского края. № 48. С. 66—67).

⁹⁷ РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 74.

⁹⁸ В том числе и самому Дудину монастырю, как, например, вдова Авдотья Иванова дочь Елмяшевская жена Балеева, «променившая» в 1685/1686 г. свои 30 четвертей на одну четверть в пустоши Язвецово и тут же сдавшая ее монахам в аренду на 15 лет, получив сразу всю сумму арендной платы. (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 185 об.—186.)

владений духовной корпорации протекал в русле общих тенденций, характерных и для других древнейших монастырей Нижегородского края. При этом темпы роста монастырской вотчины после Смуты, при первых Романовых, заметно ниже, чем у Печерского или Благовещенского монастырей. Исследование показало, что в «патриарший» период Дудин монастырь не имел преимуществ, которые бы сколько-нибудь существенно влияли на темпы роста его землевладения в Нижегородском уезде⁹⁹. Ретроспективное картографирование монастырских владений выявило непосредственное соседство дудинских владений с вотчинами Троице-Сергиева, Благовещенского и Печерского монастырей. Если подтвердится гипотеза о существовании в близко расположенных вотчинах сходных условий хозяйствования, прежде всего, с точки зрения развития производительных сил, агротехники, рынка, то это откроет возможности для корректного сравнительного анализа развития их вотчинного хозяйства.

Литература

1. Антонов А. В. Правая грамота 1555 года из архива Нижегородского Дудина монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 6. М., 2000. С. 155—167.
2. Антонов А. В., Маштафаров А. В. Вотчинные архивы нижегородских духовных корпораций конца XIV — начала XVII веков // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. С. 417, 445—456.
3. Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977.
4. Грибов Н. Н., Цепкин Е. А. Рыболовный промысел в окрестностях Нижнего Новгорода в средние века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Сборник научных и методических статей. Н. Новгород, 2004. С. 71—95.
5. Давыдова А. А. Пространственно-демографические изменения и особенности структуры расселения Нижегородского уезда в конце XVI — XVII вв.: Дис... канд. истор. наук: Н. Новгород, 2005.
6. Дёгтева О. В. Амвросиев Николаевский Дудин монастырь. Н. Новгород, 2008.
7. Дёгтева О. В. Амвросиев Николаевский Дудин монастырь // Нижегородская старина: Краеведческо-историческое издание. 2007. № 13. С. 32—41.
8. Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985.
9. Макарий, архимандрит. Памятники церковных древностей Нижегородской губернии // Записки Императорского археологического общества. Т. X. СПб., 1857.
10. Маштафаров А. В., Кочетов Д. Б. Дудин Амвросиев во имя святителя Николая Чудотворца мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. XVI. М., 2008. С. 319—321.

⁹⁹ Утверждение О. В. Дёгтевой, что «именно в это время значение этой обители достигает наивысшего предела. В этот период он становится самым крупным вотчинником-землевладельцем не только в Березопольском стане, но и в соседних районах», не имеет под собой никаких оснований [6, с. 24].

11. *Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер, методы исследования. М., 1986.

12. *Романов Б. А.* Судебник 1550 года // Судебники XV—XVI вв. М., 1952.

13. *Соколова Н. В.* Монастырское землевладение и хозяйство в Нижегородском крае в XVII — середине XVIII в.: Дис... канд. истор. наук: М., 1990.

14. *Соколова Н. В.* Нижегородские вотчины Амвросиева Дудина монастыря в начале XVIII в. (землевладение, хозяйство, крестьяне, сельская община) // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 6. С. 550—558. DOI:10.7256/2222—1972.2013.6.10386

15. *Соколова Н. В.* Писцовые книги XVII в. как источник по истории монастырского землевладения в Нижегородском крае (к вопросу о достоверности данных) // Массовые источники отечественной истории: Материалы X Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI—XX вв.: проблемы изучения и издания», посвященной 90-летию А. Л. Шапиро. Архангельск, 25—26 июня 1998 г. Архангельск, 1999. С. 225—233.

16. *Филатов Н. Ф.* Веси Нижегородского края: Очерки истории сел и деревень Поволжья. Н. Новгород, 1999. С. 20—27.

17. *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. II. М., 1951.

18. *Чеченков П. В.* Нижегородский край в конце XV — третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Н. Новгород, 2004.

19. *Чеченков П. В.* Ранние писцовые описания Нижегородского уезда // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. — 2 февр. 2008 г. М.: РГГУ, 2008. Ч. 2. С. 673—676.

*М. С. Черкасова*¹

Алатырские акты и вотчинное право в Среднем Поволжье в первой четверти XVII в.

В статье рассмотрены поземельные акты из архива Троице-Алатырского монастыря первой четверти XVII в., отразившие особенности вотчинного права мордовских князей и мурз. Показаны виды сделок, соотношение группового и частного начала, значение «знамен» как знаковой системы, закреплявшей владельческие права семьи и индивида на промыслы и земли, роль духовной корпорации в христианизации мордвы.

Ключевые слова: *актовые источники, землевладение, служилая и тяглая мордва, монастырь.*

Изучение региональных особенностей развития феодальной земельной собственности является актуальной научной задачей. В этом отношении обширный край Среднего Поволжья со сложным этно-конфессиональным составом, напряженной социально-политической историей в XVI—XVII вв. представляет собой благодатную «лабораторию» источниковедческого поиска и конкретно-исторического исследования. В одном из уездов Среднего Поволжья — Алатырском — на протяжении XVII в. формировалось дворцовое, монастырское, поместно-вотчинное землевладение, происходили бурные миграционные и этно-демографические процессы. В. Д. Дмитриев называет Алатырь центром крупного мордовско-русского уезда, подвергавшегося усиленной дворянско-монастырской колонизации [4, с. 97]. Алатырь в XVI—XVII вв. входил в число Понизовых городов, а обширный уезд был расположен между реками Пьяной, Алатырем и Сурой. Здесь издревле проживали группы мордвы-эрзи, родственные арзамасской мордве.

В предлагаемой статье автор попытается проанализировать особенности вотчинного права на землю и крестьян в 1612—1627 гг. на материалах из архива Троице-Алатырского монастыря, приписанного к Троице-Сергиеву после Смуты [6; 12]. Приписка (на протяжении 1615—1618 гг.) мотивировалась полным разорением обители от казаков, татар и мордвы («игумен, старцы, служки и крестьяне побиты, а иные от насилства розбрелись розно, и монастырь разорен, и мо-

¹ *Черкасова Марина Сергеевна*, доктор исторических наук, Вологодский государственный университет, mskerkasova@mail.ru, Россия, г. Вологда.

настырская вотчина запустела»²). Для изучения отношений алатырской духовной корпорации с различными слоями местного общества необходим отдельный анализ нескольких групп актов, происходящих от: 1) мордовских мурз и крестьян-бортников; 2) поместных казаков; 3) посадских людей. Рассмотрению актов первой группы посвящена настоящая статья.

Поясним, что это не мордовские акты в собственном смысле, а информация о вотчинных (реже — поместных) земельно-промысловых владениях мордовских князей и мурз (служилая группа) и рядовой мордвы (тяглая группа), отраженная в оформленных русскими писцами по сложившемуся формуляру записях (данных, вкладных, поступных, мировых, межевых, купчих, закладных — всего десятка полтора за 1617—1627 гг.). В них мордовская сторона (и большими группами — до 34 чел., и малым составом из 2—3 чел., реже — индивидуально) выступала как участник договорно-правовых отношений с монастырями — Троице-Сергиевым, Троице-Алатырским, различными представителями алатырского общества (русскими помещиками, верстанными казаками, посадскими и приборными служилыми людьми). Наряду с актами, привлекается писцовая книга Алатырского уезда Д. Ю. Пушечникова и подьячего Аф. Костяева 1624—1626 гг. в ее монастырской³ и татарской⁴ частях.

В троицком архиве имеются документы о мордве и по другим поволжским уездам — Арзамасскому, Нижегородскому, Темниковскому, но они в данной статье не рассматриваются. Отметим статью филолога И. С. Филипповой о документах по мордве Кадомского и Мещерского уездов из архива Рождественского Пурдышевского монастыря Темниковского уезда [9, с. 76—97], правда, в ней автор практически не исследует вопросы социальной истории и права.

Оригиналы алатырских поземельных актов хранятся в ф. Грамоты Коллегии экономии (№ 281) РГАДА, а списки с них — в составе троицких копийных книг №№ 530—531 и 104. До сих пор не потерял своего значения обзор грамот ф. 281, данный в свое время С. А. Шумаковым⁵ и повторенный затем в более расширенном виде А. А. Гераклитовым⁶. С. А. Шумаков подчеркивал важность алатырских материалов для ознакомления с ходом колонизации края, отношений русского правительства с населением Среднего Поволжья и отражением в них «массы местных особенностей».

В отличие от уездов великорусского центра, формирование монастырской собственности на Алатыре с февраля 1612 г. было возобновлено в мордовских

² РГАДА. Ф. 281. Грамоты коллегии экономии (ГКЭ). Алатырь. Кн. 104. Л. 22.

³ Там же. Кн. 108 (выпись 1661 г., данная троицким властям «для владения и сыска беглых крестьян»).

⁴ Писцовая книга татарским поместным землям Алатырского уезда 1624—1626 гг. / Публ. В. Д. Кочеткова и М. М. Акчурина. М.; Н. Новгород, 2012. Описание бортных мордовских и бортасских земель: РГАДА. Ф. 396. Оружейная палата. Оп. 2. Ч. 5. Кн. 3534, 3535. О нем см.: [1, с. 58—66].

⁵ Шумаков С. Обзор грамот Коллегии экономии. Вып. 1. Обзор бежецких (1300—1767 гг.) и алатырских (1607—1761 гг.) актов. М., 1899.

⁶ Гераклитов А. А. Материалы по истории мордвы. Сборник выписок из печатных источников. М., 1931.

землях, предшествовавший правовой статус которых был различным. Процесс этот был связан с этнотопонимом Тургаково, где была сосредоточена «здаточная вотчина семи мордовских мурз — князя Елуша Кулымзина да Ванбаша Кечашева с товарищи». Сдаточной, то есть предназначенной к передаче в собственность Троице-Алатырскому монастырю, дер. Тургакова была названа в отписных отдельных книгах стрелецкого сотника Б. Мамина с товарищи, датированных 21 февраля 1612 г. и составленных по «указу Московского государства бояр и всей земли и по наказной памяти думного дворянина и воеводы Ф. С. Пушкина». В присутствии большой группы стрельцов и посадских людей Алатыря, а также сельской мордвы в деревне были переписаны дворы и крестьяне, а пашню, передел, «дикий облог», болота и угодья писать было «нелзе, снег велик». Описание сопровождалось подробным размежеванием монастырских владений с соседними мордовскими землями⁷. Размежевание требовалось потому, что почти одновременно одним из лидеров Второго ополчения кн. Д. Т. Трубецким была выдана грамота на поместные земли деревни Утукумжи «Бозая Карачурина семи мурзов», сопредельные с Тургаковскими угодьями. Служилым человеком Р. Кононовым было проведено размежевание поместной мордовской земли Утукумжи. К 1619 г. данный массив также окажется у Троице-Алатырского монастыря⁸.

Обращение к писцовой книге 1624—1626 гг. показывает, что к этому времени на Тургаковской территории было три владельца: 1) собственно село Тургаково принадлежало Троице-Алатырскому монастырю; 2) дер. Старая Тургакова находилась в поместье за 7 верстанными и 4 неслужилыми мурзами, еще 2 мурз этой деревни служили с отцовских поместий; 3) дер. Новое Тургаково было в поместье за кн. Елушем Куломзиным с 2 мурзами и еще несколькими неверстанными мурзами⁹.

В формировании названий групп мордовских землевладельцев играли роль топонимы, наиболее значительные из которых типа Тургакова несли этнодифференцирующую функцию [7, с. 346—355]. В актах приведены следующие сочетания: мордва или мурзы таких-то деревень (Тургаковой, Иванковой, Идибердеевой. Пахмусовой, Рындиной, Тарасовой, Станишной, Урусовой и пр.). Заметна и патронимическая основа в названиях: Карачурино — мурза Бозай Карачурин, Кученяево — мордвин Лукаш Кученяев, Розгилдеево — князь Баюш Розгилдеев. Помимо Тургаковских и Карачуринских групп мордвы, в источниках отмечены сочетания «Рындинские служивые мурзы» (вариант: «деревня Рындино, где живем мы, Рындинские мурзы Янай Тарханов з *братьею*» (здесь и далее курсив мой. — М. Ч.), «Иванковская мордва», «Сыреевская мордва», «деревня Идербердеева князя Мучкомаса Кадирова»).

Выражение «княжеские мурзы» указывает на Тургаковский этнотопоним, и в этом, как считает Н. Ф. Мокшин, «землячестве» наиболее значимым статусом обладал кн. Елуша Куломзин. Наличие князей и мурз свидетельствует об ие-

⁷ НИОР РГБ. Ф. 303 (Архив Троице-Сергиевой лавры, далее — АТСЛ). Кн. 571. Л. 186—189 об.

⁸ ГКЭ. Алатырь. Кн. 3. Л. 9.

⁹ Там же. Кн. 108. Л. 10 об.—13; Писцовая книга татарским поместным землям... С. 19—20.

рархичности внутри высших страт мордовского общества. Ведущее положение князей могло быть обусловлено владением большей частью промыслово-земледельческого комплекса, большей долей личного присвоения природных ресурсов (меда, рыбы, бобров и пр.) либо в их редистрибуции среди членов малой группы. Например, Досай-мурза назван «нашим Кирмальским *начальником*», вероятно, в силу одной из выше сказанных причин¹⁰. В последующих актах «*княжевски-ми*»¹¹ называются мурзы кн. Баюша Розгилдеева [5, с. 101—102]. В отношении его известен одобрительный приговор кн. Д. Т. Трубецкого и кн. Д. М. Пожарского в январе 1613 г. за успешное отражение ногайских набегов на Арзамас и Алатырь в 1612 г., а также — жалованная царская грамота ему с кн. Ямашем-мурзой Мангушевым «с товарищи» в 1618 г. Последняя была такой же, как и данные «их братье» Касимовским, Кадомским, Темниковским князьям, мурзам и татарам и содержала освобождение их поместий от ямских и подымных денег, а крестьян от службы в целовальниках и ямщиках, «а мурзам с тех поместий и с денежного жалованья во всякие наши зимние и летние службы быть по наряду»¹². Такая грамота закрепляла привилегированный социальный статус группы кн. Б. Розгилдеева по сравнению с остальной служилой мордвой Алатыря, способствовала сословной консолидации и правовой унификации верхней прослойки служилых людей коренных народов Поволжья (чаще всего к ним было приложимо обще-этническое определение «служилых татар»).

Знакомая по грамотам средней России поколенно-родственная формула «з братьею», «дети мои, род и племя», «всему нашему роду и племени, ближнему и дальнему», «я (имярек) и дети мои и братья и племянники» в алатырских актах отличается своеобразием. Приведем наиболее характерные сочетания: «князь Боюш Розгилдеев с *братьею и товарищи*», «Княжевские мурзы с *братьею* и з детьми и с племянники»; варианты: «з *братьею и племянники*, и з детьми, и детьми детей, и внучаты или хто ни буди роду нашего»; «*братья наша родная*, дети и племянники», «мы и *братья наша* и товарищи, и дети наши, и внучата, и род и племя наше», «я, имярек, мордвин во всю свою *братью* и товарищев место».

Приведенные весьма разнообразные словосочетания указывают на кровно-родственные связи, скрепляющие данные микрогруппы, идущие как по прямой нисходящей, так и по боковой линии родства. Упорное выведение братьев и племянников на первый план свидетельствует о распространенности у мордвы-эрзя в тот период братской семьи, боковых линий родства и наследования. Скорее всего, преимущество братской организации было связано с совместным использованием природных ресурсов. Сошлемся на наблюдения М. В. Биленко, отмечавшей преобладание у мордвы в XVII в. неразделенных семей (87,5%), а среди них — братских, когда совместно проживали и вели хозяйство как родные, так и двоюродные братья (61%) [2, с. 95, 98; 3, с. 12]. Исследовательница объясняет это стремлением неразделенных родственных коллективов вести хозяйство и нести налоги совместными усилиями.

¹⁰ ГКЭ. Алатырь. № 77.

¹¹ Написание всюду именно такое — *княжевские*, а не княжеские.

¹² *Герасимов А. А.* Материалы по истории мордвы. С. 22—23. № 44—45.

В связи с частым упоминанием братьев можно привести и используемый Н. Ф. Мокшиным термин «*братчина-патронимия*» как структурное подразделение сельской мордовской общины, объединение группы семей, происходивших от одного предка. Внутри братчинной группы браки были запрещены, а ее членов скрепляли общие патронимические прозвания, ритуальные предметы культа, места на кладбищах, праздничные трапезы [8, с. 396—397].

В рассматриваемых сочетаниях не совсем ясно соседство синонимов — «дети детей» и «внучата». Во всех случаях показательное строгое выстраивание родичей исключительно по мужской линии, полное отсутствие каких-либо упоминаний о матерях, сестрах, женах, дочерях, равно как и родственников по женской линии — зятьев, шуринов, тестей. В актах, кроме мурз, нередко фигурируют непривилегированные представители мордовских землевладельцев, которые всегда жестко привязаны к местам проживания, поставленным на первое место: «деревни Санины / дер. Тетингеевы / дер. Канди мордвин имярек»¹³.

С местом проживания был связан и служебный статус части мордвы («дер. Рындино, где живем мы, Рынди́нские *служивые мурзы*...»). Социальный состав мурз не ограничивался только родственниками, он включал и более отдаленных представителей мордвы — отсюда наличие, наряду с братьями, *товарищей*. Бесспорен коллективный (групповой?) характер земельной собственности мордовских мурз, в котором индивидуальное, частное начало порой слабо вычленено. Однако нельзя сказать, что его совсем не было: например, в составе княжевской дер. Идербеевой Мучкомаса Кадирова имелась *старинная вотчинная земля отца и деда* мурзы Инюша Мартасова с. Карачурина¹⁴. Были распространены жеребьевые владения: за жителем дер. Станишной Сотай-мурзою Кулаевым в писцовых книгах 1616/17 г. была записана в поместье пустошь Кажнеева поляна (30 четв.), а два других мурзы, жителя той же деревни, являлись в ней его «дольщиками по подмоге»¹⁵. Вероятно, речь должна идти о долевой разработке пустоши крестьянами каждого мурзы. Либо это какой-то их общий долг за «подмогу» (денежную помощь или ссуду?).

Земельная политика Московского правительства в 1612 г. в отношении малых групп верхушки мордовского общества отличалась: у одних вотчины отбирались, другим давались поместья (скорее всего, на основе их же собственных земель, в данном случае группы Бозая Карачурина), что зависело, полагаем, от тех или иных проявлений политической лояльности мордвы в событиях Смуты. Не случайно мордва, наряду с татарами и казаками, упоминается (хоть и в обобщенной форме) в указной царской грамоте алатырскому воеводе Д. С. Погожего и дьяку И. Поздееву 1617 г. в числе разорителей Троице-Алатырского монастыря¹⁶.

Правительство Второго ополчения и новоизбранного царя признавало отмеченный выше групповой характер вотчинных (прежних?) и поместных (новых?)

¹³ ГКЭ. Алатырь. № 31.

¹⁴ Там же. № 177.

¹⁵ Там же. № 26.

¹⁶ Там же. Кн. 104. Л. 22.

владений мордвы. Заметна также публичность процедуры передачи монастырю прав на землю в 1612 г. (так будет и в дальнейшем), привлечение к ней широких слоев городского и сельского общества данного края. Особенно важна равная со стрельцами, посадскими людьми и духовенством Алатыря включенность «сторонних мордовских людей» в акцию передачи земли, что подчеркивалось большим набором их «знамян» при подписании документа.

Однозначного закрепления дер. Тургаковой за Троице-Алатырским монастырем не произошло. Как говорилось в следующих по времени (после 1612 г.) отписных отказных книгах алатырского губного старосты В. Куроедова 1615 г., крестьян этой деревни в 1613/14 г. насильно вывезли за себя Баиш-мурза Розгилдеев з братьями и товарищи, «а иных разогнали и деревню розвезли до кола и пашнею и покосы владеют насилством»¹⁷. Тем не менее, власти Алатырского монастыря и взявшее его под свое покровительство руководство «большой Троицы» проявили завидное упорство в закреплении за собой (путем усиленного заселения) Тургакова. Уже в октябре 1617 г. отказные книги городского приказчика Д. Теренина зафиксировали «деревню новой починок Тургаков», в котором было свыше 50 крестьянских и бобыльских дворов¹⁸.

В марте 1618 г. присланный на должность алатырского строителя старец Иоасаф Пестриков произвел первую подробную опись имущества подведомственной обители и ее вотчин. Была упорядочена владельческая документация этого троицкого филиала, и некоторые отмеченные в составе архива документы свидетельствуют о дальнейшем развитии отношений местного монастыря с мордвой. Например, «две кабалы на мордву, одна в трех пудех меду, а другая в полуторе рублех с гривною, да список с записи на князя Боиша»¹⁹. Они с несомненностью указывают на предоставление корпорацией денег в долг рядовым мордовским бортникам и мурзам. Кредитные отношения шли параллельно поземельным, не лишенным напряженности.

В ходе ревизии И. Пестриков подробно описал «деревню новой починок Тургаков», ставшую уже одним из центров домениального хозяйства. Еще важнее было выделение в ней дворов разных категорий: 1) крестьянских, 2) «льготчиков», 3) бобылей. Не обошел он вниманием новоприходцев (в основном из Арзамасского уезда) и бобылей, живущих «в пристанье у тяглых и льготных крестьян»²⁰. Еще несколько приходцев были размещены в монастырских избах. В отношении каждого были указаны места и даты их исхода, либо примерные сроки проживания на новом месте.

Ни в одном другом уезде в вотчинной документации Троицы в рассматриваемое время столь дифференцированно сельское население не регистрировалось. Весьма существенной общетроицкой чертой была фиксация занятой крестьянской пашни вытями (суммарно по каждому селению, не по двору, что придет позднее). В отношении бездворных крестьян указывалось, что пашня ими пока

¹⁷ Там же. Кн. 3. Л. 5 об.

¹⁸ Там же. Л. 15.

¹⁹ АТСЛ. Кн. 575. Л. 289.

²⁰ Там же. Л. 292—293 об.

не занята (соответственно и в вытные оклады эти группы первопоселенцев не были положены). Интересны еще и некоторые «предметы вооружения» в Тургаковской вотчине — самопал и ствол самопальный, словно напоминание о недавних столкновениях либо как защита на будущее. Организация домена и надельно-вытной системы несла в себе привычные для Троицы приемы хозяйствования и вместе с тем таила дальнейшие коллизии на пограничных с мордвой землях.

В следующем 1619 г. Авраамий Палицын в челобитной на имя царя просил дать корпорации «новое поле под монастырскую троицкую пашню», смежное у с. Тургакова с землей соседних Рындиных мурз. Яняю Тарханову и Афанасию Вочманову пришлось этим полем «поступиться» — «быти тому полю неподвижно за монастырем Живоначальные Троицы». За нарушение обязательств с их стороны предусматривалась неустойка в 50 руб. В перечне послухов указано шесть русских помещиков, хотя в удостоверительной части акта их подписей нет, а только два «знамени» Я. Тарханова и А. Вочманова (апрель 1619 г.)²¹.

В мае того же года был оформлен внушительный монастырско-мордовский договор («поступная мировая запись») 14 мурз «с братьею и племянники» о передаче Княжевскими и Рындиными мурзами своих земель к «новому троицкому селу Тургакову» с подробным размежеванием. Запись была писана по противням: «дьяк и послухи одне, и рознели записи по себе», вполне равноправно удостоверена — 11 знамен и 11 подписей послухов с русской стороны²². О важности объекта договора свидетельствует и крупная величина предусмотренной для мордвы неустойки за нарушение — 500 руб. Если исходить из принятой в то время правительством стоимости земли при выкупе (полтина за четверть), то, думается, величины неустоек в 50, 100, 500 руб. могут указывать на соответствующие размеры земельных и промысловых участков — объектов сделок — 100, 200, 1000 четвертей.

Уже в 1618—1619 гг. при энергичном строителе И. Пестрикове отношения Троице-Алатырского монастыря с некоторыми мурзами были обусловлены их христианизацией и тем самым смягчены. Наиболее ранний акт — данная старца Нифонта (в крещении Никифора, в миру — Досая-мурзы деревни Ивановской) на имя архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына на свой жеребей — два знамени Ушухутинского бортного ухояя, рыбные ловли, бобровые гоны и полянки (27 апреля 1618 г.). Данная написана в соответствии с троицким формуляром данных и вкладных, в которых всегда в ту пору (10—30-е гг. XVII в.) соседствовали статьи о запрете выкупа даримой вотчины и в то же время его допущение с указанием размера. В запретительной статье приведен обычный порядок поколений — «дети мои, род и племя», предусмотрен выкуп в 100 руб. плюс доплата троицким властям за построенные ими сооружения («новые дели», имелась в виду мельница на полянке), оригинально названные «харчами». В удостоверительной части старец Нифонт в качестве Досая-мурзы приложил свои «знамена», хотя реально в документе знак (рисунок) один, а не два²³. Разумеется, на мурзу-

²¹ ГКЭ. Алатырь. № 15.

²² Там же. № 16.

²³ Там же. № 6.

старца со стороны большой Троицы переходили все квалифицированные поминально-заупокойные «услуги», как и на «прочих вотчинных вкладчиков».

Обещания или пожелания относительно принятия православия можно считать новым элементом в формуляре именно алатырских актов Троицы. Данная мурзы Инюша Мартасова с. Карачурина была оформлена в 1618/19 г. на имя келаря старца Авраамия при строителе Иоасафе Пестрикове «на свою старинную вотчинную землю (деда и отца) в деревне Идибердееве княж Мукомаса Кадилова на реке на Пекшеме». В данной приведена мотивация вклада — обет принятия «истинной православной веры греческого закона» со ссылкой на авторитетный пример его «родимца», упомянутого выше Досай-мурзы (Никифора-Нифонта). В том же акте допускалось, что если даже мурза Инюш не будет просвещен старцем Авраамием «святым крещением», то и в этом случае искомая земля должна была попасть в Алатырский монастырь и не выкупаться его родом и племенем («ближним и дальним» — явное влияние троицких актов), и монастырь мог владеть ею «по отца моего и по моему знамени». Проявляется несомненно, новый элемент в формуляре подобного рода актов, что говорит о двустороннем влиянии на особенности их текстов — и троицком, и мордовском. При этом размер выкупа (в духе тогдашних правительственных указов) предусматривался и составлял 50 руб. Похоже, для Троицы первостепенное значение имело само получение земли или промысловых угодий как таковых, а конфессиональный момент отходил на второй план. В конце акта приведено «знамя» одного И. Карачурина, что подчеркивает индивидуальный характер сделки, и подписи 6 послухов, тогдашних служилых людей Алатыря.

Пример принявшего православие Досая-мурзы упомянут еще в одной данной от июня 1619 г. Мордвин д. Урусовой Коруш Четаев дал Троице-Алатырскому монастырю вотчину отца и деда Кирмальский ухожай, начальником которого и был когда-то Досай-мурза, и землю в деревне. Себя он называл новокрещеном Тихоном, но в отличие от Досая пострижения не принимал, хотя возможность этого в данной оговаривалась и включалась в цепочку обязательств монастырской стороны: «постричь — покоить, как и прочих вкладчиков — помянуть — записать в вечные синодики и сельники»²⁴. Новым моментом в формуляре данной можно считать двойной размер убытков, который Тихон обещал обители в случае нарушения своих очищальных обязательств, а также мотивацию 100-рублевого выкупа родичами «по моей душе для святого крещения православной веры». Здесь отражено знакомое по троицким актам уже в 1540-е гг. осознание поминального значения не земельных, а денежных вкладов как их эквивалента. Другое дело, понималась ли данная статья именно так самим новокрещеном Тихоном. Этот же принцип был выражен в правительственных уложениях о монастырских вотчинах 1572, 1580, 1584 и 1622 г. [10, с. 45; 11, с. 14—28].

Еще один новый элемент формуляра в данной грамоте заключается в просьбе Коруша Четаева, чтобы троицкие власти «соверша мне начало в монастыре и науча меня православной вере», устроили его двором и пашней в селе Ичиксе

²⁴ Там же. № 77.

в приходе «у великого чудотворца Николы». Это может указывать на социальную принадлежность Коруша как крестьянина и использование его корпорацией в качестве доверенного лица (приказчика?) в другом помимо Тургакова крупном вотчинном центре в гуще мордовских земель.

По соседству с с. Ичиксой располагались владения двух групп мордовского населения в деревнях Тарасовой и Пахмусовой (Кученяево тож). То были не мурзы, а, скорее всего, непривилегированные «крестьяне мелко-вотчинного типа», с которыми в июне 1619 г. по противням была составлена полюбовная межевая запись на земельные угодья и оброчные рыбные ловли. Характер перечисления мордвы («имярек с сыном своим»; «...с братом своим»; «...с братьею и товарищи») показывает существование у них как отцовской двухпоколенной, так и братской семьи, и, возможно, практику повторных браков, поскольку вместо сыновей дважды упоминаются пасынки (известны случаи и наследования пасынками земли от отчимов²⁵). Присутствие пасынков в семьях русских крестьян связывается с повторными браками. М. В. Биленко на основании переписей алатырской дворцовой мордвы под пасынками склонна понимать приемышей, взятых в семье из хозяйственных соображений [2, с. 96]. Если принять во внимание утверждение Н. Ф. Мокшина о двоеженстве у мордвы еще и в первой четверти XVIII в. (на основании ландратской книги Алатырского уезда 1722 г.) [8, с. 383], то наша гипотеза о повторных браках выглядит неубедительно.

Одновременно данный коллектив поступился строителю И. Пестрикову, заплатившему за них оброчные деньги, водами в реках Суре, Алатыре, с озерами, «падучими» речками и истоками. Семейный характер собственности на землю и угодья раскрывают «знамена» в удостоверительной части записи — у отца с сыном (или с братом) оно было одно²⁶. Так, присутствие 34 участников договора с монастырем получило юридическое для мордовской стороны закрепление 16-ю символами.

Нерасчлененный характер владельческих прав отразила купчая двух братьев мурз д. Станишной Токая и Тутмая Кажнеевых строителю Сергию Дмитровцу на водные и рыбные угодья по р. Алатырю в феврале 1623 г. В удостоверительной части говорится, что «Токай рыбные ловли продал и знамя свое приложил, а знамя прикладывал брат его Тутмай». В купчей повторяется принцип выплаты убытков монастырю («нам те убытки подымати, что им станет, вдвоя») ²⁷. Новеллой для алатырских актов (февраля 1623 г.) можно считать одновременное включение в удостоверительную часть сведений о послухах и институте «*третьих*», в составе которых видим поместного казака из с. Языкова Юрия Демьянова и мурзу д. Станишной Серная Сычюсова. Подпись первого и знамя второго стоят среди имен прочих послухов. Вновь налицо тесное взаимодействие представителей мордовского и русского общества на Алатыре. Институт «*третьих*» словно расширял круг людей, осведомленных в текущих приобретениях Троице-Алатырского монасты-

²⁵ Там же. Кн. 104. Л. 136 об.—137.

²⁶ Там же. № 19.

²⁷ Там же. № 32.

ря с мордвой, делал эту практику более прозрачной для всех членов локального социума.

Институт третьих, кроме того, фигурирует и в светском акте — отдельной на рыбные ловли и бобровые гоны на Алатыре (11 февраля 1623 г.) двух групп мордвы, именно упомянутых выше братьев Кажнеевых с одной стороны, и трех жителей д. Пичевели «со всею своею братью и товарищи» с другой. В этом документе состав третьих этнически однороден, представлен тремя мордвинами из трех разных деревень, и все три засвидетельствовали сделку приложением «знамен»²⁸.

Известны случаи, когда отец и сын имели каждый свое знамя на комплекс промысловых угодий — рыбные ловли и бобровые гоны, что отразилось в купчей «мордвинов» Рузана Селеватова (Шереватова) с сыном Беляем из д. Пичевели со старцем Макарием Маматовым (в прошлом известным казацким атаманом Никитой с той же фамилией) на угодыя по р. Суре «впрок без выкупа» (19 марта 1625 г.)²⁹. Став к 1628 г. «черным старцем новокрещеном» Авдеем, Рузан оформил вкладную в Троице-Алатырский монастырь на свою старинную вотчину — бортный ухожей с указанием знамени: «пояс с двумя отметки вниз по дереву и пятью рубежи», которым должен был владеть. Сыну своему Авдей-Рузан оставлял другую часть бортного промысла — «знамя четыре рубежи».

В этой вкладной термины вотчина и «знамя» по своей сути тождественны: даритель запрещал вступаться «в вотчину и в знамя». В глазах мордвы законное владение во всей полноте осуществлялось «вотчиной и знаменем». Знамя следует понимать как знак собственности, наносимый непосредственно на ценное бортное дерево (ср. «дуб знаменный» из Русской Правды), когда объект собственности и его символ, действительно, сливались³⁰.

М. В. Биленко подчеркивает, что мордовская семья обязательно имела «знамя», одно или несколько. На основании писцовой книги 1624/26 г. она взялась за решение непростого вопроса о том, как соотносятся двор, семья и знамя? Подсчитав по книге 1363 мордовских двора и 613 знамен, исследовательница установила, что на знамя приходилось по 2—3 двора. По ее мнению, мордовская неразделенная семья в XVII в. не сводилась к одному двору, а включала жителей 2—3-х дворов. Выдел дворов не нарушал хозяйственно-родственной целостности семьи как владельческого и тяглого коллектива [2, с. 103].

В разбираемой грамоте необычна для троицких актов фраза о том, что из «моей воли та вотчина и знамя вышли, а в волю строителя Северьяна Пестрикова с братией вошли». Тем самым последние получали полную свободу в разработке природных ресурсов данного комплекса и распоряжения ими. Налицо нерасчлененность человека из мордовского этноса с его предметно-образным мышлением и полезного для него природного объекта, понимаемого как живое существо (вотчина и знамя из одной воли выходят, а в другую входят). Значит, и для руководителей «большой Троицы» важны были эти мордовские особенности, раз они

²⁸ Там же. № 31.

²⁹ Там же. № 39.

³⁰ Там же. № 46.

тщательно фиксировались в оформляемых на месте (в Алатыре) актах, затем переписываемых в копиянные книги. Ведь в их руки в ту пору попадали по разным причинам десятки вотчин в десятках уездах.

К 1627 г. появляются акты, свидетельствующие о переносе у мордовских мурз вотчинного права и на крестьян. Еще один существенный показатель включенности верхушки мордвы в общерусские процессы послесмутного времени. В феврале 1627 г. мурза Мотяй Долгомасов из д. Княжевой поступился в вотчину строителю Северьяну Пестрикову двумя жившими за ним крестьянскими семьями «русских людей не из неволи» (с женами, детьми и с их животы, с хлебом стоячим, молочным и земляным). Возможно, и сами крестьяне были согласны на такой переход, Мотяй Долгомасов их не принуждал к нему. Монастырско-мордовская сделка сопровождалась соответствующими обязательствами Мотяя не вступаться в тех людей и не подавать о них иск царю и боярам. Заряд-неустойка за нарушение составила бы 100 руб. Запись была скреплена «знаменем» Мотяя и обычными рукоприкладствами русских послухов³¹. Это, кажется, первый пример использования вотчинного знамени для удостоверения владельческих прав на живые души.

После 1627 г. земельные операции алатырской мордвы с Троицким монастырем резко идут на убыль. Более регулярными и разнообразными становятся по земельные отношения корпорации с поместными казаками уезда, среди которых попадались и весьма колоритные личности, оставившие свой яркий след в событиях Смуты. Однако этот сюжет заслуживает отдельного рассмотрения.

Литература

1. *Биленко М. В.* Писцовая книга Дм. Пушечникова как исторический источник // Советские архивы. 1977. № 1.
2. *Биленко М. В.* О мордовской семье XVII в. // Советская этнография. 1979. № 1.
3. *Биленко М. В.* Дворцовая мордва Алатырского уезда в XVII в. по писцовым и переписным книгам. Автореф. канд. дисс. М., 1980.
4. *Димитриев В. Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX в.). Чебоксары, 1986.
5. *Кочетков В. Д.* Город-крепость на Суре. Очерки по истории г. Алатыря и уезда в XVI—XVII вв. Чебоксары. 2012.
6. *Красовский В. Э.* Алатырский Свято-Троицкий мужской монастырь Симбирской епархии. Историко-археологическое описание. Симбирск, 1899.
7. *Мокшин Н. Ф.* Социальная адаптация мордвы в Российском государстве (XV—XVII вв.) // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Международ. конф. — Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Ч. 1. М., 1994.

³¹ *Дьяконов М. А.* Акты, относящиеся к истории тяглового населения в Московском государстве. Юрьев, 1895. Вып. 2. № 52. С. 52. Знамя Мотяя издатель не воспроизвел.

8. Народы Поволжья и Приуралья. М., 2000.

9. *Филиппова И. С.* Тексты делового содержания XVI — начала XVII в. из мокшанских мест // Памятники русского языка. Исследования и публикации. М., 1979.

10. *Черкасова М. С.* Выкуп вотчин у Троице-Сергиева монастыря (Ч. 1. Конец XV — первая половина XVI в.) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы III Международ. конф. Сергиев Посад, 2004.

11. *Черкасова М. С.* Выкуп вотчин у Троице-Сергиева монастыря (Ч. 2. Конец XVI — первая половина XVII в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы IV Международ. конф. Сергиев Посад, 2007.

12. *Чибис А. А.* Монастыри правобережья Казанской земли во второй половине XVI — первой половине XVII в.: функционирование, землевладение, хозяйство. Автореф. канд. дисс. Чебоксары, 2011.

*Д. А. Черненко, П. В. Чеченков*¹
**Экономическое состояние служилого землевладения
в Нижегородском уезде в 1620-е гг.**²

В статье рассматриваются основные количественные параметры развития служилого землевладения в Нижегородском уезде в первой трети XVII в., такие, как площадь угодий, населенность, степень запустения.

Ключевые слова: аграрная история России, история дворянства, социально-экономическая история России.

Российское «дворянство» в XVII в., как известно, представляло собой достаточно сложный и неоднородный по составу социальный слой «служилых людей по отечеству» с дробной структурой «чинов». Численно в его составе абсолютно преобладали «городовые чины» — служилые люди российской провинции. Основной организационной ячейкой этого слоя была уездная корпорация — служилый «город». Поэтому наиболее продуктивным методом изучения этой сословной группы представляется анализ этих корпораций — так называемых служилых «городов». Одним из важных источников для их изучения, являются, несомненно, материалы валового описания 1620-х — 1630-х гг., многократно использованные исследователями для изучения светского землевладения [1—14].

Писцовые книги зафиксировали сведения о каждой поместной или вотчинной даче. Они включали в себя информацию о ее владельце (городовая принадлежность, чин, титул, фамилия, имя, отчество), правовом обеспечении (на каком основании данная поместная или вотчинная дача принадлежит служилому человеку), экономическом состоянии (наличие и количество пашенных угодий, в пер-

¹ Черненко Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Вологодский государственный университет», dmitcher@mail.ru, Россия, г. Вологда; Чеченков Павел Валерьевич, кандидат исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева», chechenkoff@yandex.ru, Россия, Нижний Новгород.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-01-00206).

вую очередь, «четвертной пашни»: «пашни паханой», «пашни, паханой наездом», «пашни, перелогом и лесом поросшей»), о зависимом населении (крестьянских, бобыльских, «людских» и «приказчиковых» дворах), наличии усадьбы. Структура описания поместной или вотчинной дачи достаточно стандартна для всех книг валового письма первой трети XVII в., а в рамках описания отдельного уезда она вообще не знает отклонений. Применительно к нашим задачам важны также такие характеристики, как городовая принадлежность владельца, чин или титул, форма собственности, предыстория владения, совладельцы дачи, количество «четвертной пашни», крестьянских, бобыльских, людских и пустых дворов.

Согласно предложенной в работе Л. В. Милова, М. Б. Булгакова и И. М. Гарсковой типологии писцовых книг 20-х — 30-х гг. XVII в., писцовая книга Нижегородского уезда Дмитрия Лодыгина этого времени была представлена как пример писцовых книг так называемого «оптимального варианта»³ [5, с. 156—167]. Даже в ситуации налоговой реформы, фактически означавшей начало перехода от поземельного обложения к подворному, данная книга отличается вниманием к пашенным угодьям. Сведения о «пашне паханой» четко согласуются с количеством дворов зависимого населения во владении (коэффициент корреляции составил 0,9). Спецификой данного источника можно считать указание на крупные массивы пашни, паханой наездом, о которой практически всегда говорится: «а пашут сторонние люди из найму» [12, с. 131].

Писцовая книга Нижегородского уезда Дмитрия Лодыгина 1620-х гг. не только писцовая, но и межевая. Формуляр этого документа заканчивался описанием межей между различными поместными, либо вотчинными «дачами». При этом практически обязательными и наиболее пространными являются описания межей вотчин.

Валовое писцовое описание Нижегородского уезда 1620-х гг. было хорошо организованным. Писцовые книги содержат массу дополнительной информации по хозяйственным вопросам. Все это в дальнейшем привело к тому, что при выборе приправочных материалов для новых работ очень часто обращались непосредственно к ним. С них, также, на протяжении XVII — XIX вв. было сделано огромное количество выписей и копий⁴.

Структура созданной на основе писцовой книги базы данных включает следующие показатели:

1. номер записи в базе данных (универсальный ключ, позволяющий вернуться к исходному расположению информации в базе после сортировки данных);
2. номер листа книги, с которого начинается описание дачи (позволяет перепроверить информацию по первоисточнику);
3. фамилия, имя, отчество землевладельца;
4. тип владения (поместье или вотчина);

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 293. Л. 1—1189; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 292. Л. 1—916.

⁴ В качестве приправочных они использовались при описаниях Нижегородского уезда в 1646 и 1678 гг.

5. правовое основание владения (перечень предыдущих владельцев, указание на способ получения дачи владельцем, которому она принадлежала на момент описания);

6. совладение жеребьями (перечень совладельцев поселений и пустошей, жеребьи которых входили в состав дачи данного владельца);

7. зависимое население (дворы крестьянские, бобыльские, «людские», «деловых людей», «приказчиков»);

8. пустые дворы;

9. владельческий двор;

10. «пашня паханая» владельческая;

11. «пашня паханая» крестьянская;

12. «пашни, паханной наездом»;

13. перелог;

14. «лесом поросшая пашня»;

15. писцовый итог по всем видам «четвертной пашни».

На наш взгляд, такая организация базы данных позволяет дать максимально полную характеристику владения и его владельца.

Перейдем к собственно количественным параметрам служилого землевладения по писцовой книге 1621/22—1623/24 гг.⁵ По нашим подсчетам, всего в писцовой книге 1621/22—1623/24 гг. содержится описание 446 дач, как поместных, так и вотчинных, в которых располагалось 54 498 четей в поле. Анализ их размеров показывает, что Нижегородский уезд был районом полного преобладания мелкого землевладения: каждая пятая дача была меньше 50 четей «в поле», каждая вторая — менее 100 четей. Крупных дач, размером более 300 четей в поле, в уезде было только 20 (4,5%). Средний размер дачи в Нижегородском уезде в первой половине XVII в. был равен 122 четям в поле. Это во многом объясняется тем, что землевладение на данной территории было крайне дробным по своей пространственной организации. Во владении служилых людей в подавляющем большинстве случаев были не целые поселения или пустоши, а только их части — «жеребии» [12, с. 131].

Малые размеры четвертной пашни большинства владений дополнялись и слабой их заселенностью. Убыль населения зафиксирована самими писцами: в каждой третьей даче запустела половина всех крестьянских и бобыльских дворов или даже более, а каждая пятая дача в Нижегородском уезде по материалам писцовой книги 1621/22—1623/24 гг. запустела полностью. Примерно в половине дач было не более 5 крестьянских и бобыльских дворов. В среднем на одну дачу в Нижегородском уезде в первой половине XVII в. приходилось 7 дворов.

Отсюда понятны показатели распашки дворянских земель в Нижегородском уезде в 1620-х гг. Только в 49 дачах (11%) была распашана половина и более четвертной земли, примерно столько же дач состояли целиком из поросшей лесом и перелогом пашни. Типичным для этого региона следует считать владение, в ко-

⁵ Весь статистический материал приведен в таблицах Приложения. Все таблицы составлены на основе сплошной обработки материала писцовой книги Нижегородского уезда 1621/22—1623/24 гг. (в части, относящейся к описанию поместий и светских вотчин).

тором распахивалось 20—30% от всей четвертной пашни. Это также делает отчасти понятными большие размеры «пашни, паханой наездом», которые преимущественно пахут «сторонние люди», поскольку наличного крестьянского населения для регулярной распашки у большинства нижегородских служилых землевладельцев действительно не было.

С точки зрения правового статуса земельного владения в Нижегородском уезде писцовая книга 1621/22—1623/24 гг. указывает на абсолютное преобладание поместных дач (89,9%). В поместьях находилась и большая часть крестьянских дворов (82,3%), и почти вся четвертная пашня (90,7%). Четвертной земли в вотчинах мало — 9,3%. Анализ показывает, что практически все вотчины на данной территории относились к выслуженным и в подавляющем большинстве случаев были получены за службу «за царя Василия Ивановича». Самое распространенное основание пожалования вотчины описывалось следующей формулировкой: «что дано ему за московское осадное сидение в королевичев приход из его ж поместья».

Собственно, все показанные выше параметры развития служилого землевладения сформированы на этой территории именно состоянием поместных дач: вотчин было настолько мало, что на общую картину они не влияли. Тем не менее, хозяйственно-демографическая ситуация в вотчинах была гораздо лучше (так, пашня паханая составляла в большинстве вотчин 50% всей четвертной земли и более). Сопоставление средних значений основных показателей экономического развития поместной и вотчинной дачи (см. Приложение, Табл. № 14) дает абсолютно ясную картину: в среднем вотчина в несколько раз лучше обеспечена рабочими руками, что позволяло распахивать гораздо больше земли. Показатели величины господской и крестьянской запашки убеждают, что если нижегородский служилый человек имел какие-либо возможности организации господского хозяйства и взимания ренты, то реализовать их он мог только в статусе вотчинного землевладельца.

Таким образом, писцовая книга фиксирует в Нижегородском уезде абсолютное господство поместной формы землевладения, причем преобладали достаточно мелкие дачи, состоящие в основном из долей («жеребиев») поселений, принадлежавших на правах совладения тому или иному служилому землевладельцу. Экономическое состояние служилого землевладения в целом подтверждает наблюдения, сделанные Л. В. Миловым и его соавторами в 1980-е гг. по итогам анализа описаний в ряде южных уездов Московского государства. Крайне малочисленное вотчинное землевладение и здесь гораздо лучше сохранило свой хозяйственно-демографический потенциал.

Приложение

Таблица 1

Четвертной пашни в поместных и вотчинных дачах⁶

	Дач		В них четвертной пашни	
	абс.	%	абс.	%
От 0 до 50	94	21,1	3394	6,2
От 51 до 100	137	30,7	10613	19,5
От 101 до 200	141	31,6	19660	36,1
От 201 до 300	54	12,1	12963	23,8
Более 300	20	4,5	7868	14,4
Всего	446	100	54498	100

Таблица 2

Крестьянских дворов в поместных и вотчинных дачах⁷

	Дач		В них дворов	
	абс.	%	абс.	%
Пустые дачи	85	19,1	0	0,0
От 1 до 5	144	32,3	423	13,0
От 6 до 10	107	24,0	835	25,7
От 11 до 20	82	18,4	1152	35,4
Более 20	28	6,3	841	25,9
Всего	446	100	3251	100

Таблица 3

Пашня «паханая» в поместных и вотчинных дачах

	Дач		В них пашни паханой	
	абс.	%	абс.	%
Нет пашни «паханой»	41	9,2	0	0,0
До 25%	174	39,0	4274	29,3
От 25 до 50%	182	40,8	7750	53,1
50% и более	49	11,0	2570	17,6
Всего	446	100	14594	100

⁶ Во всех таблицах земельные угодья исчислены в «четях в поле».

⁷ Во всех таблицах, кроме Таблицы № 14 «крестьянскими дворами» для краткости обозначается сумма собственно крестьянских, бобыльских и людских дворов.

Таблица 4

«Жилые» крестьянские дворы в поместных и вотчинных дачах

Доля «жилых» дворов	Дач		В них крестьянских дворов	
	абс.	%	абс.	%
Пустые дачи	85	19,1	0	0,0
До 25%	14	3,1	20	0,6
От 25 до 50%	42	9,4	201	6,2
От 50 до 75%	90	20,2	684	21,0
75% и более	215	48,2	2346	72,2
В том числе 100%	108	24,2	852	26,2
Всего	446	100	3251	100

Таблица 5

Соотношение поместий и вотчин в Нижегородском уезде

	абс	%
Вотчин	45	10,1
Поместий	401	89,9
Всего	446	100,0

Таблица 6

Распределение крестьянских дворов в поместьях и вотчинах

	абс.	%
Дворов в вотчинах	576	17,7
Дворов в поместьях	2675	82,3
Всего	3251	100

Таблица 7

Распределение четвертной земли в вотчинах и поместьях

	абс	%
Четвертной земли в вотчинах	5090	9,3
Четвертной земли в поместьях	49407	90,7
Всего	54497	100

Таблица 8

Четвертная пашня в поместьях

	Дач		В них земли	
	абс.	%	абс.	%
От 0 до 50	90	22,4	3257	6,6
От 51 до 100	118	29,4	9140	18,5
От 101 до 200	123	30,7	17323	35,1
От 201 до 300	51	12,7	12237	24,8
Более 300	19	4,7	7452	15,1
Всего	401	100	49409	100

Таблица 9

Доля пашни «паханой» в поместьях

	Дач		В них пашни паханой	
	абс.	%	абс.	%
Нет пашни «паханой»	40	10,0	0	0,0
До 25%	171	42,6	4173	34,1
От 25 до 50%	164	40,9	6865	56,2
50% и более	26	6,5	1188	9,7
Всего	401	100	12226	100

Таблица 10

Четвертная пашня в вотчинах

	Дач		В них земли	
	абс.	%	абс.	%
От 0 до 50	4	8,9	138	2,9
От 51 до 100	19	42,2	1473	30,6
От 101 до 200	18	40,0	2337	48,5
От 201 до 300	3	6,7	726	15,1
Более 300	1	2,2	146	3,0
Всего	45	100	4820	100

Таблица 11

Доля пашни «паханой» в вотчинах

	Дач		В них пашни паханой	
	абс.	%	абс.	%
Нет пашни «паханой»	1	2,2	0	0,0
До 25%	3	6,7	101	4,3
От 25 до 50%	18	40,0	885	37,4
50% и более	23	51,1	1382	58,4
Всего	45	100	2368	100

Таблица 12

Крестьянских дворов в вотчинах

	Дач		В них дворов	
	абс.	%	абс.	%
Пустые дачи	1	2,2	0	0,0
От 1 до 5	10	22,2	37	6,4
От 6 до 10	11	24,4	88	15,3
От 11 до 20	17	37,8	255	44,3
Более 20	6	13,3	196	34,0
Всего	45	100	576	100

Таблица 13

Крестьянских дворов в поместьях

	Дач		В них дворов	
	абс.	%	абс.	%
Пустые дачи	84	20,9	0	0,0
От 1 до 5	134	33,4	386	14,4
От 6 до 10	96	23,9	747	27,9
От 11 до 20	65	16,2	897	33,5
Более 20	22	5,5	645	24,1
Всего	401	100	2675	100

**Средние значения основных экономических показателей
поместных и вотчинных дач**

	В среднем в поместье	В среднем в вотчине
владельческих дворов	0,6	0,8
приказчиковых дворов	0,1	0,3
«людских» дворов	0,1	1,2
крестьянских дворов	1,8	9,4
бобыльских дворов	0,5	2,2
пустых дворов	1,6	3,3
пашни «паханой» владельческой	8,5	25,6
пашни «паханой» крестьянской	4,9	27,9
пашни «паханой наездом»	13,8	13,5
перелогом поросшей пашни	8,9	21,0
лесом поросшей пашни	5,5	7,2
перелогом и лесом поросшей пашни*	12,5	21,7
всего	53,3	115,3

* С учетом тех дач, в описаниях которых значения перелогом и лесом поросшая пашня даны только в сумме.

Литература

1. Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование). Л., 1989.
2. *Водарский Я. Е.* Дворянское землевладение в России в XVII — первой половине XIX в. М., 1988.
3. *Воробьев В. М., Дегтярев А. Я.* Русское феодальное землевладение от «смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986.
4. *Кузнецов В. И.* Из истории феодального землевладения России (по материалам Коломенского уезда). М., 1993.
5. *Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография. Компьютер. Методы исследования. М., 1986.
6. *Пугач И. В.* Устюжна Железопольская и уезд в XVI — первой половине XVII в.: территория, население, хозяйство. Вологда, 1999 // Сайт Вологодской областной универсальной научной библиотеки. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/us/tyu/jna/index.htm> (дата обращения: 25.07.2013).

7. *Хитров Д. А.* К вопросу об эволюции феодального владения в Центральном Нечерноземье в XVII — XVIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2004. № 1.

8. *Черненко Д. А.* К характеристике сельских поселений центральных районов России первой трети XVII в. (по материалам писцовых книг) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2003. № 4.

9. *Черненко Д. А.* Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII—XVIII вв. (опыт региональной типологии). Вологда, 2008.

10. *Чеченков П. В., Черненко Д. А.* Документальные источники о нижегородском служилом «городе» и его землевладении в первой трети XVII в. / П. В. Чеченков, Д. А. Черненко // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X—XXI вв.: источники и методы исследования: материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 106—113.

11. *Чеченков П. В., Черненко Д. А.* Картографирование писцовой топонимики на основе межевых материалов конца XVIII — первой половины XIX в. (на примере Нижегородского уезда) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXV Междунар. научной конференции. М., РГГУ, 2013. Ч. II. С. 599—601.

12. *Чеченков П. В., Черненко Д. А.* Персональный состав служилых землевладельцев Нижегородского уезда по материалам писцового описания 1620-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X—XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 129—148.

13. *Шватченко О. А.* Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. М., 1990.

14. *Шватченко О. А.* Светские феодальные вотчины России во второй половине XVII века. М., 1996.

*И. Л. Манькова*¹

**Далматовский Успенский монастырь
в последней четверти XVII — начале XVIII в.:
социальные процессы по вкладным книгам**

В статье рассматриваются возможности использования вкладных книг Далматовского Успенского монастыря последней четверти XVII — начала XVIII в. для изучения социальных процессов, происходивших в монастырской вотчине.

Ключевые слова: вкладные книги монастырей, Далматовский Успенский монастырь, Сибирь, монастырская вотчина, социальная история, монастырские крестьяне.

Далматовский Успенский монастырь, один из старейших монастырей Зауралья (основан в 1644 г. в среднем течении реки Исети), сыграл заметную роль в процессе освоения этого региона. Источники по истории обители в XVII — начале XVIII в. сохранились в небольшом количестве и в основном представлены делопроизводственными документами Сибирского приказа (РГАДА. Ф. 214). В фонде монастыря, находящемся в Государственном архиве в г. Шадринске (далее — ГАШ. Ф. 224), документы этого времени имеются в единичных экземплярах. Поэтому две сохранившиеся вкладные книги² занимают особое место в этой источниковой базе. Первая — книга 1671 г. имеет заголовок «179 году книги Исецкие пустыни Успенского монастыря вкладчиком при игумене Иосифе да при строителе старце Иосифе и что у которого вкладчика прикладу в монастырь, и то писано в сих книгах порознь по статьям, и которого году, хто положился». Она включает около 60 записей вкладов с 1671 по 1673 гг. и 1677, 1678 гг. Вторая — книга 1673 г. озаглавлена в оригинале «Книга прикладная, денежная и скотская» и датируется нами по первой записи, сделанной 7 декабря 1673 г. В ней зафиксировано более 1300 вкладов представителей самых разных социальных слоев в период с 1673 по 1703 г.

¹ Манькова Ирина Леонидовна, кандидат исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, ilman.08@mail.ru, Россия, г. Екатеринбург.

² ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1, 2. Опубликовано: Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII — начало XVIII в.): Сб. документов. Сост. И. Л. Манькова. Свердловск, 1992. Впервые на эти документы обратил внимание уральский краевед В. П. Бирюков.

Обе вкладные книги построены по хронологическому принципу. Иногда составители нарушали этот порядок, дописывая к первому вкладу другие, сделанные в последующие годы этим же лицом или его родственниками. Записи во вкладных книгах составлены по традиционному формуляру: дата, место вклада, место жительства вкладчика, его социальное положение, имя, предмет и цель вклада³. Если приношение делалось на помин души, то в статье указывались имена, которые необходимо внести в монастырский синодик⁴. Иногда встречаются приписки такого рода: «...и он еще живе, а как умрет и его в синодик написать». Во вкладной книге 1673 г. имеются записи с указанием принадлежности вкладчика к определенному роду, что свидетельствует о влиянии формуляра синодика при составлении вкладной книги. В ряде записей указано на недостаточность вклада, сколько должнику необходимо внести еще и сделал ли он это. Иногда встречаются сведения о дальнейшей судьбе вложенного в монастырскую казну. Вкладная книга 1671 г. составлялась с целью учета тех, кто намеревался за свой вклад поселиться в монастырской вотчине и получать содержание от обители, пополнив категорию «монастырских вкладчиков» или приняв постриг. В таких случаях запись заканчивалась указанием выдать данному лицу вкладную запись.

Как отмечают исследователи истории Сибири, в условиях колонизации в монастырских вотчинах шли активные социальные процессы, в частности, формирование постоянного состава населения и его стратификация по социальным группам. Поэтому социум монастырских вотчин представлял довольно разнородную массу: крестьяне-старожилы, бобыли, половники, детеныши, трудники, срочные наемные работники, вкладчики [4, с. 89]. Условность и подвижность границ между социальными группами порождает в исследовательской литературе различные толкования их статуса.

Данные тенденции социального развития не могли не отразиться и во вкладных книгах Далматовского Успенского монастыря, поскольку они составлялись в период, когда шел интенсивный процесс колонизации Зауралья, его земледельческого освоения. Посмотрим, какую новую информацию могут дать эти источники для реконструкции социальных процессов в монастырской вотчине.

В книге 1671 г. 8 записей (из 60) связаны с людьми, проживавшими в монастырской вотчине. В книге 1673 г. зафиксировано около 120 вкладчиков из владений Далматовского монастыря (без учета гулящих и священнослужителей). Среди них — крестьяне, бобыли, трудники, вкладчики, «послужимцы», деловые люди, ремесленники. Наибольшее количество вкладов поступило от крестьян, составлявших основную часть монастырского населения. В записях вкладных книг фигурируют «крестьяне» и «пашенные крестьяне». Исходя из аналогии с черносошным крестьянством Сибири можно предположить, что определение «пашенные» свидетельствует о том, что основной повинностью этих крестьян была обработка собственно монастырской пашни. Очевидно, просто «крестьянами» названы, те,

³ Ср.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.

⁴ Монастырский синодик не сохранился. Есть лишь статья неизвестного автора, который его видел. См.: Е. Н. Древнейший Синодик Далматовского Успенского монастыря Екатеринбургской епархии // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1902. № 15. С. 609—613.

кто рассчитывался с монастырем оброком. Если посмотреть на содержание крестьянских вкладов, то в подавляющем большинстве это скот. Лишь четверо крестьян дали вкладом от 4 до 10 руб., причем двое из них делали вложения трижды, не ограничиваясь лишь деньгами. На наш взгляд, это может свидетельствовать о достаточно слабом развитии товарно-денежных отношений в регионе. Думается, что вклады могут служить определенным показателем имущественного положения некоторых крестьянских хозяйств. Например, в 1698 г. Алексей Панфилов сделал вклад быком на помин души своего брата Ефимия. В 1702 г. он «приложил» в Успенскую обитель лошадь, а в 1704 г. — корову, 4 быков и 4 четверти овса⁵ по своей душе. Судя по содержанию последнего вклада, человек отдал в монастырь значительную часть своего имущества. Обычно на такой шаг люди шли в конце жизни, готовясь к смерти, либо стремясь обеспечить себе существование в старости и немощи, получив содержание от монастыря в качестве вкладчика или инока.

Еще пример аналогичной ситуации. В декабре 1686 г. монастырский крестьянин Афонка Яковлев сын Сапожник «приложил по родителе своем» 50 коп. В 1700 г. он сделал вклад по своей душе — быка, корову и новую баранью шубу ценой 70 коп. В 7210 (1701/1702) г. Афонка отдал в монастырь корову и быка «по родителех», и тогда в монастырский синодик были записаны инок Исихия, схимник Феодулий и Анастасия. Из этой записи следует, что отец Афанасия Яков принял постриг и, скорее всего, в этом же монастыре. Здесь же было добавлено, что Афанасий приложил жеребенка, а в 1718 г. — 5 руб. В записи 7210 г. он назван «жителем сей обители», трудно сказать означало ли это изменение его социального статуса, т. е. освобождение от крестьянских обязанностей. Не исключено, что в силу преклонного возраста или болезни он уже не мог выполнять крестьянскую работу и, судя по размеру вклада, явно стремился, если не повторить путь отца, к концу жизни приняв постриг, то, по крайней мере, перейти на содержание монастыря. Думается, что во вкладах Афанасия был не только прагматичный интерес, но и духовная составляющая. Вклады, сделанные им на протяжении жизни, свидетельствуют об изменении его отношения к поминовению усопших, усиливается забота о собственной душе. Если его первый вклад — это традиционная полтина на помин души, то спустя 15 лет — существенный вклад для записи имен усопших родственников в монастырский синодик.

Судя по записям во вкладной книге 1673 г., те же душевные переживания испытал в зрелом возрасте и пашенный крестьянин Яков Исакиев по прозвищу Рышко⁶. В 1694 г. он передал в монастырь свой первый вклад (двух быков) «впредь Бог по душу послет, по своей души в поминание». К этой же записи было сделано дополнение — «да за тот же приклад написать имя умершаго Исаака (отца Якова. — *И. М.*) в поминальном соборном сенодике». Возможно, какая-то сложная жизненная ситуация (может быть, болезнь) подвигла Якова на этот вклад. Но то-

⁵ Вклады зерном были крайне редки. Очевидно, это связано с тем, что в конце XVII — начале XVIII в. в крае еще сохранялась острая нехватка хлеба.

⁶ Он отмечен среди монастырских крестьян в переписных книгах 1683 г. См.: РГАДА. Ф. 281. Д. 12483. Л. 1 об.—2 об.

гда летального исхода не случилось, и он продолжил делать вклады в монастырь. В 1696 г. Яков «приложил по себе и по жене своей Феодоре» двух быков «в приклад». В 1701/02 г. он пополнил «приклад» по своей душе короной с теленком. Ранее, в 1700/01 г. у него была принята корова «по родителех» с записью в синодик Марфы и младенца Нестера.

Любопытная ситуация была описана во вкладной книге 1671 г. Монастырский пашенный крестьянин Александр Иванов 9 марта 1671 г. без благословения игумена Иосифа и не известив строителя старца Иосифа выгнал свой скот из деревни и хотел передать его старцам Кондинского Троицкого монастыря, заимка которого находилась на реке Исети недалеко от Далматовской обители. По версии далматовских старцев, первоначально Александр обещал отдать этот скот в качестве вклада в их обитель, но позже передумал и решил сделать вклад «тайным обычаем» в Кондинскую пустынь. Однако далматовские старцы посчитали эти действия не законными, и «по игуменскому благословию и по строителю велению» скот (а это конь, 2 бычка 2 и 3-х лет, 4 овцы и 4 ягненка) был «ворочен в обитель и взят в казну монастырскую потому, чтоб иным крестьяном пожитков своих и скота неповадно из монастырских вотчин без благословения игуменского и ведома строительского вывозить на стороны». В конфликт был вынужден вмешаться сибирский митрополит Корнилий, и по его благословию тот скот был отдан в Кондинскую пустынь строителю старцу Ивану с братией. Это произошло 18 июля того же года, о чем и сообщает запись во вкладной книге. Приведенная выше цитата из документа говорит о том, что монастырские власти стремились взять под контроль право монастырских крестьян распоряжаться своим имуществом, в том числе и делать вклады в другие обители. При этом вклады жителей других монастырей принимались. Например, поступило 4 вклада от крестьян Невьянского Богоявленского монастыря на помин родителей, возможно, они каким-то образом были связаны с Далматовской обителью. В качестве вкладов были даны незначительные денежные суммы и холст. Среди этих вкладов выделяется дар невянского крестьянина Дмитрия Фомина сына прозвищем Чахунова. В 1694 г. он дал 10 аршин сукна на помин родителей и 30 аршин холста, чтобы записали в монастырский синодик его сыновей Ивана и Данилу.

По записям во вкладных книгах также можно проследить изменение социального статуса того или иного человека. Это удастся в том случае, если вклады делались одним и тем же лицом несколько раз. Например, 5 апреля 1681 г. от гулящего человека важенина Назарки Семенова Буторина поступил вклад 1 руб. «по своих двух родителех, и они в синодик написаны в вечное поминание». В апреле 1691 г. он уже в статусе монастырского крестьянина сделал вклад гнедым меринином⁷. Таким образом, во вкладной книге отразилась важная информация об этом человеке: он пришел в Сибирь из Важского уезда, поселился в монастыре не позднее 1681 г. В переписной книге 1683 г. Назарка уже записан монастырским крестьянином⁸. В переписи 1719 г. отмечено, что в возрасте 73 лет он жил в деревне

⁷ Цель вклада не отмечена, и это встречается довольно часто во вкладной книге 1673 г.

⁸ Переписная книга Л. Поскочина 1683 г. не сохранилась в полном виде, имеется лишь поименный перечень монастырских крестьян. См.: РГАДА. Ф. 281. Д. 12483. Л. 1 об.—2 об.

Притеченской своим двором, платил государевы денежные подати за исключени-ем банных денег, пахал на себя 0,5 дес. земли и ставил по 30 копен сена ежегодно. К тому времени он уже овдовел, у него на подворье жили бобыли⁹.

Во вкладных книгах есть также примеры социальной мобильности, связанные с переходом из статуса крестьянина в другую категорию. В этом плане показательна судьба Якова Черемного. В марте 1687 г. будучи крестьянином, он вместе со своим зятем Корнишкою сделал вклад на поминование родителей. Вслед за этой записью идет не совсем понятное дополнение: «у него ж Якова за 208 (1700) год за оброк взят бык пяти лет». Скорее всего, эта приписка случайно попала во вкладную книгу и предназначалась для учетной документации другого рода. В конце вкладной книги имеется недатированная запись, что у монастырского служебника Якова Михайлова Черемного принята лошадь и в синодик записаны его родители Михаил и Елена. В переписи 1719 г. он отмечен среди 12 «дворцовых» работников, проживавших на «дворце скотском» при монастыре. В то время Якову было 80 лет¹⁰. Эти факты подтверждают предположение В. И. Шункова, что понятия «служебники» и «дворцовые работники» были синонимами [5, с. 394]. Аналогичная ситуация произошла и с монастырским крестьянином Кириллом Гавриловым сыном Шайдуровым, также ставшим служебником. Очевидно, изменение социального статуса этих людей явно преклонного возраста было связано с их желанием освободиться от тех повинностей, которые несли крестьяне в пользу монастыря и государства, а также найти себе занятие по силам.

Незавершенность процесса социальной стратификации социума в вотчинах сибирских монастырей в XVII — начале XVIII в. порождает трудности с определением критериев дифференциации таких групп монастырского населения как бобыли, трудники и вкладчики [3, с. 121]. Вкладная книга 1671 г. Далматовского монастыря добавляют к этому списку еще и «послужимцев».

В XVII в. бобыли составляли небольшую группу населения монастырской вотчины, что нашло отражение и во вкладных книгах. В книге 1673 г. упоминается с четкой социальной атрибуцией только 12 бобылей¹¹. Для определения статуса монастырских бобылей обратимся к переписи Е. Шубина 1669 г., составленной с целью выявления недавно поселившихся в монастыре людей¹². Эти материалы показывают, что бобыли не платили «выдельной хлеб 5 сноп» и должны были выполнять «всякую монастырскую работу»¹³. В этом состояло главное различие меж-

⁹ ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3157. Л. 91.

¹⁰ Там же. Л. 22 об.

¹¹ Во вкладной книге 1673 г. 22 человека, проживавших в монастырской вотчине, отмечены без указания социального статуса. Возможно, среди них также были бобыли.

¹² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 535. Л. 25—80 об.

¹³ Это подтверждается и вкладной книгой 1673 г. В нее случайно попали записи, явно предназначенные для расходной книги. Так, в августе 1674 г. монастырскому бобылю Андрею Суворову была дана лошадь «за мелнишную поделку». В ноябре 1679 г. он получил жеребца «за многие труды ево, что судно делал и колеса мелничные». В переписной книге 1683 г. Андрей Иванов Суворов отмечен среди вкладчиков и работников, живущих в ограде и на дворе монастыря.

ду бобылями и крестьянами. Большинство бобылей имело свой двор и хозяйство. В переписи 1719 г. отмечено большое количество бобылей, которые обрабатывали собственную запашку, но жили на подворьях у крестьян. Размеры ряда вкладов этой группы населения подтверждают вывод Л. П. Шорохова о том, что «сибирские монастырские бобыли были более обеспеченными и состоятельными, нежели в европейской России» [4, с. 108]. Практически отсутствуют бобыльские вклады трудом, характерные для несостоятельных вкладчиков.

Любопытные метаморфозы произошли с пашенными крестьянами Шадринской слободы Андреем Анофреевым Коротковым (Коротким) и его сыном Степаном. В июле 1681 г. Степан сделал вклад в Далматовский монастырь быком на помин отца, который принял постриг под именем Васьян. Его имя было занесено в монастырский синодик. Такой финал жизни Андрея Короткова весьма неожиданен. Из других источников известно, что у него был длительный конфликт с далматовскими старцами из-за деревни, которую он построил на границе с владениями монастыря (видимо, это деревня Короткова). Монахи сожгли его деревню, принуждая поселиться на монастырских землях. Однако Андрей обратился с челобитной к царю о разрешении поселиться на прежнем месте. Просьба была удовлетворена, и шадринские крестьяне вновь отстроили деревню. Старцы же продолжали преследовать крестьян, о чем последние жаловались приказчику Давыду Андрееву¹⁴. Несмотря на все эти перипетии, приняв постриг, Андрей Коротков провел остаток жизни среди монастырской братии. И его сын Степан также в итоге связал свою судьбу с монастырем. Об этом свидетельствует вкладная книга 1673 г. В записи 1699 г. он назван уже монастырским вкладчиком с прозвищем Кривой. В этой же записи отмечено, что 11 апреля он перевел свой вклад и «поступился брату своему Ермаку слепому, что в синодик записать имя ево и поминать, а ему, Степану, до того вkladу дела нет, перевел вклад при казначие старце Иосифе, а переписал в книге по его, Стефанову, велению Николаевской церкви поп Стефан Яковлев». Таким образом, в период между 1681 и 1699 г. Степан, сделав существенный вклад, получил статус монастырского вкладчика, возможно, с переводом вклада этот статус перешел к брату, хотя из записи во вкладной книге это не ясно. По формулировке она скорее напоминает отказную запись, чем запись во вкладной книге. В пользу высказанной версии говорят записи о последующих вкладах Степана. Прозвища, которые имели братья, явно свидетельствуют об их ограниченных физических возможностях. Очевидно, эти обстоятельства и привели их в монастырь. Вскоре Ермак (Ермолай) скончался, и 30 июля «по преставлении ево приведена из дому ево корова... по нем же, Ермолае, в поминовение и имя в сенадик записано». Степан же продолжал делать в монастырь вклады. В записи, датированной 6 мая 1704 г., он назван монастырским бобылем. Тогда Степан передал монастырю вкладом по своей душе 50 коп. Далее отмечено, что при казначее Никоне он приложил 9 овец, 10 овчин и япанчу. В ноябре 1707 г. от него поступило в монастырскую казну 16 овец, баран и 50 копен сена. Очевидно, Степан специализировался на разведении мелкого рогатого скота. В переписи

¹⁴ РГАДА. Ф. 224. Оп. 1. Д. 535. Л. 25—26.

си 1719 г. он числился среди монастырских вкладчиков, которые жили «в ограде з братией»¹⁵, т. е. находился на полном монастырском содержании. Тогда ему было 73 года.

В том же списке вкладчиков 1719 г. числился Родион Терентиев Бубнов 74-х лет. Его имя также встречается на страницах вкладной книги 1673 г. В январе 1690 г. он, будучи трудником, сделал вклад на помин своих родителей. Но уже тогда он принял решение стать монастырским вкладчиком. Как гласит запись, сделанная 9 марта 1690 г., Родион дал вкладом 7 руб. и «тружался за три рубли во обители всякия черныя труды на своем платье полгода, и дошло от него в казну полной вклад — десять рублей сполна». Из этой записи, как и из многих других аналогичных, следует, что для того, чтобы стать монастырским вкладчиком, необходимо было внести не менее 10 руб.

Как подмечено рядом историков, достаточно распространенной была практика замены части или всего вклада трудом. Согласно вкладной книге 1671 г., среди подобных вкладчиков можно выделить 2 группы: 1) монастырские жители, с которыми договор был заключен предварительно на 2—3,5 года, и по истечении этого срока они получали вкладные; 2) «послужимцы», прожившие в монастыре длительный период от 8,5 до 16,5 лет без предварительного договора и получившие вкладные записи в период составления данной книги. Термин «послужимец» нам не встретился в иных монастырских документах, не фиксируется он и в материалах других урало-сибирских монастырей. Согласно словарю В. Даля, послужимцем называли «лицо, которое служит другому лицу, не будучи прямым его слугой; оказавший кому-то услугу» [1, с. 335]. На наш взгляд, это определение вполне соответствует тому содержанию, которое подразумевалось во вкладной книге.

По данным из других источников известно, что из 6 послужимцев, получивших вкладные записи в 1671 г., трое ранее значились монастырскими детенышами. Так, Тимофей Анисимов сын еще ребенком был привезен матерью в монастырь с Вятки и с 1649 г. начал трудиться в обители «безденежно» за вклад. Данило Родионов, оставшись в малолетстве сиротой, вырос в монастыре и работал за вклад с 1657 г. В монастыре они женились, и их жены также без оплаты выполняли «всякую дворцовую работу» и получили вкладные записи вместе с мужьями в 1671 г.

Заключая договор о работе за вклад, стороны брали на себя определенные обязательства, которые фиксировались во вкладной записи. Так, например, в 1671 г. нижегородец гуляющий человек Василий Герасимов сын Смагин «приложился в Далматовский Успенский монастырь трудами своими», обязуясь «тужатца безденежно — варить на дворце на работных людей с нынешняго 179 году апреля с 23 числа, тужатца два годы, до 181 году апреля по 23 число». Обязанности монастыря оговаривались таким образом: «Живучи ему, Василию, в тех трудах до того сроку пить и ясти, и платье носить — все монастырское, а как он до того сроку доживет, и нам, игумену и строителю з братею, тому Васке вкладную дать». В ряде случаев отмечалось и право вкладчика на постриг «за тем же вкладом». Был возможен и возврат вклада с расторжением сделки.

¹⁵ ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3157. Л. 21 об.

По своему социальному положению к вкладчикам (особенно к тем, кто отработывал вклады) были очень близки трудники. А. А. Кондрашенков, например, рассматривал вкладчиков и трудников как единую категорию [2, с. 83]. В. И. Шунков и авторы «Истории крестьянства Сибири» увидели много общего между трудниками, монастырскими детенышами, служебниками и работными людьми. В. И. Шунков считал, что в монастырских документах названия этих групп населения могли быть взаимозаменяемыми [5, с. 393—394]. На наш взгляд, привлечение материалов вкладной книги Далматовского монастыря 1673 г. позволяет пролить дополнительный свет на социальную природу категории трудников. Рассмотрим несколько записей. В 1694 г. «пришлой с Руси безженный» Иван Яковлев привел в монастырь трех своих малолетних детей «от нищеты да сиротства воспитатися до возраста, до того ж возраста труждатися самому с прочими трудники». Из этой записи следует, что Иван, с одной стороны, делал вклад трудом за детей, с другой, был зачислен в трудники, видимо потому, что он сам не получал содержания от монастыря. Если к тому же вспомнить историю Родиона Бубнова, описанную выше, то можно выделить ряд особенностей их положения в монастыре, которые отличали их от монастырских вкладчиков — они находились на собственном обеспечении и получали за свою работу плату. Если же они решали стать монастырскими вкладчиками или принять постриг, то свой статус они меняли только после внесения полного вклада (независимо от того, в каком виде он вносился).

Мы рассмотрели возможности использования вкладных книг Далматовского Успенского монастыря как источника для изучения особенностей состава населения монастырской вотчины, его социальной мобильности и вариаций маневра в изменении статуса, а также реконструкции биографий в комплексе с другими документами. Вместе с тем, этим информационные возможности данного источника не исчерпываются. Поскольку Успенская обитель играла заметную роль в жизни урало-сибирского региона, то среди его вкладчиков было значительное количество черносошных крестьян, служилых людей, священнослужителей различного ранга, представителей центрального и местного управленческого аппарата и др. В последнее время эти вкладные книги активно используются при составлении генеалогий.

Литература

1. *Даль В.* Толковый словарь. Т. III. М., 1955.
2. *Кондрашенков А. А.* Крестьяне Зауралья в XVII — XVIII вв. Ч. 1. Челябинск, 1966.
3. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.
4. *Шорохов Л. П.* Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII—XVIII вв. Красноярск, 1983.
5. *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М., 1956.

*В. Ю. Румянцев, А. А. Голубинский, М. С. Солдатов, Д. А. Хитров*¹
**Земледельческое освоение и состояние фауны Европейской
России по материалам Генерального межевания**²

В статье исследуются данные о фауне Европейской России конца XVIII в., содержащиеся в материалах Генерального межевания, в сопоставлении с современными данными о ее составе. Показано, что ареалы большинства крупных млекопитающих, присутствовавших на исследуемой территории два века назад, не претерпели с тех пор значительных изменений, однако биологическое разнообразие заметно выросло за счет появления ряда новых видов.

Ключевые слова: Генеральное межевание, историко-биологические исследования, млекопитающие, антропогенное воздействие на природу.

Один из ключевых процессов русской истории России XVI—XIX вв. — освоение огромных территорий на юге и на востоке страны, позволившее российскому обществу отчасти компенсировать весьма неблагоприятные для земледелия природные условия исторического центра страны [12, с. 552 и след.]. Эта особенность, резко отличающая русскую историю раннего Нового времени от истории других европейских стран той же эпохи, делает ее интересной с точки зрения воздействия человека на изменение окружающей среды. Стремительный рост населения, при сохранении почти исключительно аграрного характера экономики, был обеспечен вовлечением русским и другими народами России новых массивов земель в хозяйственный, земледельческий оборот. С начала XVII до конца XVIII в. общий объем пахотных земель возрос с 12 млн дес. до 47 млн дес., т. е. почти в 4 раза (расчет Я. Е. Водарского) [2]; это освоение продолжилось и в следующем столетии. Главный рост при этом пришелся на Европейскую часть страны, где границы земледельческой оседлости сдвинулись на тысячи километров к югу и востоку. Имеются все основания говорить, что быстрый рост населения и освоение

¹ *Румянцев Вадим Юрьевич*, к.г.н., с.н.с. Географического факультета МГУ; *Голубинский Алексей Алексеевич*, к.и.н., специалист 1-й категории РГАДА; *Солдатов Михаил Станиславович*, к.г.н., с.н.с. Географического факультета МГУ; *Хитров Дмитрий Алексеевич*, к.и.н., доцент Исторического факультета МГУ, dkh@bk.ru, Россия, Москва.

² Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 12-06-33035. В обработке материалов принимали участие А. Ю. Арутюнов, А. А. Богомазова, В. Д. Жуков, М. В. Хацкевич.

огромных территорий сопровождалось стремительным усилением антропогенного воздействия на природу.

Как это сказалось на составе фауны? Этот вопрос ранее не привлекал внимания историков России, хотя аналогичные работы по другим регионам мира существуют и составляют важную часть такого активно развивающегося междисциплинарного научного направления, как история окружающей среды (*environmental history*)³. Предлагаемая работа — первая в планируемой серии исследований исторических изменений животного мира Европейской России, основанных на материалах Экономических примечаний к Генеральному межеванию.

Несмотря на отсутствие специальных исследований, в отечественной литературе, как исторической, так и художественной, сложилось достаточно устойчивое представление о том, что хозяйственное освоение повлекло за собой и резкое сокращение биологических ресурсов.

Очевидно, большую роль здесь сыграла аналогия с Сибирью, а именно быстрое и весьма чувствительное для бюджета России истощение «соболиного изобилия» в Сибири. Как известно, золотая эра сибирского пушного промысла миновала ко второй половине XVII в. [15], сыграв выдающуюся роль в первоначальном исследовании и освоении Сибири; в следующем столетии воспоминания о ней были записаны учеными и стали широко известны. «С начала покорения Сибири, — замечает С. П. Крашенинников — соболиная охота была столь богатая, что оное место богатым наволоком прозвано. Но ныне не только там, но и в других местах, где есть расейские населения, нет никакого соболиного промыслу: для того, что соболи близ жилья не водятся, но по пустым лесам и высоким горам в отдалении»⁴. Некоторое влияние оказала и географическая литература второй половины XVIII в. В описаниях ученых путешествий по различным частям государства фауна была одним из важных предметов фиксации, при этом нередко ученые обращали внимание и на возможность исчезновения отдельных видов⁵.

Эта мысль была воспринята русской литературой. «Боже мой, как, я думаю, была хороша тогда эта дикая, девственная, роскошная природа! Нет, ты уже не та теперь, не та, какую даже и я зазнал тебя — свежую, цветущую, неизмятою отовсюду набежавшим разнородным народонаселением! Ты не та, но все еще прекрасна, так же обширна, плодоносна и бесконечно разнообразна, Оренбургская

³ Из заметных работ последнего десятилетия см: *Rackham O. The History of the Countryside: The Classic History of Britain's Landscape, Flora and Fauna. Camb., 2001; Extinctions and Invasions: A Social History of British Fauna / Ed. by T. O'Connor, N. Sykes. London, 2010; Ouchley K. Flora and Fauna of the Civil War: An Environmental Reference Guide. Louisiana City, 2010.*

⁴ *Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1786. Т. 1. С. 234—235. Ср.: Миддендорф А. Путешествие на север и на восток Сибири. Ч. II. С. 77—80.*

⁵ Особенно важную роль в начальном становлении российской зоогеографии сыграли труды П. С. Палласа, прежде всего «*Zoographia rosso-asiatica*» (Т. 1—3. СПб., 1811). В середине XIX в. Ф. П. Кеппен в биографической статье о П. С. Палласе подчеркивал, что значение созданного им описания в том, что «оно касается обширного края в том его виде, в каком он находился лет 125 тому назад, т.е. в то время, когда первобытные леса и степи Восточной России и Сибири, с их флорой и фауной, еще не успели подвергнуться тому разрушающему и видоизменяющему влиянию человека, которое так сильно выказывается в настоящее время». См.: *Русский биографический словарь. Павел, преподобный — Петр (Илейка). СПб., 1902. С. 156.*

губерния! все еще прекрасен ты, чудесный край!..» — восклицал в «Семейной хронике» С. Т. Аксаков. Очень важную роль в этой поэтической картине играло и представление о богатстве фауны. Охотник и рыболлов, автор знаменитых «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» и «Записок об уженье рыбы», писатель не понаслышке знал о нем: «Многоводны и многообильны разнообразными породами рыб твои реки, то быстротекущие по долинам и ущельям между отраслями Уральских гор, то светло и тихо незаметно катящиеся по ковылстым степям твоим, подобно яхонтам, нанизанным на нитку... Свежи, зелены и могучи стоят твои разнородные черные леса, и рои диких пчел шумно населяют нерукотворные борти твои, занося их душистым липовым медом. И уфимская куница, более всех уважаемая, не перевелась еще в лесистых верховьях рек Уфы и Белой!»⁶. Позже мысль о том, что хозяйственное освоение и сопутствующее ему сведение лесов стало бедствием и для фауны, встречается у П. И. Мельникова-Печерского («Русский... прирожденный враг леса: свалить вековое дерево, чтобы вырубить из чука ось либо оглоблю, сломить ни на что не нужное деревцо, ободрать липку, иссушить березку, выпуская из нее сок либо снимая бересту на подтопку, — ему нипочем⁷»), Н. И. Некрасова («Саша»), И. А. Бунина («Суходол») и во многих других произведениях русской классической литературы.

Став достаточно общепринятой в общественном сознании, мысль об оскудении природы оказала заметное влияние и на историческую науку. В. О. Ключевский в одной из вводных лекций своего «Курса» выделял массовое сведение лесов и истребление их обитателей как одну из характерных особенностей развития процесса русской колонизации. «Еще в XVII в., — писал он, — западному европейцу, ехавшему в Москву на Смоленск, Московская Россия казалась сплошным лесом, среди которого города и села представлялись только большими или малыми прогалинами...лес всегда был тяжел для русского человека. В старое время, когда его было слишком много, он своей чащей прерывал пути-дороги, назойливыми зарослями оспаривал с трудом очищенные луг и поле, медведем и волком грозил самому и домашнему скоту» [10, с. 83].

Особенно полно эта тенденция воплотилась в трудах М. К. Любавского. Описывая освоение различных территорий в своем итоговом труде, «Обзоре истории русской колонизации», ученый подчеркивал, что среди факторов, привлекавших население на новые земли, были «большое плодородие почвы, не истощенной в такой степени земледелием, как внутри государства, более богатые рыбные, пчелиные, звериные угодья» [11, с. 268].

Таким образом, в литературе (как научной, так и художественной) существует устойчивое мнение, что богатство фауны Восточноевропейской равнины существенно сократилось в XVIII — первой половине XIX в., причем сокращение было непосредственно связано с земледельческим освоением территории и, в частности, с вырубкой лесов.

⁶ Аксаков С. Т. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1955. С. 83—85.

⁷ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собрание сочинений в восьми томах. Т. 5. М., 1976. С. 10.

Справедливо ли оно? Источники позволяют ответить на этот вопрос лишь отчасти. О количестве животных, обитавших на той или иной территории, мы почти ничего не знаем. Но сведения об их ареалах появляются уже со второй половины XVIII в. Наиболее систематически они представлены в материалах Генерального Межевания.

Начатое в 1765 г., Генеральное межевание продолжалось более 50 лет и сформировало крупнейший документальный комплекс дореволюционной России, состоящий на сегодня из более чем 1,3 млн ед. хр. Межевое описание охватывает большую часть территории Европейской России, причем в значительном количестве сохранились как первичные документы (полевые записки землемеров и планы дач), так и обобщающие материалы всех уровней [3]. Текстовые описания на всех уровнях сопровождаются картами.

Для нас особенно важно то, что помимо своей сугубо утилитарной задачи — разграничить земельные владения, — землемеры должны были на основе опроса местного населения и собственных наблюдений собрать довольно обширный круг данных о каждой из обмежеванных дач. В итоговых текстовых документах межевания по каждому уезду, «Экономических примечаниях», помимо сведений о расположении дачи, поселениях и численности населения, даются следующие важные сведения: общее количество и размещение лесных, пашенных, сенокосных угодий; состав лесов, зафиксированный в виде перечня преобладающих пород; качество земли («к плодородию не весьма способна», «сенокосы травую хороши» и т. п.) и характер почв («иловатая», «иловатая с песком», «сероглинистая» и т. п.); глубина рек (указывается «в мелких местах в самое жаркое летнее время»); перечни встречающихся зверей, птиц и рыб. Принципиально важно, что вся эта информация собиралась с целями, которые мы бы сейчас определили как сугубо научные, что обеспечивает ее довольно высокую достоверность. К сожалению, эти «дополнительные» сведения приводились далеко не во всех томах Примечаний. По типологии Л. В. Милова, они имеются в «Примечаниях к Генеральным планам», «полных», отчасти — в «камеральных»; в «кратких» и «павловских», которые составляют большую часть сохранившегося фонда, они опускаются [13].

В настоящей статье анализируются данные по тем семи губерниям Европейской России, по которым в Межевом архиве в РГАДА сохранились полные или почти полные (с изъятием одного-двух уездов) комплекты Примечаний, содержащих интересующую нас информацию; в пределах каждой из них на данный момент обработана часть материалов. Таким образом, в выборку вошло 7 губерний и 33 уезда в них. Не покрывая всю территорию Европейской России, материалы наиболее подробных вариантов Экономических примечаний Генерального межевания все же дают уникальный по детальности и территориальному охвату для XVIII — начала XIX в. ряд зоологических наблюдений⁸.

⁸ Экономические примечания и ранее использовались зоологами как источник данных об исторических изменениях животного мира России. В качестве примера можно привести работы С. В. Кирикова [8, 9 и др.]. Однако эти данные обычно были фрагментарными в плане охвата территории или набора видов.

Каково происхождение данных о фауне, которые мы обнаруживаем в Полных примечаниях?

Обзор внутренней ситуации каждой дачи проводился младшим землемером; эта работа считалась второстепенной и, к сожалению, слабо регламентировалась и почти не документировалась. Сбор данных производился либо самим младшим землемером, либо, что более вероятно, землемеры получали информацию непосредственно от местного населения⁹. Так называемые «сказки поверенных крестьян» сохранились лишь в небольшом количестве полевых записок — на данный момент их известно порядка 400 [14]. В наиболее развернутом их виде описывается состояние земледелия, лесного хозяйства и т. д., поэтому мы вправе считать «слова» поверенных одним из основных источников рассматриваемых данных. Поверенными были наиболее осведомленные и грамотные люди, иногда крестьянские старосты, иногда помещичьи служители, старосты населенных пунктов ведомства коллегии Экономии или дворцового ведомства.

Перечень животных присутствует в Полных примечаниях в формуляре описания каждой дачи. Обычно он дается полностью, лишь в некоторых случаях его заменяет формула «в лесах звери, птицы, а в реках рыбы как о том писано при номере NN». В подавляющем большинстве случаев в соседних дачах эти перечни совпадают. Обследование, проведенное по одному-двум уездам из каждой губернии, где имеются Полные примечания, показало, что отличия в основном касаются тех дач, где леса немного или же он отсутствует совсем, в таких случаях составители Примечаний исключают из перечня лесные виды. Означает ли это, однако, что сведения собирались особо для каждого из обмежеванных участков? Как нам представляется, это маловероятно. Для межешчиков эта информация была второстепенной и собиралась вместе с другими сведениями, прежде всего при сборе сказок поверенных. Между тем такие сказки составлялись как правило, для населенных дач там¹⁰, где формуляр описания требовал фиксации промыслов, повинностей в пользу владельца и сбора массы другой информации; можно предположить (пока не будет доказано обратное), что для пустошей или даже небольших заселенных дач эти сведения просто повторяли собранные по крупным соседним имениям. Еще существеннее то, что количество вариантов перечня животных ограничено — как правило, 3—4 на уезд.

В свете этого, как представляется, нет острой необходимости обрабатывать тома Экономических примечаний целиком — для достижения наших целей достаточно обширной выборки. Она должна учесть две возможности: во-первых, перечни животных, характерных для данного уезда, могут быть неполны вследствие особенностей их фиксации (например, в безлесных или малолесных дачах

⁹ Нормы прохождения землемеров по меже и в исследовании внутренней ситуации дачи были зафиксированы в ПСЗ: «Старший землемер с Младшим обязан производить полевой работы по сту шестидесяти верст в месяц, проходя один по окружной меже восемьдесят верст, а другой при снятии ситуации столько же» (ПСЗ. Собр. 1. Т. XVIII. № 13090. § 1. С. 491; Т. XIX. № 13885. § 8. С. 596).

¹⁰ Хотя изредка встречаются и отдельные сказки по пустошам — например, РГАДА. Ф. 1355. Д. 1509. Л. 111 об.

будут исключены многие лесные виды); во-вторых, в отдельных случаях различия в перечнях могут отражать действительное положение дел, присутствие определенного вида в одной части уезда и его отсутствие в другой. Мы пошли путем создания механической выборки: из каждого тома Экономических примечаний в базу данных заносились сведения примерно о каждой 25-й — 35-й даче. Для небольших по объему Экономических примечаний количество дач, вносимых в базу данных, увеличивалось. Это касалось в наибольшей степени тех уездов, где дробность землевладения была невелика.

Отбирались населенные дачи, имевшие долю лесных угодий не ниже, чем в среднем по уезду, и содержащие в описании перечень животных (дачи с отсылками к перечням в других описаниях не брались). Эта методика позволила достаточно близко подойти к составлению полного списка упоминаемых животных; контрольная выборка, включавшая четыре случайно выбранные населенные дачи из тома, подтвердила это — новых наименований животных в ней не нашлось.

Получившаяся база данных дает возможность решить две взаимосвязанные задачи: во-первых, составить перечень названий упоминаемых животных¹¹, оценить их встречаемость (число упоминаний), определить животных, особо привлекавших внимание участников межевания, или напротив, игнорируемых ими, несмотря на очевидную значимость, и попытаться объяснить такое положение вещей; во-вторых, осуществить географическую привязку упоминаний названий животных средствами геоинформационных систем (ГИС), сравнить данные о размещении животных в материалах Генерального межевания с данными об их современном распространении и провести анализ обнаруженных изменений. Поскольку работа адресована в гораздо большей степени историкам, нежели зоологам, нам невольно приходится некоторые специальные зоогеографические вопросы обсуждать облегченно, а некоторые очевидные для зоолога позиции комментировать излишне подробно.

В Экономических примечаниях упоминаются животные трех классов: *Млекопитающие* или *звери* (Mammalia), *Птицы* (Aves) и *Рыбы* (Osteichthyes). В качестве объекта первого этапа исследования выбраны *млекопитающие* — как компонент животного мира, достаточно компактный (в плане числа видов), удобный для анализа и, вне всякого сомнения, чрезвычайно значимый для человека в самых различных смыслах.

Расположение губерний, по которым имеются данные, показано на рис. 1 (см. вклейку).

На рис. 1 видно, что территории, вошедшие в выборку, покрывают почти все показанные на карте современные зоны (подзоны) растительности Европейской территории России — от средней тайги до северных степей, кроме подзон северной и южной тайги. Но на территориях, лежащих к северу от подзоны средней тайги, Генеральное межевание не проводилось. Соответственно, выборка должна

¹¹ Речь идет именно о названиях, но не о видах животных, поскольку одно и то же название в Экономических примечаниях может соответствовать более чем одному виду. Например, «зайцы» (см. в тексте ниже).

в той или иной мере отражать состояние животного мира почти всей Европейской России (кроме самых северных и самых южных районов).

Для каждой конкретной дачи составлялся перечень упоминаемых названий зверей. Здесь нужно отметить, что в названиях млекопитающих (во всяком случае, упоминаемых) со времени проведения межевания изменений практически не произошло. Иначе дело обстоит, например, с рыбами, для которых в Экономических примечаниях очень часто употребляются устаревшие или местные названия, соотнесение которых с современными научными названиями видов представляет известную трудность. На основе перечней названий зверей в описаниях конкретных дач составлялись сводные списки для уездов, затем губерний, и, наконец, общий список для выборки. На каждом этапе фиксировалась встречаемость (число упоминаний) каждого названия. В итоге были составлены сводная таблица, содержащая также современные научные названия упоминаемых зверей, и ряд других аналитических таблиц.

В рассмотренных материалах упоминаются 24 названия млекопитающих, относящихся к 11 семействам пяти отрядов. Их перечень, соотнесенный с современной системой класса млекопитающих, а также встречаемость их упоминаний в выборке по губерниям, уездам и конкретным дачам приведены в табл. 1 (см. с. 96—97). Здесь следует сделать некоторые пояснения.

1. В настоящее время в России обитает более 250 видов наземных млекопитающих, относящихся к 7—8 отрядам и более чем 30 семействам [5 и др.]. Более точные числа привести невозможно по причине многочисленных разночтений в трактовках объемов конкретных таксономических категорий — видов, родов, семейств, отрядов. Система животного мира неоднозначна и постоянно меняется, особенно в последние десятилетия. Следует также учитывать, что значительная доля от названного числа видов обитает вне территорий, вошедших в выборку. На территории Европейской России сегодня живут и чужеродные (интродуцированные в XX в.) виды зверей [1 и др.].

2. Научные названия конкретных видов животных (русские и латинские), а также таксономических категорий более высокого ранга могут быть разными в различных источниках. Особенно это касается русских названий, для которых, в отличие от латинских, не существует строгих правил номенклатуры. В рамках данной статьи это не имеет принципиального значения. Названия в табл. 1 приводятся в основном по источнику [5], с небольшими изменениями, хотя в более поздних и/или более специальных сводках они могут быть несколько иными.

3. Отдельные названия животных в Экономических примечаниях могут соответствовать двум видам — в данном случае, это *зайцы* и *хори* (табл. 1). Иногда трудно однозначно определить, какой именно вид из многих возможных подразумевается — например, *суслики* и *хомяки* (табл. 1). Эти вопросы будут более подробно обсуждаться ниже.

Результаты анализа встречаемости (числа упоминаний) названий животных в выборке по конкретным дачам, по уездам и по губерниям представлены на рис. 2 (см. с. 98).

Встречаемость упоминаний зверей в выборке из Экономических примечаний (звери в систематическом порядке, по губерниям — в алфавитном порядке)

Название в Экон. Примеч. (24 названия)		ЖИВОТНЫЕ										ВСЕГО (33 уезда, 330 лач)							
		Современное название	Вологодская (1 / 75)	Воронежская (8 / 53)	Казанская (11 / 87)	Калужская (3 / 50)	Смоленская (4 / 30)	Тверская (1 / 5)	Тульская (5 / 30)										
Русское		Латинское	Уз	Дч	Уз	Дч	Уз	Дч	Уз	Дч	Уз	Дч	Уз	Дч	Уз	Дч			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
ОТРЯД НАСЕКОМОЯДНЫЕ — INSECTIVORA																			
Семейство Ежей — Erinaceidae																			
Ежи	Обыкновенный еж	<i>Erinaceus europaeus</i>	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	1	1
Семейство Кротов — Talpidae																			
Кроты	Европейский крот	<i>Talpa europaea</i>	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
ОТРЯД ХИЩНЫЕ — CARNIVORA																			
Семейство Собак — Canidae																			
Волки	Волк	<i>Canis lupus</i>	1	29	8	39	11	71	3	35	4	23	1	5	5	24	7	33	226
Лисицы	Обыкновенная лисица	<i>Vulpes vulpes</i>	1	22	8	45	11	58	3	14	4	22	1	5	5	20	7	33	186
Семейство Мелведей — Ursidae																			
Мелведи	Бурый мелведь	<i>Ursus arctos</i>	1	11	3	3	9	20	1	2	2	3	1	2	1	1	7	18	42
Семейство Кошек — Felidae																			
Рыси	Рысь	<i>Felis lynx</i>	1	1	-	-	-	-	1	1	1	1	-	-	-	-	-	3	3
Семейство Куниц — Mustelidae																			
Росомахи	Росомаха	<i>Gulo gulo</i>	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
Барсуки	Барсук	<i>Meles meles</i>	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
Куницы	Лесная куница	<i>Martes martes</i>	1	10	-	-	2	3	1	2	-	-	1	2	-	-	-	3	4
Хори	Лесной хорь	<i>Mustela putorius</i>	-	-	5	9	1	1	-	-	1	1	-	-	-	-	-	3	7
	Степной хорь	<i>M. eversmanni</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11

Норки	Европейская норка	<i>M. lutreola</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	1	1		
Ласки	Ласка	<i>M. nivalis</i>	-	-	-	-	2	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2	4	
Горностаи	Горностаи	<i>M. erminea</i>	1	11	8	19	10	35	-	-	-	3	18	1	2	3	8	6	26	93					
Выдры	Речная выдра	<i>Lutra lutra</i>	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	3	3	4				
ОТРЯД ПАРНОКОПЫТНЫЕ — ARTYODACTYLA																									
Семейство Оленей — Cervidae																									
Лоси	Лось	<i>Alces alces</i>	1	1	-	-	-	-	1	2	-	-	-	1	2	-	-	-	3	3	5				
Олени	Благородный олень	<i>Cervus elaphus</i>	-	-	-	-	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2	2				
Дикие козы	Европейская козуля	<i>Capreolus capreolus</i>	-	-	1	2	-	-	-	-	-	-	-	1	2	-	-	-	2	2	4				
ОТРЯД ЗАЙЦЕОБРАЗНЫЕ — LAGOMORPHA																									
Семейство Зайцев — Leporidae																									
Зайцы	Заяц-беляк Заяц-русак	<i>Lepus timidus</i> <i>L. europaeus</i>	1	64	8	49	11	85	3	50	4	30	1	4	5	30	7	33	312						
ОТРЯД ГРЫЗУНЫ — RODENTIA																									
Семейство Белок — Sciuridae																									
Белки	Обыкновенная белка	<i>Sciurus vulgaris</i>	1	44	5	9	11	60	3	30	4	24	1	3	4	14	7	29	184						
Бурундуки	Бурундук	<i>Tamias sibiricus</i>	-	-	-	-	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	2				
Сурки	Степной сурок	<i>Marmota bobak</i>	-	-	3	12	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	4	13				
Суслики	Большой суслик	<i>Spermophilus major</i>	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1				
Семейство Бобров — Castoridae																									
Бобры	Речной бобр	<i>Castor fiber</i>	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1				
Семейство Хомяков — Cricetidae																									
Хомяки	Обыкновенный хомяк	<i>Cricetus cricetus</i>	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1				
Всего упомянуто названий зверей в выборке			10	10	10	16	11	8	10	11	8	10	10	6	24										

Примечания: «8 / 53» — число узлов / число дач в выборке по данной губернии; Уз — число узлов, для которых в Экономических примечаниях упомянут данный вид; Дч — число дач, для которых упомянут данный вид; Уз — число узлов, для которых упомянут данный вид; Гб — число губерний, для которых упомянут данный вид. Далее в тексте в основном используются названия, взятые из Примечаний.

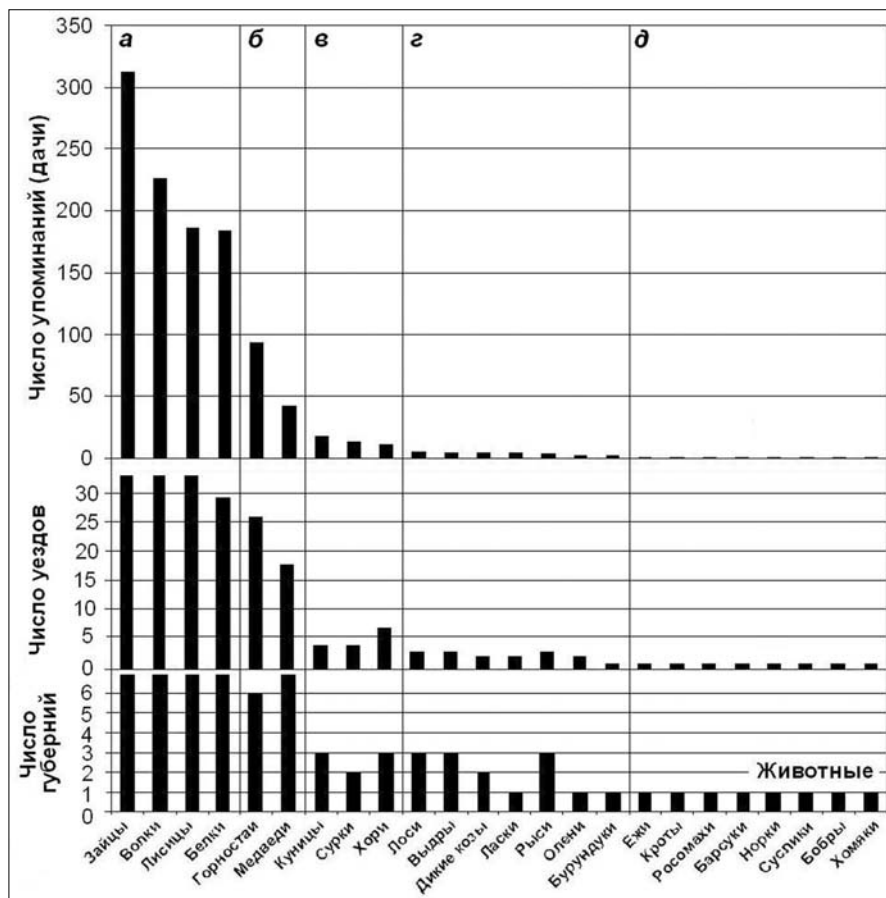

Рис. 2. Встречаемость упоминаний названий зверей в выборке из Полных Экономических Примечаний к Генеральному Межеванию Российской Империи (ранжировано по убыванию встречаемости). а-д — группы зверей, условно выделенные по встречаемости их упоминаний (обсуждение в тексте).

В соответствии с рис. 2, животных можно условно разделить на 5 групп по числу упоминаний их названий в выборке:

а — максимальная встречаемость. Это: *зайцы* (312 упоминаний), *волки* (226), *лисицы* (186), *белки* (184). Упомянуты для всех губерний и для всех (почти всех) уездов.

б — довольно высокая встречаемость. Это *горностаи* (93) и *медведи* (42). Упомянуты почти для всех губерний и для более чем половины уездов.

в — довольно низкая встречаемость. Это *куницы* (17), *сурки* (13) и *хори* (11). Упомянуты для 2–3 губерний и для 4–7 уездов.

г — очень низкая встречаемость. Это *лоси*, *выдры*, *дикие козы*, *ласки*, *рыси*, *олени* и *бурундуки*. 2–5 упоминаний для 1–3 губерний и 1–3 уездов.

д — минимальная встречаемость. Это *ежи*, *кроты*, *росомахи*, *барсуки*, *норки*, *суслики*, *бобры*, *хомяки*. По одному упоминанию в выборке, т. е., 1 губерния и 1 уезд.

Теперь можно сопоставить выявленные местонахождения зверей с современными ареалами соответствующих видов в пределах Европейской России. Современные границы ареалов, далеко не для всех видов обрисованные точно, определялись или уточнялись с использованием доступных литературных источников, но в значительной степени — на основании материалов, содержащихся в базе данных Информационной системы «Население наземных позвоночных России», разработанной на кафедре Биогеографии Географического факультета МГУ [4; 17 и др.].

При обсуждении полученных результатов мы исходим из двух основных допущений.

1. Если зверь упоминается в Экономических примечаниях, значит, на этой территории он есть (был). Таким образом, постулируется доверие к участникам межевания, и возможность ошибок игнорируется.

2. Если зверь не упоминается, это не значит, что его нет (не было) на этой территории. Вполне очевидно, что многие звери, несомненно значимые для человека, заметные и обычные в настоящем, в материалах межевания либо вообще не упоминаются, либо упоминания их единичны.

Упомятаемость (или неупомятаемость) названий зверей в Экономических примечаниях может быть предположительно связана со следующими критериями.

1. Значимость в жизни человека. Зверь может быть ресурсом (объектом охоты), вредителем сельского хозяйства и т. п.

2. Заметность. Большинство зверей ведет скрытный образ жизни, и многие из них, даже вполне обычные, наблюдаются людьми редко. С другой стороны, заметные звери могут упоминаться, даже не имея хозяйственного значения.

3. Связь с определенными фенологическими рубежами в жизни природы (например, с определенными видами могут быть связаны важные для крестьян приметы). Этот критерий более значим для птиц, но возможен и для некоторых млекопитающих.

Рассмотрим с этих позиций животных, упоминаемых в проанализированной выборке. Подчеркнем, что все их местонахождения в выборке, за крайне редкими исключениями, находятся в пределах современных ареалов. Начнем со зверей, упоминаемых наиболее часто (см. рис. 2).

Абсолютными лидерами являются *зайцы* (312 упоминаний на 330 дач). Но следует помнить, что речь идет о двух видах — *беляке* и *русаке*, которые в Примечаниях не разделяются (см. табл. 1). Беляк — лесной вид и, соответственно, изначально населял северную часть рассматриваемого региона. Русак тяготеет к открытым пространствам и исходно обитал в его южной части. В настоящее время на обширных пространствах Европейской России они живут совместно, деля территорию по биотопическому признаку — беляк на лесных участках, русак на полях. Однако такая картина, вероятно, и в период проведения Генерального межевания наблюдалась в пределах лесостепи (см. рис. 1), где издавна известны гибриды этих видов, называемые в народе «тумаками». Зайцы полностью отвечают критериям значимости и заметности. Как объект охоты они всегда привлекали внимание,

причем была возможна их добычи силками, без использования огнестрельного или иного дистанционного оружия, что немаловажно для крестьян. Зайцы являлись (и являются сегодня) вредителями ряда огородных и садовых культур. Роль зайцев в жизни русского народа нашла отражение и в литературе и в устном народном творчестве. Поэтому их высокая упоминаемость в Экономических примечаниях достаточно объяснима.

Далее идут *волки* (226), *лисицы* (186) и *белки* (184). Их частая упоминаемость также не вызывает особых вопросов. Они и сейчас встречаются практически по всей Европейской России; численность *волка*, очевидно, сегодня гораздо ниже, чем в период проведения описания, зато лисица обычна, а местами многочисленна.

Значимость *волка* очевидна. Это и традиционный объект охоты, и бич скотоводства, и просто реальная опасность для человека — особенно зимой. Волка трудно назвать заметным, но там, где он есть, его нередко слышно (вой), что позволяет судить о его присутствии, даже не видя.

Лисица — также издавна важнейший охотничий вид и прославленный вредитель птицеводства. Лисица более заметна, чем волк, поскольку гораздо чаще наблюдается поблизости от человеческого жилья. С этим связано еще одно важное обстоятельство. Лисица в прошлом являлась главным природным резервуаром опаснейшей инфекции — бешенства. Сейчас она разделила эту роль с интродуцированным видом — *енотовидной собакой* (*Nyctereutes procyonoides*). Появляясь вблизи жилья человека, больные лисицы вступали (и сегодня вступают) в контакт с домашними собаками, от которых болезнь передавалась (и передается) людям. Это могло иметь существенное значение и в XVIII в., когда медицина была против бешенства практически бессильна.

Белка — зверь весьма заметный (причем у человека вызывающий симпатию) и значимый. В СССР белка занимала лидирующую позицию в пушных заготовках (по числу добытых шкурок, но не по их стоимости). Разумеется, ее добывали и в период проведения Генерального межевания, причем, как и в случае с зайцами, добыча велась преимущественно ловушками, что делало этот ресурс потенциально доступным для каждого.

Довольно высокая упоминаемость *горностаев* (93) вызывает некоторое недоумение. Это зверь, распространенный почти повсеместно (сегодня — даже в черте г. Москвы), но не слишком многочисленный и заметный. Горностай являлся в прошлом ценным пушным ресурсом — как «царский» мех, из которого шились мантии монархов. Но трудно представить, что его добыча была столь широко распространенным промыслом. Кажется также странным, что в выборке крайне редко упоминается *ласка* (4), распространенная столь же широко и более многочисленная. Эти виды очень похожи и в летнем и в зимнем мехе, единственным явно видимым различием является черная «кисточка» (концевые волосы) хвоста у горностая, отсутствующая у ласки. При этом ласка, не будучи пушным ресурсом, широко известна, как злостный вредитель птицеводства, в чем горностай особо не обвинялся. Ненамеренные встречи с лаской у россиян XVIII—XIX вв. должны были быть гораздо более частыми, чем с горностаем.

Медведи (42). Бурый медведь — единственный из зверей, упоминаемых в выборке, для которого на период проведения Генерального Межевания выявлено обитание достаточно далеко за пределами современного ареала (рис. 3, см. вклейку). Медведь зафиксирован в Епифанском уезде Тульской губернии и, что особенно интересно, в трех уездах Воронежской губернии — Бобровском, Коротоякском и Острогожском (см. рис. 2). Все эти территории лежат в пределах лесостепей или даже северных степей. Медведю же для стабильного существования популяции требуются большие лесные массивы при незначительном факторе беспокойства. Известны указания на то, что медведь «в прошлом встречался и в степях» [5, с. 95 и др.]. В северной части сегодняшней Воронежской области существуют два Государственных заповедника — Воронежский и Хоперский, где охраняются в первую очередь именно лесные экосистемы. Однако и в этих самых крупных для региона (причем охраняемых) лесных массивах медведя нет [6].

Внимание участников Генерального межевания к медведю объяснить сложно. Хотя его практическая значимость для крестьян едва ли была особо значительной, медведь был и остается одним из самых известных народу зверей. Относительно причин более широкого в целом распространения медведя к югу в период межевания можно строить множество самых различных гипотез. Можно предположить, что сохранение популяции медведя именно в названных трех уездах Воронежской губ. связано с тем, что в них сохранялись обширные лесные массивы, в течение XVII — начала XVIII вв. считавшиеся заповедными. Во всяком случае, очевидно, что затронутый здесь вопрос заслуживает специального исследования.

Группа зверей, упоминаемых сравнительно редко (см. рис. 2) — *куницы* (17), *сурки* (13) и *хори* (11).

Куницы (*лесная куница*) с древних времен были важнейшим объектом пушного промысла, но ко времени проведения межевания эта их функция на большей части территории, по-видимому, утратилась. Заметностью же куницы не отличаются и негативных для человека свойств не имеют. Вероятно, несмотря на достаточно широкое распространение, они упоминались там, где еще сохраняли определенное промысловое значение. Это те территории, где они живут и сегодня.

Сурки (*степной сурок или байбак*), напротив, чрезвычайно заметны — как сами звери, так и следы их жизнедеятельности (норы). Сурки в период Генерального межевания, вероятно, не имели для человека большого практического значения. Существенного вреда сельскому хозяйству сурки не наносили; они могли быть объектом охоты, но не систематической. Однако, их заметность, видимо, не позволяла не упомянуть сурков там, где они есть. К тому же сурки — немногие из зверей, отвечающих обозначенному выше «фенологическому» критерию. Сезонные явления в жизни сурков — весенний выход из нор и «первый свист», осеннее залегание в спячку — могли служить важными индикаторами определенных природных явлений для сельского населения. В выборке сурки просто не могли упоминаться чаще — они фиксируются для всех территорий (в пределах степной зоны), где они могли обитать в то время — и живут сегодня.

Хори. Как и в случае с зайцами (см. выше), подразумеваются два вида — *лесной (черный, темный) хорь* и *степной (светлый) хорь*. Они достаточно четко делят территорию в соответствии со своими названиями, хотя в пределах лесостепи могут встречаться на одной территории, но в разных биотопах. Хори не имели значения как объект охоты, но являлись (и являются) одними из самых злостных вредителей птицеводства. Известна народная идиома: «хорек в курятнике». Забравшись в курятник, хорь не просто добывает пищу, но зачастую убивает всех доступных птиц, которых заведомо не может съесть. Таким образом, внимание участников Генерального межевания к хорям достаточно объяснимо. Упоминаются хори в выборке для тех территорий, где они и сегодня обычны.

Звери, и сейчас вполне обычные для конкретных территорий, нередко значимые, но, в выборке упоминаемые очень редко (даже единично), с нашей точки зрения представляют особый интерес.

К этой категории в выборке относится 15 названий зверей (см. табл. 1, рис. 2). Среди них в первую очередь можно выделить тех, чья низкая упоминаемость интуитивно вполне понятна. Это *ежи* и *кроты*. Трудно представить сельского жителя, не знающего этих зверей. Но с другой стороны, там, где они есть, эти звери, видимо, считались абсолютно самоочевидными, и специального внимания не заслуживали.

О *ласке* уже было сказано выше. *Выдры* и *норки*, хотя и являются ценными пушными животными, причем довольно широко распространенными, немногочисленны и очень редко наблюдаются людьми, не занимающимися специально охотой на них.

Рыси, росомахи, бурундуки — таежные звери, хотя *рысь* может проникать довольно далеко на юг. Все они на территории Европейской России не имеют заметного хозяйственного значения. *Росомаха* в рамках выборки (см. табл. 1) отмечена только там, где изредка встречается и в настоящее время. На других территориях, охваченных выборкой, ее нет и никогда не было. *Бурундуки (бурундук сибирский или азиатский)*, отмеченные в выборке только для Казанской губернии (см. табл. 1), постепенно проникают все дальше на запад, и сегодня могут быть встречены во многих таежных районах Европейской России.

Суслики и *хомяки*. Судя по локализации единственного упоминания (Казанская губерния), речь идет о *большом (рыжеватом) суслике* и *обыкновенном хомяке*. Эти звери достаточно обычны для тех мест, где отмечены в выборке. *Большой суслик* исходно обитал только в Заволжье, но сейчас проник в правобережное Поволжье. *Хомяк* изначально обитал почти повсюду в степях и лесостепях Европейской России, а к настоящему времени распространился далеко на север в лесную зону. Оба эти вида могут наносить определенный вред сельскому хозяйству, но не многочисленны и не являются объектами охоты. Поэтому невнимание к ним объяснимо. Здесь встает другой вопрос: почему вовсе не упоминается другой вид — *кранчатый суслик (Spermophilus suslicus)*? Этот зверь очень широко распространен в степях и лесостепях (до Волги), а в рамках территории выборки обычен в пределах Воронежской и юга Тульской губерний. Это массовый вид, вредящий по-

севам неизмеримо больше, чем названные выше виды, причем он очень заметен. Но в выборке его упоминаний нет.

Барсуки — звери широко распространенные, хотя и не очень заметные. Они являются объектами охоты (издревле и по сей день барсучий жир — известнейшее средство народной медицины). Но в выборке они упоминаются единственный раз (для Воронежской губернии), что трудно объяснить сколько-нибудь однозначно.

Бобры. Речной или обыкновенный бобр — зверь, наряду с *лесной куницей*, с древних времен составлявший основу пушного богатства Европейской России. Ценность меха, отсутствие какого-либо регулирования добычи и сравнительная легкость последней привели к почти полному исчезновению бобра на Европейской территории России, но в последние десятилетия он снова становится здесь обычным и даже многочисленным всюду, где находит подходящие условия (сегодня бобр отмечается даже в черте г. Москвы). В выборке он однократно упоминается для Казанской губернии, несмотря на очевидную значимость и высокую заметность. При этом в выборку попадают территории, где в XX в. бобры сохранялись даже в период максимальной депрессии (Воронежская губерния), но его упоминаний для этих районов нет. Можно только предположить, что уже в период проведения межевания бобр в Европейской России был настолько истреблен, что почти повсеместно от него «остались одни топонимы», которые, кстати, в Экономических примечаниях встречаются достаточно часто.

Парнокопытные упоминаются в выборке очень редко — это *олени* (2), *лоси* (5) и *дикие козы* (4).

Олени (европейский благородный олень) сегодня в Европейской России крайне редки. Это звери широколиственных лесов, которых на исследуемой территории к настоящему времени почти не осталось — во всяком случае, массивов, достаточных для стабильного существования популяций оленя. Вдобавок, в XX в. с Дальнего Востока был завезен *пятнистый олень (Cervus nippon)*, который составил аборигенному виду конкуренцию, будучи более экологически пластичным. Вероятно, и в период межевания олень был в Европейской России крайне редким, но там, где он зафиксирован в выборке (Казанская губерния), этот вид обитает и сейчас.

Лоси изначально населяли практически всю лесную зону и лесостепь России, а с середины XX в., в связи с интенсивным полезащитным лесоразведением, продвинулись далеко на юг. Сегодня это обычный вид даже в достаточно густонаселенных районах (например, Московская область) и один из основных объектов спортивной охоты. В период Генерального межевания лось, вероятно, был столь же обычным в лесах, хотя о его значимости для населения судить трудно. Там, где лось отмечен в выборке, он живет и сейчас, но вызывает некоторое удивление редкость его упоминаний или их полное отсутствие (например, для Смоленской губернии).

Под *дикими козами* в Экономических примечаниях, очевидно, понимается *европейская косуля*. Других претендентов на такое название среди диких копытных на исследуемой территории нет и никогда не было. Естественный оптимум ареала косули лежит в лесостепи, хотя она встречается сегодня и севернее и южнее. В на-

стоящее время косуля здесь обычна, а местами многочисленна, и также является одним из важнейших объектов спортивной охоты. К тому же она гораздо более заметна, чем, например, лось, хотя, как и в случае с лосем, мы не можем судить о ее практической значимости для населения в период межевания. В выборке косуля упоминается для Воронежской и Тверской губерний. Первое вполне нормально; второе менее очевидно, поскольку Тверская губерния преимущественно лесная, но также не вызывает сомнений. Не вполне понятно, почему она не упоминается для Калужской, Казанской и Тульской губерний, где сегодня вполне обычна.

И наконец, звери, вообще не упоминаемые в выборке. Исходя из общего числа современных видов млекопитающих на территории Европейской России (см. выше), таких видов гораздо больше, чем упоминаемых. Но для подавляющего большинства неупомянутых видов объяснения этого факта достаточно очевидны.

Фауну млекопитающих Европейской России (и России в целом, и многих других территорий) много более чем на 50% формируют виды, относящиеся к категории, не имеющей таксономического статуса, и традиционно, хотя и довольно условно, именуемой «*Мелкие млекопитающие — Micromammalia*». Сюда относятся (в рамках Европейской России) следующие группы зверей.

- Из *насекомоядных* — *землеройки (Soricidae)*.

- Из *грызунов* — так называемые «*мышевидные грызуны*». Это собственно *мыши* и *крысы*, а также *мышовки*, *соны*, *полевки*, *хомячки* и др. (латинские названия групп не приводятся).

- Все *рукокрылые (Chiroptera)* — летучие мыши.

Причины отсутствия упоминаний животных этой категории легко объяснить. Либо их наличие самоочевидно, либо они не заслуживают внимания, либо и то и другое. При этом нужно учитывать, что и сегодня очень редкий специалист знает, что *мыши* и *полевки* — это совершенно разные звери, и что есть такие — *мышовки*. Трудно ожидать от участников межевания глубоких представлений о мышевидных грызунах и землеройках. *Рукокрылые* же среди млекопитающих стоят настолько особняком, что встает вопрос: а включали ли их вообще тогда в понятие «звери».

Отдельные виды этой категории, в общем могли бы и быть упомянуты в Экономических примечаниях — такие, как *садовая соня (Eliomys quercinus)*, *обыкновенный слепыш (Spalax microphthalmus)* и некоторые другие. *Соня*, вполне обычная на большей части территорий, охваченных выборкой, и сегодня зачастую наносит заметный ущерб плодовым культурам. *Слепыш* достаточно широко распространен в лесостепях и северных степях Европейской России. Хотя самого зверя наблюдать почти невозможно, следы его жизнедеятельности (выбросы грунта из нор) чрезвычайно заметны. К тому же слепыш может причинять существенный вред огородным культурам — особенно, корнеплодам. Во всяком случае, современному сельскому населению соответствующих территорий эти звери известны достаточно хорошо. Тем не менее, их неупоминание особых вопросов не вызывает.

Остается совсем немного видов, которые по тем или иным причинам могли бы или должны бы упоминаться в Экономических примечаниях, но не упоминаются (во всяком случае, в выборке). О *кранчатом суслике* уже было сказано

выше. Кроме него следует назвать *кабана* (*Sus scrofa*), *русскую выхухоль* (*Desmana moschata*) и *зубра* (*Bison bonasus*).

Кабан в настоящее время обычен практически по всей Европейской России, кроме северных районов. Но изначально его ареал располагался гораздо западнее. Активное естественное расселение кабана на восток и северо-восток началось в XX в. и продолжается по сей день, причем этот процесс детально прослежен в литературе [1 и др.]. В период проведения межевания на территориях, охваченных выборкой, кабана, скорее всего, просто не было.

Выхухоль — ценнейший пушной вид, изначально обитавший только в пределах Европейской России (западнее Волги). В течение XIX и начала XX вв. ее численность и ареал катастрофически сокращались — как из-за бесконтрольной добычи, так и в связи с ухудшением условий обитания (загрязнение рек и водоемов, ведущее к подрыву кормовой базы). В XX в. в СССР проводились широкомасштабные работы по восстановлению выхухоли в местах бывшего обитания и расселению за их пределы. В результате современный ареал выхухоли заметно больше исходного, хотя в целом она по-прежнему остается редким видом. В период межевания выхухоль еще могла быть в некоторых охваченных выборкой районах достаточно обычной. Это животное нельзя назвать заметным, но там, где численность выхухоли была достаточной, ее почти наверняка добывали. Возможны были и случайные встречи — например, выхухоль могла попадать в рыбацкие сети. Однако в исследованной выборке она не упоминается.

Зубр в отдаленные времена населял практически всю среднюю полосу и юг Европейской России. Но ко времени проведения межевания он был, по-видимому, полностью истреблен, хотя есть указания на его присутствие в XVIII в. в пределах территории Воронежской губернии [1 и др.]. В настоящее время зубр в диком состоянии не обитает нигде. Благодаря мероприятиям по восстановлению вида, существуют его полувольные популяции в ряде заповедников.

Подведем итог сделанному обзору. В исследованной выборке встречены 24 названия (26 видов) млекопитающих. Они упоминаются с разной частотой — от очень высокой до единичной. Это, по-видимому, определяется двумя основными факторами — их значимостью для человека и заметностью. Собственно говоря, упомянуты почти все животные, в этом плане заслуживавшие внимания участников межевания.

Проведенный анализ показал, что все без исключения звери, упоминаемые в выборке, и сегодня обитают на этих территориях, причем многие из них вполне обычны или даже многочисленны. Основным, причем достаточно неожиданным, результатом анализа стал тот факт, что практически все местонахождения упоминаемых в выборке зверей находятся в пределах их современных ареалов. Единственным явным исключением является *медведь*. В период проведения Генерального межевания он проникал далеко на юг за пределы современной южной границы ареала (рис. 3). Есть и другие, не столь яркие примеры — так, *рысь* зафиксирована в Мосальском уезде Калужской губернии. Эта территория сейчас номинально включается в ареал [1 и др.], но в действительности рысь здесь постоянно не присутствует, хотя возможны крайне редкие заходы во время зимних

кочевков или при расселении молодняка. Ни один вид, упоминаемый в выборке, к настоящему времени с рассматриваемой территории не исчез.

На территориях, включенных в выборку, сегодня живут звери, значимые и заметные, но в выборке не упоминаемые либо вообще, либо для этих конкретных территорий. Это может быть связано либо с естественным расширением ареалов ряда видов (*кабан*, *лось*, *бурундук* и др.), либо с целенаправленными мероприятиями по искусственному расселению, в больших масштабах проводившимися в XX в. Например, на этих территориях сегодня живут по крайней мере 4 вида млекопитающих, абсолютно чуждых для Европейской России и намеренно завезенных из других регионов России или из-за рубежа.

В ряде случаев малое число упоминаний вида или их полное отсутствие трудно объяснить сколько-нибудь однозначно. Возможно, это связано с недостаточным объемом выборки на уровне губерний. Но следует учитывать и то, что о реальном состоянии фауны млекопитающих в период проведения Генерального межевания мы знаем очень немного.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать основной вывод, прямо противоречащий сложившимся (как отмечено выше) представлениям о сокращении богатства фауны Европейской России с конца XVIII в. до настоящего времени. Фаунистическое разнообразие на исследованных территориях сегодня заметно больше, чем в период проведения Генерального межевания — во всяком случае, для млекопитающих, — как для Восточноевропейской равнины в целом, так и для конкретных территорий. Возможно, конечно, исчезновение отдельных видов с отдельных участков, но на основании данных Экономических примечаний этого нельзя зафиксировать.

Для эколога объяснение такого факта довольно очевидно. Постулируемое обеднение фауны связывали с сельскохозяйственным освоением территорий и сопутствующей вырубкой лесов. Но для зверей это фактор скорее положительный, нежели наоборот. Виды млекопитающих, которым для жизни требуются большие сплошные лесные массивы, на территории Европейской России единичны (*бурый медведь*). Гораздо более комфортно большинство зверей чувствуют себя при высокой мозаичности территории — когда чередуются лесные и открытые участки. Некоторые виды (например, *косуля*) являются «опушечными» — находят убежища в лесу, а кормятся на полях. Исходно такие виды были лесостепными, но сейчас продвинулись далеко на север. Земледелие также предлагает многим животным новые, причем питательные и обильные, корма. С другой стороны, как уже отмечалось, активно проводившееся на юге исследуемой территории в середине XX в. полезаститное лесоразведение создало условия для проникновения на юг лесных видов (например, *лось*). В итоге сегодня мы наблюдаем на территории Европейской России смешение южных и северных фаун, что заметно повышает общее фаунистическое разнообразие.

В дополнение к этому, в XX в. вступил в действие важнейший фактор — целенаправленные мероприятия по охране, восстановлению и обогащению животного мира России (СССР) на государственном уровне. Их итогом было возрождение многих видов, исчезнувших полностью (*зубр*) или почти полностью (*выхухоль*,

бобр, сурок и др.), а также внедрение в фауну новых видов. Сегодня центральные районы Европейской России по видовому разнообразию наземных позвоночных занимают одно из ведущих мест в России — наряду с некоторыми районами Южной Сибири и юга Дальнего Востока [16].

Литература

1. Бобров В. В., Варшавский А. А., Хляп Л. А. Чужеродные виды млекопитающих в экосистемах России. М., 2008.
2. Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII — первой половине XIX в. М., 1988.
3. Голубинский А. А., Хитров Д. А., Черненко Д. А. Итоговые материалы Генерального межевания: о возможностях обобщения и анализа // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2011. № 3. С. 35—51.
4. Даниленко А. К., Румянцев В. Ю. Картографирование населения наземных позвоночных России с использованием геоинформационных технологий // Биогеография в Московском университете. 60 лет кафедре биогеографии. М., 2008. С. 119—133.
5. Динец В. Л., Ротшильд Е. В. Звери. Энциклопедия природы России. М., 1996.
6. Заповедники СССР. Заповедники европейской части РСФСР. Ч. II. / Под общ. ред. В. Е. Соколова, Е. Е. Сыроечковского. М., 1989.
7. Зоны и типы поясности растительности России и сопредельных территорий (карта М 1 : 8 000 000) / Под ред. Г. Н. Огуревой. М.: Изд-во ТОО «Экор», 1992.
8. Кириков С. В. Изменения животного мира в природных зонах СССР (XIII—XIX вв.). Степная зона и лесостепь. М., 1959.
9. Кириков С. В. Промысловые животные, природная среда и человек. М., 1966.
10. Ключевский В. О. Соч. Т. 1. М., 1987.
11. Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.
12. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2 изд. М., 2006.
13. Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965.
14. Милов Л. В. «Сказки» крестьян как исходный материал для «Экономических примечаний» Генерального межевания // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960.
15. Павлов П. Н. Пушной промысел в России в XVII в. Красноярск, 1972.
16. Румянцев В. Ю., Даниленко А. К. Видовое разнообразие наземных позвоночных. Карта М 1 : 40 000 000 // Национальный Атлас России. В 4-х томах. Т. 2. Природа. Экология. М.: Роскартография, 2007. С. 364.
17. Румянцев В. Ю., Даниленко А. К. Информационная система «Население наземных позвоночных России» // Проблемы экоинформатики. Мат-лы третьего международного симпозиума. М., 1998. С. 126—129.

*М. И. Роднов*¹

Система управления в помещичьем хозяйстве Мензелинского уезда Оренбургской губернии накануне отмены крепостного права

В статье использованы новые материалы, характеризующие структуру управления помещичьими хозяйствами Среднего Поволжья и Приуралья в 1861 г., накануне отмены крепостного права. Проведено сравнение методов хозяйствования в дворянских имениях.

Ключевые слова: Поволжье, Южный Урал, помещичье хозяйство, аграрный строй, реформа 1861 года.

При подготовке отмены крепостного права собиралась информация обо всех помещичьих (дворянских) хозяйствах, как в центре, так и в регионах [2; 6; 7]. В единственной местной газете, издававшихся в Уфе «Оренбургских губернских ведомостях», в 1861 г. были опубликованы сведения о помещичьих имениях по всем уездам Оренбургской губернии, а также о горнозаводских владениях. В приложении к № 7 официальной части «Оренбургских ведомостей» за 18 февраля 1861 г. помещены данные по Мензелинскому уезду [8, с. 70—83]. Эти материалы позволяют проанализировать систему управления в помещичьих имениях в канун Великой реформы, так как в газете, помимо сведений о числе крепостных и дворовых, владельцах, количестве земли и местоположении поместья, приводились сведения «кто из помещиков находится в имении, или кому поручено управление».

Изучение помещичьего хозяйства на Южном Урале [1] показывает, что восточная граница «сплошного» дворянского землевладения в России проходила по условной границе Мензелинск — Бугульма, далее на восток помещичьи хозяйства располагались изолированными «островками» преимущественно вокруг городов. Мензелинский уезд (современный восточный Татарстан) отличался концентрацией дворянского землевладения в Оренбургской губернии (гражданской столицей которой была Уфа, а военные власти находились в Оренбурге), здесь как бы заканчивалось «сплошное» расположение дворянских поместий. Мензе-

¹ Роднов Михаил Игоревич, доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, rodnov@ufacom.ru, Россия, г. Уфа.

линский уезд типологически имел сходство с центральной Россией, а не с Приуральем.

Одной из самых многочисленных и ранних по происхождению групп местного дворянства являлись потомки смоленской и полоцкой шляхты, переселенной на Закамскую оборонительную линию еще в XVII в. [3] К середине XIX в. значительная часть их обеднела и, не сумев доказать свое дворянское происхождение, оказалась в рядах крестьянства. Краевед Р. Г. Игнатьев в 1861 г. отмечал, что «Мензелинск населен был стрельцами; козаками и высланными на службу *смоленскими дворянами*, и теперь здесь более десятка тысяч мещан и крестьян называют себя „потомками смоленской шляхты“. Так расплодился эта великолепная шляхта!..» [4, с. 64].

При изучении системы управления в помещичьих хозяйствах края на 1861 г. мною особо выделялся «столичный» Уфимский уезд, где близость имения к городскому жилью позволяла дворянам контролировать и вести хозяйство, не проживая постоянно в поместье, а выезжая туда в основном в летние месяцы [9; 10]. Поэтому сведения о нахождении помещиков в имении и участии в управлении могли быть искажены. О реальном присутствии дворянской семьи в сельском поместье, с моей точки зрения, более свидетельствует минимальный критерий числа дворовых людей (прислуги) в 20 и более душ, что позволяет предположить наличие достаточно значительного усадебного комплекса из жилых и хозяйственных построек, за которыми требовался присмотр немалого числа дворовых людей.

Ниже приведены данные о способах управления имениями в Белебеевском, Стерлитамакском и Бирском уездах. В маленьких городках отсутствовал социокультурный комфорт губернского центра, проживание здесь не имело предпочтений перед сельским поместьем. Если в Уфимском уезде на 1861 г. лишь в 12% имений (33 из 269) постоянно жили владельцы [10, с. 118], то в остальных уездах ситуация была иная [1, с. 59—60].

Система управления в помещичьих хозяйства в 1861 г.

Управляют имением	Белебеевский уезд	Стерлитамакский уезд	Бирский уезд	Итого
сами помещики	25 (33%)	34 (45%)	15 (36%)	74
опекуны	1	5	9	15
нанятые управляющие	25 (33%)	23 (30%)	11 (26%)	59
свои крепостные (дворовые)	10	5	6	21
сельские старосты	11	8	—	19
неизвестно	5	1	1	7
всего	77	76	42	195

В отличие от Уфимского уезда в этих 3-х уездах свыше 1/3 помещиков (38%) более или менее постоянно проживали в своих усадьбах (в Стерлитамакском уез-

де почти половина), хотя численно преобладали «нежилые» поместья. Заслуживает внимания большой удельный вес имений (59 из 195, или 30%), где управление было поручено какому-то нанятому постороннему лицу. И кто только не встречается в рядах управляющих (приказчиков, бургомистров) дворянских хозяйств — купцы и мещане, военные и выходцы из западных регионов Империи, даже сторонние крестьяне. Найти опытного хозяйственника, имевшего практику и навыки управления помещичьим имением и при этом ворующего в меру, оставалось постоянной проблемой российских дворян-землевладельцев.

Обращает внимание малое количество имений, где помещики передоверяли хозяйствование над жизнью крепостной деревни самим ее представителям. Даже управляющих из собственных крепостных (дворовых) насчитывалось немного, а сельские старосты в роли начальствующих вообще выступали в единичных случаях. Случалось, что помещик передавал все бразды хозяйствования самой крестьянской общине в лице ее выборного старосты. Это показывает, с моей точки зрения, не только недоверие господ к сельским мирам, но и слабость у помещичьих крестьян общинной жизни и самого института общинного (общественного) самоуправления, который вводился (и узаконивался) уже в ходе самой реформы 1861 г.

Рассмотрим ситуацию в самом западном Мензелинском уезде, весьма удаленном от губернского центра гражданского управления — Уфы. Всего в Мензелинском уезде насчитывалось на 1861 г. 100 помещичьих селений, во многих из которых располагалось по несколько дворянских владений, которых было в первом стане — 10, во втором — 51, в третьем стане — 53 и в четвертом — 19, итого 133 хозяйства дворян. Естественно, состав мензелинских дворян был неоднородным, в 34 поместьях отсутствовали дворовые, и имелось 49 имений с числом дворовых менее 20 душ. То есть, достаточно крупных усадебных комплексов со значительным штатом обслуги в Мензелинском уезде было лишь 50². Кроме того, в 4 стане Мензелинского уезда значился Шильвинский (на посессионном праве) завод купца Подъячева, 140 дворов, крепостных ревизских душ 388 мужчин и 411 женщин, дворовых не имелось. Земли к этому заводу не были отведены. Заводом управлял опекун есаул Белоновский, а жители были причислены к приходу церкви села Боровецкого, расположенного в одной версте от Шильвинского завода. Это владение не учитывается в данной статье.

В литературе приводились разные способы группировки дворянских имений по числу крепостных. Так, И. Д. Ковальченко выделял поместья, где было до 100 душ крепостных, от 101 до 250, от 251 до 500 и свыше 500 душ [5, с. 36], Б. Г. Литвак распределял владения, где имелось до 21 души крепостных (имелись в виду крестьяне), от 21 до 100 душ и свыше 100 душ [6, с. 51]. В Мензелинском уезде на 1861 г. имелось 10 имений, где было более 500 душ крестьян обоего пола. Большинство же составляли средние и мелкие хозяйства, поэтому для группировки используем методику Б. Г. Литвака.

² Здесь и далее подсчитано по: Оренбургские губернские ведомости. 1861. 18 февраля. Часть официальная. Приложение.

Конечно, краткие записи в газете носят достаточно условный характер. Ряд имений, принадлежавших одному дворянину / семейству, управлялись из единого центра. Кроме того, часто встречается запись: «владелец живет в имении», которую можно трактовать по-разному, или он лично управляет помещьем, или при барине кто-то ведет хозяйство, а тут возможны самые разные варианты — от сельского старосты до нанятого управляющего.

В таблице показана система управления в дворянских поместьях Мензелинского уезда по информации «Оренбургских губернских ведомостей» с некоторым округлением данных (каждое имение учитывалось отдельно, даже если оно управлялось из единого центра, иногда общая система управления указывалась на все расположенные в одной деревне поместья).

Система управления в помещичьих хозяйствах Мензелинского уезда в 1861 г.

Управляют имением	до 20 душ крестьян включительно (в том числе без крепостных)	от 21 до 100 душ крестьян	свыше 100 душ крестьян	Итого
сами помещики	6	10	14	30
помещик живет в имении	9	9	14	32
нанятые управляющие	0	0	14	14
свои крепостные (дворовые)	7	6	20	33
сельские старосты (крепостные)	0	3	14	17
неизвестно	4	3	0	7
всего	26	31	76	133

Сравнение с первой таблицей показывает существенную разницу в системе управления помещичьими хозяйствами в районе «сплошного» расположения дворянских экономий (Мензелинский уезд) и в районах «очагового» нахождения имений (Бирский, Белебеевский и Стерлитамакский уезды). Первые две графы второй таблицы фактически идентичны. Так, дворяне Пасмуровы, владельцы обширных поместий, «живут в имении и сами им управляют», а хозяин нескольких деревень Левашев «постоянно живет в сельце Шунаках, и управляет имением сам чрез крестьян и старост». То есть, в 62 дворянских владениях из 133, и в основном в крупных и средних имениях, что составляет 47% от общего количества, помещики Мензелинского уезда либо постоянно проживали в своих усадьбах, либо лично управляли хозяйством, приезжая, по крайней мере, в период сельскохозяйственных работ. Это даже превышает показатели трех других уездов (33—45%). В уда-

ленном от больших городов Мензелинском уезде для ведения рационального хозяйства требовалось личное участие владельца.

Зато Мензелинский уезд отличался минимальным удельным весом нанятых (посторонних) управляющих. Если в 3-х других уездах Оренбургской губернии они руководили в 25—33% имений, то здесь лишь в 14 (и только крупных) поместьях из 133 (10,5%) вели хозяйство помещанин Засекин, отставной фельдфебель Бонашкевич, иностранец Низе, помещанин Патосин и др. И наоборот, если в 3-х восточных уездах крепостные управляющие и такие же крепостные сельские старосты управляли дворянскими имениями в 20,5% случаев, то в Мензелинском уезде — в 38%. При этом здесь во многих поместьях дело доверялось сельским старостам, то есть самим крестьянским общинам, дворянин лишь собирал ренту, что наблюдалось преимущественно в крупных имениях.

Таким образом, сопоставление сведений, собранных перед проведением крестьянской реформы 1861 г., показывает принципиальные отличия в положении дворянских экономий в зоне «сплошного» распространения помещичьего хозяйства и устойчивой крестьянской общины от «очагового» расположения имений среди огромных просторов крестьянских и башкирских земель. Хотя в удаленных от губернского города уездах многие дворяне были вынуждены постоянно жить в своих сельских усадьбах, на «традиционалистском» западе управление помещьем либо полностью передоверялось крестьянскому миру, либо велось своим доморожденным управляющим из тех же крепостных, который, несомненно, учитывал не только запросы барина, но и интересы поземельной общины, что подтверждают материалы по Мензелинскому уезду.

В восточных уездах Оренбургской губернии на линии «фронта» в окружении численно преобладающих групп свободного, в том числе военно-служилого (казаки, башкиры, мещеряки, тептяри) населения, почти треть всех дворянских экономий управлялась нанятыми посторонними (вольными) приказчиками. Да и сами помещики, постоянно проживавшие в имениях, нередко ориентировались на предпринимательские методы хозяйствования, не перекладывая дело на крестьянские общины, которые, видимо, здесь были слабы и не так давно вообще возникли из переведенных крепостных (на Южном Урале практически не было случаев перечисления местного податного населения в крепостное состояние). Это косвенно подтверждают сохранившиеся единичные описания хозяйствования дворян.

Так В. С. Юматов (около 1795—1848), повествуя о своем личном опыте управления небольшим имением под Уфой, ни единым намеком не упоминает о какой-либо крестьянской общине, он все решения принимал сам на основании накопленного опыта. А С. Т. Аксаков, обосновавшийся с семейством в 1822 г. в имении Надеждино Белебеевского уезда, быстро убедился в своей хозяйственной беспомощности, в отличие от предков, и, передав все дела старосте, занялся охотой, рыбалкой и литературой [1, с. 140—147, прил. 2]. Неизвестный автор под псевдонимом «Малосельский», представивший статью «О земледелии Уфимского уезда», рассказывая о личном 34-летнем опыте землепашества в поместье (1816—1850 гг.), опять ни единым словом не упоминает о какой-либо общине, советах

с крестьянами, народном опыте и т. д. Все решения принимал он сам, экспериментируя, извлекая информацию из агрономической литературы и бесед с соседними помещиками³.

Сами условия Южного Урала — удаленность от основных транспортных путей, дороговизна крепостных (в начале XIX в. десятина земли в Уфимском уезде продавалась по 10 руб. ассигнациями, а крестьянская душа «без перевода, или в недалеком разстоянии» стоила 250 руб.) [1, с. 186], иное социально-сословное окружение, обилие сравнительно небольших владений вынуждали дворян-землевладельцев более активно переходить к предпринимательским формам хозяйствования самим или через приглашенных управляющих. А Мензелинский, самый северо-западный уезд Оренбургской губернии, наоборот, отличался, так сказать, «классическими» способами в управлении дворянскими экономиями при активном участии крестьянских обществ. Он выделялся в крае тем, что помещики уезда жили не только в ближнем Мензелинске, но и в Санкт-Петербурге (Хвошинский, Мейендорф), Уфе (Тевкелев, Листовская), Ижевском заводе (Романовский), Казани (Аристов, Рыбушкин, Карпов), Москве (Языков, Останков) и пр.

Литература

1. *Абсалямов Ю. М., Азаматова Г. Б., Гайнуллина А. В., Роднов М. И., Тагирова Л. Ф.* Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013.
2. *Давлетбаев Б. С.* Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. М., 1983.
3. *Дубман Э. Л.* Новая Закамская линия: проект, строительство, судьба. Самара, 2004.
4. *Игнатъев Р. Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / Отв. редактор В. А. Лабuzов; составитель М. И. Роднов. Т. I: 1859—1866 годы. Оренбург, 2011.
5. *Ковальченко И. Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.
6. *Литвак Б. Г.* Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр 1861—1895 гг. М., 1972.
7. *Литвак Б. Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979.
8. *Роднов М. И.* Новые материалы о помещицьем хозяйстве Мензелинского уезда накануне отмены крепостного права // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2 (93).
9. *Роднов М. И.* Судьба помещицьевого хозяйства после отмены крепостного права (первый стан Уфимского уезда) // Река времени. 2011. Уфа, 2011.
10. *Роднов М. И.* Усадебный мир помещиков Уфимского уезда в 1861 году // Река времени. 2012: Мир южноуральской усадьбы. Уфа, 2012.

³ Оренбургские губернские ведомости. 1851. 15 сентября. Часть неофициальная.

*М. Д. Карпачёв*¹

Либералы справа: дворянство Воронежской губернии об отмене крепостного права

Исследовано отношение дворянства Воронежской губернии к основным условиям отмены крепостного права, показаны различия в подходах дворянства и администрации к вопросам земельного обеспечения крестьянства, а также к условиям финансирования реформы.

Ключевые слова: Дворянство, отмена крепостного права, Воронежская губерния, дворянские депутаты, проекты крестьянского освобождения.

В исторической литературе за Центральным Черноземьем давно установилась репутация оплота крепостничества. Дворянству черноземных губерний историки и публицисты неизменно адресовали упреки в откровенной реакционности и в сословном эгоизме. Практически в любом учебнике по отечественной истории даются именно такие сугубо нелестные оценки [5, с. 176—185]. Между тем анализ документов той бурной поры убеждает, что реальная картина не была столь односторонней и одиозной.

Крепостнические отношения в Воронежской губернии имели свою специфику. Прежде всего, доля помещичьих крестьян в составе сельского населения была здесь относительно небольшой. Губерния, вопреки бытующему мнению, никак не являлась оплотом крепостничества. Накануне отмены крепостного права в губернии насчитывалось 1874 помещика. Некоторые из них имели не по одному имению, кроме того, часть владельцев жила в других губерниях. Поэтому число воронежских владельческих имений не совпадало с численностью помещиков и составляло около 2400. Всего же дворян в губернии числилось 11,5 тыс., причем потомственных и личных было примерно поровну (соответственно 5775 и 5726). Ко времени реформы в частном помещичьем владении находилось около 503 тыс. воронежских крестьян и несколько больше 2,3 млн дес. земли и леса². Государственных же крестьян к тому же времени насчитывалось около 1,3 млн человек,

¹ *Карпачёв Михаил Дмитриевич*, доктор исторических наук, Воронежский государственный университет, m-karpach@mail.ru, Россия, г. Воронеж.

² Материалы по географии и статистике России, собранные офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния. Сост. В. Михалевич. СПб., 1862. С. 142.

в бессрочном пользовании которых находилось свыше 3,1 млн дес. казенной земли (не считая леса). Государственные крестьяне не были свободными гражданами. Прикрепленные к государственной земле, они платили оброки государству, но личной крепостной зависимости не знали. Крестьянство губернии, таким образом, представляло две неравные части: около 29% из них были помещичьими, а 71% — государственными³. Около 500 дворов являлись удельными, принадлежали императорскому двору. Но, как и всюду по России, ожидавшаяся после завершения Крымской войны отмена крепостного права должна была изменить жизнь всех крестьян. По правовому стандарту 1861 г. (хотя и на иных экономических условиях) были в 1863 и 1866 гг. проведены реформы удельной и государственной деревни. После этих реформ все категории крестьянства получали общий официальный статус свободных сельских обывателей, а в статистических справочниках пореформенного времени появились отдельные рубрики сводных материалов по частновладельческим и крестьянским надельным хозяйствам.

Как известно, решающее значение в деле подготовки крестьянской реформы имела публикация в конце ноября 1857 г. рескрипта Александра II генерал-губернатору прибалтийских губерний В. И. Назимову [2, с. 15—16; 3, с. 82—83; 4, с. 71—91]. Дворянство этих губерний получило высочайшее разрешение на открытие губернских комитетов, в которых должны были разрабатываться местные проекты крестьянского освобождения. Правда, дворянам велено было при обсуждении отталкиваться от правительственной программы, разработанной либеральными чиновниками Министерства внутренних дел. Эта программа включала в себя несколько принципиальных, по мнению реформаторов-бюрократов, положений. Будущая реформа, указывалось в рескрипте, предусматривала личное безвозмездное освобождение крестьян. При этом все земли имения, включая предоставлявшиеся крепостным усадьбы и пахотные надельные участки, должны были остаться в законной собственности владельцев, но крестьяне в обязательном порядке получали земли в пользование. За такое пользование освобождавшиеся крестьяне обязывались нести установленные по определенным нормам повинности. Усадьбы же с приусадебной землей (так называемую усадебную оседлость) крестьяне должны были выкупать в собственность [3, с. 123—150]⁴. При этом свободные договорные отношения исключались. Помещики обязаны были передать, а крестьяне — взять предусмотренную программой недвижимость.

Публикация рескрипта вызвала большое волнение среди воронежских дворян. Причин для острого беспокойства было немало. Грядущая реформа должна было круто изменить буквально все устои помещичьей жизни. Уже первые слухи об освободительных замыслах правительства смутили души владельцев имений. «Такого общего пьянства, вызванного у одних потерей веры в свое будущее и обманутыми надеждами на скорое наступление лучшего будущего у других, кажется, в России никогда не было ни до, ни после этой эпохи. И это продолжалось вплоть

³ Очерки истории Воронежского края. Воронеж. 1961. Т. 1. С. 245.

⁴ Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. СПб., 1861. Т. 1. С. 1—4.

до появления манифеста об улучшении быта помещичьих крестьян», — отмечал добросовестный знаток жизни провинциального дворянства С. Н. Терпигорев⁵.

Многие дворяне встревожились из-за того, что слухи о близящемся освобождении могут спровоцировать крестьянские волнения или даже элементарные отказы выполнять барские распоряжения. Губернский предводитель воронежского дворянства князь И. В. Гагарин уже через несколько дней после знакомства с рескриптом В. И. Назимову поспешил предостеречь об этом министра внутренних дел С. С. Ланского. Но министр на эти тревоги смотрел с совершенно противоположной позиции. «Вы боитесь беспорядков, — отвечал он Гагарину, — но правительство и дворяне многих губерний имеют основания опасаться, что подобные беспорядки произойдут при настойчивом стремлении к сохранению прежнего устройства сельского сословия»⁶. Уже в этой полемике декабря 1857 г. отчетливо выявилось противостояние интересов дворянства и либеральной бюрократии. Это противостояние будет сопровождать процесс подготовки реформы вплоть до издания Манифеста. Понятно, что в навязывании условий грядущего преобразования Гагарин сразу же усмотрел знак бюрократического недоверия дворянству. На такой упрек министр решительно возразил, указав, что, напротив, именно дворянам доверено решать судьбу крестьян⁷.

Но проблемы перед дворянами стояли трудные. Было очевидно, что первое сословие столкнется с неминуемыми материальными потерями. При этом реагировать дворянству приходилось в весьма сложной психологической обстановке. С воцарением Александра II в общественном мнении все шире распространялось представление об одиозности крепостничества. Вольно или невольно дворянство оказалось в положении сословия, которому пришлось оправдываться, поскольку в общественном мнении ему отводилась неприглядная роль защитника социального анахронизма.

И. В. Гагарин 3 января 1858 г. провел совещание, на котором присутствовали все уездные предводители, депутаты и некоторые другие представители дворянского сословия. Надо было как-то реагировать на монаршие предначертания. Гагарин от лица воронежских дворян поспешил выразить чувства верноподданного, но со своеобразным подтекстом. Он благодарил царя за ясно выраженное желание освободить... дворян от многовековой и тяжелой обузы! Как заявил Гагарин, именно на плечах дворянского сословия до сих пор лежали заботы о материальном и нравственном благополучии крестьянского населения. В том числе и ответственность за исправное исполнение крестьянами государственных повинностей, включая рекрутскую и податную. Однако, восклицал предводитель, находятся люди, готовые упрекнуть помещиков в эгоизме и даже обвинить целое сословие «за проступок одного какого-либо члена». Но дворянство, «невзирая на всю тяготу такового положения, мужественно несло на раменах своих все это материальное и нравственное бремя крепостного права как завет служения Отечеству и престолу..., вот потому и только потому до самого последнего времени

⁵ Терпигорев С. Н. (С. Атава). Оскудение. М., 1958. Т. 1. С. 15.

⁶ ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 597. Л. 12.

⁷ Там же. Л. 13.

дворянство русское не смело позволить себе даже мысли, чтобы искать или домогаться сложения с себя этого важнейшего государственного тягла»⁸. По мысли Гагарина, дворянство потому и не откликалось так долго на призывы встать на путь добровольного отказа от крепостничества, что оно лучше бюрократии понимало свой нравственный долг перед народом и Отечеством.

Утешив, таким образом, свое самолюбие, воронежские дворяне, тем не менее, призвали правительство к максимальному соблюдению законности и, следовательно, к сохранению за дворянством всей принадлежащей им собственности. Лидеры воронежского дворянства сразу же увидели в требованиях обязательного наделения крестьян усадебной оседлостью и пахотными угодьями большую угрозу их сословным интересам. Но не только это. Увидели они и большую практическую сложность грядущей реформы. С одной стороны, было понятно, что крестьяне и впредь останутся основными производителями материальных ценностей государства, а их труд должен стать источником накоплений для намечавшейся модернизации промышленности и путей сообщения. С другой стороны, дворяне апеллировали к нормам цивилизованного правопорядка, не допускавшим, по их представлениям, принудительного перераспределения собственности, в том числе земельной. Предстоял трудный поиск приемлемого решения. Как точно подметил И. А. Христофоров, в основе отстаивания неприкосновенности помещичьей собственности «могли лежать совершенно различные мотивы — от желания подороже ее продать до стремления сделать ее основой политического влияния» [6, с. 45]. Был и еще один важный мотив: надо было найти способы сохранения за помещиком крестьянского труда.

Гагарин заявил, что в таком важном деле необходимо выяснить общее мнение дворян, а для этого он предложил провести целую серию дворянских собраний во всех уездах губернии. Однако правительственным чиновникам кипучая энергия воронежского предводителя не понравилась. В организованном сословном выступлении они увидели открытое противодействие своим реформаторским замыслам [1, с. 102—103]. Решительно воспротивился планам Гагарина организовать общедворянское обсуждение министр внутренних дел С. С. Ланской. Он потребовал от губернатора Н. П. Синельникова вмешаться и запретить проведение уездных собраний⁹.

Тревоги министра понять было можно. Готовящееся освобождение миллионов крепостных беспокоило даже самых горячих поклонников эмансипации. В правительственных сферах широко бытовало опасение, что после освобождения крестьяне могут в массе своей бросить привычный образ жизни и перейти к бродяжничеству. Министерские чиновники боялись возможного социального и экономического хаоса и полагали, что только бюрократический контроль над всеми фазами крестьянского освобождения позволит сохранить устойчивость пореформенных порядков. Коронным властям крайне важно было сохранить стабильность. Вот почему уже 20 марта 1858 г. министр Ланской просил Гагарина

⁸ Там же. Д. 633. Л. 8—9.

⁹ Там же. Л. 15.

об осмотрительности и советовал «без особой огласки» внушать помещикам, что для их собственной пользы «весьма желательно, дабы усадебная оседлость крестьян оставалась именно в теперешнем положении». Следовательно, незачем тревожить крестьян напрасно¹⁰. Министр, разумеется, считал, что он лучше дворян понимает, что им нужно для их собственной безопасности. Правительству вообще хотелось найти формулу освобождения, при которой все бы были довольны: крестьяне надлежащим образом устроены, а дворяне — материально обеспечены. Правительство, убеждал Гагарина Ланской, стремится к тому, чтобы после отмены крепостного права помещики были надежно обеспечены поземельной собственностью, а крестьяне имели прочную оседлость и надежные средства к жизни и к исполнению своих обязанностей¹¹. Дворяне, однако, остались далеки от казенного оптимизма реформаторов и либерально-бюрократических иллюзий не поддержали. Реформа по формуле «и волки сыты, и овцы целы» им с самого начала виделась не исполнимой.

Вот почему наиболее развитые в общественном смысле дворяне поспешили сформулировать свое представление о справедливом и законном исходе намечавшейся реформы. Развернутый трактат под пышным названием «О преобразовании крепостной системы в России» представил, в частности, помещик Землянского уезда Д. И. Писарев. Документ этот датирован 28 февраля 1858 г. Автор признал, что «по современным понятиям и потребностям» крепостное право следует ликвидировать. Поэтому верховная власть, считал Писарев, имела основания начать подготовку такой реформы. От дворян же требуется добровольная жертва Родине. Впрочем, в такой ситуации возрос риск народного возмущения. Поэтому «помещики предпочтут лучше лишиться части своего имущества, чем рисковать жизнью». Но во имя сохранения законности и общественной справедливости, настаивал Писарев, грядущая реформа не должна лишить дворян земельной собственности. Кроме того, оскудение государства, утверждал он, неминуемо обессилит все государство, так как дворянство играет ключевую роль в функционировании всех его структур. Вводимый же чиновниками принцип обязательного наделения крестьян землей фактически подрывает право на законную дворянскую собственность.

Однако воронежского помещика тревожили не только сословные интересы. Он точно подметил, что фактического освобождения бюрократы и не планируют. Причем не делаются свободными ни дворяне, ни крестьяне. Теряя владельческое право, писал Писарев, помещик «остаётся лицом ответственным за крестьянина, поселившегося на его земле и кроме хлопот и забот, возлагаемых на помещика при невозможности вознаграждения со стороны крестьянина, помещик не сохраняет даже право собственности на землю, а в своем имении делается хозяином обязанным или полу-хозяином». Но и крестьянское освобождение без земельной собственности, утверждал Писарев, будет самое шаткое и зависимое от землевладельца. «К освобождению крепостных людей от подданства помещикам самое по-

¹⁰ Там же. Д. 597. Л. 16.

¹¹ Там же. Л. 27.

койное, надежное и безобидное средство есть выкуп крепостных людей с наделением землею, как дворовых людей, так и крестьян», — заключал Писарев.

Нужна, следовательно, ясность и определенность. Свобода — так свобода. Но вот только, где взять деньги? Выкуп, уверял Писарев, можно произвести и без наличных денег. Он советовал выпустить специальные банковские билеты, фондами которых будут «теперешние крепостные люди с наделенною им землею». Это будет народный долг, погашать который автор предлагал в течение 80 лет оброком с земли, отведенной крестьянам. Освобожденные крестьяне вместе с землей попадают в залог банкам, которые надлежало открыть в каждой губернии. Впрочем, земли, советовал Писарев, можно дать по 1—2 десятины на ревизскую душу, а в малоземельных имениях даже и по полдесятины. Поскольку крепостной люд вместе с землей должен был поступить в залог губернским банкам, постольку Писарев подсчитал даже стоимость и душ, и наделов. Средняя цена души оценивалась им в 60 р. серебром, а средняя стоимость десятины земли — в 35 р. Полагая, что средний по стране надел будет равен 2,5 дес., Писарев определил, что средняя залоговая стоимость души с наделом составит 147 р. 50 коп.

Очевидно, что как финансист Писарев был наивен и беспомощен. Странное впечатление производила и его идея о передаче в качестве залога банкам, как самих крестьян, так и их земель. Но здесь важен поиск системного решения вопроса. Писарев хотел решить проблему последовательно и принципиально. «Крепостные люди, обеспеченные благонадежной собственностью, немедленно будут пользоваться совершенною свободою». Помещик же, сохранив большую часть собственности, «будет совершенно устранен от могущих возникнуть неудовольствий между ним и освобожденным крестьянином»¹². А дальше все решит свободный рынок труда и земли.

В течение 1858 г. губернские дворянские комитеты открыли свои заседания повсеместно. Эти новые учреждения состояли из выборных депутатов от каждого уезда (по два), к ним подключались два назначенных губернатором депутата из компетентных (по его усмотрению) дворян. В Воронежской губернии такой комитет в составе 26 депутатов во главе с губернским предводителем дворянства князем И. В. Гагариным начал свою работу в июле 1858 г. На несколько месяцев условия крестьянского освобождения стали предметом оживленных дискуссий и даже ожесточенных споров.

Прежде всего, дворянские депутаты скоро убедились, что правительство вовсе не намерено было пускать дело на самотек. Инициировавшая подготовку реформы группа либеральных бюрократов понимала, что без формального объявления крестьянского освобождения как якобы добровольного дворянского пожертвования обойтись нельзя. Но и доверять фактическую подготовку условий реформы дворянам единомышленники Н. А. Милютина тоже не собирались. Воронежские депутаты очень скоро убедились, что правительственные чиновники по сути дела вынуждают помещиков к «добровольной жертве». Психологическое давление выражалось уже в том, что комитеты создавались, формально говоря, «для улуч-

¹² Там же. Л. 71—78.

шения быта помещичьих крестьян». «Добровольными» должны были стать заготовленные чиновниками из МВД неприемлемые для большинства дворян условия освобождения. Активную часть депутатов это обстоятельство откровенно оскорбляло. Возникли условия для возникновения политического фрондирования [6, с. 81—117].

Первой и, надо признать, естественной мотивацией большинства воронежских депутатов стала энергичная защита имущественных прав своего сословия. Ярче всего это проявилось в отношении к земельной собственности. Все земли имения помещики, естественно, считали своим законным владением. А так как в черноземном крае именно земля являлась основным мерилom достатка, то воронежские дворяне в большинстве своем стремились минимизировать «добровольные пожертвования». Члены комитета, в частности, предложили ограничить усадьбную оседлость крестьян нормой в 840 кв. саженей вместо дореформенной нормы в 1400 кв. саженей. На это предложение губернатор Синельников откликнулся весьма ядовитым замечанием: «Стало быть, улучшение быта крестьян, имеющих теперь более 840 саженей земли, начнется с того, что у них отнимут большую часть усадьбы» [7, с. 234].

Кроме того, резкое осуждение губернатора вызвало пожелание дворян получить денежную компенсацию за личное освобождение крестьян. Дотошные депутаты подсчитали, что средняя стоимость крепостной души в губернии составляла в ту пору 114 р. 28 коп. Эта цифра была получена путем капитализации среднего годового дохода с души, оцененного в 5 р. 72 коп. Следовательно, при освобождении более 500 тыс. крепостных, считали депутаты, дворяне губернии сразу потеряют более 50 млн руб. Узнав о таких подсчетах и о желании компенсации, Александр II объявил через губернатора: «Воронежскому губернскому комитету поставить на вид неуместное его ходатайство»¹³.

Итогом работы комитета стал проект, по которому воронежские дворяне принимали царскую волю, соглашались на «добровольное пожертвование», но при этом заявляли, что справедливым условием реформы они считают сохранение за дворянами всей законной собственности, в том числе земельной. Поскольку же освободить крестьян без всяких ресурсов действительно нельзя, то они предлагают передать им в пользование усадьбы, а также полевые наделы, ограниченные 3 дес. на крестьянский двор. Причем такое пользование должно быть временным. После определенного срока (например, в 12 лет), эти земли должны стать неотчуждаемой собственностью помещиков. И только после такого формального закрепления собственности, помещики и крестьяне по добровольным соглашениям должны будут урегулировать все имущественные и трудовые отношения [7, с. 229—249].

Губернатор Синельников и на это предложение комитета ответил резким несогласием. Принимая в соображение среднее число душ в тягле и средний урожай хлеба в губернии, отмечал он, «оказывается, что за определением из оногo на обсеменение и для продажи на необходимые в крестьянском быту надобности, сня-

¹³ Там же. Л. 74.

того с двух десятин озимого и ярового хлеба едва достанет для прокормления тягла»¹⁴. О каком же улучшении быта крестьян может идти речь?

Предложения воронежского комитета расходились с министерской программой, изложенной в рескрипте Назимову. Самое главное расхождение состояло в том, что члены воронежского комитета соглашались на передачу крестьянам усадебной и полевой земли только в ограниченное определенным сроком пользование. Идею постоянного пользования, а тем более обязательного выкупа крестьянами наделов и усадьбы в собственность, они поддерживать не желали. Важно отметить, что с точки зрения некоторых депутатов признание помещичьей земельной собственности неприкосновенной совсем не означало бы ухудшение материального положения вышедших из крепостной зависимости крестьян.

Либеральные чиновники из Министерства внутренних дел такую позицию воронежских дворян расценили как антиреформаторскую и крепостническую. Весной 1859 г. министр внутренних дел С. С. Ланской добился отрешения И. В. Ггарина от должности губернского предводителя дворянства. В этой должности был утвержден более лояльный к планам реформаторов А. Н. Сомов [1, с. 106].

Столкнувшись с дворянскими возражениями, правительство решило установить контроль над обсуждениями в губернских комитетах. В марте 1859 г. были учреждены Редакционные комиссии как особый орган по координации всех подготовительных работ. Фактически члены Редакционных комиссий не редактировали поступающие проекты, а вполне самостоятельно разрабатывали всю технологию крестьянского освобождения. Чиновники-реформаторы подготовили новую концепцию освобождения, по которой окончательное завершение реформы наступало после выкупа крестьянами выделенных усадеб и полевых земель в собственность с помощью государственного кредита. Редакционные комиссии настаивали на том, чтобы такой выкуп был обязательным как для помещиков, так и для крестьян. При этом размер его должен был определяться по установленным правительством правилам и нормам [4, с. 156, 173—174].

В течение лета и осени 1859 г. журналы заседаний Редакционных комиссий направлялись в губернии для того, чтобы дворяне могли ознакомиться с условиями готовившегося проекта и даже дать свои замечания. Копии этих журналов поступали и в Воронеж, откуда по распоряжению губернатора, но через губернского предводителя они направлялись в уезды для ознакомления дворянами.

Часть поступивших от воронежских дворян откликов была откровенно негативной. В них утверждалось, что правительственные чиновники заняли явно антидворянскую позицию. Поскольку царя критиковать было невозможно, постольку царское правительство обвинялось в нарушении монарших предначертаний. Предводитель дворянства Нижнедевицкого уезда В. Гринев, в частности, категорически заявил, что осуществление проекта бюрократов-реформаторов приведет к неминуемому разорению дворянства. У многих помещиков его уезда, считал он, земельные владения не превышают 4-х дес. на душу, тогда как петербургские чиновники определили здесь норму земельного душевого надела в 3,5 дес.

¹⁴ Там же. Л. 76.

Что же останется помещикам? — вопрошал Гринев. Он призывал вернуться к положениям рескрипта 20 ноября 1857 г., гарантировавшим, как он полагал, неприкосновенность дворянской собственности¹⁵. Получалось по поговорке: жалует царь, да не жалует псарь. Такой подход был для депутатов единственно возможным по политическим условиям того времени.

С Гриневым полностью солидаризировался предводитель дворянства Воронежского уезда Ф. Прибытков. В письме Сомову от 30 ноября 1859 г. он прямо заявил, что Редакционные комиссии встали на путь фактического лишения дворянства материальных условий существования. Государь, жаловался Прибытков, ждал от нас жертвы «по возможности». Но предусмотренный для уезда надел в 3,5 дес. с вознаграждением в 8 руб. за эти десятины — это уже не жертва, а «мера, уничтожающая все средства дворян, во-1-х, потому, что земля наша будет оставаться необработанною, ибо крестьянин, будучи в избытке, никогда не захочет наниматься обрабатывать даже и оставшиеся незначительные наши пашни». Во-2-х же, «несправедливо отчуждать собственность с назначением ничтожной платы за землю без согласия владельца». Кроме того, даже такую плату невозможно будет взыскать с крестьян. Помещики просто увязнут в безнадежных тяжбах со своими бывшими крепостными¹⁶. О том, что земли отбирают много, а размер повинностей установлен слишком малый, писал и Коротоякский предводитель А. Ржевский. Петербургские чиновники рассчитали размер крестьянской повинности в уезде за земли в размере 1 р. 80 к. за десятину. Между тем средняя цена за наем десятины в уезде сейчас 4 р., следовательно, на каждой десятине помещик потеряет 2 р. 20 к. в год. Если же учесть отсутствие гарантий исправного поступления платежей, то потери помещиков будут еще более внушительными¹⁷. Ржевский умолял повысить повинности хотя бы до 10 р. серебром за высший надел в 3,5 дес. «И тут мы потеряем, — заявлял он, — но все же не так разорительно»¹⁸.

Дворяне сгущали краски. Проведенные после составления уставных грамот подсчеты показали, что реальные потери помещиков не были столь драматическими. В Воронежском уезде, например, у 305 владельцев имений до 1861 г. находилось в земельной собственности 157 856 дес. земли. Освободившимся крестьянам в надел поступило около 40 тыс. дес. И по другим уездам доля перешедшей в крестьянское надельное землепользование земли колебалась от 25 до 35% от до-реформенного дворянского землевладения¹⁹.

Воронежских помещиков сильно раздражала обязательность целого ряда принципиальных положений готовящейся реформы. Правительственные бюрократы, заявляли некоторые уездные предводители, говорили о предоставлении крестьянам свободы и об освобождении дворян от прежней ответственности. Но какая же это свобода, и какие могут быть свободные сельские обыватели, если практически все главные условия освобождения носят обязательный, факти-

¹⁵ Там же. Д. 659. Л. 68.

¹⁶ Там же. Л. 64.

¹⁷ Там же. Л. 72.

¹⁸ Там же. Л. 73.

¹⁹ Там же. Д. 781. Л. 26—31.

чески принудительный характер, а контроль над их проведением в жизнь должен остаться в руках коронной администрации? Ведь мы и наши предки, заявляли воронежские дворяне, получили земли на законном основании. Уважение к законности, полагали они, требует уважать их права и доверять их желанию цивилизованно отрегулировать имущественные отношения с освобождаемыми крестьянами. Острое недовольство методами разработки реформы высказал, в частности, предводитель дворян Богучарского уезда И. В. Лисаневич. Свои замечания на журналы Редакционных комиссий он сопроводил письмом к А. Н. Сомову, в котором с горечью написал: «Я убежден, что все наши старания и ясно выведенные замечания ни к чему не послужат, а гг. члены Редакционных комиссий, попросту сказать, нам только по губам мажут»²⁰. В проекте Редакционных комиссий, запальчиво восклицал Лисаневич, «ни одного нет положения, которое бы представили в защиту помещика. Дворяне без капиталов — с именьями более заложенными, на чем оснуют они свои хозяйства для существования своего; воспитание детей, уплата кредитным установлениям — все представляет гибель и безвыходное положение дворян!»²¹.

Впрочем, отдельные суждения дворян носили вполне конструктивный характер. Их авторы не меньше чиновников заботились о последствиях реформирования для всей страны, в том числе и для крестьян. Тот же Лисаневич резонно отмечал: «Весь европейский опыт протестует против обязательного выкупа. Личную свободу крестьян совершенно невозможно подчинить одновременному и неременному условию — приобретению ими поземельной собственности, потому что это поведет все дело освобождения к страшной запутанности»²². Вообще, считал предводитель Богучарского уезда, реформаторы не должны навязывать крестьянам и дворянам, как и где им жить. Один хочет быть земледельцем, другой — ремесленником, третий — фабричным, зачем же, вопрошал он, навязывать им обязательный надел, да еще с обязательным выкупом? Освобождение должно быть последовательным. «Личные и по имуществу права крестьян, — писал он, — могут и должны быть определены по существующим законам для всех свободных словий в государстве»²³.

В личном освобождении крестьян без принудительного наделения их помещичьей землей Лисаневич и его единомышленники не видели ничего предосудительного и уж тем более грабительского. В конце концов, вся земля имения являлась законной собственностью помещика. А после ликвидации крепостного состояния помещик окажется не в меньшей зависимости от крестьян, чем крестьяне от него, ибо он будет остро заинтересован в рациональном использовании своих угодий и, конечно, в рабочих руках вчерашних крепостных. Как утверждал Лисаневич, земельное обеспечение крестьян не может быть достигнуто никаким формальным расчетом, «а должно быть разрешаемо единственно свободным по-

²⁰ Там же. Д. 659. Л. 17.

²¹ Там же. Л. 67.

²² Там же. Л. 23.

²³ Там же. Л. 24.

любовным соглашением помещиков с крестьянами»²⁴. Во многих откликах воронежских уездных предводителей звучала уверенность, что такие соглашения вполне достижимы, ибо материальная зависимость освобожденных крестьян и их бывших помещиков будет взаимной. Слова же «выкуп земли», писал Лисаневич, должны быть заменены словами «покупка земли», потому что между этими понятиями существует огромная разница, «от которой зависят многие важные последствия». Ведь только покупка может быть результатом обоюдного добровольного и свободного соглашения²⁵.

Любопытно, что Лисаневич, как, впрочем, и другие комментаторы журналов, неизменно подчеркивали, что реформаторы-чиновники отклонились от царских предначертаний. Монарх, напоминал Лисаневич, требовал обеспечить интересы помещиков. Между тем Редакционные комиссии, писал он, определили надел на душу таким великим, «что помещик с грустью должен смотреть на свои опустелые поля, не приносящие ему никакой прибыли». Вместо того чтобы разорять дворян, настаивал богучарский предводитель, следовало бы уменьшить крестьянский надел и тогда у нас «все будет миролюбиво»²⁶.

В рассуждениях Лисаневича сквозила и тревога по поводу будущей крестьянской задолженности. Помещики, считал он, непременно столкнутся с неизбежностью крестьянских платежей за выкуп земли. Поэтому богучарский предводитель требовал, чтобы свои долги крестьяне платили казначейству²⁷.

Именно обязательность выкупа земли, как для помещиков, так и для крестьян раздражала и беспокоила многих воронежских дворян. Принудительное для всех домохозяев приобретение наделов, замечал предводитель Бобровского уезда Д. А. Северцов, может привести к тому, что часть крестьян разбазарит землю, «вследствие лености, беспорядочного хозяйства и пьянства»²⁸. Совсем не каждый крестьянин мог и хотел быть земледельцем. Но либеральные бюрократы шли, по мнению Северцова, совсем не по либеральному пути принудительного перераспределения земельного фонда в пользу всех крестьян поголовно. Дворян, — писал он, — призывают обеспечить быт крестьян, но обеспечить они могут, лишь, если сами хорошо устроятся «и переселение, если крестьяне не подвергаются невольному ущербу, — есть одно из лучших средств облегчить для помещиков улучшение быта крестьян». Ведь без переселения и помещиков и освобожденных крестьян замучают оставшаяся чересполосица и неизбежные при ней конфликты!²⁹

Вообще, если речь пошла об освобождении, то, считал Северцов, реформаторам следует отказаться от политики принуждения. В разумном компромиссе после реформы будут заинтересованы обе стороны. «Помещику выгодно, чтобы его земли нанимались и обрабатывались крестьянами, принося ему, таким обра-

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 28.

²⁶ Там же. Л. 67.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 14.

²⁹ Там же. Л. 47—48.

зом, доход». Разговоры о том, что без обязательного наделения землей крестьяне экономически пострадают, Северцов считал лишены оснований. Помещики, утверждал он, не меньше зависят от крестьян, чем крестьяне от помещиков. Земля автоматически доход не приносит. Поэтому помещики и после отмены крепостного права будут остро нуждаться в крестьянском труде. А так как предложений о сдаче земли в наем будет много, то аренда для крестьян никак не будет обременительной. «Отсюда ясно, что конкуренция и обилие предложений земли скорее понизят нынешние наемные цены на землю, исключение будет редким и в весьма немногих местностях».

Позиция Северцова была по-своему логична: при крепостном праве крестьяне пользовались помещичьей землей, они будут ею пользоваться и получив личную свободу. Значит, хуже им не будет. Но при этом крестьяне будут знать, что при неуплате повинностей они могут лишиться нанимаемого надела. Это, считал Северцов, «будет достаточным средством понудить их к исполнению своих обязанностей к помещику и возвысит народный кредит, значительно упавший в настоящее время»³⁰. Иначе говоря, в сохранении законных прав дворянской собственности Северцов видел залог установления режима взаимного доверия между помещиками и освобожденными крестьянами. Если же реформаторы опасаются, что найдутся помещики, которые все-таки не захотят отдавать свои земли в аренду крестьянам, то можно, считал Северцов, принять решение об обязательном предоставлении крестьянам вычисленного Редакционными комиссиями минимального надела. Но и в таком случае условия предоставления земли должны быть свободными. Только путем свободных соглашений можно прийти к взаимовыгодному устройству хозяйственной жизни. При свободных условиях и при очевидном недостатке капиталов «нашлось бы много помещиков, которые бы согласились всю свою землю арендовать (т. е. сдавать в аренду. — М. К.) крестьянам, отчего еще более бы увеличилось благосостояние сих последних, и помещики согласились бы на такую меру тем охотнее, когда бы видели в правительственных властях готовность не буквой, а на деле подтвердить коренные наши законы и милостивые слова государя императора о неприкосновенности помещичьих поземельных прав»³¹.

Все это было написано в ноябре 1859 г. В концептуальном отношении боровский предводитель был, несомненно, более либерален, чем чиновники из Редакционных комиссий. Хотя схему он, конечно, рисовал сугубо умозрительную. Для успеха предложенного им варианта требовалось наличие цивилизованных землевладельцев и не менее цивилизованных крестьян-арендаторов.

Между прочим, в своем отклике предводитель Богучарского уезда Лисаневич затронул очень важную и сложную тему экономического прогнозирования. Обязательное и нормированное наделение крестьян земельными наделами, а затем и их выкуп, писал он, приведут к громадной дробности русского земледелия. При сохранении общинного землепользования раздробленность аграрной эко-

³⁰ Там же. Л. 59.

³¹ Там же. Л. 60.

номики усугубится чересполосицей. Мобилизация земли в руках крепких хозяев будет сильно затруднена. Неизбежное при обязательном выкупе распыление ресурсов станет большим тормозом в развитии сельского хозяйства пореформенной России³². Весь европейский опыт, писал он, говорит о вреде от «мелкого дробления поземельной собственности». Экономический прогресс, ради которого и начиналась реформа, считал Лисаневич, возможен только при условии действительной свободы хозяйственных отношений. Обязательное же наделение землей всех сельских обществ, да еще и при обязательном выкупе под контролем администрации противоречит самому духу экономической свободы. Идиллическая картина мужицкого царства совершенно не соответствует задачам преодоления российской отсталости. Зачем, вопрошал Лисаневич, крестьянин «непреренно должен от своего же помещика приобретать в собственность достаточное количество земли, отчего же приобретение это не может быть и от лиц всех других сословий или и от ведомств государственных имуществ? Далее, зачем это ограничение: приобретать крестьянину непременно достаточное количество земли, заключающейся в усадьбе, поле и других угодьях — отчего же свободному крестьянину не предоставить на самом деле эту свободу в выборе себе того, что действительно ему нужно и пригодно и что сообразуется с его жизненными потребностями?»³³.

За такими рассуждениями виден не только сословный эгоизм. Сведущие помещики резонно замечали, что прогресс в земледелии идет совсем в другую сторону. Если в России сохранится великое множество мелких крестьянских хозяйств, да при этом с достаточными материальными ресурсами, то будет неизбежно ограничено развитие внутреннего рынка. Это предостережение не было беспочвенным.

Таким образом, дворянское обсуждение журналов Редакционных комиссий отчетливо выявило различие подходов к готовящейся реформе. Правительственные реформаторы, опасаясь упустить контроль над положением дел, исходили из обязательной регламентации экономических и социальных отношений в реформируемой деревне. Дворяне же выступали против такой чрезмерной регламентации и бюрократической опеки. По мнению руководителей Редакционных комиссий, коронная администрация не могла допустить произвольного подхода к определению новых условий жизни, как помещиков, так и крестьян. Они считали, что без чиновничьего надзора успех такого масштабного преобразования невозможен. Как полагали правительственные реформаторы, вся история Российского государства свидетельствует о том, что без административного контроля и регулирования народ очень скоро отучится работать и жить на определенном месте. По мнению же Лисаневича, бюрократическая регламентация никак не вяжется с духом освобождения, хотя и отражает вековые традиции отношения власти к народу. «Нельзя не сознаться, — сетовал предводитель, — что во всей жизни нашего народа мы все и всегда хотим устраивать помимо его нужд и убеждений,

³² Там же. Л. 16—17.

³³ Там же. Л. 27.

а потому впадаем очень часто в страшные ошибки и нескончаемые противоречия»³⁴. При обязательном наделе, считал Лисаневич, крепостное право, может быть, и будет смягчено, но не будет уничтожено полностью. Ведь крестьян хотя бы прикрепить к земле. «Личные и по имуществу права крестьян, — настаивал он, — могут и должны быть определены по существующим законам для всех свободных сословий в государстве»³⁵.

Весьма энергично настаивал на преимуществах свободных договоров и Д. А. Северцов. В отзыве, составленном в ноябре 1859 г., он заявил, что страхи бюрократов по поводу крестьянского обезземеливания лишены оснований. Помещикам просто необходимо будет предлагать землю крестьянам в аренду и чем больше у них будет земли, тем обширнее будут предложения. В случае же свободного найма крестьяне будут пользоваться «таким количеством земли, которое бы вполне соответствовало их нуждам и средствам». Не надо забывать, отмечал Северцов, что «добровольные условия исполняются всегда охотнее и вернее, оттого поднялся бы и развился народный кредит». В крайнем случае, помещиков можно обязать отдавать в аренду крестьянам земли по вычисленным хозяйственным департаментом МВД для центральных губерний минимальным размерам. Таким путем можно было предотвратить массовое народное бродяжничество, которого так опасались чиновники-реформаторы. Но право дворянской собственности нарушать не следовало. Северцов полагал, что значительная часть помещиков-землевладельцев охотно сдала бы свои земельные владения в аренду крестьянам. Помещики, утверждал предводитель, «согласились бы на такую меру тогда тем охотнее, когда бы видели в правительственных властях готовность не буквой, а на деле подтвердить коренные наши законы и милостивые слова государя императора о неприкосновенности помещичьих поземельных прав»³⁶.

Лисаневич и Северцов, конечно, были более либеральны, чем опекуны из стана правительственной бюрократии. Но только с формальной точки зрения. Нельзя забывать, что представители высшей администрации не менее резонно указывали на то, что народу едва ли понравится радикальное освобождение и от помещика и от земли. Не зря Я. И. Ростовцев уверял, что безземельного освобождения крестьяне не примут, а попытка его проведения зажжет Россию³⁷.

Весьма острое недовольство воронежских дворян вызвало и строгое предписание, сформулированное в проекте Редакционных комиссий, о прекращении права помещиков на переселение крестьян. Тот же Северцов в отзыве отметил, что такое ограничение помешает справедливому освобождению. Напротив, заявил он, переселение «есть одно из лучших средств облегчить для помещиков улучшение быта крестьян»³⁸. В противном случае в деревне надолго сохранится чересполосица, чреватая острыми конфликтами и низкой культурой возделывания по-

³⁴ Там же. Л. 24.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 60.

³⁷ Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу Н. П. Семенова. СПб., 1889. Т. 1. С. 466—477.

³⁸ ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 659. Л. 48.

лей. Примерно так же рассуждал предводитель дворянства Новохоперского уезда Л. Богушевский³⁹.

Убедить либеральную бюрократию доводы воронежских дворян не могли. По мнению реформаторов, отход от жесткой регламентации мог привести к экономическому хаосу и к крайне опасной социально-политической дестабилизации. Тем более, что в кругах радикально настроенной интеллигенции уже был озвучен и третий подход к освобождению крестьян, предусматривающий полное, вплоть до физического, уничтожение дворянства как сословия.

Коронной администрации удалось относительно благополучно провести крестьянские реформы в жизнь. В немалой степени тактический успех преобразований был обеспечен позицией воронежского дворянства. Сразу после оглашения крестьянского освобождения они приняли деятельное участие в формировании института мировых посредников, на плечи которых легла основная нагрузка по составлению уставных грамот и устройству новых правил управления деревней, а также при определении экономических условий раскрепощения. Как и предвидели воронежские дворяне, очень ощутимыми оказались материальные потери частных землевладельцев. Утратив право на бесплатный труд крепостных, многие помещики не смогли перестроить свои хозяйства и не выдержали экономических трудностей. К началу XX в. примерно 40% дворянских земель было распродано. Через сорок лет после реформы стало ясно, что целый ряд предостережений, высказанных воронежскими дворянами, был вполне обоснованным. Жесткая регламентация при земельном обеспечении крестьян, обязательность выкупа, сохранение сословной обособленности крестьян привели к появлению острейшей проблемы аграрного перенаселения, а вслед за ними и к острейшему политическому кризису монархической государственности.

Литература

1. *Долбилов М. Д.* Дворянский предводитель и крестьянская реформа: политическая неудача князи И. В. Гагарина // *Общественная и культурная жизнь Центральной России в XVII — начале XX века.* Воронеж, 1999. С. 87—114.
2. *Дружинин Н. М.* Русская деревня на переломе. 1861—1880 гг. М., 1978.
3. *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968.
4. *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856—1861. М., 1984.
5. *История России XIX — начала XX в.* Учебник для исторических факультетов университетов. Под ред. В. А. Федорова. М., 2002.
6. *Христофоров И. А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 — середина 1870-х гг. М., 2002.
7. *Шевченко М. М.* Помещичьи крестьяне Воронежской губернии накануне и в период падения крепостного права. Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1956.

³⁹ Там же. Л. 75.

*С. В. Беспалов*¹

Падение хлебных цен как фактор аграрного кризиса России конца XIX века и как вызов для бюрократической элиты

Рассмотрена дискуссия, развернувшаяся в конце XIX в. среди представителей высшего эшелона правящей бюрократии по вопросу о степени вмешательства государства в процесс регулирования хлебных цен. Если руководство Министерства земледелия и государственных имуществ сформулировало программу правительственных мер, направленных на сглаживание ценовых колебаний, то министр финансов С. Ю. Витте признал такие меры бесперспективными.

Ключевые слова: аграрный кризис, бюрократия, С. Ю. Витте, А. С. Ермолов, крестьяне, продовольствие, хлебный рынок.

Одним из факторов кризиса российской деревни в конце XIX столетия явилось падение цен на зерновые, как на мировом, так и на внутреннем рынке. Несмотря на то, что русский хлебный экспорт не превышал $\frac{1}{5}$ валового объема производства зерна в стране, экспортные цены оказывали колоссальное влияние на цены внутреннего рынка [3, с. 34]. Естественно, вопрос о путях минимизации ущерба интересам российских аграриев становился исключительно важным как для экспертного сообщества, так и для властных структур.

Эти проблемы не были абсолютно новыми для России. Еще в конце 1870-х — начале 1880-х гг. вопрос о политике государства в области хлебной торговли был весьма актуален. Своеобразие его постановки в России, по мнению А. А. Куренышева, заключалось в дилемме: «вкладывать ли средства в развитие производства сельскохозяйственной продукции, хотя бы частичную модернизацию этого производства, или в модернизацию системы хранения, сортировки зерна, рационализацию торговли и т. п.». В ситуации принятой на вооружение властями экономической концепции, стержнем которой было приоритетное развитие промышленности и транспорта, а сельское хозяйство, по словам Куренышева, «служило исключительно донором», выбор был сделан в пользу первого из двух обозначен-

¹ *Беспалов Сергей Валериевич*, кандидат исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ИНИОН РАН, sbesp@mail.ru, Россия, г. Москва.

ных выше вариантов [4, с. 104]. Впрочем, некоторые сельские хозяева без особого энтузиазма относились и ко второму сценарию, полагая, что выгоду от развития системы хранения зерна, сооружения элеваторов и т. д. получают не сельхозпроизводители, а торговцы [4, с. 108].

В 1890-х гг. в условиях обострения аграрного кризиса, вызванного крайне высокой зависимостью российского аграрного сектора от международной ценовой конъюнктуры, дискуссии на эту тему разгорелись с новой силой, причем участниками этой полемики стали представители высшей имперской бюрократии. Высказывавшиеся по этому вопросу чиновники и эксперты, считая аграрный кризис явлением весьма сложным, обусловленным целым комплексом факторов, не могли не признать непосредственной причиной обострения кризиса именно падение хлебных цен [2].

В ситуации растущей озабоченности и общества, и властных структур обостряющимся аграрным кризисом свое видение ситуации и перспектив ее исправления должно было изложить руководство «профильного» ведомства. Результаты такого комплексного анализа были сформулированы в докладе министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова, подписанном также руководителем ключевого структурного подразделения этого министерства — управляющим Отделом сельской экономии и сельскохозяйственной статистики Д. А. Тимирязевым².

Доклад начинался с констатации того, что сельское хозяйство России переживало в середине 1890-х гг. критический период, связанный с «чрезвычайным падением хлебных цен». Падение это, в свою очередь, явилось результатом сочетания нескольких причин; при этом «одни из этих причин представляются постоянными, другие же, хотя и служат ближайшим поводом настоящего кризиса, являются временными». Ермолов и Тимирязев указали на то, что тенденция к снижению хлебных цен прослеживалась на протяжении предшествующих двух-трех десятилетий. Однако снижение это, «не считая временных пертурбаций», было постепенным, — так, «на Лондонском, главном потребительском рынке», за 5 лет с 1886 по 1890 г. средняя цена на пшеницу была на 21,7% ниже, чем в предшествующее пятилетие 1881—1885 гг.³

Рассматривая фундаментальные причины этого плавного снижения, авторы доклада вполне обоснованно относили к числу таковых, прежде всего, совершенствование и одновременно с этим удешевление грузового транспорта, следствием чего стало развитие срочных операций в хлебной торговле при сокращении физических запасов зерна. Второй причиной Ермолов и Тимирязев считали то, что в большинстве западноевропейских стран, как и в России, земледелие в предшествующий период пользовалось сравнительно незначительным покровительством со стороны национальных правительств, озабоченных, прежде всего, поощрением обрабатывающей промышленности. Наконец, третьим фактором было

² В документе отсутствует дата его составления; из содержания доклада следует, что он был подготовлен в конце 1894 или 1895 г.

³ РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 183. Доклад Министра земледелия и государственных имуществ А. Ермолова о сельском хозяйстве и падении цен на хлеб. Л. 1.

названо повсеместное «увлечение теориею (золотого. — С. Б.) монометаллизма, выразившееся в мерах, способствовавших обесценению серебра и почти всех товаров поднятием цены золота». Впрочем, по утверждению Ермолова и Тимирязева, эти причины (в особенности первая и третья) привели к падению цен не только на зерновые, «но и на все, за немногими изъятиями, товары», а потому постепенное снижение цен на хлеб не приводило к особо негативным последствиям для земледелия — по крайней мере в тех странах, где интересы одних отраслей экономики не поощряются за счет других⁴. Отметим, что последнее высказывание находилось в некотором противоречии с содержащимся чуть выше на той же странице доклада утверждением об усиленном покровительстве промышленности в отсутствие серьезной государственной поддержки аграрного сектора, причем, отнюдь не только в России.

Однако острый аграрный кризис, «от которого страдает земледелие у нас и за границею», был вызван, по убеждению руководителей МЗиГИ, все же не вышеуказанными факторами, «постепенно умалявшими выгодность земледельческого промысла», а иными причинами временного характера. Прежде всего, «резкою пертурбациею в хлебной производительности, вызванною исключительными условиями 1891—1892 года»⁵.

В 1891 г. случился жестокий неурожай, охвативший не только Россию, но и многие европейские страны. Больше других пострадала Германия. Понятно, что сложившаяся ситуация привела к росту потребности в хлебе и существенному повышению цен на него. Однако у России не было возможности увеличить экспорт зерновых; в 22 губерниях европейской части страны хлеба не хватало для собственных продовольственных нужд. В сложившихся условиях вполне закономерным оказалось «обращение Германии и других стран-потребительниц к новым рынкам» — как для преодоления текущего кризиса, так и в целях недопущения подобных ситуаций в будущем. Столь же естественной реакцией стало «почти повсеместное расширение посевов, как хлеба, так и его суррогата картофеля (в Германии)»⁶.

В 1892—1893 гг. ситуацию усугубило то, что вследствие разгоревшейся «таможенной войны» Россия не могла продавать рожь в Германию (заметим — единственного крупного потребителя ржи в Европе, наряду с самой Россией). В начале 1894 г. был заключен таможенный договор с Германией и ее рынок вновь открылся для российского хлеба; однако отвоевывать на этом рынке утраченные за предыдущие годы позиции России пришлось путем серьезной уступки в цене. И, наконец, два обильных урожая (как в России, так и в Европе) в 1893 и 1894 гг. привели к еще большему снижению хлебных цен, что не могло не углубить кризис в российском аграрном секторе⁷.

Следует отдать должное руководителям Министерства земледелия, которые не ограничились описанием этих, в сущности, лежавших на поверхности факто-

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 2.

ров российского аграрного кризиса, но и попытались вскрыть глубинные причины его обострения в России. Ермолов и Тимирязев в своем докладе указали на то, что «не только в последнее время, но и вообще, влияя своими урожаями на установление цен на всемирном рынке, мы, к сожалению, никогда не могли устанавливать их к своей выгоде»⁸. Практически всегда наиболее значительные объемы хлебного экспорта осуществлялись в урожайные годы и по сравнительно низким ценам, в те же годы, когда хлебные цены повышались, объем экспорта зерновых существенно снижался. Причиной этого руководители МЗиГИ считали, прежде всего, неустойчивость наших урожаев. «Колебания между средними на всю Россию урожаями за последние 10 лет, с 1883 по 1893 г. включительно, по всем хлебам достигали 53% (при уклонении в 21% вниз и в 32% вверх от среднего)», а в некоторых губерниях (в частности, Херсонской и Екатеринославской) доходили до 200%. Очевидно, при таких нестабильных урожаях, как возможности хлебного экспорта, так и цены на хлеб (и экспортные и внутренние) должны были колебаться еще более значительно — в ситуации, когда «самый вывоз хлебов из России не превышает 25% сбора»⁹. И эти «крайности в колебаниях урожаев вызывали у нас поочередно затруднения прямо противоположного характера». Так, 1880—1881 гг. характеризовались неимоверно высокими хлебными ценами, в 1887—1888 гг. цены, наоборот, рухнули. Для обсуждения ситуации в тот период была даже создана специальная правительственная комиссия во главе с сенатором В. К. Плеве. Неурожай 1891 г., как уже было отмечено, вызвал столь мощное повышение цен на хлеб, что для борьбы с ним правительство не остановилось даже перед запрещением вывоза хлеба, хотя власти, разумеется, не могли не понимать, что это чревато долгосрочными негативными последствиями. По итогам же 1893—1894 гг. хлебные цены опустились даже ниже экстремально низкого (как казалось в конце 1880-х гг.) уровня 1887—1888 гг.

Размышляя о возможностях преодоления сложившейся кризисной ситуации, А. С. Ермолов и Д. А. Тимирязев, прежде всего, указывали на то, что сокращение производства зерновых ради сглаживания ценовых колебаний для России не просто неприемлемо, поскольку лишь поощрило бы ее конкурентов на европейском рынке наращивать производство и экспорт хлеба, но и, по сути, неосуществимо. К середине 1890-х гг. около $\frac{2}{3}$ посевной площади принадлежало крестьянам, и доля крестьян в структуре землепользователей неуклонно росла. Руководство МЗиГИ осознавало, что у государства нет никакой возможности заставить крестьян сокращать свои посевы. Тем более нелогично было бы побуждать к этому частных землевладельцев, хозяйства которых, как правило, были более высокопроизводительными и в гораздо большей степени, чем крестьянские, ориентированы на рынок. В докладе об этом не говорилось, но, по-видимому, эти аргументы казались руководителям аграрного ведомства очевидными. Поэтому в рассматриваемом документе делался вывод о том, что «в нашем отечестве наиболее настоящими являются такие мероприятия, которые уменьшили бы разность в ценах

⁸ Там же.

⁹ По оценке Т. М. Китаниной доля экспортируемого хлеба была еще меньшей, достигая лишь 18%.

на хлеб в годы с сильными недородами и обильными сборами». При осуществлении комплекса мероприятий, направленных на достижение этой цели, удалось бы не только смягчить ценовые колебания на внутреннем рынке и тем самым стабилизировать экономическое положение производителей сельскохозяйственной продукции, но и улучшить положение страны на мировом рынке.

Особое внимание Ермолов и Тимирязев обратили на необходимость стабилизации внутренних цен на хлеб, поскольку, «являясь крупнейшим, хотя и плохо вознаграждаемым, поставщиком хлеба на европейские рынки и будучи по преимуществу земледельцами, мы и у себя дома периодически страдаем от последствий то избытка хлеба, то его недорода... Терпят от этого порядка вещей и потребители, и производители, землевладельцы и крестьяне, а последние, производя хлеб в размерах, лишь немногим превышающих собственные потребности, страдают то как производители, то как потребители»¹⁰. В урожайные годы они вынуждены дешево продавать хлеб, в неурожайные же — покупать его для собственного пропитания по высоким ценам. Проблемы несколько иного рода, но также весьма серьезные испытывают и частновладельческие хозяйства. По словам авторов доклада, издержки землевладельцев зачастую не окупаются как в наиболее урожайные годы, так и в неурожайные. В первом случае — вследствие низких хлебных цен и «возрастающей дороговизны уборки», что означало повышение стоимости рабочей силы ввиду занятости крестьян в собственных хозяйствах и приобретенного крестьянами за пореформенные десятилетия навыка повышать стоимость своих услуг в урожайные годы. Во втором же случае — «вследствие ничтожности сбора»¹¹.

Сформулировав все эти аргументы, Ермолов и Тимирязев выдвинули свое основополагающее предложение: все категории сельского населения, «за немыслимостью в близком будущем сделать урожайность более равномерною», очевидно выиграли бы в том случае, если бы удалось предоставить им возможность в урожайные годы сохранять избыток хлеба, образующийся после удовлетворения потребностей собственного хозяйства и «нормального вывоза за границу», и обеспечить сохранность этих запасов вплоть до наступления неурожайного года, когда они покрыли бы «нужду в обсеменении и продовольствии внутри Империи, без стеснения и сокращения экспорта»¹².

Обеспечить достижение этой ключевой цели А. С. Ермолов и Д. А. Тимирязев предложили путем «образования продовольственных запасов, наполнением крестьянских запасных магазинов», а также «путем выдачи ссуд под хлеб, но на более продолжительные, чем ныне, сроки» и, наконец, путем создания государственных продовольственных запасов, пополняемых в результате закупки правительством хлеба в условиях низких цен на него, т. е. в урожайные годы.

Следует отметить, что авторы доклада особенно обстоятельно аргументируют тезис о необходимости не просто направлять капиталы в аграрный сектор, но соз-

¹⁰ РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 183. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 3.

¹² Там же.

давать продовольственные запасы¹³. Итоговый вывод доклада руководителей МЗиГИ сформулирован предельно четко: необходимо «как в видах обеспечения продовольствия на случай неурожая, так и с целью придания большей устойчивости ценам и равномерности нашему хлебному отпуску (т. е. экспорту. — С. Б.), — образование, путем закупки в урожайные годы и во время низких цен, значительного казенного продовольственного запаса», размер которого должен составить 100—200 млн пудов¹⁴. На рынок этот хлеб должен попадать лишь в периоды неурожая и «усиленного снижения цен». В результате предполагалось не только стабилизировать экономическое положение российских аграриев, но и обеспечить в перспективе дополнительный источник государственных доходов, поскольку реализовываться зерно из резервов по вполне понятным причинам должно было по ценам, существенно превышающим закупочные. Задача эта казалась Ермолову и Тимирязеву настолько безотлагательной, что, констатируя факт отсутствия достаточного количества помещений для хранения зернового резерва и предлагая как можно скорее приступить к их постройке, они считали необходимым начать государственные закупки хлеба немедленно, не дожидаясь завершения соответствующих строительных работ¹⁵.

Анализируя рассмотренный доклад, следует, прежде всего, отметить, что его авторы исследовали сугубо экономические, причем преимущественно внешнеэкономические факторы аграрного кризиса. Волновавшие не только общество, но и значительную часть политико-административной элиты России вопросы о направленности аграрной политики и целесообразности ее корректировки, реформировании крестьянского правопорядка и т. д. в этом документе не поднимались. Не исключено к тому же, что руководители МЗиГИ считали возбуждение этих вопросов, относившихся преимущественно к ведению МВД и Министерства финансов, без прямой санкции сверху достаточно рискованным для себя. В то же время трудно объяснить, почему в докладе двух весьма компетентных специалистов не упомянут такой фактор падения хлебных цен, как начавшийся приток на европейский рынок заокеанского зерна. Впрочем, в других докладах Ермолов неоднократно обращал внимание на это обстоятельство¹⁶. Следует обратить внимание и на то, что А. С. Ермолов и Д. А. Тимирязев всячески стремились подчеркнуть общность интересов всех российских аграриев — частных землевладельцев и крестьян-общинников, игнорируя специфику экономического положения двух указанных социальных групп.

В любом случае создание масштабных государственных хлебных запасов представлялось авторам доклада тем самым звеном, за которое можно было бы вытянуть цепочку если не всех, то многих проблем российского сельского хозяйства.

Очевидно, что поднятые Ермоловым и Тимирязевым проблемы в той или иной степени осознавались и другими представителями высшей бюрократии, в том числе могущественным министром финансов С. Ю. Витте. Прежде всего,

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 6.

¹⁶ РНБ. Отдел рукописей. Ф. 772. Д. 76. Л. 1.

необходимо отметить, что вскоре после начала управления финансовым ведомством Витте инициировал создание особого хлеботоргового отделения при Департаменте торговли и мануфактур, мотивируя свое предложение, в частности, тем, что «выяснившиеся в настоящее время условия и порядки хлебной торговли, как внутренней, так и международной», требуют энергичного вмешательства государственной власти в эти процессы, с тем, чтобы организовать хлебную торговлю «на правильных началах, отвечающих общегосударственным интересам» [5, с. 30—31]. Хлеботорговое отделение было создано в конце 1892 г.; по справедливому мнению Л. Е. Шепелева, инициатива Витте способствовала увеличению его политического веса за счет поддержки со стороны аграриев, в которой 44-летний министр очень нуждался [7, с. 679].

В феврале 1893 г., выступая на заседании Комиссии по упорядочению хлебной торговли, Витте заявил о себе как о стороннике активного государственного вмешательства в эту сферу, ссылаясь при этом не только на запросы со стороны российских аграриев, но и на зарубежный опыт: «Везде и всюду такое вмешательство со стороны правительства существует;...я не знаю ни одной страны, где бы правительство менее вмешивалось в хлебную торговлю, чем наше правительство, которое до сих пор никакого серьезного воздействия не оказывало» [6, с. 43].

Через полгода в августе 1893 г. С. Ю. Витте в докладе императору поднял вопрос о том, что высокий урожай ржи может повлечь серьезное снижение цен на нее уже ближайшей осенью, поскольку сельские хозяева, практически одновременно начав продавать зерно, «обвалят» рынок в ущерб самим себе. В связи с этим глава финансового ведомства предлагал рассмотреть вопрос о выделении льготных кредитов землевладельцам, с тем, чтобы они могли не торопиться с продажей зерна, а подождать более благоприятной ценовой конъюнктуры. Кроме того, Витте предлагал осенью осуществить «негласную покупку этого хлеба за счет Правительства, с целью поддержания цен»¹⁷.

Предложения Витте были одобрены Александром III, наложившим 31 августа на докладе министра редкую по своей эмоциональности резолюцию: «Надеюсь, что все эти меры принесут пользу. Меня радует и утешает, что Министр Финансов не спит, а работает без устали!»¹⁸.

Представляется, что эти слова императора именно в данном контексте были вызваны не просто его весьма позитивным отношением к деятельности Витте. По всей видимости, можно говорить об осознании главой государства важности той проблемы, которая была поднята в докладе. Кроме того, не могло не порадовать царя и то, что в случае успеха предложенных мер основную выгоду получило бы поместное дворянство, интересы которого были столь дороги Александру III. Наконец, предложения Витте свидетельствовали о том, что министр серьезно относится к новой сфере полномочий вверенного ему управлению ведомства, касающихся регулирования хлебной торговли, что также импонировало монарху.

¹⁷ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 53. Л. 7—15.

¹⁸ Там же. Л. 7.

В то же время, как показала практика, предложенные Витте меры в лучшем случае слегка смягчили амплитуду ценовых колебаний, но не смогли предотвратить традиционное в подобных ситуациях снижение хлебных цен. Следует отметить и то, что сформулированные Ермоловым и Тимирязевым предложения подразумевали комплексное решение проблемы.

Впрочем, С. Ю. Витте обращался к различным аспектам проблемы хлебных цен неоднократно. Весьма примечателен, на наш взгляд, посвященный этому вопросу доклад министра финансов «О современном положении хлебных цен», представленный Николаю II 5 июля 1896 г.

Отметив продолжительное падение хлебных цен, «угнетающе» действующее на состояние аграрного сектора российской экономики, свой доклад Витте начал с постановки «коренного вопроса»: «Не производится ли во всемирном хозяйстве хлеба больше, чем нужно для всемирного потребления?» Указав, что за 12 лет производство пшеницы во всемирном масштабе выросло лишь на 5%, министр финансов резонно заметил, что подобный рост сам по себе не может представлять серьезной угрозы для интересов сельских хозяев, особенно если учесть, что за это же время потребление пшеницы, «вследствие одного роста населения, возросло в Европе и Америке на 11%»; к тому же во многих странах увеличивается еще и «норма потребления среднего жителя». Вывод из этих данных представляется министру финансов совершенно очевидным: устойчивого перепроизводства хлеба как факта, характеризующего состояние сельского хозяйства в рассматриваемый период, нет¹⁹.

Однако «благодаря случайному совпадению благоприятных метеорологических условий», способствовавших обильным урожаям зерновых на протяжении нескольких лет подряд, на мировом рынке естественным образом появилось значительное превышение предложения над спросом — «образовалось временно перепроизводство зерна, которое в течение последних лет чрезмерно понижает хлебные цены» как на мировом рынке, так и внутри России. Учитывая же, что и предстоящий урожай обещает быть весьма благоприятным, причем практически повсеместно, министр финансов прогнозирует и в новом 1896—1897 сельскохозяйственном году некоторое понижение хлебных цен, что создаст сложности всему аграрному сектору, в особо же тягостное положение поставит «всех тех землевладельцев, кои большую часть своего дохода получают путем продажи зерна»²⁰.

Из этих рассуждений С. Ю. Витте сделал вывод о том, что «угнетение хлебного рынка» в середине 1890-х гг. было обусловлено причинами, «столь мало зависящими от воли человеческой», что пытаться принципиально изменить ситуацию «едва ли было бы посильною задачею». При этом он утверждал, что все возможные способы воздействия государства на сложившуюся экономическую ситуацию путем облегчения пользования услугами путей сообщения, предоставлением кредита, краткосрочного и ипотечного, налоговых льгот и т. п., если и способны привести к отдельным благоприятным последствиям для землевладельцев, то эти

¹⁹ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 48. Л. 122—124.

²⁰ Там же. Л. 124—125.

позитивные результаты окажутся несопоставимо малы «сравнительно с ущербом, причиняемым таким острым, хотя вероятно кратковременным бедствием, как упадок хлебных цен»²¹. Витте говорил здесь о возможности позитивного влияния указанных мер лишь на экономическое положение частновладельческих хозяйств. По всей видимости, улучшить положение крестьянства хоть в какой-то степени министр финансов вообще не видел возможности. Итоговое положение доклада: «имея в виду, что и впредь земледелие будет пользоваться особым покровительством государственной власти» (утверждение, по меньшей мере, спорное), в предстоящем году российские землевладельцы должны «преимущественно искать силу внутри себя, дабы с возможной устойчивостью пережить тягостное стечение обстоятельств»²².

Вопреки ожиданиям Витте и его советников, в 1896 г. ситуация для российских аграриев сложилась не тягостная, а весьма удачная. Спустя три с небольшим месяца после подачи рассмотренного выше документа 14 октября 1896 г. Витте направил царю новый доклад «О современном положении хлебной торговли», в котором рапортовал об исключительно благоприятном стечении обстоятельств. В условиях непредвиденно низкого урожая в большинстве стран — производителей зерна и роста цен на мировом рынке (Николай II наложил в этом месте доклада свою отметку: «Утешительно») в России урожай оказался, как и прогнозировалось, высоким. А это обеспечило российским землевладельцам повышение экспортной выручки и определенное оздоровление их экономического положения²³.

Однако важно подчеркнуть следующее. В 1896 г. Витте, судя по всему, уже не видел особого смысла даже в тех не слишком масштабных мерах, направленных на сглаживание колебаний хлебных цен, которые содержались в его докладе 1893 г., не говоря уже о более масштабных и комплексных мероприятиях, призванных решить эту проблему. Складывается впечатление, что чем более С. Ю. Витте приходил к убеждению о необходимости кардинального реформирования правовых основ жизни российской деревни, тем менее значимыми ему казались сугубо экономические мероприятия, призванные поддержать аграрный сектор. Последний, по его мнению, должен был «искать силу внутри себя», не отвлекая по возможности государственные ресурсы от осуществления программы индустриальной модернизации страны. Предельно четко эта позиция была сформулирована Витте в марте 1899 г. Подводя итог работы комиссии по упорядочению хлебной торговли и признавая всю важность улучшения условий сельскохозяйственной деятельности, министр финансов заявил: «Я убежден, однако, что решительное врачевание наших сельскохозяйственных недугов может явиться результатом лишь упорядочения общеправовой постановки нашей деревенской жизни и более правильного распределения народного труда по различным отраслям производительной деятельности», т. е. развития индустриального сектора национальной экономики. «Жизненный узел» сельского хозяйства России, по словам

²¹ Там же. Л. 125—126.

²² Там же. Л. 126.

²³ Там же. Л. 147—148.

Витте, заключался не в «условиях международного хлебного рынка, богатого... случайностями». Этот узел министр предлагал развязать за счет создания широкого и стабильного внутреннего спроса на сельскохозяйственную продукцию, обеспечить который способно лишь развитие обрабатывающей промышленности [2, с. 172—173].

Наконец, следует отметить, что усиливавшееся противодействие политике Витте со стороны поместного дворянства порой приносило эффект противоположный тому, на который рассчитывало дворянское лобби. Министр финансов не просто ужесточал свой курс, он стремился к подрыву экономических позиций своих оппонентов.

Итак, в 1890-х гг. в результате дискуссии, затронувшей ключевых членов правительства, возобладала точка зрения С. Ю. Витте. Предложения А. С. Ермолова и Д. А. Тимирязева, выступавших за более активное участие государства в регулировании хлебных цен, прежде всего путем создания серьезных государственных продовольственных запасов и осуществления в необходимых ситуациях масштабных закупок зерна на внутреннем рынке правительственными агентами, в должной мере осуществлены не были. Возможно, изменить ситуацию в 1890-х гг. так и не удалось вследствие межведомственной разобщенности.

Практическое осуществление предложений руководителей МЗиГИ означало бы существенное расширение инструментария правительственной аграрной политики. Пожалуй, впервые на высшем правительственном уровне было предложено создать общегосударственную систему закупок, хранения и реализации зерна не в целях обеспечения потребностей страны в военное время, а ради решения целого ряда сугубо экономических проблем.

В 1890-х гг. эти предложения не были реализованы; однако потребность в создании цивилизованного механизма государственного влияния на хлебные цены ради сглаживания их рыночных колебаний и стабилизации экономического положения сельхозпроизводителей в дальнейшем неоднократно вставала перед российскими властями, как правило, не находя своего комплексного решения. Эта проблема является столь же актуальной в начале XXI в., как и в конце XIX столетия, и стоит на повестке дня правительства современной России.

Литература

1. *Беспалов С. В.* Причины и характер аграрного кризиса в Центрально-Европейской России в восприятии российской бюрократии на рубеже XIX — XX веков // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности регионального развития России и Восточной Европы X—XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 306—315.

2. Из сообщения «Торгово-промышленной газеты» о выступлении С. Ю. Витте на заключительном заседании Комиссии по упорядочению хлебной торговли об экономической политике России. 2 марта 1899 г. // Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 4: Промышленность, торговля и сель-

ское хозяйство России. Кн. 1: Организация торгово-промышленного ведомства. Программы экономического развития. Акционерное учредительство. М., 2006. С. 172—176.

3. *Китанина Т. М.* Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. (Очерки правительственной политики.) Л., 1978.

4. *Куреньшев А. А.* Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818—1929 гг.). М., 2012.

5. Представление С. Ю. Витте в Государственный совет «Об учреждении при департаменте торговли и мануфактур особого Хлеботоргового отделения». 21 октября 1892 г. // Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 4. Кн. 1. М., 2006. С. 30—38.

6. Фрагмент из журнала заседания Комиссии по упорядочению хлебной торговли с изложением выступления С. Ю. Витте по вопросу о государственном регулировании этой торговли. 3 февраля 1893 г. // Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 4. Кн. 1. М., 2006. С. 41—44.

7. *Шепелев Л. Е.* Примечания и комментарии // Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 4. Кн. 1. М., 2006. С. 678—691.

Н. М. Александров¹

Земельный рынок и проблема крестьянского малоземелья в пореформенной России (по материалам Верхнего Поволжья)

На материалах губерний Верхнего Поволжья исследовано развитие земельного рынка в пореформенной России, показана роль представителей различных сословий в процессе мобилизации земли, определена степень влияния рынка на решение проблемы крестьянского малоземелья.

Ключевые слова: крестьянская реформа, крестьяне, помещики, земельный рынок, Верхнее Поволжье.

Основой аграрных отношений являются отношения собственности на землю. В связи с этим одной из важнейших черт аграрного строя является землевладение. Аграрные реформы 60-х гг. XIX в. стали началом важных изменений в характере землевладения. Земля все больше и больше превращалась в товар. В сложном процессе такого превращения происходила ломка замкнутости, сословности и других черт, присущих докапиталистическим типам и видам земельной собственности. По мнению И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова, исследовавших становление и развитие всероссийского аграрного рынка, земельный рынок развивался медленнее, чем рынок на сельхозпродукцию и рабочую силу. В начале XX в. он еще находился в стадии формирования. К этому времени, по мнению ученых, отставание в развитии земельного рынка превращалось «в преграду на пути завершения процесса формирования единого аграрного капиталистического рынка... Устранение этой преграды стало исторически назревшей необходимостью» [11, с. 377].

Россия — большая страна и условия развития аграрного сектора экономики на отдельных ее территориях существенно различались. Цель данной работы — выявить местные особенности процесса перераспределения земли в губерниях Верхнего Поволжья (Владимирской, Костромской и Ярославской) и определить, в какой степени развивавшийся рынок способствовал решению проблемы крестьянского малоземелья.

¹ Александров Николай Михайлович, кандидат исторических наук, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, dreem10@mail.ru, Россия, г. Ярославль.

Представление о распределении земли в пореформенный период дают данные земельных переписей 1877 и 1905 гг., приведенные в табл. 1.

Таблица 1

**Распределение земли по видам землевладения
в Верхнем Поволжье в 1877 и 1905 гг.***

Регион	Годы	Земля			
		частная	надельная	государства и учреждений	вся
		%	%	%	%
Владимирская губерния	1877 г.	37,4	49,9	12,7	100
	1905 г.	34,6	52,1	13,3	100
Костромская губерния	1877 г.	42,3	30,7	27,0	100
	1905 г.	42,5	29,4	28,1	100
Ярославская губерния	1877 г.	42,6	48,4	9,0	100
	1905 г.	43,2	46,3	10,5	100
Верхнее Поволжье	1877 г.	40,1	39,9	20,0	100
	1905 г.	40,4	39,5	20,1	100
Европейская Россия	1877 г.	24,9	31,0	44,1	100
	1905 г.	25,8	35,1	39,1	100

* Источник: Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 10—11.

Материалы переписей свидетельствуют, что за 28 лет существенных изменений в распределении земли между основными видами землевладения в Верхнем Поволжье, как и целом по России, не произошло. В частном владении в регионе находилось $\frac{2}{5}$ земельного фонда, столько же приходилось на крестьянские наделы, остальная площадь была собственностью государства, церкви и различных учреждений. Следует отметить, что в Верхнем Поволжье доля земли, принадлежавшей частным владельцам и крестьянским обществам, была значительно больше, чем в целом по Европейской России. Это объясняется тем обстоятельством, что Верхнее Поволжье относилось к территориям раннего освоения с развитым помещичьим землевладением.

Губернии региона различались между собой по удельному весу разных видов землевладения в общей площади. Так, в Костромской и Ярославской губерниях на долю частных владельцев приходилось $\frac{2}{5}$ земли, а во Владимирской — только $\frac{1}{3}$ часть. Различия были и в распределении наделной земли. Во Владимирской и Ярославской губерниях крестьянские наделы занимали фактически половину территории, в то время как в Костромской губернии на них приходилось меньше $\frac{1}{3}$ общей площади. Государственное землевладение также получило разное

распространение в губерниях региона. Наибольшую роль государственные земли играли в Костромской губернии, где по площади они приближались к наделной земле. Во Владимирской и Ярославской губерниях земельная собственность государства была представлена слабее [20, с. 10—11].

Различия в распределении земли в отдельных уездах были намного существеннее, чем на уровне губерний. Широкое распространение частновладельческое землевладение получило на севере региона в Любимском, Буйском, Галичском, Солигаличском и Кологривском уездах, а также на его северо-западной окраине — в Мологском уезде. В перечисленных уездах частновладельческие земли на всем протяжении пореформенного периода занимали более половины площади уездов. В то же время имелись уезды, где доля таких земель была в 2 раза меньше и составляла только четверть земельного фонда. Это 2 уезда в центральной части региона: Владимирский и Ростовский, и 2 уезда на его юго-восточной окраине: Юрьевский и Макарьевский.

Значительно отличались местности и по доле наделной земли. В ряде уездов на наделную землю приходилось $\frac{3}{5}$ всех земель. Это были плотно населенные уезды, находившиеся в центре и западе региона: Нерехотский, Владимирский, Суздальский, Александровский, Ростовский, Мышкинский и один уезд на юго-востоке — Муромский. Следует отметить, что ни в одном из уездов Владимирской и Ярославской губерний наделы не занимали меньше 30% территории. В Костромской же губернии таких «скудных» на крестьянскую землю уездов в начале XX в. было 6, т. е. ровно половина. Эти уезды составляли северо-восточную, слабозаселенную окраину региона. В двух из них, Кологривском и Ветлужском, на наделные земли приходилось меньше $\frac{1}{5}$ общей площади [17, с. 10—11; 18, с. 10—11; 19, с. 10—11]. Данные факты означают, что возможности крестьян по включению в сельхозоборот вненаделной земли в различных местностях региона имели существенные отличия. Местный «земельный резерв» для крестьян был обратен пропорционален величине наделного землевладения [1, с. 248—249]. Сложилась следующая ситуация: где были самые маленькие размеры наделов, там и возможности увеличения сельхозугодий за счет вненаделных земель у крестьян были меньше и наоборот.

Государственное и наделное землевладение, в силу их специфики, процесс мобилизации земли затрагивал в значительно меньшей степени, чем частновладельческие земли. Данное обстоятельство негативно влияло на земельный рынок страны, так как значительные площади оказались практически исключенными из рыночных отношений. Основным объектом купли-продажи, источником формирования земельного рынка в пореформенной России являлась земля, принадлежавшая частным собственникам.

Частновладельческие земли подразделялись на собственность личную и собственность обществ и товариществ. Личная собственность на землю являлась основной формой частной собственности. В Верхнем Поволжье, как и в целом по Европейской России, она значительно превосходила коллективную собственность. Однако с освобождением крестьян в стране пошел процесс сокращения удельного веса личных собственников и возрастание собственности обществ

и товариществ. В 1877 г. в регионе земли на правах личной собственности во всех уездах, кроме Покровского, составляли 95—100% частного земельного фонда. В Покровском уезде этот показатель был равен 88,5%. В 1905 г. только в 6 уездах из 35 процент личного землевладения не опустился ниже 90%. В Юрьевецком, Покровском и Переяславском уездах коллективная собственность в пореформенный период развивалась настолько быстро, что к началу XX в. по площади почти сравнялась с личной собственностью [17, с. 10—13; 18, с. 10—13; 19, с. 10—13]. Коллективная собственность, а это в основном крестьянская собственность, была распространена, как правило, в той части региона, где наделы крестьян были наименьшими и недостаток сельхозугодий ощущался наиболее остро. Распространение собственности обществ и товариществ наряду с личной земельной собственностью свидетельствует об изменившемся во второй половине XIX — начале XX в. характере землевладения, появлению новых форм владения землей.

Обращение земель в дореформенную эпоху носило весьма ограниченный характер, так как купля-продажа земли происходила почти исключительно в рамках дворянского сословия. Представленные в начале XIX столетия недворянским сословиям ограниченные права покупки земли почти не изменили характера и размера ее оборота на рынке. Положение изменилось после отмены крепостного права. С 1861 г. в России начал развиваться процесс мобилизации земли, т. е. процесс неограниченной купли-продажи, свободного обращения земли на рынке. Главными продавцами земли выступали дворяне, а основными покупателями — крестьяне, купцы и мещане. В Верхнем Поволжье с 1877 по 1905 г. площадь дворянских земель сократилась наполовину. В регионе наибольшее сокращение собственности дворянского сословия наблюдалось в Костромской губернии, где земли дворян в 1905 г. составили 48,7% к площади 1877 г. В Ярославской и Владимирской губерниях эти показатели составляли соответственно 50,7% и 54,2%. За 28 лет в Европейской России дворянское землевладение уменьшилось в 1,37 раза и равнялось 72,8% к площади в 1877 г. [20, с. 12—17]. Следовательно, распродажа дворянских земель во всех губерниях региона происходила быстрее, чем в целом по стране. Верхнее Поволжье стало одним из районов России, где процесс купли-продажи помещичьей земли проходил наиболее интенсивно. Подобная ситуация складывалась и в других местностях Центрально-Промышленного района [15, с. 63—64].

Необходимо учитывать, что уже к 1877 г. помещики потеряли значительную часть своей земли. Так, в 1877 г. в Костромской губернии дворянские земли составляли лишь 71% к земельным владениям 1868 г. (в 1868 г. по данным земских управ в Костромской губернии дворяне имели 2 821 554,4 дес. земли, что составляло 40,1% всего земельного фонда). Вообще за 1868—1905 гг. костромские дворяне утратили 65,5% своей земли [5, с. 58]. Подобное положение было и в Ярославской губернии. Здесь дворянские земли в 1877 г. составляли 77,1% к площади имений 1862 г. За период с 1862 по 1905 г. ярославские помещики потеряли 59% земли [6, с. 76—77].

В результате мобилизации земли менялась сословная картина распределения земельной собственности. Несмотря на то, что и в 1905 г. значительная часть зе-

мель в стране оставалась за дворянами, доля их собственности в фонде личного землевладения по сравнению с 1877 г. значительно уменьшилась. Высокие темпы распродажи дворянских земель в Верхнем Поволжье привели к тому, что в начале XX в. регион по удельному весу дворянских земель сильно отличался от Европейской России в целом. Если в России за помещиками в 1905 г. сохранились 61,8% личной земельной собственности, то в Верхнем Поволжье — только 38,1%. По губерниям доля дворянских земель в общем фонде личных собственников колебалась от 41,6% во Владимирской до 34,7% — в Ярославской [20, с. 12—17].

Одновременно с сокращением помещичьего землевладения шел быстрый рост не только крестьянских, но и купеческих, и мещанских земель. Иначе говоря, привилегированное сословное землевладение сменялось бессословным, т. е. буржуазным.

За период с 1877 по 1905 г. площадь купеческих земель, находившихся в личной собственности, увеличилась в Европейской России в 1,32 раза. В целом по трем губерниям Верхнего Поволжья площадь купеческих земель возросла не столь значительно. Она увеличилась в 1,19 раза. Причем в губерниях региона сложилась различная ситуация. В Костромской губернии земли торгового сословия возросли в 1,30 раза, т. е. увеличение было таким же, как в европейской части страны. В Ярославской губернии землевладение купечества росло более высокими темпами. В период между переписями его площадь увеличилась в 2,11 раза [20, с. 12—17]. По темпам роста земель купцов Ярославская губерния занимала 8 место из 50 губерний европейской части страны. Самый высокий прирост купеческих земель в этот период наблюдался на севере и северо-западе России [20, с. 149].

Во Владимирской губернии происходил противоположный процесс, т. е. несмотря на то, что доля купеческой земли в личном землевладении несколько возросла, но за счет общего значительного сокращения личных земель, купеческое землевладение сократилось в 1,18 раза. Причина такой ситуации с купеческой землей в регионе заключалась в том, что к 1877 г. распространенность купеческого землевладения в Костромской и Владимирской губерниях была значительно шире, чем в Ярославской губернии и в стране в целом. В Костромской губернии на момент первой земельной переписи торговому сословию принадлежало 18,8% личной земельной собственности, во Владимирской — 27,4%, а в Ярославской — только 6,4%. В европейской части России купцы к этому времени владели 10,7% личных земель. К 1905 г. доля купеческой собственности в личном землевладении Владимирской губернии составляла 31,1%, в Костромской — 27,8%, в Ярославской — 14,0%. В целом по стране этот показатель равнялся 15,0%, т. е. был почти таким же, как и в Ярославской губернии, и в два раза меньшим, чем во Владимирской и Костромской губерниях [20, с. 12—17]. В то же время, если в Костромской губернии в конце пореформенного периода купечество по-прежнему продолжало активно скупать землю, то во Владимирской губернии продажи купеческой земли стали преобладать над покупками. Данные факты указывают, что периоды активизации купечества на земельных рынках отдельных губерний Верхнего Поволжья имели свои особенности. Высокие темпы роста в конце XIX — начале XX в.

земельной собственности купцов в Ярославской губернии по сравнению с соседними губерниями были вызваны относительно поздним включением представителей торгового сословия в процесс перераспределения местного земельного фонда.

Большой удельный вес собственности купцов в Верхнем Поволжье связан с промышленным характером региона, оказывавшим сильное влияние на тип землевладения и землепользования. Купечество земля интересовала, в первую очередь, не как объект производства сельскохозяйственной продукции. Официальные источники сообщают, что купечество покупало землю в нечерноземных губерниях «с целью фабричной, желая пользоваться запрудами и ветряными двигателями» [7, с. 8]. «Купцы ждут в имениях скорой наживы, а поэтому покупают большей частью имения с лесом, который немедленно вырубает, а землю отдают в аренду под пастбища» [12, с. 8]. О том, что сельское хозяйство купцов интересовало мало, свидетельствует и незначительная доля пашни в купеческих владениях. Так, в 1877 г. во Владимирской губернии пашня составляла 7,6% всех купеческих земель, в Ярославской — 4,2%, в Костромской — 1,1%. В то время как в личной собственности крестьян под пашней находилось соответственно 26,4%, 10,5% и 11,7% земли [21, с. 82—83, 116—117, 196—197].

Роль купечества в скупке лесов хорошо видна на примере Костромской губернии, которая по лесным запасам занимала одно из ведущих мест в Европейской России. Мобилизация лесных земель происходила в губернии поэтапно. В первые годы после реформы 1861 г. ею были охвачены, в основном, Кинешемский, Нерехтский, Юрьевецкий и частично Костромской уезды, т. е. наиболее промышленно развитый район Костромской губернии, граничащий с Владимирской губернией. В этих уездах в скупке лесных дач активное участие приняли местные текстильные фабриканты. Стремясь обеспечить свои предприятия топливом на случай значительного подъема цен на дрова, они один за другим настойчиво скупали расположенные в районах фабрик леса и пустоши. Насколько энергично проводилась практика скупки лесов, свидетельствует тот факт, что владельцами «Товарищества мануфактур Ивана Коновалова с сыном», имевшими хлопчатобумажные фабрики в селах Бонячки и Каменка Кинешемского уезда, за 1861—1890 гг. было куплено 11683 дес. леса. Причем $\frac{1}{4}$ лесной площади была куплена в первом пореформенном пятилетии [9, с. 33].

Если на юго-западе Костромской губернии скупкой лесов занимались, главным образом, фабриканты, стремившиеся обеспечить запасом топлива промышленные предприятия, то в остальных уездах скупка производилась преимущественно лесопромышленниками с целью вырубки леса. В 70—80 гг. XIX в. подобные покупки лесных земель происходили в основном в бассейне реки Костромы. В числе покупателей лесных участков фигурировали, главным образом, местные купцы и разбогатевшие крестьяне, а также промышленники из ближайших губерний, причем обыкновенно лесные дачи скупались за бесценок по 3—10 руб. за десятину [9, с. 34].

С начала 90-х гг. XIX в. быстрыми темпами стала развиваться скупка леса в бассейне реки Унжи — одного из притоков Волги, протекавшей через Кологрив-

ский и Макарьевский уезды и делившей губернию на две равные части: восточную и западную. Видную роль в скупке лесных массивов в данном районе играло купечество с низовьев Волги и из других мест России. Приток на костромской рынок лесоторговцев из других регионов был вызван тем, что лесные ресурсы более южных губерний страны к концу XIX в. были практически исчерпаны. Колонизация же низовьев Волги и быстро развивавшаяся русская промышленность требовали огромного количества лесоматериалов. Все это повышало экономическую выгодность разработки леса в Костромской губернии. Кроме того, лесопромышленников и торговцев лесом привлекала возможность купить дворянские лесные дачи по крайне низким ценам.

Постепенно костромские леса переходили из рук дворян в руки купцов-лесопромышленников. Так, например, лесная дача Нарышкиных в Буйском уезде была куплена товариществом «Сыновья Свешникова», а громадное имение графа Шереметева под названием «Ветлужская вотчина» перешло к Северному акционерному обществу [9, с. 33].

Следствием быстрой распродажи лесов помещиками было то, что к началу XX в. среди частных земельных собственников Костромской губернии первое место по количеству лесной площади занимали купцы, владевшие 18,6% всех лесов губернии, затем следовали дворяне — 17,2%, крестьяне — 14% и представители прочих сословий — 3,5% [9, с. 29].

Во Владимирской губернии, бывшей одним из промышленных центров России, процесс скупки земли начался раньше, чем в Костромской и Ярославской губерниях. Уже в начале пореформенного периода купеческое землевладение здесь получило значительное развитие. В дальнейшем, после того как цены на землю поднялись (а одним из способов увеличения купеческого богатства была спекуляция землей) и значительное количество лесов было вырублено, торговое сословие стало больше продавать земли, чем покупать.

В Ярославской и Костромской губерниях с их богатыми лесными ресурсами развитие купеческого землевладения происходило до начала XX в. Так, в Ярославской губернии за 1893—1903 гг. купцы скупили 37 тыс. десятин. С 1904 г. наметился резкий поворот к быстрому сокращению земельных владений купцов. За период с 1904 по 1908 г. включительно купцами было продано 28 тыс. десятин земли, т. е. $\frac{3}{4}$ того, что они приобрели за предшествующие 11 лет [6, с. 17].

В начале XX в. началась распродажа ранее купленной купцами земли и в Костромской губернии. При этом купечество получало огромные барыши. Например, московский купец Смирнов купил у княгини Гагариной 60 тыс. дес. леса в Ветлужском уезде за 2 млн рублей, а спустя несколько лет часть этого имения — 40 тыс. дес. — перепродал за 2 млн 300 тыс. рублей [4, с. 91].

Усиленная распродажа фабрикантами в начале XX в., т. е. в период промышленного кризиса, части своих активов указывает, что на земельный рынок Верхнего Поволжья в силу особенности состава его участников оказывало значительное влияние положение дел в промышленности.

За 1877—1905 гг. личное мещанское землевладение выросло в России в 1,97 раза. В Верхнем Поволжье земли мещан увеличились еще значительно —

в 2,25 раза. Самый большой рост — в 2,74 раза — наблюдался в Костромской губернии. В Ярославской и Владимирской губерниях увеличение помещичьего землевладения почти равнялось среднему показателю по стране. В первой оно увеличилось в 1,95 раза, во второй — в 1,83 раза. Следует отметить, что основная часть помещиков-землевладельцев состояла из бывших крепостных крестьян, которые при освобождении перешли в помещичье сословие. Они по-прежнему проживали в деревнях и селах, вели крестьянское хозяйство, но официально числились помещиками соседнего города [13, с. 8].

Рассмотрим более подробно изменения в землевладении крестьян. Земельные площади на правах личной собственности крестьян в 1877—1905 гг. увеличились в России в 2,28 раза. В Верхнем Поволжье этот вид землевладения вырос в 1,65 раза. В регионе наибольший рост личных крестьянских земель произошел в Костромской губернии, где они увеличились в 1,86 раза, а наименьший — во Владимирской, где данный вид землевладения вырос в 1,24 раза [20, с. 12—15]. На первый взгляд приведенные цифры свидетельствуют о том, что в пореформенный период во всех губерниях региона крестьяне менее охотно приобретали землю в личную собственность, чем в целом по стране, и здесь слабо происходил процесс формирования личной земельной собственности крестьян. Однако это не так. Ко времени первой земельной переписи доля крестьянского землевладения среди собственников всех сословий в стране составляла 6,3%, к 1905 г. она увеличилась до 15,4%. В Верхнем Поволжье уже в 1877 г. на правах личной собственности крестьяне владели от 10,0% (Костромская губерния) до 23,3% (Ярославская губерния) всех личных земель. В 1905 г. доля крестьянских земель в личном земельном фонде еще более возросла. Во Владимирской и Костромской губерниях она составила $\frac{1}{5}$ часть личных земель, а в Ярославской — $\frac{2}{5}$. Личное землевладение крестьян в Ярославской губернии было одним из наиболее крупных в Европейской России. На него приходилось 15,5% общей площади губернии. Более распространенной эта форма земельной собственности была только в Таврической губернии, где личные земли крестьян занимали 15,8% всей площади [20, с. 145]. Еще одной из отличительных особенностей в распределении земли в Ярославской губернии было то, что в начале XX в. крестьяне на правах личной собственности имели больше земли, чем дворяне. Крестьянское землевладение оказалось к этому времени главным видом личного землевладения.

Высокая доля крестьянских земель в личном землевладении была характерна не только для Верхнего Поволжья, но и для других нечерноземных губерний центра страны. В связи с этим статистики, обрабатывавшие материалы переписи 1877 г., отмечали, что «крестьяне Московской промышленной области владеют несравненно большею пропорциею личной поземельной собственности, чем крестьяне Центральной области (в первой 13%, во второй только 7%), хотя в последней крестьяне более нуждаются в земле; обстоятельство это объясняется тем, что в Московской области земли дешевле и легче сбываются владельцами, а крестьяне, благодаря развитию промышленности, выгодным заработкам и близости столицы, с большею легкостью приобретают необходимые для покупки земли капиталы» [21, с. XXII].

На активную деятельность крестьян региона на земельном рынке указывает как площадь купленной ими земли, так и отношение приобретенных земель к наделным. В табл. 2 приведены сведения о земле, приобретенной крестьянами лично и в составе крестьянских обществ и товариществ. Земли, приобретенные смешанными крестьянско-мещанскими товариществами, в учет не включены. Из данных таблицы видно, что в Верхнем Поволжье доля купленной земли в общем земельном фонде крестьян была почти вдвое большей, чем в среднем по стране. Причем по этому показателю Ярославская и Костромская губернии значительно превосходили Владимирскую. По доле купленной земли в общем земельном фонде крестьян Ярославская губерния занимала 6 место в Европейской России, а Костромская — 8. Более высокий процент в соотношении купленной земли к наделной был на юге (Донская область, Таврическая губерния) и на северо-западе страны (Новгородская, Псковская, Смоленская губернии) [20, с. 193].

Таблица 2

Крестьянское землевладение Верхнего Поволжья в 1905 г.*

Район	Надельная земля (дес.)	Личная земля (дес.)	Собствен. крест-х обществ и товарищ. (дес.)	Общая площадь купленной земли (дес.)	Вся земля (дес.)	Отношение куплен. земли к наделной в %
Владимирская губерния	2 162 546	217 890	113 353	331 278	2 493 824	15,3
Костромская губерния	2 136 373	543 581	358 871	902 452	3 038 825	42,2
Ярославская губерния	1 420 617	474 304	162 676	636 980	2 057 597	44,8
Верхнее Поволжье	5 719 536	1 235 775	634 935	1 870 710	7 590 246	32,7
Европейская Россия	138 767 587	13 214 025	11 383 358	24 597 383	163 364 970	17,7

* Источник: Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 11—14; Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып. 3. С. 10—11, 54; Вып. 30. С. 10—11; Вып. 39. С. 10—11, 48.

За счет покупки земли крестьяне Ярославской и Костромской губерний увеличили площадь своих земель более чем на 40%. Сравнение данных о количестве отрезанных земель в губерниях Верхнего Поволжья в ходе аграрных преобразований 1860-х гг. с величиной купленной крестьянами земли указывает на то, что в начале XX в. общая площадь крестьянского землевладения приблизилось к той, которой крестьяне пользовались в дореформенный период. Интересен и тот факт, что в тех местностях, где отрезки были больше, там, как правило, и доля купленной земли у крестьян была выше [1, с. 237—238, 248—249].

Купленная земля могла бы существенно улучшить земельное обеспечение крестьянских хозяйств. Однако это происходило далеко не всегда. Дело в том, что во всех губерниях Верхнего Поволжья площадь земельных участков, приобретенных крестьянами на правах личной собственности, значительно превышала земли, купленные крестьянскими обществами и товариществами. В 1905 г. на правах личной собственности крестьяне владели в Костромской губернии 60,2% всей приобретенной ими земли, во Владимирской — 65,8%, в Ярославской — 74,5%. В среднем по России на личную собственность приходилось 53,7% общей площади купленной крестьянами земли.

Земля, приобретенная крестьянами лично, концентрировалась в небольшом количестве хозяйств. В 1905 г. во Владимирской губернии купленную личную землю имели 2,4% надельных дворов, в Костромской — 5,8%, в Ярославской — 11,7% [20, с. 12—13, 96—98]. Большую часть ее приобретало зажиточное крестьянство, имевшее возможность купить 50 и более десятин. В их руках находилось: во Владимирской губернии — 70,3% личной земли, в Костромской — 69,9%, в Ярославской — 46,6%. В целом по стране данная категория землевладельцев располагала 56,8% личных крестьянских земель [20, с. 42, 44, 46, 78]. По мнению ряда исследователей, к собственно крестьянскому землевладению следует относить только владения не более 50 десятин [2, с. 65, 75; 20, с. 20]. Дело в том, что основой хозяйства в этом случае не мог быть личный труд членов крестьянской семьи, и оно принципиально ничем не отличалось от дворянских имений или других частновладельческих хозяйств. В Верхнем Поволжье встречались случаи перехода дворянских имений в полном составе в собственность отдельной крестьянской семьи. Так, в одном из «Обзоров» Ярославской губернии было написано, что помещичьи имения (в частности, в Любимском уезде) быстро переходят в руки других сословий, большей частью крестьян, но крестьян только по официальному наименованию (занятых промышленной и коммерческой деятельностью). Многие из них даже поселились в купленных ими помещичьих усадьбах [14, с. 36]. Покупка крестьянами помещичьих имений и переселение их в дворянские усадьбы встречались и в других местах региона [10, с. 7].

Крупные участки земли, приобретаемые крестьянами на правах личной собственности, как правило, имели незначительное количество культурных площадей (пашни и сенокосов) и состояли, главным образом, из лесных дач. Причем, чем больший размер имел приобретенный участок, тем меньше в нем была доля сельхозугодий. Данное положение относилось и к участкам земли, которые крестьяне покупали коллективно. В то же время во владениях, купленных крестьян-

скими обществами и товариществами, процент пашни и сенокосов был выше, чем в личных [13, с. 44—46]. Собственность крестьянских обществ и товариществ, в отличие от личной собственности, не получила широкого развития в регионе. В 1905 г. на нее приходилось от $\frac{2}{5}$ частной собственности крестьян в Костромской губернии до $\frac{1}{4}$ — в Ярославской. Следовательно, земельные участки, приобретаемые таким путем, не могли коренным образом изменить положение основной массы сельского населения. К тому же земля, покупавшаяся крестьянами вкладчину, распределялась обычно не равномерно между дворами, а «по деньгам» [8, с. 74]. Тем не менее, данный вид земельных приобретений способствовал некоторому снижению остроты земельного вопроса. На рубеже XIX—XX столетий, по данным подворных переписей 9 уездов Костромской губернии и 5 уездов Ярославской губернии, $\frac{1}{3}$ наличных крестьянских хозяйств владела купленной землей [16, с. 93, 103, 115, 125]. Влияние купленной земли на положение крестьянских хозяйств этих губерний отражено в табл. 3. Несмотря на то, что Костромская и Ярославская губернии несколько отличались по распределению крестьянских дворов по группам, в целом ситуация в них была схожей: покупка земли мало влияла на сокращение численности безземельных и малоземельных хозяйств. В то же время благодаря покупке земли в Верхнем Поволжье росла доля «сильных» крестьянских хозяйств, имевших средства для «расширения и округления недостающей площади землепользования» [22, с. 157].

Таблица 3

Группировка крестьянских хозяйств Костромской и Ярославской губерний по количеству земли на рубеже XIX—XX вв. (%)*

Категория земли	Без земли	До 5 дес.	5—10 дес.	10—15 дес.	15—20 дес.	20 и более дес.
Костромская губерния						
Надельная	15,4	10,6	36,1	24,8	8,3	4,8
Надельная и купчая	11,2	8,8	29,9	26,0	11,9	12,2
Ярославская губерния						
Надельная	11,4	22,4	42,8	17,3	6,1	
Надельная и купчая	10,1	18,5	37,1	20,3	14,0	

* Источник: *Свавицкие Н. А и З. М.* Земские подворные переписи 1880—1913 гг. Поуездные итоги. М., 1926. С. 102—105, 124—125.

Итак, даже в таком регионе, как Верхнее Поволжье, где после отмены крепостного права земельный рынок быстро развивался, а земли дворян активно ску-

пались представителями других сословий, в том числе крестьянством, это слабо способствовало решению главной проблемы российской пореформенной деревни — малоземелья основной массы сельского населения. В то же время развитие земельного рынка ускорило процесс расслоения деревни.

Литература

1. *Александров Н. М.* Аграрные преобразования 60-х гг. XIX в.: возможности и методы решения земельного вопроса (по материалам губерний Верхнего Поволжья) // Экономическая история: Ежегодник. 2010. М., 2010. С. 233—262.
2. *Анфимов А. М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881—1904. М., 1980.
3. *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX века). М., 1969.
4. *Владимирский Н.* Костромская область: Историко-экономический очерк. Кострома, 1959.
5. *Воробьев Н. И.* Обзор Костромской губернии в экономическом отношении // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1919. Вып. 12.
6. *Гуревич М.* Историко-статистический сборник по Ярославскому краю. Ярославль, 1922.
7. Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873.
8. *Дружинин П. Н.* Социально-экономическое развитие Ярославской губернии в пореформенную эпоху (1861—1900 гг.) // Очерки истории Ярославского края. Ярославль, 1974.
9. *Дюбюк Е.* Леса, лесное хозяйство и лесная промышленность // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1918.
10. *Жбанков Д. Н.* К статистике Солигаличского уезда // Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. VII. Кострома, 1887.
11. *Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX века. (Опыт количественного анализа). М., 1974.
12. Материалы для изучения современного положения землевладения и сельскохозяйственной промышленности в России. СПб., 1880. Вып. I.
13. Материалы для оценки земель Костромской губернии. Определение доходности земельных угодий. Вып. 2. Кострома, 1908.
14. Обзор Ярославской губернии. Ярославль, 1896. Вып. 2.
15. *Проскуракова Н. А.* Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX — начале XX века // История СССР. 1973. № 1.
16. *Свавицкие Н. А и З. М.* Земские подворные переписи 1880—1913 гг. Поуездные итоги. М., 1926.

17. Статистика землевладения 1905 г. Вып. 3. Владимирская губерния. СПб., 1906.
18. Статистика землевладения 1905 г. Вып. 30. Костромская губерния. СПб., 1906.
19. Статистика землевладения 1905 г. Вып. 39. Ярославская губерния. СПб., 1906.
20. Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907.
21. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. II. СПб., 1881.
22. Статистическое описание Ярославской губернии. Т. II. Вып. 2. Ярославль, 1908.
23. Статистическое описание Ярославской губернии. Т. V. Вып. 1. Ярославль, 1907.

*И. Н. Слепнёв*¹

К вопросу о сущности аграрного кризиса в России

В статье рассмотрены вопросы теории и историографии аграрного кризиса в России в конце XIX в. Особое внимание уделено характеристике конкретно-исторических признаков и последствий аграрного кризиса как кризиса товарного перепроизводства (снижение хлебных цен, рост убыточности зернового производства, реструктуризация сельского хозяйства).

Ключевые слова: аграрный кризис, хлебные цены, мировой рынок.

Вопрос о сущности аграрного кризиса конца XIX в. для нескольких поколений исследователей является дискуссионным. Аграрный кризис в традиционном его понимании — это перепроизводство сельскохозяйственной продукции, следствием которого является снижение цен и сокращение товарного производства. Безусловно, кризисные явления в сельском хозяйстве могут вызывать и события социально-политического характера, например, военные действия и революции, меры таможенного протекционизма и т. п.

Вместе с тем под «аграрным кризисом» нередко подразумеваются негативные явления в сельском хозяйстве, возникающие под воздействием природных катаклизмов, таких как обширные засухи, поздние заморозки, градобития, наводнения, ураганы и т. п. Кризисные явления в сельскохозяйственном производстве могут возникать и вследствие нашествия вредителей, болезней растений и животных и других неблагоприятных факторов.

Несмотря на схожесть последствий (падение сельскохозяйственного производства, разорение товаропроизводящих хозяйств) причины этих кризисных явлений неодинаковы. Следовательно, необходимо различать, во-первых, аграрные кризисы в классической трактовке данного понятия, как проявление рыночного закона взаимодействия спроса и предложения. Во-вторых, кризисные явления в аграрной сфере могут вызываться таможенно-протекционистской политикой государств, а также влиянием чрезвычайных социально-политических обстоя-

¹ *Слепнёв Игорь Николаевич*, кандидат исторических наук, Российский гуманитарный научный фонд, ins@rfh.ru, Россия, г. Москва.

тельств. В-третьих, кризисные состояния возникают вследствие неблагоприятных для ведения сельскохозяйственного производства природно-климатических, биологических и микробиологических условий.

Существует и четвертый подход, при котором под «аграрным кризисом» подразумевается рост крестьянского малоземелья, увеличение крестьянских повинностей, подъем крестьянского движения и т. д. В дореволюционной историко-аграрной мысли это были составные элементы имеющего обширнейшую литературу так называемого «аграрного вопроса».

Характерной чертой дореволюционной литературы было рассмотрение России в качестве неотъемлемой части мирового рынка. В этом ракурсе рассматривалась и проблематика аграрного кризиса. Данная историографическая тенденция сохранилась на протяжении целого послереволюционного десятилетия, отчетливо прослеживаясь в трудах Н. Д. Кондратьева, Л. Н. Литошенко, П. И. Ляшенко, Н. П. Макарова, А. В. Чаянова и др. [17; 19; 21; 22; 37]. С конца 1920-х гг. произошла переориентация от исследования системы мирового хозяйства и функционирования в ней отдельных стран к изучению проявлений аграрного кризиса непосредственно в России. Эта тенденция усилилась в конце 1940—1960-х гг., когда вышли в свет работы А. А. Арзуманяна, Н. А. Егиазаровой, В. А. Золотова, Л. А. Мендельсона и др. [3; 9; 11; 23]. В 1970—1980-х гг. ведущая роль среди исследователей данной проблематики перешла от экономистов к историкам. В этот период были опубликованы работы А. В. Жданкова, Т. Ф. Измestьевой, Т. М. Китаниной, А. С. Нифонтова и др., в которых подверглась специальному рассмотрению как история аграрного кризиса конца XIX в., так и отдельные связанные с ней аспекты [10; 12; 14; 28]. Расширение применения математико-статистических методов в исторических исследованиях в 1970—1980-х гг. выявило тесную зависимость внутренних российских хлебных цен от мировых [25]. В капитальной работе И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова была намечена перспектива изучения формирования рынков на разных уровнях: отдельных стран, общеевропейском и межконтинентальном [16]. В советской историографии исследованиям проблем аграрного кризиса, эволюции рыночных отношений в сельском хозяйстве и развития хлебной торговли, по-видимому, способствовал и тот факт, что по этим вопросам неоднократно высказывались «классики марксизма-ленинизма». Вместе с тем, доминирование марксистско-ленинской идеологии таило в себе постоянную опасность для исследователя оказаться объектом нападков со стороны партийных идеологов². Яркий пример тому — судьба одного из самых талантливых историков-аграрников, представителя «нового направления» в советской исторической науке А. М. Анфимова [33].

Дискуссии о сущности мирового аграрного кризиса и его проявлениях в России прошли также и в зарубежной историографии. Причем выявилось два различных подхода к исследованию кризисных явлений в аграрной сфере. Для пер-

² Интересные материалы, вскрывающие механизм партийно-идеологического давления на исследователей-аграрников помещены в документальном приложении к новейшему изданию работы Т. М. Китаниной «Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика» [15, с. 575—582].

вого из них характерна трактовка аграрного кризиса как состояния, перманентно присущего российскому сельскому хозяйству из-за тяжелых природно-климатических условий, в которых находится значительная часть сельскохозяйственного производства России. Длинную дискуссионную волну в англоязычной исторической периодике и литературе вызвала публикация статьи на эту тему американского исследователя Дж. Симмса [41; 40; 39; 42; 43].

Второй подход, который можно условно охарактеризовать как «социально-рыночный», приобрел к настоящему времени значительно больше сторонников. К их числу можно отнести П. Грегори, С. Мерля, С. Хока и др. [5; 24; 36]. Основное внимание сторонники данного подхода уделяют исследованию уровня жизни российского крестьянства. По результатам их исследований, углубленных и развитых российскими учеными (Б. Н. Миронов и др.), кризисные явления в экономике не сказывались на уровне жизни российского крестьянства. Напротив, полагает Б. Н. Миронов, анализ антропометрических данных свидетельствует о росте уровня жизни крестьян [26].

Парадоксальность этого вывода требует более пристального внимания к специфике влияния аграрного кризиса на полунатуральное крестьянское хозяйство и большего акцента на региональных особенностях. В определенной степени данные исследования усилили тенденцию к принципиальному отрицанию наличия кризисных явлений в сельском хозяйстве дореволюционной России и вызвали острую дискуссию в среде историков [26; 27].

Преодолению скептицизма исследователей в отношении изучения истории кризисных явлений в экономике способствовал, безусловно, современный мировой экономический кризис. Значительно возросла активность обращения историков к исследованию зернового производства, развития внутренней и внешней хлебной торговли, процессов складывания локальных и всероссийского рынков, темы аграрного кризиса (Х. Ю. Бейлькин, М. А. Давыдов, И. В. Дерюгина, В. Г. Растяников, М. И. Роднов, Н. Л. Рогалина, Н. Ф. Тагилова и др.) [4; 6; 30; 31; 32; 35]. Статья об аграрном кризисе конца XIX в. включена в энциклопедию «Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.)» [38]. Заметным явлением стало переиздание фундаментальной монографии Т. М. Китаниной о хлебной торговле, значительно расширенное и выполненное с учетом новейшей историографии³ [15]. Появлению исследовательских работ, безусловно, способствует и сложившаяся уникальная ситуация: в XXI в. Россия впервые за целый ряд десятилетий начинает выступать в роли одного из ведущих поставщиков зерна на мировой рынок.

Учитывая то обстоятельство, что главным признаком мирового аграрного кризиса конца XIX в. было падение цен на хлеб, на основе имеющихся исследований по данной проблематике попытаемся охарактеризовать ход, последствия и причины преодоления аграрного кризиса в России. В таком контексте мы будем рассматривать аграрный кризис как полосу снижения доходности, стагнации и роста убыточ-

³ В документальном приложении к монографии помещен подготовленный в разгар аграрного кризиса всеподданнейший доклад министра финансов С. Ю. Витте, датированный 9 декабря 1894 г. Анализируя причины и ход аграрного кризиса, Витте охарактеризовал падение хлебных цен как «выдающееся явление в современной экономической жизни всего мира» [15, с. 409].

ности сельскохозяйственного производства вследствие падения цен на его продукцию. Подчеркнем, что кризис в России был составной частью мирового аграрного кризиса и этот факт является главной методологической установкой при подходе к исследованию аграрного кризиса как кризиса товарного перепроизводства.

При этом следует принять во внимание, что одной из основных причин резкого падения хлебных цен стала техническая революция в сфере транспорта. Снижение транспортных издержек в результате развития железнодорожного и морского парового транспорта открыло рынки промышленно развитых стран Европы для относительно дешевой продукции сельского хозяйства России, США, Аргентины, Индии, Канады, Австралии и др. Показательно, что за полтора предшествовавших кризису десятилетия общая длина железных дорог в мире возросла почти в три раза — со 108 тыс. км в 1860 г. до 294 тыс. км в 1875 г. Особую роль в развитии сельскохозяйственного производства России сыграл подъем железнодорожного строительства в конце 60-х — первой половине 70-х гг. XIX в. Среднегодовой прирост длины железных дорог в 1865—1875 гг. составлял 1,5 тыс. км [15, с. 69]. Железнодорожный транспорт явился мощным фактором, вызвавшим ускоренное формирование всероссийского аграрного рынка как составной части мировой рыночной экономики. Доля хлебных грузов составляла 31,8% в 1878 г. и 27,6% в 1884—1893 гг. от объема всех железнодорожных перевозок [15, с. 69]. В общем же объеме железнодорожных и водных хлебных перевозок доля перевозимого по железным дорогам хлеба непрерывно возрастала, достигнув в 1876 г. 64%, а в 1899 г. — 76,5% [14, с. 58].

Железнодорожный транспорт, ликвидировав полуфеодалную замкнутость сельскохозяйственных районов России и усиливая товарно-денежные отношения, обусловил растущую зависимость сельского хозяйства от мирового аграрного кризиса. Показателем вовлеченности России в мировой рынок являлся механизм формирования цены на хлеб, которая, как было доказано Б. Н. Мироновым, складывалась на основе разности между хлебными ценами в ближайшем порту и стоимостью провоза до него из данной местности [25, с. 161].

Факторы состояния внутреннего рынка начинали играть заметную роль лишь в неурожайные годы. Поэтому удешевление перевозки хлеба, вызванное железнодорожным строительством, усиливало конкурентоспособность русского хлеба на западноевропейских рынках и вовлекало в экспортную деятельность новые районы России. Рост российского вывоза происходил за счет расширения посевов зерновых в плодородных южных районах и увеличения валового сбора урожая. По сравнению с 1886—1890 гг. среднегодовой сбор зерна в 1891—1895 гг. увеличился на 11,3%, в 1896—1900 гг. — на 21,8% [1, с. 21].

Другим источником форсирования экспорта было низкое потребление продовольствия населением. Несмотря на то, что Россия являлась одним из крупнейших экспортеров зерна⁴, средняя урожайность и потребление хлеба на душу населения России, как и уровень животноводства, были ниже, чем в других

⁴ По данным специальной правительственной Комиссии, возглавлявшейся В. К. Плеве, доля России в мировом хлебном экспорте составляла 35,8%, превышая вывоз главного соперника — США на 0,6% (см.: Доклад председателя высочайше учрежденной в 1888 г. Комиссии по поводу падения цен на сельскохозяйственные произведения в пятилетие (1883—1887). СПб., 1892. С. 19).

странах, как экспортировавших, так и импортировавших зерно. В 1895—1904 гг. средний сбор ржи в России составлял 48 пуд. с десятины, тогда как в Германии и Швеции — 94, Голландии — 100, Франции — 73, США — 62 пуда с десятины [2, с. 193]. В конце XIX в. количество чистого, без семян, остатка хлеба и картофеля на душу населения Европейской России было 29,3 пуда, в других странах-экспортерах — США, Аргентине и Британской Индии соответственно 140; 66,1 и 35 пудов, в странах-импортерах — Англии, Франции, Германии, Швеции соответственно 73,3; 66,7; 64,3; 41,3 пудов. Среднее потребление хлеба и картофеля в России за 1883—1898 гг. составило 18,8 пудов на душу населения (в неурожайные годы 13—14, в лучшие годы до 25 пудов). В других странах среднегодовое потребление хлеба и картофеля достигало 20—25 пудов в год [20, с. 222]. Остальное количество продовольствия использовалось для развития животноводства и шло на экспорт.

Увеличение предложения неизбежно вело к снижению цен на зерно и зарождению сельскохозяйственного кризиса. Заметное снижение цен в России началось с 1881 г. С этого времени большинство исследователей начинают периодизацию аграрного кризиса в России. Его начало усугубило усиление конкуренции российскому зерну на рынках Англии, Германии, Италии и Франции со стороны других стран-экспортеров. Сказались также меры аграрного протекционизма европейских стран, мировой промышленный кризис 1882 г. и последовавшая за ним депрессия. Спорадически повышаясь вследствие неурожаев и изменения конъюнктуры мирового рынка, хлебные цены в России упали к 1894—1895 гг. вдвое: рожь в 1881 г. стоила 98 коп. за пуд, в 1894 г. — 41; озимая пшеница в 1883 г. — 109 коп. за пуд, в 1894 г. — 51 коп. за пуд [9, с. 71; 2, с. 196].

Аграрный кризис в России имел два пика: 1887 г. и 1894—1895 гг. [9, с. 71]. В 1887 г. почти повсеместно стало убыточным производство ржи — самой распространенной (до $\frac{2}{5}$ всех посевов) зерновой культуры у крестьян. В средней и восточной частях Центрально-Черноземного района цена ржи падала в 5 и более раз (со 100 коп. до 20, местами даже до 18—12 коп. за пуд) [9, с. 72]. Такая низкая цена держалась месяцами. Убыток от производства ржи в северных черноземных губерниях (Курской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской) достигал от 1 до 15 руб. с десятины, в среднечерноземных губерниях (в Воронежской, в мелких хозяйствах Полтавской и Харьковской) — 2—9 руб., в восточных и юго-восточных губерниях (Казанской, Самарской, Саратовской и Симбирской) — от 3 до 11 руб. убытка с 1 дес. ржи. В Привислинском крае, средневожских и заволжских губерниях (Вятской, Нижегородской, Пермской) доходы от реализации ржи не компенсировали затрат на ее производство [15, с. 40—41]. Только в южных степных губерниях (Таврической, Херсонской, отчасти Бессарабской и Области Войска Донского) рожь давала прибыль от 4 до 6 руб., пшеница — от 7 до 27 руб. с десятины [9, с. 81].

Одним из следствий падения цен и одновременно одной из его причин было затоваривание. С 1883 по 1887 г. нереализованная масса ржи увеличилась на 28%, пшеницы — на 28,9%, овса — на 7,9%, ячменя — на 14,3% [9, с. 81]. В 1894—1896 гг. аграрный кризис достиг максимума, сделав убыточным производство не только

серых хлебов, но и пшеницы. К 19 октября 1896 г. со станций русских железных дорог не было вывезено свыше 28380 вагонов хлеба. Причем более 50% вагонов (14242) с хлебом находилось на юго-восточных железных дорогах, перевозивших грузы из огромного региона, включавшего Среднее и Нижнее Поволжье, Центрально-Черноземный район и Левобережную Украину [9, с. 109].

Под воздействием развития товарно-денежных отношений и падения хлебных цен ускорялась территориальная и отраслевая специализация сельского хозяйства России. По подсчетам А. В. Жданкова, за годы аграрного кризиса площадь посевов ржи сократилась в Центрально-Черноземном на 10%, Средневожском — на 5%, Нижневожском, Центральном Промышленном районах и на Левобережной Украине — на 9% [10, с. 20]. Уменьшение площадей пшеницы произошло по Центральному Промышленному району на 22%, Центрально-Черноземному — на 11%, Приуральскому — на 9%, Юго-Восточному — на 7%, Северному и Западному на 4% [10, с. 20].

Таким образом, наиболее серьезно аграрный кризис затронул зерновое хозяйство Центрально-Черноземного и Центрального Промышленного районов, где произошло сокращение посевов и пшеницы, и ржи. Под влиянием кризиса посевы хлебов по 50 губерниям Европейской России сократились в 1895 г. почти на 2,5 млн дес. к площади 1881 г. [9, с. 137]. Одновременно росло производство картофеля, посевы которого по 50 губерниям Европейской России увеличились за 1881—1895 гг. на 880 млн дес. — с 1,274 млн до 2,154 млн десятин [29, с. 152]. В процентном отношении расширение площадей под картофелем за указанный период составило 69%. Значительно увеличились посевы технических культур (сахарной свеклы, табака и др.).

Как уже отмечалось, главной причиной аграрного кризиса конца XIX в. стало снижение цен на зерно. Напротив, цены на мясо колебались в сторону повышения. В своей совокупности эти факторы способствовали развитию животноводства. В губерниях Европейской России численность скота в пересчете на крупный рогатый скот с 1882 по 1895 г. возросла на 26,1%, с 1895 по 1900 г. — на 29%, превысив темпы прироста населения⁵ [8, с. 32]. Пик развития скотоводства пришелся на 1896—1898 гг.: в расчете на 100 человек населения в те годы насчитывалось 61,5 голов крупного рогатого скота⁶. Районами товарного скотоводства были Северный, Приуральский, Прибалтийский, Литовско-Белорусский и Южный степной. Вместе с тем, в овцеводческих районах (Средневожском, Юго-Восточном, Южном степном, кроме Предкавказья) с проведением железных дорог овцеводство сократилось вследствие удорожания и распашки земли. Свиноводство развивалось в Прибалтике, Белоруссии, Украине и черноземной полосе России [7, с. 218].

Крупные многоотраслевые помещичьи хозяйства легче переносили аграрный кризис путем увеличения посевов технических культур, развития винокурения,

⁵ В пересчете на крупный рогатый скот (при расчете свиньи учитывались в пропорции 1:3, овцы — 1:10).

⁶ Затем последовало медленное, но неуклонное снижение. В 1913 г. уровень обеспеченности скотом упал ниже уровня 1894—1895 гг. [13].

переквалификации на животноводство, интенсификации производства. Разорвалась масса мелких и средних поместий. Так, например, в 1895 г. в Курской губернии было продано 88,6% мелких и средних поместий, в Екатеринославской — 70,4%, в Саратовской — 61,4% [23, с. 119].

В отягченных крепостническими пережитками старопахенных районах под давлением аграрного кризиса происходил возврат к рутинным способам производства (отработкам, исполющине, издольщине). С 1888—1890 по 1896—1900 гг. удельный вес хозяйств, сдающих землю исполю, возрос с 39 до 51% [23, с. 119, 171]. Наоборот, в районах ускоренного капиталистического развития шире использовался труд батраков, применялись сельскохозяйственные машины и удобрения.

В годы аграрного кризиса помещичье землевладение сократилось почти на четверть. Однако, несмотря на сокращение землевладения, оценка земель дворянства Европейской России увеличилась в 1895 г. на 12,7% по сравнению с оценкой 1887 г. [1, с. 358]. Таким образом, несмотря на кризисные явления в помещичьем хозяйстве, во владении дворян остались наиболее ценные земли.

После пика аграрного кризиса 1894—1895 гг. проявились положительные тенденции: с 1896 г. цены на зерно стали расти и к началу XX в. кризис был преодолен.

Затяжной характер аграрного кризиса обусловливался экстенсивным типом мирового сельскохозяйственного производства. Отягощенные рентными и другими фиксированными платежами районы старого земледелия с трудом приспосабливались к новым стоимостным отношениям. В России наличие массы дешевой рабочей силы, рост кредитной задолженности сдерживали интенсификацию сельского хозяйства. Российское крестьянство в условиях малоземелья, при давлении налогами и платежами вело слабоинтенсивное монокультурное хозяйство. Затрудняли выход из аграрного кризиса неблагоприятное соотношение промышленных и сельскохозяйственных цен, слабая покупательная способность населения, ограниченность внутреннего рынка России.

Как показано в ряде специальных исследований, выход России из аграрного кризиса был обусловлен общими процессами в мировом сельскохозяйственном производстве. Резко сократилось вовлечение в сельскохозяйственный оборот новых территорий, выросла абсолютная рента на освоенных землях, расширились внутренние рынки стран-экспортеров зерна, происходила как отраслевая, так и территориальная специализация сельского хозяйства. Стабилизирующее воздействие оказал промышленный подъем в России в 1890-е гг. Повышению хлебных цен способствовали увеличение добычи золота и развитие денежного обращения. Упрочивалась хлебная торговля в результате государственного регулирования железнодорожных тарифов, создания сети элеваторов и специализированных хлебных бирж.

Обращаясь к современности, можно констатировать, что выход страны на позиции одного из ведущих экспортеров зерна внушает определенный оптимизм при взгляде на будущность отечественного аграрного производства. Вместе с тем, более отчетливо определяются перспективы исследований российской экономики рубежа XIX—XX вв. в качестве составной части мировой экономической системы.

Литература

1. *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России. (Конец XIX — начало XX века). М., 1969.
2. *Анфимов А. М.* Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881—1904. М., 1980.
3. *Арзуманян А. А.* Аграрный кризис 80—90-х годов XIX в. в России // Арзуманян А. А. Экономические проблемы общественного развития. Избранные труды. М., 1968.
4. *Бейлькин Х. Ю.* Аграрный кризис конца XIX века и структурная реконструкция сельского хозяйства Беларуси. Минск, 2001.
5. *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003.
6. *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., 2010.
7. *Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В.* Историческая география СССР. М., 1973.
8. *Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа. М., 1963.
9. *Егиазарова Н. А.* Аграрный кризис конца XIX в. в России. М., 1959.
10. *Жданков А. В.* Изменение условий сельскохозяйственного производства в Европейской России конца XIX в. под влиянием аграрного кризиса. Л., 1976.
11. *Золотов В. А.* Хлебный экспорт России через порты Черного и Азовского морей в 60—90-е годы XIX века. Ростов-на-Дону, 1966.
12. *Изместьева Т. Ф.* Россия в системе европейского рынка. Конец XIX — начало XX в. (опыт количественного анализа). М., 1991.
13. *Карнаухова Е. С.* Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860—1914). М., 1951.
14. *Китанина Т. М.* Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. М., 1978.
15. *Китанина Т. М.* Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011.
16. *Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974.
17. *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.
18. *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3.
19. *Литошенко Л. Н.* Социализация земли в России. Новосибирск, 2001.
20. *Лохтин П.* Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. СПб., 1901.
21. *Лященко П. И.* Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. К изучению основных тенденций мирового рынка. М., 1927.
22. *Макаров Н. П.* Зерновое хозяйство Америки. М., 1924.
23. *Мендельсон Л. А.* Теория и история экономических кризисов и циклов. Т. 2. М., 1959.

24. Мерль Ст. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе: Ожидания и реальность // Отечественная история. 1998. № 1. С. 97—117.
25. Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII—XIX вв.). Л., 1985.
26. Миронов Б. Н. Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С. Ю. Витте и благосостояние населения в 1890—1905 гг. по антропометрическим данным // Экономическая история: Ежегодник 2001. М., 2002.
27. Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005.
28. Нифонтов А. С. Зерновое производство в России во второй половине XIX века. М., 1974.
29. Радциг А. Влияние железных дорог на сельское хозяйство, промышленность и торговлю. СПб., 1896.
30. Растянников В. Г., Дерюгина И. В. Урожайность хлебов в России 1795—2007. М., 2009.
31. Rogalina H. L. Аграрный кризис в российской деревне начала XX века // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 10—22.
32. Роднов М. И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX — начале XX вв.). Уфа, 2012.
33. Россия сельская. XIX — начало XX века. М., 2004.
34. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.
35. Тагирова Н. Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX — начало XX вв.). М., 1999.
36. Хок С. Л. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России. 1861—1914 годы // Отечественная история. 1996. № 2. С. 28—54.
37. Чайнов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989.
38. Экономическая история России (с древнейших времен до 1917г.): Энциклопедия: в 2 т. М., 2008—2009.
39. Gregory P. R. Grain marketing and peasant consumption, Russia, 1885—1913. Explorations in Economic History, 1980, № 17, pp. 135—164.
40. Hamburg G. M. The crisis in Russian agriculture: a comment. Slavic Review, 1978, № 37, pp. 480—490.
41. Simms, J. Y. The Crisis in Russian Agriculture at the End of Nineteenth Century: A Different View. Slavic Review, 1977, № 36, pp. 377—398.
42. Simms, J. Y. The crop failure of 1891: soil exhaustion, technological backwardness and Russia's agrarian crisis. Slavic Review, 1982. № 41, pp. 236—250.
43. Wheatcroft S. G. Crisis and the condition of the peasantry in late imperial Russia, in Kingston-Mann, Mixter, Peasant economy, culture, and politics of European Russia, 1800—1921, Princeton, 1991, pp. 128—172.

*В. Н. Никулин*¹

Судовые промыслы крестьян северо-западных губерний России (конец XIX — начало XX в.)

В статье рассмотрено состояние одного из крупнейших промыслов крестьян северо-западного региона Российской империи на рубеже XIX—XX вв. Особое внимание уделено характеристике крестьянского судостроения. Описано участие крестьян в различных работах в период летней навигации по рекам и каналам. Определено место судовых заработков в бюджете крестьянских хозяйств.

Ключевые слова: северо-западные губернии, крестьянские промыслы, судостроение, навигация, бюджет.

Климатические условия трех северо-западных губерний России: Новгородской, Санкт-Петербургской и Псковской отличались умеренно теплым летом и продолжительной, неустойчивой зимой с частыми оттепелями. В весенние месяцы повышение температурного режима от 0° до 10° происходило в среднем за 45 суток. Осенью понижение температуры от 10° до 0° происходило в среднем за 55 дней. Климатическое лето начиналось с первой декады апреля и продолжалось до конца октября, т. е. в среднем 205—220 дней. Однако частые заморозки в конце мая и даже в первой декаде июня крайне отрицательно сказывались на земледельческих усилиях крестьян.

Почва северо-западного региона характеризовалась разнообразием, что было обусловлено особенностями рельефа и почвообразующих пород. Многообразием отличались условия увлажнения почвы, стока и уровня стояния грунтовых вод. На всей территории губерний широко были представлены подзолистые, глинистые и суглинистые, а также болотистые почвы. В таких природно-географических условиях одно земледелие, как правило, не только не могло дать крестьянину необходимые средства для существования и развития хозяйства, но даже «хлеба насущного» в прямом значении слова. Как отмечали земские исследователи,

¹ *Никулин Валерий Николаевич*, доктор исторических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, nikuliny@mail.ru, Россия, г. Калининград.

«широкое развитие промысловой деятельности населения является неизбежным следствием такого положения вещей» [12, с. 216].

Скудость земли и суровые природные условия издавна вынуждали крестьян прибегать к неземледельческим занятиям, способствовали развитию промыслов, нередко оттеснявших земледелие на второй план. Промыслы являлись важным компонентом крестьянского хозяйства, выступали как фактор, влиявший на производственное функционирование крестьянского двора. В земских исследованиях отмечалось, что при использовании 3-польной системы и посеве ржи на личную душу земледелие «не только не может обеспечить существования семьи с обязательными для нее всякого рода повинностями и платежами, но не может доставить земледельцу даже необходимого количества хлеба» [13, с. 211]. В этих обстоятельствах промыслы переставали быть простым подспорьем для крестьянского хозяйства и становились нередко главным источником для существования земледельцев. Эта тенденция была замечена современниками. «Занятие одним сельским хозяйством не всегда и не везде обеспечивало крестьянство, — писал известный исследователь крестьянской жизни Н. В. Пономарев, — поэтому во многих местностях России, особенно при малоземелье и скудости почвы, крестьяне в свободное от полевых работ время занимались с промышленной целью различными домашними («кустарными») ремеслами. Эти занятия давали населению в общей сложности значительный заработок, служивший подспорьем, а иногда даже единственным средством для существования крестьянской семьи» [2, с. 3].

Присущие природно-географической среде Северо-Запада России особенности — выход к побережью Ладожского озера и Финского залива, густая сеть рек и озер, большие массивы леса — оказали решающее влияние на становление и развитие отдельных промыслов крестьян региона. Среди промыслов, получивших широкое распространение во всех 3-х северо-западных губерниях империи, были судовые, состоявшие из нескольких достаточно самостоятельных промысловых занятий, включавших строительство речных судов различного назначения, работу на судах по найму и конную тягу судов по каналам в период навигации. Об этих занятиях крестьян и пойдет речь в статье.

По данным губернской земской управы практически во всех уездах Новгородской губернии в большей или меньшей степени было распространено судостроение, которым занималось около 5 тыс. человек [15, с. 4].

В Белозерском уезде строили суда крестьяне Барановской, Гавринской и Красковской волостей, расположенных по рекам Андога, Колпа и Суда. Постройкой барок² для сплава теса занимались 43 человека в Антушевской волости и главным образом в Гавринской волости. На реке Шола в пределах Гавринской волости находилось два лесопильных завода, принадлежавших купцу Д. Полежаеву. Заготовленный на этих заводах тес отправляли судами по Шоле до ее впадения в реку Ковжу. Это создало условия для появления и развития судового промысла. Барки изготавливались крестьянами зимой. Построенная барка оценивалась

² Барка — речное несамоходное грузовое судно, грузоподъемностью до 8 тыс. пуд. (128 т), буксируемое с помощью конной тяги.

в 200 рублей. При изготовлении барки распиловка леса обходилась крестьянам в 30 руб., конопачение — в 40 рублей. В течение зимы 2 работника могли сделать одну барку, следовательно, на одного работника приходилось 65 руб. заработка в сезон [6, с. 171—172].

Тягой судов промышляли крестьяне Семеновской и Чуриновской волостей Белозерского уезда, расположенных вдоль Белозерского канала. В орбиту промысла было втянуто свыше 1300 крестьян в период с 1 мая до конца навигации. Промысел был хорошо организован. Крестьяне, нанявшиеся для тяги судов, из своей среды выбирали «ватамана» и заключали договор с судовладельцем об условиях работы и оплаты. При канале существовала контора, которая с помощью нарочных ставила в известность то или иное селение, из которого должны были прибыть к каналу погонщики с лошадьми. В каждом селе составлялся список домохозяев, с указанием количества лошадей у каждого. Крестьяне разбивались на партии («череды»). Тяга судна в два конца длилась 7—8 дней, поэтому в период навигации каждый крестьянин успевал сделать по 8—10 рейсов. Чистый доход от каждого рейса составлял не менее 3-х рублей. Современники отмечали негативные последствия этого промысла для сельского хозяйства, когда часто уходивший на проводку судов крестьянин обрабатывал свою пашню «кой как, урывками, не во время», что сказывалось на урожайности крестьянского поля [6, с. 171].

Крестьяне Боровичского уезда строили челны, лодки и барки, так называемые «боровички». Изготовленные суда сбывались на месте потребителям. Возник промысел благодаря близости лесопильного завода. В селениях Островской волости Чагетма и Ушаково промысел являлся главным занятием, которым население занималось 8 месяцев в году. По существу этот промысел кормил крестьян [14, с. 18].

В деревне Целяево Боровичского уезда, состоявшей из 20 дворов, в которых проживало 40 ревизских душ, почти все крестьяне изготавливали осинового челны («долбушки»). Прежде крестьяне работали дома, поскольку крупные осинового деревья росли поблизости. С годами по мере истребления старых лесов промысел фактически стал отхожим. Крестьяне уходили с осени верст за 45 (в пределах Боровичского уезда), где покупали на корню сохранившиеся в помещичьих лесах толстомерные осинового деревья. Там же в лесу в течение зимы они занимались изготовлением челнов. Затем перевозили челны на лошадях к реке Шексне и спускали по весне вниз по течению верст на 70, где и продавали. Челн, изготовленный из осины, поднимал 6 человек и стоил 5—6 рублей. По мнению челночных мастеров раньше, когда не надо было уходить далеко и надолго из дома, промысел был очень прибыльным, теперь же «мало выгоды в далекой ходьбе» [17, с. 362].

В Кирилловском уезде строили суда крестьяне Покровской, Островской, Петропавловской и Монастырской волостей. Здесь насчитывалось до 500 работников, занятых судостроительным промыслом. За сезон они сооружали 350—420 судов. Промысел характеризовался увеличением количества судостроителей и имел положительную динамику [23, с. 16]. Особенную активность в строительстве судов проявляли крестьяне, жившие по берегам рек Сизьма и Славянка, впадающих в реку Шексну. Материал для строительства судов крестьяне покупали

у удельного ведомства или частных лесовладельцев по достаточно высоким ценам. Изготавливали 6 видов судов: полулодки, тихвинки, берлины, унжаки, мариинки и полубарки³. Суда первых 3-х типов имели тщательную отделку, строились прочно — с железными связями на железных гвоздях. Кроме того, они имели палубу, предохранявшую товар от дождя [23, с. 14].

На строительство каждого судна, в зависимости от его размеров, становились от 5 до 15 человек. Работали в сутки по 10—12 часов. Каждый рабочий за сезон зарабатывал 40—45 руб. чистого дохода. Все суда, построенные на мелких реках, попадали на реку Шексну, а затем сплавлялись до Рыбинска, где их продавали: полулодка стоила 2000 руб.; берлина — 2000—2200 руб.; тихвинка — 1200 руб.; мариинка — 700 руб.; унжак — 500 руб.; полубарка — 350 рублей. Грузоподъемность построенных судов характеризовалась следующими цифрами: полулодка и берлина брали на борт по 20 тыс. пуд. (320 т) груза; тихвинка — 12—15 тыс. пуд. (192—240 т); мариинка и унжак — 20 тыс. пуд. (320 т); полубарка — 12—15 тыс. пудов (192—240 т) [23, с. 15—16].

Строительство барок для перевозки дров издавна существовало в приречных волостях Крестецкого уезда: Каевской, Карпиногорской, Крестецкой и Усть-Волменской. Постройка барок длилась с осени до весны, до вскрытия рек, всего около 6 месяцев. Существовали разные условия работы: с вывозкой материала заказчика, цена за которую зависела от расстояния; без вывозки, только одна работа. Если строительство барки осуществлялось с вывозкой лесного материала, то первоначально в нем участвовали 4 рабочих при 2 лошадях, которые вывозили материал, а заканчивали работу 2 рабочих. Без доставки материала барку строили, как правило, 2 человека. Размеры строившихся в уезде барок были почти одинаковыми, поскольку все они предназначались для транспортировки дров. Средняя стоимость построенной за 60 дней барки составляла 65—70 рублей. Готовые барки большего размера: длиной — 19 сажень⁴ (около 38 м), шириной — 4 саж. (8 м), высотой — 1 саж. (2 м) продавали за 200 рублей. В отдельных случаях крестьяне изготавливали барки из своего материала, приобретенного в удельных либо помещичьих лесных дачах [5, с. 113].

В Крестецком уезде рабочими на барках ходили крестьяне селений, расположенных по берегам рек Мсты и Хубы. Рабочий на судне, питавшийся за счет хозяина, получал от 15 до 23 руб. за один рейс. За весь сезон — с апреля по сентябрь — заработок рабочего составлял 70—80 рублей [5, с. 113].

³ *Полулодка* — деревянное речное палубное судно, предназначенное для перевозки хлеба, цемента, кирпича и угля, грузоподъемностью 10—23 тыс. пудов (160—368 т); *тихвинка* — несамоходное деревянное речное судно, грузоподъемностью 6—22 тыс. пудов (192—352 т). Были широко распространены из-за высокой прочности корпуса и легкости хода; *берлина* — несамоходное деревянное речное и озерное судно, похожее на баржу, и грузоподъемностью 12—22 тыс. пудов (192—352 т); *унжак* — речное деревянное грузовое плоскодонное судно в XIX—XX вв., грузоподъемностью 7—17 тыс. пуд. (112—272 т). Обычно строилось на одну навигацию или плавание, а затем продавалось на дрова, экипаж — 3 человека; *мариинка* — речное беспалубное плоскодонное судно, грузоподъемностью 17—20 тыс. пуд. (272—320 т), использовалось для перевозки грузов по Мариинской водной системе; *полубарка* — речное судно того же устройства, что и барка, но меньших размеров.

⁴ *Сажень* — мера длины, 2,1 м.

В Устюжском уезде судостроительным промыслом занимались только крестьяне Чирецкой волости. Они изготавливали различных размеров и назначения лодки и сбывали их в Рыбинске и Петербурге через скупщиков [14, с. 18].

Судостроением в Череповецком уезде занимались крестьяне, издавна жившие по рекам Андоге, Мологе, Суде, Шексне и Шулке. Промыслом занималось почти все население Андогской волости, а также крестьяне Нелазской, Федото-Раменской, Шухтовской и др. волостей. Занимались судостроением, как правило, экономически слабые крестьяне в зимний период. Строительство судов для таких крестьян являлось главным занятием в деле добывания средств к жизни, так как своего хлеба у них почти не было. Промыслом крестьяне занимались в своей деревне или в местах судостроения с 1 октября до вскрытия рек. Отдельные крестьяне работали дольше, за исключением только пахоты и покоса. Крестьяне строили полулодки, барки, «мариинки» и баржи небольших размеров. Барки предназначались для погрузки теса и поэтому не требовали чистоты отделки. Полулодки предназначались для перевозки хлеба и поэтому строились с лучшей отделкой. Постройка судов от закладки до спуска на воду требовала от работавших большого умения, передававшегося от отцов и дедов. Суда строились по заказу череповецких судовладельцев, которые заключали нотариальные договоры на постройку с особыми подрядчиками — судостроителями из местных крестьян. Подрядчик брал за постройку барки из материала заказчика 350 руб., а за постройку полулодки 1500—1800 рублей. Каждый подрядчик нанимал для постройки 1-й барки 3-х, а полулодки 10—14 плотников-судостроителей и кроме того возчиков, пильщиков и конопатчиков. Плотники заготавливали бревна в лесу, в некоторых случаях сплавляли изготовленное судно к условленному месту. Заработная плата определялась сдельно, посезонно и поденно и находилась в зависимости от того, работают крестьяне на своем хлебе или хозяйском. В Федото-Раменской волости плата за сезон хорошему плотнику-судостроителю составляла 80 руб., а среднему — 40—60 руб. на своих харчах. Заработок подрядчика равнялся 280—420 руб. с судна. Расчет производился постепенно в процессе работы, а окончательный — при сдаче судна. Спрос на рабочие руки для судостроителей различался по годам [25, с. 50—51].

В Череповецком уезде судостроение было также развито в волостях, лежащих по берегам рек Ковжа, Кумсора, Шумпа и Шухтовка. Все эти реки являлись сплавными, по их берегам находился лес, они были притоками реки Шексны. Строительство судов начиналось в первых числах октября. Строили полулодки и «мариинки». На изготовление полулодки расходовалось материала на 600 руб., а «мариинки» — 150—180 рублей. При строительстве полулодки использовался труд 12—15 человек, которым платили 800—1200 руб.; при строительстве «мариинки» — 8—10 человек, плата которым составляла 250—320 рублей. Полулодок и «мариинок» в каждый судостроительный период изготавливали от 100 до 120 штук. Раньше изготавливали больше, но строительство Рыбинско-Бологовской железной дороги резко сократило спрос на речные суда и негативно сказалось на состоянии судостроения в Череповецком уезде. В начале навигации построенные суда спускались по Шексне до Рыбинска, где их продавали: полулодки —

1500—1800 руб., «мариинки» 400—500 рублей. Суда загружали хлебом и отправляли по Мариинской системе до Петербурга. Полулодка брала груз до 22 тыс. пуд. (352 т), а «мариинка» — до 18 тыс. пудов (288 т) [23, с. 10—11, 13].

В Псковской губернии в конце 1880-х гг. производство различных судов было сосредоточено в Великолуцком (57 чел.), Торопецком (17 чел.) и Холмском (416 чел.) уездах [18, с. 149]. В Великолуцком уезде крестьяне Лосевской, Максимовской и Овсищской волостей по сложившейся давней традиции изготавливали из осины долбленные челны [22, с. 9]. Аналогичная продукция выходила из-под пил и топоров крестьян Торопецкого уезда.

Центром судостроительного промысла в губернии являлся Холмский уезд, в котором было сосредоточено основное производство речных судов различного назначения. Современники относили изготовление барок, называвшихся в уезде по-разному в зависимости от перевозимого груза: овсянка, дровянка и пр., к числу «выдающихся древодельных промыслов» [20, с. 24].

Производством барок в уезде в начале XX в. занималось свыше 660 крестьянских хозяйств, что составляло 32,2% от числа всех крестьянских дворов в уезде, занимавшихся каким-либо промыслом. Для 300 крестьянских семей этот промысел был наследственным делом и велся с незапамятных времен [1, с. 134—135, 138; 3, с. 12, 24, 27]. Основная масса судостроителей была сосредоточена в Галибицкой, Зуевской, Ильинской, Немчиновской и Троицкой волостях. Производством барок, лодок и челнов занималось 45,6% крестьянских хозяйств Зуевской, 27,5% — Ильинской и 18,6% — Галибицкой волостей [3, с. 14, 16; 22, с. 20]. В других волостях судостроением занимались отдельные крестьянские дворы. За зимний период крестьяне изготавливали судов различного типа и назначения на сумму 86—90 тыс. рублей. Работа велась небольшими артелями из 6 человек. Артель за 2—3 месяца сезонной работы получала 180—200 рублей [16, с. 143—144]. Средний заработок одного работника составлял 66,6 рубля [3, с. 36].

Изготовленные барки крестьяне сбывали почти исключительно крупным лесоторговцам на месте и в городе Холм. Нагруженные лесом и дровами эти суда шли в Петербург. Челны, изготовленные мастерами-лодочниками Великолуцкого, Торопецкого и Холмского уездов реализовывались в пределах Псковской губернии местным жителям [3, с. 33]. Основной контингент покупателей составляли крестьяне, промышлявшие рыбной ловлей. Известный исследователь крестьянской жизни А. А. Рыбников относил работу псковских барочников, преимущественно Холмского уезда, к крупной домашней промышленности [3, с. 41].

Постройка барок для сплава леса, а раньше и овса, по реке Ловать к Петербургу занимала промежуточное положение между кустарной деревообрабатывающей промышленностью и лесными промыслами. Промыслом занимались крестьянские семьи в местности, расположенной по рекам Кунья и Ловать в волостях Холмского уезда — Галибицкой (84 дв.), Зуевской (433 дв.), Ильинской (70 дв.), Троицкой (9 дв.) и Баранецко-Озерецкой волости (4 дв.), входившей в состав Торопецкого уезда. Работа производилась обыкновенно артелями по заказу подрядчиков, но из своего материала. Барка в 17 сажений (35,7 м) длины, 4 сажени (8,4 м) ширины и 3 аршина (2,1 м) высоты продавалась за 250—300 рублей. Этот

промысел являлся одним из наиболее выгодных для крестьян. Материал — ель и осина — для строительства одной барки обходился крестьянам в зависимости от местности в 70—90 рублей. Каждую барку изготавливали 4 мастера и 2 помощника. Заготовив с весны материал, на что уходило около 2-х недель, постройку барки начинали со 2 февраля и заканчивали 20—25 марта. Таким образом, за 2—2,5 месяца артель зарабатывала 180—200 рублей [1, с. 57].

В Гдовском уезде столичной губернии судовыми промыслами занимались крестьяне прибрежных селений Добручинской и Ремедской волостей. Одни из них имели собственные суда, на которых перевозили различные товары, другие нанимались рабочими к судовладельцам или участвовали в тяге судов по реке Нарове. Большинство крестьян-судовладельцев Ремедской волости имели по одному небольшому судну, вмещавшему от 20 до 50 куб. саженей⁵ дров. Погрузочно-разгрузочные работы на таком судне производились, как правило, самим судовладельцем и членами его семьи. В отдельных случаях нанимали 1—2 работников, получавших за лето от 50 до 80 рублей. Дрова доставлялись в Дерпт, Нарву и Псков; за лето каждое судно совершало 5—8 рейсов, а выручка судовладельца за каждый рейс составляла 25—75 рублей.

В Добручинской волости преобладали крупные суда, поднимавшие на борт до 150 куб. саженей швырковых⁶ дров. За один рейс судовладелец получал чистого дохода 150—200 рублей. Использование судна в течение навигации приносило его владельцу 800—1000 руб. прибыли. Судовые рабочие зарабатывали за навигацию около 70 руб. на одного человека. Кроме дров на судах перевозили строевой лес и шпалы в Дерпт и Псков, а в Нарву — доски с лесопильных заводов Д. В. Зиновьева, расположенных на реке Россонь, и с лесопилок других лесопромышленников [10, с. 199].

Крестьяне села Омут Добручинской волости почти поголовно были заняты тягой судов по реке Нарове, имевшей быстрое течение по направлению к истоку на протяжении 7 верст. Для тяги больших судов, вмещавших до 4 тыс. пуд. (64 т) груза, запрягали до 30 лошадей. При глубокой посадке судна для его облегчения часть груза перекладывалась на лодки. Кроме лошадей и лодок для тяги использовался канат, свитый из нескольких веревок и обходившийся его владельцу в 50—70 рублей. Зажиточные крестьяне, имевшие лодки и канаты, создавали из своих односельчан, имевших лошадей, артели, находившиеся в полной зависимости от хозяина. За провод судна 30 лошадьми артель получала 30—35 руб., четвертая часть этой суммы доставалась хозяину артели, а оставшиеся деньги делились между членами артели, т. е. практически по 1 руб. в день на работника. Однако чтобы получить даже такой непостоянный заработок, писал один из современников, «участники-артельщики обязаны даже и во время полевых работ по первому зову своего хозяина бросать все и немедленно являться с лошадью на реку» [10, с. 200]. Фактически такие крестьяне представляли собой «рабочих с наделом».

⁵ Кубическая сажень — 9,7 куб. метра.

⁶ Швырковые дрова — короткие дрова для топки печей.

Центральное место в строительстве судов в Петербургской губернии занимал Новолодожский уезд. Здесь судостроение относилось к числу наиболее выгодных из существовавших в уезде промыслов. Развитое судоходство и рыбный промысел в уезде, а также изобилие леса способствовали распространению промысла по изготовлению лодок и судов. Промысел был сосредоточен в Лужицкой, Наровской, Николаевщинской и Спицынской волостях, где на строительстве судов трудились сотни крестьян. Заработок занятого в промысле крестьянина колебался от 100 руб. в Спицынской волости до 375 руб. в Николаевщинской волости [4, с. 8]. Так, в селах Емском и Большие Нововеси мужское население чуть ли не поголовно занималось этим промыслом в течение года. Даже полевые работы не отвлекали лодочников, так как пахали, боронили и косили здесь преимущественно женщины. Крестьяне строили суда 2-х видов: открытые рыбацьи и перевозные лодки и палубные соймы⁷ для доставки различных товаров и для ловли рыбы на Ладожском озере вдали от берега. Для зимней работы строили специальные общественные мастерские в виде продолговатой избы саженой 6 (12,6 м) и более в длину. В зимнее время палубные суда (соймы) крестьяне не строили, т. к. помещение не позволяло этого делать. Лес, необходимый для постройки судов, мастера покупали у государственных крестьян в соседней Шахновской волости или у лесопромышленников, платя от 60 коп. до 1 руб. за бревно. Приобретенные бревна распиливались на доски самими же крестьянами. Из бревна получали 6—7 досок. На рыбацкую лодку требовалось 20 досок. С распиловкой каждая доска обходилась в 15—20 коп. и дороже за штуку. В продольную основу лодки судостроители помещали толстое бревно — киль. Перпендикулярно килю ставили 12 дугообразных перекладин, называемых кокорами. К кокорам прикрепляли доски, которые накладывались одна на другую. Доски сшивали прутьями ели или вереска. Щели между досками забивали мхом. Изготовление одной лодки обходилось мастерам в 5—10 рублей. Такую лодку 2 работника изготавливали за 2 недели летом. Стоимость лодки определялась в 30 руб. и дороже, соймы стоили около 100 рублей. Сойму изготавливали 3 работника за месяц. Средний годовой заработок строителей лодок и судов в Николаевщинской волости был немного выше, чем средний по уезду и составлял около 338 руб. на одного мастера [13, с. 231—232; 19, с. 198]. В небольших масштабах судостроение существовало в Ямбургском уезде, где оно занимало среди других промыслов второстепенное место [19, с. 533]. В первые годы XX в. в селе Ропша Наровской волости крестьяне летом изготавливали лодки, которые продавали за 15—18 руб. местным рыбакам. Этот промысел приносил чистого дохода в каждую крестьянскую семью от 80 до 120 рублей. Современниками было зафиксировано постепенное угасание промысла [24, с. 125].

Судовые промыслы в Новолодожском уезде занимали второе место по количеству крестьянских семей, принимавших в них участие, но им принадлежало первое место по величине заработков (23,7% от общей суммы промысловых за-

⁷ *Сойма* — деревянное речное палубное грузовое судно длиной до 26 м и грузоподъемностью свыше 6 тыс. пудов (до 100 т).

работков). В эти заработки входили доходы крупных судовладельцев-предпринимателей, а также крестьян, выславших на тягу судов по нескольку десятков лошадей с наемными работниками [13, с. 217]. Крестьяне, работавшие по найму на судах, получали за навигацию, в среднем, 70 рублей [21, с. 15].

В тяге судов своими лошадьми участвовало свыше 1,2 тыс. крестьянских хозяйств, отправлявших на заработки более 1,5 тыс. человек. С учетом наемных погонщиков проводкой судов в уезде занималось около 2 тыс. крестьян. Особенностью этого промысла было широкое использование в нем труда подростков — более 400 человек, что составляло 23% от общего числа промышленников [13, с. 261].

В Изсадской волости жители Сяських Рядков на мирском сходе установили такой порядок, при котором тянуть суда по Свирскому и Сяському каналам имели право только местные крестьяне. Из своей среды они выбирали «конного» старосту, наблюдавшего за очередностью тяги. Работы по проводке судов продолжались в течение всей навигации с конца апреля и по октябрь. Плата за использование тройки лошадей в один конец от Сяських Рядков до Новой Ладogi равнялась 5 рублям. Благодаря четкой организации тяговый промысел в Сяських Рядках был для крестьян выгодным и привлекал многих домохозяев.

В Кобонской волости крестьяне, имеющие по одной лошади, объединялись в товарищества, причем один из них заменял погонщика. Заработанные деньги крестьяне делили поровну. От Новой Ладogi до Шлиссельбурга судно с дровами или хлебом крестьяне тянули бечевником⁸ в хорошую погоду 5 дней, при плохой погоде — до 2-х недель. За доставку судна в один конец тройкой лошадей крестьяне получали от судовладельца 12—35 руб. в зависимости от количества судов и тяговых лошадей. Погонщик получал за работу в течение навигации (примерно 180 дней) от 45 до 60 руб. в зависимости от возраста и расторопности. Заезавшийся погонщик, спустивший лошадей с бечевника на «откос», подвергался денежному штрафу. Погонщик, застигнутый спящим в седле, мог «схватить и кнута». В продолжение навигации одна тройка лошадей использовалась в один конец от 20 до 25 раз.

Крестьяне Песоцкой волости доставляли грузы из Новой Ладogi до Шлиссельбурга. Расстояние в 102 версты они проходили за 4—5 суток при хорошей погоде. Доставка барки с дровами оценивалась в 25—30 рублей. В тяге участвовали крестьяне, имевшие не менее 2-х лошадей, поскольку для тяги судна требовалась четверка. Одни крестьяне занимались промыслом постоянно и успевали совершить 12 и более гонок в сезон, другие отправлялись на заработки только в свободное от сельскохозяйственных работ время.

Тягой судов по реке Сяси и Сяському каналу промышляли крестьяне Хамантовской волости. Навигация начиналась сразу после окончания весеннего ледохода и тянулась до поздней осени. Тянули суда от Сяських Рядков до Тихвина и от Новой Ладogi до Шлиссельбурга [13, с. 264].

⁸ Бечевник (бичевник) — сухопутная дорога вдоль реки или канала, предназначенная для буксирования лошадьми судов на канате, называемом бечевой или бичевой.

Увеличение числа пароходов и переход многих судовладельцев на буксирную тягу сопровождались сокращением заработков крестьян. Однако, несмотря на то, что в начале XX в. по Ладожскому каналу в навигацию проводилось с помощью буксиров более 800 судов, пароходы не смогли полностью вытеснить тягу по бечевнику с использованием лошадей. Работники, имевшие по 4—5 лошадей, зарабатывали за сезон до 150 руб. на одно крестьянское хозяйство, тем самым серьезно пополняя семейный бюджет [24, с. 118].

Погрузкой на суда и выгрузкой занималось свыше 4 тыс. человек, что составляло около 16% общего числа крестьян, занятых промыслами в Новоладожском уезде. Особенностью погрузочно-разгрузочных работ было широкое использование женского труда — среди грузчиков женщин было не менее 40%, хотя промысел требовал значительных физических усилий, поскольку приходилось работать с носилками или тачками. Основная масса грузчиков концентрировалась на пристанях, от которых начинался сплав судов, и в местах перегрузки с одних судов на другие, как, например, на Волховских порогах. Средний заработок грузчика за навигацию редко превышал 35 рублей. Так в Городищенской волости взрослый мужчина, занятый на погрузке дров, получал в день 35—40 коп., женщина — 30—35 коп., а подросток — 25—30 коп. В Хамантовской волости, где погрузка дров на суда производилась преимущественно женщинами, плата составляла 30—40 коп. в день [13, с. 266].

В Петергофском уезде судовым промыслом занималось свыше 200 крестьян Ковашевской, Копорской и Ораниенбаумской волостей. Промысел состоял преимущественно в доставке различных грузов — дров, камней, досок и пр. строительных материалов в Санкт-Петербург. Владельцы крупных судов, вмещавших до 5 тыс. пуд. груза, имели за навигацию до 300 руб. чистой прибыли. В значительных масштабах они использовали труд наемных рабочих. Так, в деревне Устье один из крестьян, владевший 5 судами, на время навигации нанимал 25 рабочих с заработной платой от 90 до 180 рублей [7, с. 166—167].

Судовые промыслы крестьян Санкт-Петербургского уезда получили наибольшее развитие в Рыбачкой и Усть-Ижорской волостях. В Усть-Ижорской волости крестьянам принадлежали 69 судов, в Рыбачкой — 23 судна. Судовладельцы относились к наиболее зажиточной части сельского населения. Тем не менее, они сами работали на судах, привлекая в качестве работников взрослых членов своей семьи. В отдельных случаях владельцы судов прибегали к найму рабочих из местных крестьян. Всего по найму на судах трудились свыше 200 рабочих. Десятки крестьян были заняты тягой судов и погрузочно-разгрузочными работами [11, с. 301]. Крестьяне возили на своих судах кирпич, каменный уголь, песок и пр. из Кронштадта в Петербург. С побережья Ладожского озера в столицу доставляли дрова, плиту, доски и пр. лесоматериалы. За время навигации, которая длилась от вскрытия рек до осеннего ледохода, суда успевали совершить 5—6 рейсов. Каждый рейс в среднем приносил владельцу до 300 руб. валового дохода. С вычетом расходов, в том числе заработной платы судовым рабочим и грузчикам на пристанях, чистый доход на одно судно за навигацию составлял до 500 рублей. Молодые и неопытные рабочие получали за навигацию 50—90 руб., более взрослые —

130—150 рублей. Поденщикам платили в июне-июле по 1 руб. в день, а в остальное время — по 50 копеек.

Что касается Царскосельского уезда, то здесь судовые промыслы были слабо развиты. Ими занимались преимущественно крестьяне деревни Перевоз Ижорской волости, доставлявшие по рекам Тосна и Нева дрова и плиту в Санкт-Петербург. Для перевозки грузов использовались барки, вмещавшие до 300 куб. саж. швырковых дров. Поденные рабочие, занимавшиеся погрузкой и разгрузкой судов, получали по 50 коп. в день. Крестьяне, нанятые на весь период навигации, зарабатывали до 80 рублей [12, с. 274—275].

В Шлиссельбургском уезде в 1880-х гг. судовые промыслы были распространены среди крестьян Ивановской, Колтушской, Матокской и Путиловской волостей. В этих волостях из более чем 260 промысловиков 79 крестьян имели свои суда, 113 нанимались судовыми рабочими, а остальные были заняты конной тягой судов по каналам. В начале XX в. свыше 640 крестьян Ивановской, Колтушской и Путиловской волостей трудились на погрузке и разгрузке судов, при этом средний заработок грузчика составлял около 57 рублей [21, с. 24—25].

Судовладельцы за навигацию получали в среднем около 240 руб. дохода, примерно по 70—110 руб. зарабатывали наемные рабочие на судах и крестьяне, занимавшиеся проводкой судов. В Матокской волости не было единоличных собственников судов. Поскольку судовладение основывалось на объединенной частной собственности, совладельцами которой выступали пайщики, то и доход распределялся в зависимости от количества паев [8, с. 209]. На судах перевозили, как правило, дрова, заготовленные в Финляндии или в обширных лесных дачах князя Голицына. В Колтушской волости владельцами судов являлись домохозяева отдельных крестьянских дворов. На принадлежавших им судах перевозились различные грузы из Шлиссельбурга. Наемными рабочими на судах были крестьяне из Выборгской Дубровки, Песков, Порогов и др. приневских селений, зарабатывавшие в среднем по 70—75 руб. за навигацию.

В Ивановской волости суда стоимостью 150—200 руб. принадлежали отдельным крестьянским семьям. Судовладельцы нередко привлекали к работе членов семьи, однако большинство прибегало к найму рабочих. Суда использовались для доставки в Петербург дров, которые грузили на реке Тосна и у Кошкина маяка на Ладожском озере. Каждое судно загружали 4—6 рабочих, получавших 60—120 руб. за лето. Грузенные суда по Тосне до Невы тянули по бечевнику, а по Неве до Санкт-Петербурга их проводили с помощью пароходного буксира [8, с. 210—211].

Конной тягой судов по Ладожскому каналу занимались крестьяне деревни Липки Ивановской волости, деревень Бугры и Лава Путиловской волости, а также пришедшее из других мест население. В зависимости от размеров судна его тянули по каналу 2—4 лошади. При хорошей погоде и отсутствии встречных судов и «гонок» (плотов) расстояние от деревни Липки до Шлиссельбурга судно преодолеvalo за 5 часов. Перевозили преимущественно булыжник, который крестьяне собирали на своей надельной земле. Один рейс от Липок до Шлиссельбурга оплачивался из расчета 4—5 руб. за пару лошадей, участвовавших в гонке. За тягу

судна от деревни Лава до Шлиссельбурга рабочий с лошадей получал 6—7 рублей. Весь заработок рабочего с лошадей за всю навигацию колебался от 100 до 120 руб., заработок погонщика редко превышал 60 рублей за сезон [8, с. 212].

Жизнь крестьян Горской, Лужицкой, Наровской, Редкинской и Стремленской волостей Ямбургского уезда, расположенных вдоль побережья Финского залива, а также живших по берегам судоходных рек Луга и Нарова была накрепко связана с судовыми промыслами. В середине 80-х гг. XIX в. свыше 1100 крестьян из 800 семей были заняты в них. Крестьяне участвовали в тяге судов, трудились судовыми рабочими и матросами, работали грузчиками на пристанях и в местах перегрузки товаров на Нарвских порогах [9, с. 201].

Практически все судовладельцы, которых насчитывалось свыше 150 человек, занимались в основном каботажным плаванием⁹ или доставкой грузов по рекам. Были среди них и крупные предприниматели. Так, крестьянин деревни Венкуль Наровской волости Ф. И. Хитрово, владевший бригантиной водоизмещением в 210 тонн, ходил с грузами в Англию, Голландию и Францию, получая не менее 800 руб. чистой прибыли за каждый рейс [9, с. 212]. Матросами и рабочими на его судне ходили местные крестьяне, получавшие по 18 руб. в месяц на хозяйских харчах. Бригантина фрахтовалась ябургскими лесопромышленниками, отправлявшими за границу доски, брусья и др. лесоматериалы. Прочие промышленники владели судами на паях, нередко составляя экипаж корабля. Суда использовались преимущественно для доставки камня на Путиловскую пристань и дров в столицу. Каботажное плавание было прибыльным промыслом, особенно для артели судовладельцев, которые сами водили суда. Каждый из них выручал на пай за навигацию свыше 150 рублей [9, с. 213].

Основная масса крестьян была занята на судовых промыслах в качестве наемных рабочих. Они сплавляли суда с грузами по Луге и Нарове, плавали на каботажных судах, трудились на погрузочно-разгрузочных работах. Дрова для погрузки доставляли с мест разработки лесных массивов, а камень крестьяне добывали с лодок со дна моря на мелководье, используя для подъема специальные трехзубые вилы. В добыче камня участвовали мужчины, женщины и подростки. Судовладельцы платили крестьянам за 1 куб. саж. камня 5 руб., а сбывали строителям в Петербурге по 15—20 руб. Труд крестьян широко использовался в устье Наровы при погрузке строевого леса на суда дальнего плавания. Каждый крестьянин, занятый на погрузке одного судна лесом, получал за свой труд в течение 8 дней 10 рублей [9, с. 214—215].

Подводя итоги, можно сказать, что судовые промыслы на рубеже XIX—XX столетий продолжали играть заметную роль в экономике северо-западной деревни. Несмотря на увеличение числа пароходов на водных артериях Северо-Запада судостроение и связанные с ним промыслы продолжали давать заработок тысячам крестьян. Промыслы характеризовались различными экономическими формами организации производства. Независимо от того, какова была доля участия того

⁹ *Каботажное* плавание — прибрежное морское судоходство между портами одного и того же государства.

или иного крестьянского хозяйства в судовых промыслах, сам факт участия в них свидетельствовал о вовлечении этого хозяйства в капиталистические производственные отношения. Появление крупных судостроителей-предпринимателей, растущее использование наемного труда в судовых промыслах вели к качественным изменениям, свидетельствовавшим о неуклонном становлении капитализма в этой сфере промысловых занятий земледельцев северо-западных губерний страны.

Литература

1. *Кисляков Н. М.* Восточный болотный район Псковской губернии (физико-географический и статистический очерк). Псков, 1905.
2. Кустарные промыслы в России [*Пономарев Н. В.*]. СПб., 1900.
3. Кустарные промыслы Псковской губернии по исследованию 1912 г. Псков, 1914.
4. Кустарные промыслы Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1902.
5. Материалы по оценке земельных угодий Новгородской губернии. Крестецкий уезд. Вып. 3. Статистико-экономические данные о крестьянском населении уезда. Новгород, 1910.
6. Материалы по оценке земельных угодий Новгородской губернии. Белозерский уезд. Вып. 3. Статистико-экономические данные о крестьянском населении уезда и частновладельческих усадебных хозяйствах. Новгород, 1912.
7. Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 1. Крестьянское хозяйство в Петергофском уезде. СПб., 1882.
8. Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 2. Крестьянское хозяйство в Шлиссельбургском уезде. СПб., 1882.
9. Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 3. Крестьянское хозяйство в Ямбургском уезде. СПб., 1885.
10. Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 4. Крестьянское хозяйство в Гдовском уезде. СПб., 1886.
11. Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 5. Крестьянское хозяйство в Санкт-Петербургском уезде. Ч. 2. Очерк крестьянского хозяйства. СПб., 1887.
12. Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 7. Крестьянское хозяйство в Царскосельском уезде. СПб., 1892.
13. Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 8. Ч. 2. Крестьянское хозяйство в Новолодожском уезде. СПб., 1896.
14. Новгородская губернская земская управа. Доклад по кустарной промышленности. Новгород, 1909.
15. Новгородская губернская земская управа. Доклад по кустарной промышленности. Новгород, 1910.
16. Обзор деятельности земств по кустарной промышленности: в 3 т. Т. 2. СПб., 1914.

17. Отчеты и исследования по кустарной промышленности России. Т. 1. СПб., 1892.
18. Памятная книжка Псковской губернии на 1889 год. Псков, 1889.
19. Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1905 год. СПб., 1905.
20. Промыслы крестьянского населения Псковской губернии и положение их в 1895—97 гг. Псков, 1898.
21. Промыслы крестьянского населения Санкт-Петербургской губернии. Шлиссельбургский уезд. СПб., 1909.
22. *Семякин А. П.* Путеводитель по кустарным промыслам Псковской губернии. Псков, 1912.
23. *Слезкинский А. Г.* Судостроение в Новгородской губернии // Русское судоходство торговое и промысловое на реках, озерах и морях. 1890. № 123—124.
24. Статистический сборник по Санкт-Петербургской губернии. 1906 г. Вып. 1. Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1906 г. СПб., 1907.
25. *Федоров И. В.* Описание кустарных промыслов Новгородской губернии // Новгородская губернская земская управа. Доклад по кустарной промышленности. Новгород, 1910.

С. А. Есиков, **М. М. Есикова**¹

Деятельность Тамбовского земства по организации кооперативного движения в период Первой мировой войны (1914—1918 гг.)

Показана организационная работа губернского и уездных земств по созданию различных видов кооперативов. Раскрыта роль кооперативов по снабжению армии хлебом. Отмечено значение сельскохозяйственных обществ в агрономическом обслуживании крестьянских хозяйств. Описан механизм организации закупок продовольствия и фуража для армии.

Ключевые слова: земства, кооперация, кредитные кооперативы, сельскохозяйственные общества, продовольственные заготовки, зернофураж, Первая мировая война, Черноземье.

Начавшаяся Первая мировая война сопровождалась бурным ростом кооперативного движения, которое захватило и Тамбовскую губернию. Развивались различные виды сельской кооперации для разных экономических групп населения: кредитные кооперативы (кредитные и ссудно-сберегательные товарищества), потребительские кооперативы (потребительские товарищества), производственные кооперативы (производительные товарищеские артели). Благоприятную среду для деятельности по улучшению хозяйства создавали сельскохозяйственные общества.

Особенно быстро росли кредитные кооперативы. Во многих уездах имелась полная сеть кредитных товариществ. Сознвая пользу кредитных организаций, население охотно вступало на кооперативный путь для достижения своих хозяйственных целей². Кооперация дала мощный толчок производительным силам деревни, улучшению сельскохозяйственной техники, подъему экономического положения крестьянского хозяйства.

Кооперативной работой активно занимались земства, что способствовало широкому распространению кооперативного кредита. Земские агрономы принимали участие в культурно-просветительной деятельности сельскохозяйственных

¹ *Есиков Сергей Альбертович*, доктор исторических наук, *Есикова Милана Михайловна*, доктор исторических наук, Тамбовский государственный технический университет, milana.61@mail.ru, Россия, г. Тамбов.

² Сельскохозяйственная жизнь. 1916. №1—10. С. 13—15.

обществ и товариществ, оказывали возможное содействие в мероприятиях торгово-посреднического характера. Увеличилось число специальных земских органов, созданных для обслуживания кооперации — земских касс мелкого кредита. За 1914 г. их число возросло на 30, и на 1 января 1915 г. было утверждено 225. Баланс земских касс за короткое время вырос (на 1 июля 1914 г.) до внушительной суммы — 82 млн руб.

Земства проводили через кооперативы самые разнообразные начинания, как в области улучшения сельского хозяйства, так и закупок сельскохозяйственных предметов, сбыта продуктов земледелия. На кооперативы земства опирались при проведении травосеяния. Липецкое земство передало кредитным кооперативам организацию коневодства в уезде. Иногда земства решали выдавать ссуды безлошадным хозяевам только через кооперативы.

Также через кооперативы земства осуществляли снабжение населения сельскохозяйственными машинами и орудиями, занимались сбытом продовольствия: молочной продукции, зерновых хлебов, принимали участие в закупке товаров³. Таким образом, кооперация, по словам князя Д. И. Шаховского, сказанным на общеземском совещании в Ярославле в 1915 г., «явилась детищем земства»⁴. Если казенные деньги и дали широкий размах учреждению кооперативов и различных артелей, то живую душу в кооперативные начинания вкладывали земские деятели и земские работники.

Кооперативы, как и большинство общественных организаций и учреждений того времени, не оставались в стороне от обслуживания многочисленных нужд армии и населения. Наряду и совместно с земствами кооперативы приняли участие в поставке продовольствия для армии, помощи семьям запасных и ратников ополчения в уборке урожая, регулировании цен на предметы первой необходимости и прочих мероприятиях хозяйственной жизни.

Одной из важнейших задач военного времени являлась работа по снабжению армии хлебом. В 1915—1916 гг. при проведении организации по закупке хлеба для армии уполномоченным Министерства земледелия в Тамбовской губернии Ю. В. Давыдовым был поднят вопрос о необходимости привлечения кооперативов к продовольственному делу. Данный вопрос был поставлен не потому, что работа без кооперативов считалась бы более сложной, напротив, намного проще было использовать уже существующий механизм хлебной торговли — хлебные биржи и многочисленных скупщиков. Цель работы кооперативов заключалась в создании такой организации, которая могла бы не только доставить продукты для армии, но и выработать новые приемы хлебной торговли, создать крепкую внутреннюю организацию по ссыпке хлеба, форму отчетности, выработать приемы определения качества продуктов, приучить население к продаже продуктов через кооперативы, дать ему возможность воочию убедиться в преимуществах работы кооперативов перед скупщиками⁵.

³ Земское дело. 1915. № 1—4. С. 166—170.

⁴ Там же. 1915. № 20—24. С. 121.

⁵ Сельскохозяйственная жизнь. 1916. № 1—10. С. 32—33.

Условия закупок для армии облегчали начало кооперативной работы, устраняя одно из главных препятствий для развития кооперативной торговли — отсутствия рынков сбыта, давали возможность успешно справиться с остальными препятствиями. Кредитным товариществам, изъявившим желание открыть ссыпные пункты по закупке хлеба для армии, выдавались беспроцентные авансы до 10 тыс. руб. на каждое, на станциях уполномоченными отводились для них бесплатные железнодорожные пакгаузы. Активное участие в организации кредитных товариществ для снабжения продовольствием армии приняли кооператоры с. Матчерка Моршанского уезда Т. М. Пономарев, Ф. С. Фионов, А. М. Мажурин; с. Покрово-Марфино Тамбовского уезда земский агроном В. И. Гудвилович, крестьянин П. С. Аленов и другие представители сельскохозяйственных обществ⁶.

В Тамбовской губернии все дела по закупке хлеба для армии велись под флагом кредитных ссудно-сберегательных товариществ. Посредничество по заготовке хлебных продуктов проводилось как отдельными кооперативами, работающими самостоятельно, так и группами кооперативов, объединявшихся на договорных началах вокруг одного какого-либо центрального кооператива. Создание небольших союзных организаций для совместной работы облегчало поставленную задачу. На хлебных станциях крупных кооперативных ссыпных пунктов количество привозимого хлеба в день доходило до 40 тыс. пудов⁷.

Работа в таком крупном масштабе, конечно, являлась непосильной для одного, хотя бы и мощного, кооператива. Так, в Тамбовском уезде в деле закупки продуктов для нужд армии приняли участие 28 кредитных кооперативов, из них 10 работали самостоятельно, а 18 совместно с другими образовали 5 объединенных организаций. За время хлебной кампании 1915—1916 гг., по данным на 1 июня 1916 г., полученным инспекцией мелкого кредита с мест, всеми 28 кооперативами было закуплено 638 950 пудов ржи на 690 441 руб. 10 коп., до 1 087 250 пудов овса на 1 090 980 руб. 6 коп. и 5060 пудов проса на 5947 руб. 10 коп.⁸ Приведенные цифры говорят о том, что посредническая операция по закупке хлеба, организованная кооперативами, велась в довольно широких масштабах. Общее руководство по организации объединений кооперативов принадлежало правлению земских касс мелкого кредита, которые оказывали им в рамках возможного самое широкое содействие.

В основном земские власти привлекали кооперативные организации к приемке необходимого продовольствия на станционных пунктах. В Тамбовской губернии благодаря отзывчивости кооперативов и энергии земских самоуправлений удалось в короткое время почти на всех станциях создать союзы кредитных кооперативов. Также союзы или ссыпные пункты отдельных кооперативов удалось организовать и во многих селах, где ссыпался хлеб преимущественно от безлошадного населения. Наиболее крупные ссыпные пункты союзов кооперативов были открыты на станциях Ржакса, Сампур, Кариан-Строганово, Селезни, Сабурово, Богоявленск, Старо-Юрьево, Ламки, Бенкендорф-Сосновка, Избердей,

⁶ Там же. № 7—8. С. 224; № 6. С. 180.

⁷ Сельскохозяйственная жизнь. 1916. № 7—8. С. 224; № 6. С. 41.

⁸ Труды III-го кооперативного совещания при уездной кассе мелкого кредита 26—27 июня 1917 г. Тамбов, 1917. С. 41, 65.

Мордово, Токаревка, Хворостянка, Жердевка, Есипово, Умет, Терновка, Борисоглебск, Дрязги, Лебедянь, Лутошкино, Кирсанов, Волконское⁹.

Кооперативы при поставке хлеба для армии принимали хлеб на комиссию, покупали за твердый расчет как от своих, так и от посторонних лиц. Они имели полную возможность заключать договоры с уполномоченными на поставку определенного количества продуктов по определенным ценам. Дальнейшее направление хлеба зависело уже от центрального органа, который ведал сбытом собранных партий. Кооперативы не только приобретали зерно, но и перерабатывали его в муку и крупу.

В самом начале работы население, привыкшее иметь дело со скупщиками, вывозило хлеб прямо на базар. При этом цены, которые давали скупщики, были ниже цен кооператива часто на 25—30 коп. Однако очень скоро население начало привыкать к кооперативной ссыпке хлеба и стало вести хлеб уже не на базар, а прямо на кооперативные сыпные пункты, и не в базарные дни, как прежде, а ежедневно. Хотя крестьянам и приходилось иногда ожидать очереди день-два, но сильного недовольства не было. Таким образом, крестьянство видело в кооперативе «полного заместителя скупщика»¹⁰.

В целом земско-кооперативную деятельность в Тамбовской губернии при организации хлебных поставок для армии можно оценить положительно. Тамбовская губерния в полном смысле слова являлась житницей России. Общее производство зерновых в губернии достигало 120 млн пудов. Вывоз за ее пределы достигал 50 млн пудов. Правильная организация хлебной торговли позволяла сохранить в губернии до 18 млн руб., которые расходились по карманам скупщиков¹¹. До февраля 1916 г. всеми кооперативами¹² Тамбовской губернии было ссыпано овса около 6 млн пудов, ржи и муки около 3 млн пудов¹³. За 1915—1916 гг. земства совместно с кооперативами закупили в губернии 12 млн пудов муки и 9 млн пудов ржи [2, с. 63]. Главное же заключается в том, что в условиях заготовительного кризиса осенью 1916 г. устояли только «железные крепости» земско-кооперативного движения.

Сколько было закуплено хлеба различными организациями и скупщиками по вольным ценам, неизвестно. Неудивительно, что хлебные цены быстро поползли вверх. В борьбе с дороговизной Тамбовское земство также шло рука об руку с кооперативами. Кооперативным организациям удалось достигнуть определенных успехов в этом деле. Многие трудности мелкой торговли в селах и деревнях в большинстве случаев были устранены. Покупка хлеба кооперативами за твердый расчет являлась важным шагом в регулировании хлебной торговли. Этот вид операций оказался наиболее продуктивным. Путь, избранный земством — опора на кооперативы в борьбе с дороговизной, принес обоюдную пользу и кооперативам, получившим поддержку от земства, и земству, воспользовавшемуся при распределении продуктов готовыми аппаратами потребительских обществ. Таким образом, образовался союз общественных организаций, отвечавший последнему слову кооперативной мысли.

⁹ Сельскохозяйственная жизнь. 1916. № 1—10. С. 50.

¹⁰ Там же. С. 13—15.

¹¹ Там же. № 13—15. С. 397.

¹² Там же. 1916. № 1—10. С. 53—58.

¹³ Там же. С. 60—61.

При организации закупок других видов продовольствия и фуража для армии действовал тот же механизм, что и при закупке хлеба. Кооперативные организации привлекались к приему на станционных пунктах, выступая в качестве посредника между земствами, продовольственными комитетами и местным производителем сельхозпродукции.

Первая мировая война требовала от кредитных кооперативов напряженной работы. Не ограничиваясь только названными операциями, кредитные кооперативы совместно с земствами принимали деятельное участие в оказании помощи семьям призванных на войну солдат. Эта помощь выражалась в организации посева и уборки полей солдаток. В этих целях при многих кооперативах, частью за их счет, а частью на средства, отпущенные в распоряжение земских управ губернским комитетом Всероссийского земского союза, были образованы прокатные пункты сельскохозяйственной техники.

Кредитные кооперативы принимали участие в сборе пожертвований, участвовали в реализации двух военных займов. Общая сумма подписки на указанные займы составила 224 400 руб., из которых на долю частных подписчиков приходилось 88 400 руб.

Обстоятельства военного времени предъявляли кредитным кооперативам все новые требования, их деятельность становилась более разнообразной и не укладывалась в обычные обязанности, допускаемые уставом данных учреждений и организаций.

К концу войны в Тамбовской губернии не было ни одной волости, в которой не действовали бы потребительские общества. Только по Тамбовскому уезду и по г. Тамбову их насчитывалось 85 с 9 отделениями. Всего в губернии всех видов кооперативов насчитывалось свыше 60¹⁴.

В России издавна смотрели на войну как на особую беду, народную трагедию, с которой можно было справиться только всем миром. В этой связи кооператоры следовали историческим традициям русского народа, исходя из идеи общественной солидарности. Показательно, что именно кооператоры первыми предложили программу мобилизации хозяйства задолго до того, как этот лозунг стал популярным среди оппозиционных торгово-промышленных кругов весной 1915 г. [1, с. 23].

Провинциальные земцы, независимо от их политических пристрастий, были озабочены экономическим и культурным развитием своего края и благосостоянием местного населения. При организации заготовок продовольствия и фуража для армии земства действовали заодно с губернской администрацией.

Литература

1. *Лубков А. В.* Война, революция, кооперация. М., 1997.
2. *Черменский С. М.* От крепостного права к Октябрю. Тамбов, 1928.

¹⁴ Труды III-го кооперативного совещания... С. 42—49; Тамбовский земский вестник. 1917. 29 июля.

*В. В. Кондрашин*¹

**Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939 гг.
(к итогам российско-французского проекта)**

В статье анализируются научные результаты международного проекта по изучению истории советской деревни в довоенный период на основе документов Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации, организованного выдающимся историком-аграрником России В. П. Даниловым.

Ключевые слова: советская деревня, ВЧК, ОГПУ, НКВД, российско-французский проект, гражданская война, нэп, коллективизация, голод, сталинские репрессии.

С выходом в свет 4-го тома документальной серии «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939 гг.» закончился один из наиболее крупных международных проектов по истории России последних десятилетий [13, т. 4]. Он был частью грандиозных с точки зрения объема опубликованных источников и получения новых знаний по дискуссионным и актуальным проблемам аграрной истории России первой половины XX в. научных проектов, организованных выдающимся историком-аграрником Виктором Петровичем Даниловым [8]. Он, будучи на тот момент руководителем группы по истории аграрных преобразований Института российской истории РАН, создал авторский коллектив, который на протяжении 20 лет, даже после ухода из жизни ученого, смог реализовать и довести до конца его научные идеи и цели. Анализу результатов этого проекта посвящается настоящая статья.

Работа над проектом началась в 1993 г., а его цель состояла во введении в научный оборот совершенно нового массового исторического источника, ранее недоступного исследователям, — информационных материалов ВЧК—ОГПУ—НКВД о положении в советской деревне в довоенные годы. В подавляющей своей массе эти материалы были сосредоточены в Центральном архиве ФСБ РФ и стали доступны благодаря их рассекречиванию в начале 1990-х гг. в рамках новой идеологической политики руководства России. Кроме того, возможность использования

¹ *Кондрашин Виктор Викторович*, доктор исторических наук, Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского, vikont37@yandex.ru, Россия, г. Пенза.

данных источников обеспечивалась доброжелательной и конструктивной позицией руководства архивной службой ФСБ РФ, поддержавшего инициативу В. П. Данилова. Он как организатор стремился привлечь к этой важной работе лучшие архивные и научные силы. В связи с этим полноправными участниками проекта стали сотрудники Центрального архива ФСБ и Института российской истории РАН.

Руководство архивной службы ФСБ для работы выделило самых квалифицированных сотрудников Центрального архива (В. К. Виноградов, Т. М. Голышкина, Н. М. Перемышленникова, Н. А. Яковлев и др.), которые участвовали в выявлении, археографической обработке, комментировании документов, а также осуществили все научно-технические работы с ними (копирование, набор, сверку и пр.). В состав редакционной коллегии документальной серии проекта вошли руководители архивной службы ФСБ (В. С. Христофоров и др.), создавшие коллективу В. П. Данилова самые благоприятные условия для работы. Научную сторону проекта представляли от Института российской истории РАН Л. В. Борисова, Н. А. Ивницкий, В. В. Кондрашин. Директор института А. Н. Сахаров вошел в состав редакционной коллегии.

К работе над проектом были привлечены и центральные архивы России, где хранились информационные материалы советских спецслужб (РГАЭ и РГВА). Их руководители (Е. А. Тюрина и Л. В. Двойных) также поддержали инициативу В. П. Данилова, не только войдя в состав редколлегий соответствующих томов проекта, но и выделив для работы опытных архивистов (Т. В. Сорокину, Н. С. Тархову и др.).

Данный проект был поддержан и получил организационную поддержку со стороны Дома наук о человеке (Париж), в связи с чем он приобрел международный статус, став первым российско-французским научным сотрудничеством. С французской стороны соруководителем проекта стал Алексис Берелович. Он вместе со своим коллегой Николя Вертом активно участвовали в работе вплоть до ее окончания. Осуществление проекта стало возможным во многом благодаря усилиям А. Береловича, организовавшем через Дом наук о человеке и другие зарубежные фонды его финансовую поддержку в трудные для российских историков и архивистов 1990-е гг.² Благодаря этому были подготовлены к печати и опубликованы 3 тома (в 4-х книгах) документальной серии [13, т. 1; т. 2; т. 3, кн. 1; т. 3, кн. 2]. Наряду с французскими учеными в работе над 3-м томом проекта принял участие шведский историк Л. Самуэльсон³. Шведская сторона оказала поддержку в издании 3-го тома. Последний 4-й том проекта вышел в свет при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда⁴.

Данный проект — это один из ярких примеров успешного международного сотрудничества историков и архивистов России в области изучения отечествен-

² Проект был поддержан Фондом Джанджакомо Фельтринелли (Италия), Домом наук о человеке, Государственным центром по научным исследованиям (Франция), Франко-российским центром общественных и гуманитарных наук в Москве.

³ Проект был поддержан Советом наук Швеции, Институтом по экономической истории Швеции.

⁴ Проект РГНФ № 12-01-16091д.

ной истории в постперестроечный период. Об этом свидетельствует объем проделанной работы и ее научные результаты. В период с 1998 по 2012 г. в четырехтомнике «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939 гг.» было опубликовано 1758 документов общим объемом 365 п. л., причем в подавляющем большинстве это ранее не публиковавшиеся документы.

Научная значимость результатов масштабной работы состоит в комплексном использовании нового вида источников — информационных материалов ВЧК—ОГПУ—НКВД, введенных в широкий научный оборот. В 4-х томах документальной серии представлены все виды информационных материалов, используемых в работе советских спецслужб в деревне. Среди них: первые бюллетени ВЧК; оперативные, информационные сводки и спецдонесения ВЧК—ВОХР—ВНУС периода гражданской войны как общероссийского, так и губернского уровня; унифицированные госинформсводки и земсводки периода нэпа; аналитические обзоры и справки секретно-политического отдела ОГПУ в годы сталинской «революции сверху» и др. Публикация и тематическое комментирование этих материалов с привлечением других архивных источников позволяют проследить историю становления и развития информационной службы советских спецслужб в рассматриваемый период. Уже это само по себе делает проект научно значимым. Не менее важным результатом, особенно для широкого круга исследователей, являются полученные новые знания о ситуации в советской деревне в обозначенных хронологических рамках.

Специфика деятельности спецслужб повлияла на отражение деревенской действительности. В информационных материалах вполне закономерно доминируют сюжеты, связанные с их профессиональной деятельностью, прежде всего, с профилактикой и борьбой с «деревенской контрреволюцией» (восстаниями, «бандами», «терроризмом», «антисоветской агитацией» и т. д.). Однако региональный срез информации и ее хронологическая последовательность дают возможность увидеть общие и локальные особенности развития деревни в зависимости от политических периодов.

Также специфична используемая в опубликованных информационных материалах ВЧК—ОГПУ—НКВД «ведомственная» терминология, отражающая, прежде всего, саму эпоху. Составляющие ее слова: «контрреволюционные кулацко-белогвардейские и бандитские элементы», «кулацкая контрреволюция», «вредительская деятельность кулачества», «кулацкий террор», «спецпоселенцы», «изъятие и выселение кулачества», «засоренность колхозов классово-чуждыми элементами», «рвачи», «лодыри», «саботаж хлебоуборки и хлебопоставок» и т. п., также отражают особенности исторических периодов и имеют тесную взаимосвязь с политическими целями и задачами советского государства.

Используемая терминология не меняет фактической сути описываемых явлений, и в этом ценность информационных материалов ВЧК—ОГПУ—НКВД. Более того, они содержат достоверные сведения о наиболее болевых точках в жизни советской деревни. Именно поэтому они и оказывались в центре внимания спецслужб, которые в свою очередь оперативно информировали высших руководителей страны (В. И. Ленина, И. В. Сталина, В. М. Молотова и др.) [13, т. 1,

с. 718—728; т. 2, с. 223; т. 3, кн. 2, с. 641]. В значительной степени опираясь на информационные материалы спецслужб, советское руководство принимало решения по выработке и корректировке аграрной политики.

Важно отметить, что ведомственная специфика почти не отразилась на полноте информации, собранной спецслужбой, о повседневной жизни советской деревни в рассматриваемый период. Разнообразие освещаемых вопросов можно проследить, ознакомившись только с перечнем опубликованных в сборниках проекта документов. Среди них, «о восстаниях крестьян», «об экономическом расслоении и политическом состоянии деревни», «о землеустройстве, лесоустройстве», «о низовой сельской кооперации», «о ходе налоговой кампании», «о ходе перевыборов советов», «о ходе хлебозаготовительной кампании», «об операциях по кулачеству», «о настроениях спецпереселенцев» и т. д.

Содержание самих же документов неоспоримо доказывает, что в поле зрения спецслужб находились как наиболее важные аспекты деревенской действительности, так и ее повседневность. Несомненно, что полнота освещения спецслужбами жизни крестьян зависела от политического периода. Каждый из томов серии имеет свои особенности в тематике документов. Важно отметить, что совокупность всех опубликованных материалов в целом дает подробную хронику реальной жизни советской деревни в годы гражданской войны, нэпа, коллективизации, голода 1932—1933 гг., а также предвоенного периода. Подобного документального комплекса научное сообщество ранее не имело.

Структурно информационные материалы ВЧК—ОГПУ—НКВД представлены по хронологическим периодам в соответствии с процессами, происходившими в советской деревне и стране в целом. Первый том документальной серии охватывает период с начала гражданской войны и заканчивается провозглашением СССР (1918—1922 гг.); второй том — период нэпа и его слома (1923—1929 гг.), третий том — период сталинской «революции сверху» (1930—1934 гг.), четвертый том — период завершения формирования колхозно-совхозного строя (1935—1939 гг.).

Все тома сбалансированы с точки зрения отражения событий в советской деревне не только на общероссийском, но и региональном уровнях. Региональная специфика очень полно и всесторонне представлена в серии. И это одно из важнейших достоинств проекта.

В сборниках опубликованы наиболее важные директивы, распоряжения руководства ВЧК—ОГПУ—НКВД, в том числе его записки в ЦК ВКП(б), лично Сталину и другим руководителям государства, относящиеся к ситуации в советской деревне в период с 1918 по 1939 г.⁵ Среди них особую ценность представляют аналитические материалы руководителей советской спецслужбы о состоянии сельского хозяйства страны. Например, глубокий и всесторонний его анализ

⁵ См. напр.: Докладная записка руководства ОГПУ в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину о положении в Средней Азии [13, т. 3, кн. 1, с. 253—257]; Докладная записка зампреда ОГПУ Г. Г. Ягоды секретарям ЦК ВКП(б) И. В. Сталину, П. П. Постышеву и председателю ЦК ВКП(б) Я. Э. Рудзутак о выполнении решений ЦК ВКП(б) по устройству спецпереселенцев [13, т. 3, кн. 31, с. 800]; Спецсообщение ОГПУ И. В. Сталину об итогах рассмотрения дел о хищениях и разбазаривании муки [13, т. 3, кн. 1, с. 251]; и др.

содержится в докладной записке Ф. Э. Дзержинского в Политбюро ЦК ВКП(б) об экономическом положении от 9 июля 1924 г. [13, Т. 2, с. 223—227, 1023—1024].

Опубликованные документы убедительно свидетельствуют, что в рассматриваемый период советская деревня адекватно реагировала на политические решения власти. Прежде всего, крестьянство активно сопротивлялось ее политике, и степень этого сопротивления в отдельные периоды советской истории была различной.

В 1-ом томе показан размах крестьянского повстанческого движения в годы гражданской войны против политики «военного коммунизма», его территория и лозунги. Для исследователей данного периода совершенно новой стала полученная из центрального и региональных архивов ФСБ информация, в том числе и биографическая, о 106 руководителях крестьянских восстаний против власти большевиков в 1918—1922 гг. [13, т. 1, с. 10—11]. До этого были известны лишь около десятка имен руководителей крупных повстанческих движений (Антонов, Махно, Григорьев и др.).

Концептуальное значение имеет информация в опубликованных в 1-ом томе сводках ВЧК о реакции крестьян на наступление армии Деникина летом 1919 г. и настроениях крестьян после освобождения их селений от власти белых. В это время в прифронтовых губерниях резко ослабевала и даже приостанавливалась борьба крестьян с большевиками. Из лесов возвращались дезертиры и добровольно вступали в Красную Армию, в деревнях создавались отряды самообороны, прекращались восстания. На освобожденной от Деникина территории крестьяне приветствовали Советскую власть, поскольку испытали на себе власть белых, проводивших не только военные реквизиции и мобилизации, но и ставившие под сомнение право крестьян на землю [13, т. 1, с. 155, 163, 182, 185, 194, 195, 201, 202, 206, 209, 213]. Кратковременный союз крестьянства и большевиков в период кульминации вооруженного противостояния Красной и Белой Армий в значительной степени преопределил его исход⁶.

Из документов 2-го тома следует, что в годы нэпа в советской деревне продолжалось противостояние власти и крестьянства и оно нарастало по мере усиления экономического давления на деревню с середины 1920-х гг. Именно в данный период была окончательно отработана методика борьбы власти с крестьянством, она научилась «умиротворять» деревню силой. Об этом свидетельствуют насыщенные конкретной информацией и статистикой публикуемые сводки, аналитические доклады и другие материалы центральных и региональных органов ОГПУ.

Их ценность в конкретике и полноте охвата информации. Например, за период с 1 января по 1 октября 1925 г. в сельской местности СССР в ходе борьбы с бандализмом органами ОГПУ было ликвидировано 10352 чел. Из них 8636 чел. было захвачено и арестовано, 985 — убито. Тем не менее, на 1 октября 1925 г. в СССР продолжало действовать 194 банды общей численностью 2435 чел., из них 54 — в Средней Азии численностью 1072 чел. [13, т. 2, с. 339].

⁶ На эту тему подробнее см.: [9].

Документы ОГПУ детально показывают обострение социальной обстановки в деревне во второй половине 1920-х гг., показателями которого стали так называемый «кулацкий террор» и рост крестьянских выступлений на почве недовольства налогами и заготовками. Так, во 2-ом томе представлен статистический материал о числе, составе участников выступлений (2853 выступления), фактах и объектах «кулацкого террора», распределении «кулацких группировок» по районам и характеру деятельности за период с 1925 по 1928 г. В эти годы структуры ОГПУ на местах проводили целевые операции против «спекулятивных и антисоветских элементов на хлебном и кожевенном заготовительных рынках СССР». В деревне выявлялись многочисленные антисоветские листовки, в большинстве своем анонимные, с призывами против проводимых властью хозяйственных кампаний [13, т. 2, с. 1026—1027, 1030, 1031—1037].

Важнейшим фактом, установленным из опубликованных во 2-ом томе серии материалов ОГПУ, стала информация о популярности в советской деревне периода нэпа идеи крестьянского союза. Выступления под данным лозунгом, требования организации «крестсоюзов» наблюдались повсеместно и свидетельствовали о росте политической сознательности крестьянства [13, т. 2, с. 1028—1029]. Это явление было опасным симптомом для власти, и она решительно его пресекала.

Также решительно — методом «профилактики» — действовала власть во второй половине 1920-х гг. и накануне сплошной коллективизации, когда проводилось изъятие в деревне оружия, «бывших белых офицеров», выселение «бывших помещиков» [13, т. 2, с. 396—397, 924]. Особенно важным для понимания успеха сталинской коллективизации является факт обезоруживания крестьянства. В условиях жесточайшего давления в период раскулачивания и принудительных хлебозаготовок начала 1930-х гг. деревня не смогла защитить себя так, как это было в годы гражданской войны.

Среди сюжетов, являющихся приоритетными для спецслужбы в рассматриваемый период, особое место занимают события первой половины 1930-х гг., когда на советскую деревню обрушился шквал репрессий. В двух книгах 3-го тома показаны масштабы крестьянского сопротивления насильственной коллективизации и ее последствий. Публикуемые документы подтверждают концептуальное положение, впервые высказанное В. П. Даниловым и развитое в дальнейшем в современной российской и зарубежной историографии, о том, что крестьянство приняло на себя главный удар в годы сталинских репрессий, став наиболее пострадавшей социальной группой.

Опубликованные документы ОГПУ за указанный период, особенно статистические материалы, свидетельствуют об антикрестьянском характере сталинской политики коллективизации, вызвавшей массовое сопротивление крестьян, сравнимое с годами гражданской войны. Масштабы этого сопротивления являются главным тому доказательством [13, т. 3, кн. 1, с. 193—197]. На территории СССР в 1930 г. на почве недовольства политикой государства произошло 13754 массовых крестьянских выступлений. ОГПУ, проведя анализ причин этих выступлений, установило соответствующую иерархию: 7382 (53,6%) против коллективизации,

2339 против «изъятия и ущемления А[нти]С[оветских]Э[лементов]» (17%), 1487 против закрытия церквей и снятия колоколов (10,8%), 1220 (8,8%) из-за «продовольственных трудностей» [13, т. 1, с. 18]. В публикуемых документах показана активная роль женщин в крестьянском сопротивлении раскулачиванию и коллективизации в 1930 г. [13, т. 3, кн. 1, с. 422—426, 532, 544—550].

В сводках ОГПУ за 1930 г. и последующие годы почти нет информации о привлечении РККА к раскулачиванию. Этот факт был подтвержден выводом, сделанным в работах Н. С. Тарховой о том, что Красная армия была выведена сталинским режимом из репрессивной политики в деревне в силу наличия в ее составе огромной массы выходцев из деревни [14; 15].

В 1931 г. крестьянская борьба против сталинской антикрестьянской политики продолжалась. Только с 1 января по 1 октября 1931 г. произошло 1835 массовых выступлений, в которых участвовало 242,7 тыс. чел. Их причинами были мясо- и скотозаготовки, выселения «кулаков», «продзатруднения». Так же, как и в 1930 г., в этот период ОГПУ находило повсюду в советской деревне антиколхозные и «антисоветские» листовки, воззвания и прокламации [13, т. 3, кн. 1, с. 775, 780—787].

Крестьянское противодействие сталинизму в деревне сохранялось и в последующие годы, но в других формах. Например, в 1932 г. таковым стало массовое хищение колхозного урожая, на которое сталинское руководство отреагировало законом, названным в народе «о пяти колосках» («Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г.). Он предусматривал 10 лет тюрьмы и расстрел пойманным «ворам». По опубликованным в 3-ем томе отчетам ОГПУ, на 1 ноября 1932 г. по этому закону в СССР было арестовано 31 488 чел., осуждено 6406 чел., в том числе к высшей мере наказания — 437 чел. [13, т. 3, кн. 1, с. 217]. Всего к 1 января 1934 г. по закону от 7 августа 1932 г. было привлечено к ответственности 250 461 чел.

Сопротивление крестьянства продолжалось и далее, но в значительно меньших размерах, поскольку открытые выступления после массовых репрессий начала 1930-х гг. были уже невозможны. Речь шла о локальных и единичных группах нелегального и в ряде случаев террористического и повстанческого характера [13, т. 4, с. 314]. Например, во второй половине 1930-х гг. органы НКВД регулярно раскрывали «контрреволюционные организации» в деревне («контрреволюционная эсеровская и террористическая организация „Крестьянская партия“», «националистические повстанческие организации», «контрреволюционные группы церковников» и т. д.) [13, т. 4, с. 469, 472—473, 483].

Постоянными были и факты обнаружения в сельской местности листовок и воззваний «контрреволюционного содержания», в том числе распространяемых на воздушных шарах [13, т. 4, с. 645]. Данные сводок и обзоров НКВД на эту тему, на наш взгляд, не позволяют в полной мере оценить реальность и масштабы деятельности ликвидированных нелегальных организаций в советской деревне, особенно в 1937 г., в период сфальсифицированных показательных процессов. Для этого необходимо специальное исследование. Но факт их существования

не вызывает сомнения, поскольку политика сталинского режима не могла не способствовать их появлению.

Данное заключение подтверждается и таким явлением в советской деревне в 1930-е гг., как терроризм и бандитизм. Эта тема постоянно присутствует в опубликованных в сборниках проекта информационных материалах ОГПУ—НКВД. Сводки на протяжении всего указанного периода сообщали о покушениях или убийствах колхозников, председателей колхозов или сельсоветов [13, т. 4, с. 82, 151, 155, 181—182, 645]. Даже в 1938 г. на территории СССР продолжали действовать банды. Например, в горах Чечено-Ингушской АССР насчитывалось в это время 12 бандитских групп [13, т. 4, с. 668].

В контексте проблемы репрессий в советской деревне в 4-м томе опубликованы документы, указывающие, что в 1937 г. советская деревня также попала под «большой террор». Речь идет не только о показательных процессах в отношении партийного и хозяйственного актива, отраженных в материалах тома [13, т. 4, с. 546, 562, 591, 593, 607], но и о выполнении приказа по НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. о «бывших кулаках». Всего по этому приказу было арестовано и осуждено 584899 чел. Задания руководства «по бывшим кулакам» были перевыполнены в 3 раза, в том числе по расстрелам в 5 раз. Их «вычистили» из новостроек, шахт, совхозов и даже с руководящих должностей в колхозах [13, т. 1, с. 20—21, т. 4, с. 239, 229, 287, 447, 575]. Таким образом, в 1937 г. массовые репрессии коснулись не только партийно-хозяйственного актива и армии, но и сотен тысяч крестьян. Эти абсолютно новые знания были получены в результате осуществления проекта.

В двух книгах 3-го тома документально и очень точно описана «кулацкая операция», механизм и детали раскулачивания советской деревни, судьба «кулацкой ссылки». Это поистине уникальный источниковый материал, впервые введенный в научный оборот. Были опубликованы многочисленные справки, докладные записки регионального и центрального руководства ОГПУ, статистические таблицы особого отдела ОГПУ «о количестве изъятого и выселенного контрреволюционного элемента» во время «операций по кулачеству», с разбивкой по областям и социальным группам. Благодаря этому теперь известно, что на 10 декабря 1930 г. по второй и третьей категориям в СССР было раскулачено и выселено 135147 семей. В 1931 г., по справкам секретно-политического отдела (СПО) ОГПУ, к ним присоединилось еще 219715 семей и 2000 чел. «беглых кулаков». Всего в 1930 и 1931 гг. раскулачиванию и выселению подверглось 381026 семей, или 1803392 чел. [13, т. 3, кн. 1, с. 115—118, 140—141, 519—527, 533—534, 683, 716—717, 771, 774].

Раскулаченных вывезли в ссылку в 715 эшелонах, состоявших из 37897 вагонов. Их положение было незавидным. Дети, старики и больные умирали, поскольку во время перевозки и обустройства в местах ссылки их не обеспечили в необходимом объеме продовольствием, жильем, медикаментами. Помещенные в 3-м томе документы красноречиво свидетельствуют об этом преступлении сталинского режима [13, т. 3, кн. 1, с. 661—672, 774].

Они содержат и совершенно новые факты о судьбе раскулаченных и истории кулацкой ссылки в целом. Так, на страницах сборника нашел отражение такой

феномен, как побеги спецпереселенцев. Как выяснилось, их масштабы были значительными. В справке отдела по спецпереселенцам Главного управления лагерями ОГПУ «О количестве бежавших, пойманных и числящихся в побеге спецпереселенцев за 1930—1931 гг.» от 15 августа 1933 г. указывалось, что в 1930—1931 гг. из ссылки бежало 65 480 чел. Из них было поймано 11 856 чел. [13, т. 3, кн. 1, с. 739]. В другой сводке № 22/27 Главного управления лагерями ОГПУ о побегах спецпереселенцев, датированной не ранее 1 октября 1931 г., указывалось, что за время с весны 1930 г. по сентябрь 1931 г. из общего числа спецпереселенцев — 1 365 858 чел., бежало 101 650 чел. Из них задержали 26 734 чел., а в бегах оставалось 74 916 чел. [13, т. 3, кн. 1, с. 772]. По уточненным данным, в 1933 г. бежало уже 179 252 чел. Поймать удалось лишь 53 894 чел., или 31% от общего числа бежавших [13, т. 3, кн. 2, с. 564].

В сведениях СПО ОГПУ о бежавших и задержанных спецпереселенцах в период с 1930 по 1934 г. от 27 апреля 1934 г. приводилась огромная цифра: всего бежало 592 200 чел., из которых было задержано только 148 130 чел., или 25% от общего числа бежавших [13, т. 3, кн. 2, с. 563]. Бежавшие «кулаки», как правило, растворялись в городах. Но были и примеры их возвращения в деревню. Более того, ОГПУ информировало Центр о «самовольной организации кулацких поселков» в ряде регионов страны [13, т. 3, кн. 2, с. 568—569].

В опубликованных томах документальной серии проекта содержится ценнейшая информация о состоянии сельского хозяйства СССР, его проблемах, трудностях, с которыми сталкивалась власть при проведении аграрной политики, различных мероприятий. Хотя они освещались в информационных материалах спецслужбы сквозь призму своих профессиональных функций, но собранные в них факты очень точно характеризуют реальное состояние аграрного сектора экономики страны за два десятилетия. В документах ОГПУ—НКВД описаны ход основных сельскохозяйственных кампаний в регионах и СССР в целом, начиная с 1922 г. и по 1939 г. включительно, с акцентом на трудности с точки зрения государственных интересов [13, т. 4, с. 256].

В сводках и спецсообщениях ОГПУ—НКВД в рассматриваемый период присутствовали так называемые «сквозные темы»: посевная, уборочная, хлебозаготовительная кампании, в которых фиксировались все нюансы перечисленных сюжетов [13, т. 3, кн. 2, с. 560—561, т. 4, с. 197]. Например, в 1935 г. советскую деревню во время уборочной страды охватили «антимашинные и антикомбайновые настроения», негативно повлиявшие на уборку урожая. Колхозники предпочитали вручную убирать хлеб, поскольку не владели новой техникой, или ее использование сопровождалось потерями и задержкой темпов уборки по причине постоянных поломок комбайнов [13, т. 4, с. 135].

Первостепенными сюжетами сводок ОГПУ—НКВД, характеризующих состояние аграрной экономики, всегда были хлебозаготовки. Они, наряду с повстанческими вопросами, постоянно находились в центре внимания информационной работы спецслужб. Документы подтверждают, что заготовки «тянули жилы» из крестьян и проводились административно-репрессивными методами, вызывающими противодействие крестьян. В свою очередь, оно подавлялось са-

мым решительным образом [13, т. 3, кн. 2, с. 543, т. 4, с. 324]. Последствием принудительных хлебозаготовок был голод в советской деревне.

Голод и неурожай — также постоянная тема информационных материалов ВЧК—ОГПУ—НКВД. Советская деревня голодала в 1921—1922 гг., 1924—1925 гг., 1930 г., 1932—1934 гг. и т. д. Пик голода пришелся на 1933 г. [13, т. 3, кн. 2, с. 303, 305, 566—567]. Но мало кто из исследователей знал, что в СССР умирали от голода вплоть до войны. Только после выхода 4-го тома этот факт стал достоянием научной общественности. Например, в январе-феврале 1937 г. в деревне Доньшино Поимского района Куйбышевской области от голода умерло 27 чел., что отражено в спецсообщении УНКВД по этой области от 13 марта 1937 г. [13, т. 4, с. 428—429]. В колхозах Харьковской области зимой 1937 г. очень тяжелым было положение «патронированных детей»: «одежда изорвана», «питание не налажено» и т. д. [13, т. 4, с. 396]. О подобных ситуациях можно прочесть в информационных материалах за 1939 г. В сообщениях 2-го спецотдела НКВД СССР по письмам колхозников за июль 1939 г. приводились следующие высказывания из писем колхозников: «У нас жить сейчас очень плохо, ходи в колхоз каждый день, работай, а хлеба не дают»; «За хлебом нужно встать в 3 часа ночи. В огороде все погорело, ни картошки нет, ни огурцов, ни помидор»; «А в очереди за хлебом дают на смерть» [13, т. 4, с. 757, 759, 760, 768, 786].

Таким образом, к войне страна подошла с острым дефицитом продуктов питания в городах, недоеданием и голодом в деревне. Эта информация противоречит мифу сталинской пропаганды об успехах довоенного сельского хозяйства СССР. Причины голода коренились в низком уровне сельскохозяйственного производства в колхозах и совхозах, неблагоприятных погодных условиях, приводивших к недороду хлебов. Но главной из них была политика государства по безудержной выкачке из деревни ресурсов во имя цели ускоренной индустриализации страны [13, т. 4, с. 804; 2, т. 1, т. 2].

Особенно явно эта преступная политика проявилась в голоде 1932—1933 гг., эпицентрами которого стали основные зерновые районы страны. Опубликованные на страницах 2-ой книги 3-го тома документы ОГПУ свидетельствуют об общей трагедии народов СССР в 1933 г., а не о «геноциде голодомором Украины» [13, т. 3, кн. 2, с. 305—430]. Подтверждением вывода об «общей трагедии» можно рассматривать сюжет о переселении крестьян на Украину в 1933—1934 гг. из других районов страны. Эти переселения рассматриваются сторонниками идеи о «геноциде голодомором» Украины как дополнительный аргумент («замена» украинцев русскими, белорусами и т. д.). В публикуемых докладных записках и спецсообщениях СПО ГПУ УССР и СПО СССР об итогах переселения на Украину колхозников из РСФСР и БССР в 1933—1934 гг. указывается, что к весне 1934 г. в УССР прибыло из данных республик всего лишь 43,1 тыс. семей в количестве 219110 чел. Причем, 10282 хозяйств, или 23,5% от общего числа переселившихся, вернулось обратно на историческую родину по причинам бытовой неустроенности [13, т. 3, кн. 2, с. 500, 523, 531, 545, 639].

Научная значимость опубликованных в 3-м и 4-м томах документальной серии информационных материалов ОГПУ—НКВД состоит в том, что они показы-

вают оформление колхозного строя. Из их содержания хорошо видно, что главной проблемой власти во второй половине 1930-х гг. было ее стремление заставить крестьян добросовестно работать в колхозах. Загнанные в них силой они отлынивали от работы, бежали из деревни в город, переключали свое внимание на личное приусадебное хозяйство и промыслы. Документы проекта, несмотря на свою специфику и политическую терминологию, фиксируют факт кризисного состояния советского сельского хозяйства накануне войны, малую эффективность мер государства по его преодолению, тяжелое материальное положение крестьянства, жившего в атмосфере страха, негативно в массе своей относящегося к существующему режиму. Таковы были реальные последствия сталинской коллективизации.

Новым явлением в коллективизированной советской деревне стало нарушение огромным числом колхозников во всех регионах страны Устава сельскохозяйственной артели. Этот феномен повседневной жизни деревни, постоянно фиксирующийся в документах НКВД в 1935—1939 гг., на языке ведомственной терминологии был озвучен как «проявление частнособственнических тенденций в колхозах». К числу нарушений Устава сельхозартели спецслужбы относили следующие факты: сдача земли в аренду; «увеличение индивидуальных посевов против установленных норм за счет обобщественной земли, земельных участков, принадлежащих отходникам, и сокрытие их от налогообложения; приобретение лошадей колхозниками в личное пользование в целях обогащения; невыход колхозников на работу в колхозе» и т. п. В этом же ряду — «неорганизованное отходничество», когда колхозники вопреки запретам колхозного руководства уходили на заработки в совхозы и города [13, т. 4, с 123—124, 192, 387, 410, 426, 718].

Колхозники «изобрели» и такой способ, чтобы меньше работать на колхоз, как система «отработок». О ее распространении в Воронежской области указывалось, например, в спецсообщении НКВД СССР от 5 июля 1938 г. С согласия правления колхоза колхозники 5 дней в неделю должны были работать в колхозе, а 2 дня у себя «дома», «на огородах». Но на практике они работали только «на себя», откладывая накопившуюся часть колхозных работ на неопределенный срок [13, т. 4, с. 644—645].

Нежелание крестьян работать в колхозе, «нарушения Устава сельхозартели» были вполне закономерной реакцией на аграрную политику государства. Об этом постоянно говорилось в сводках и спецдонесениях НКВД, содержащих крестьянские суждения на эту тему: «в этом году государство заберет весь хлеб нового урожая, и крестьяне будут голодать», «как ни стараются колхозники собирать хлеб, а все равно все разуты и раздетые ходят» [13, т. 4, с. 455, 664, 665]. Сотрудники НКВД сообщали в вышестоящие органы о проблемах с распределением доходов в колхозах: искусственное снижение стоимости трудодня, авансирование по уравнительному принципу и т. д. В деревне не работали созданные для поддержки колхозников кассы взаимопомощи, наблюдались систематические перебои в снабжении деревни промтоварами и предметами первой необходимости (керосином, мылом, спичками, солью, сахаром), в сельской кооперации процветала спекуляция и «распределение дефицитных товаров по знакомым» [13, т. 4, с. 382, 441, 619, 620].

Повседневностью постколлективизированной деревни были самоубийства колхозников и сельских активистов, не выдерживавших пресса давления вышестоящего руководства, осознавших неотвратимость сурового наказания за совершенные проступки: «за отказ от бригадирства», «расплавленный подшипник в тракторе» и т. п. [13, т. 3, кн. 2, с. 526—527]. Так, например, 26 августа 1936 г. НКВД УССР направило Сталину спецсообщение о 60 случаях самоубийств в 49 районах Украины с начала года и по 1 августа. Проведя расследование, оно установило, что самоубийства и покушения на самоубийства произошли в результате «грубого, нечуткого и бездушного отношения со стороны партийно-советского актива», «преследований и травли», «незаконного исключения из колхозов», «необоснованного отстранения от работы» и т. д.» [13, т. 4, с. 295—296].

Очень интересными и новыми фактами являются сообщения НКВД об отношении крестьян к «стахановцам». В 1935—1936 гг. в советской деревне повсеместно получили распространение факты «срыва стахановских методов работы», «противодействия стахановскому движению», «негативного к нему отношения колхозников» (травля, насмешки, избиения). Не только простые колхозники, но и нередко руководство колхозов вело себя неподобающим образом по отношению к стахановцам (не производило расчета «за рекорды» и т. д.) [13, т. 4, с. 185, 194, 195, 433, 434, 459].

Из опубликованных в 3-м и 4-м томах документов следует, что колхозная система в СССР находилась в постоянном кризисе, поскольку держалась на силе административно-репрессивного ресурса государства. Это подтверждается таким малоизвестным в научной литературе фактом, как исполнение на местах постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 19 апреля 1938 г. о запрещении исключений колхозников из колхозов. В документах НКВД указывалось, что в связи с принятым правительством решением колхозное начальство переживало настоящую панику, опасаясь, что останется без рабочих рук. Характерна в этом плане, например, реакция бригадира из Мозырского района БССР: «После этих постановлений я своих колхозников в колхозе не удержу, все разбегутся на заработки» [13, т. 4, с. 629]. Подобные высказывания приводились и по другим регионам: «Это постановление смазывает авторитет предколхоза, теперь колхозников не заставишь работать» [13, т. 4, с. 640].

Информационные материалы советской спецслужбы, наряду с перечисленным, отражают также судьбы различных категорий сельского населения, за которыми велось постоянное наблюдение. Это — сельский актив (председатели колхозов и т. п.), сельская интеллигенция (учителя), двадцатипятидесятники, «бывшие красные партизаны», критиковавшие колхозы, молодежь и т. д.

В сборниках проекта показана жизнь единоличников после проведения сплошной коллективизации, ранее не получившая должного освещения в историографии [5; 12]. В спецсообщениях ОГПУ и УНКВД говорилось о самоубийствах и отказах единоличников от земли, вступления в колхоз, планов сева. Постоянно фиксировались их сопротивление и «саботаж хлебозаготовок», самоликвидация единоличных хозяйств, уход единоличников из села на производство или в совхозы по этой причине [13, т. 4, с. 202—203].

Наряду с этим спецслужбы зафиксировали многочисленные «перегибы» и «нарушения революционной законности» в отношении единоличников в рассматриваемый период: незаконные аресты за невыполнение обязательств перед государством, изъятие их имущества, включая предметы домашнего обихода, неправильное начисление налогов (вплоть на трехмесячного поросенка), массовое штрафование и т. д. [13, т. 4, с. 443, 829].

В то же время органы ОГПУ—НКВД нередко констатировали факт, что, несмотря на давление власти, многие единоличники жили лучше, чем их односельчане в колхозах, поскольку имели побочные доходы от отходничества и не платили с них налогов. Местные органы власти регулярно вскрывали факты недоучета и укрытия облагаемых объектов единоличников. Выяснялось, например, что доходы с побочных промыслов (особенно кустарных) позволяли им расплачиваться по недоимкам с госпоставок и жить лучше, чем колхозники [13, т. 4, с. 391, 814, 830]. Таким образом, даже в условиях жесточайшего давления государства крестьянское семейно-трудовое хозяйство продемонстрировало свою живучесть. Это — важный факт с точки зрения анализа дальнейшей судьбы советского колхозного строя.

Новую информацию дают сводки ОГПУ и НКВД о поведении сельской молодежи в 1930-е гг. Не все молодые люди ориентировались на предоставленные сталинским режимом возможности успешной карьеры через профессиональное обучение, службу в армии и работу в управленческих структурах колхозов, сельских советов, партии и комсомола [10]. Часть из них занимала критическую позицию по отношению к политике власти, названную в документах ОГПУ—НКВД «антисоветскими проявлениями». На эту тему в сводках СПО ОГПУ и УГБ НКВД информация о ликвидированных в сельских школах и сельских районах «контрреволюционных группах молодежи», члены которых даже «рисовали свастику», распространяли листовки «за Гитлера», заявляли, что «каждый фашист должен вредить колхозу» и т. д. [13, т. 4, с. 70—80, 90—91, 420]. Этот сюжет, так же как деятельность проходящих в документах ОГПУ—НКВД за 1930-е гг. многочисленных «антисоветских организаций», нуждается в отдельном исследовании.

Значительный интерес представляют введенные в научный оборот документы ОГПУ—НКВД о реакции крестьянства на различные политические мероприятия власти, об их отношении к лидерам Советского государства. Это совершенно новая информация по важнейшим событиям в истории СССР 1920—1930-х гг., которая ранее была не доступна для исследователей.

Например, сводки ОГПУ фиксируют положительное отношение крестьян к В. И. Ленину в связи с его болезнью и смертью: «большинство крестьян сожалеет о смерти т. Ленина» [13, т. 2, с. 175]. Его преемниками они видели Л. Д. Троцкого, М. И. Калинина и др. [13, т. 2, с. 188]. Среди обсуждаемых лидеров государства нигде не называлось имя Сталина. В первой половине 1920-х гг. в народе он был неизвестен, по сравнению с другими деятелями. Этот факт очень важен при анализе причин возвышения Сталина и утверждения его диктатуры.

Информационные материалы ОГПУ—НКВД на протяжении 1920—1930-х гг. постоянно отмечали недоверчивое и враждебное отношение значительной части

крестьянства к мероприятиям советской власти. Это было характерно не только в годы коллективизации и голода 1932—1933 гг., но и в последующий период. Например, в спецсообщениях УНКВД за 1936 г. сообщалось о недоверии колхозников к обещаниям власти передать землю колхозам в вечное пользование. Для них вручение актов на вечное пользование землей означало оформление «нового крепостного права». Отсюда зафиксированное УНКВД халатное хранение данных актов в колхозах: «в общих шкафах», «скотных амбарах» и т. д. [13, т. 4, с. 220, 450].

Такой же скептической по документам НКВД была реакция большинства крестьян на сталинскую конституцию. Они видели ее двуличность: «Это все одно вранье» [13, т. 4, с. 177]. В деревне говорили: «В проекте новой Конституции записано — кто не работает, тот не ест, а на самом деле у нас наоборот. Вот мы, колхозники, работаем день и ночь, а сидим голодные», «Сталинская конституция — это ничего не говорящий клочок бумаги, ибо ничего не делается, что в ней сказано» [13, т. 4, с. 353—643].

В этом же ряду безразличное и негативное отношение значительной массы крестьян к выборам в органы советской власти. Им претила демагогия сталинской пропаганды о блоке коммунистов и беспартийных, вызывала раздражение невозможность выдвижения своих кандидатов. Итогом была отмеченная в донесениях ОГПУ—НКВД низкая явка сельских избирателей на выборах, особенно в республиканский и общесоюзный Верховный Совет [13, т. 4, с. 345, 348, 610, 618, 627]. «Зачем нам эти выборы, от них нам, колхозникам, жить лучше не будет», «Во время выборов в Верховный Совет СССР мы голосовали как бараны и делали все, что нам говорили, теперь вы опять выставляете кандидатов, которых мы не знаем. Голосовать за них не будем», — говорили крестьяне [13, т. 4, с. 619, 631].

Их недоверие вызвала даже Всесоюзная перепись населения 1937 г. Органы НКВД зафиксировали следующие слухи в советской деревне по этому поводу, исходившие, как они подчеркивали, от «церковников и сектантов»: «Ночью будут ходить по домам и задавать вопросы: „Кто за Христа и кто за Сталина?“ Тот, кто запишется, что он за Христа, будет после переписи коммунистами расстрелян», «6 января будет проведена Варфоломеевская ночь, все население будет вырезано» [13, т. 4, с. 385].

Региональные управления НКВД СССР фиксировали не утешительную для власти реакцию части сельского населения на советско-германский пакт о ненападении и вступление Красной армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии: «Германия заключила договор с СССР с целью успокоить Советский Союз, чтобы потом неожиданно напасть войной на СССР», «Может быть, придется винтовки повернуть внутрь страны» [13, т. 4, с. 791, 803, 805].

Документы советской спецслужбы характеризуют и многие другие факты из повседневной жизни деревни в рассматриваемый период, как известные в историографии, так и совершенно новые. Среди последних: массовые панихиды в Винницкой области Украины в январе 1934 г. «по умершим от голода»; религиозные шествия летом 1936 г. в сельских районах СССР «по случаю отсутствия дождя», свидетельствовавшие о сохранении веры в Бога у советских крестьян, несмотря на все гонения власти на церковь в годы коллективизации; многочис-

ленные отказы весной 1937 г. в советской деревне «от новых паспортов с карточками»; переселения красноармейцев накануне войны в поселения типа аракчеевских и т. д. [13, т. 4, с. 280, 445, 447].

По вполне понятным причинам в документах ВЧК—ОГПУ—НКВД не получили должного внимания сюжеты о культурной жизни советской деревни. Но и имеющаяся информация на эту тему крайне интересна. Например, она свидетельствует, что проблемы культуры в деревне стали попадать в поле зрения спецслужб только с середины 1930-х гг. И это вполне закономерно, поскольку именно с этого времени они стали волновать и власть. Органы НКВД вскрыли многочисленные недочеты в работе сельских клубов, изб-читален, красных уголков, многие из которых были грязными, заняты под ссыпку хлеба, кузницу, не отапливались и т. д. [13, т. 4, с. 235, 245].

Предпринятый в настоящей статье анализ результатов российско-французского проекта «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД», на наш взгляд, дает все основания для вывода о большой их научной значимости и успешности проекта в целом.

Важно отметить, что параллельно с публикацией документов шло введение в научный оборот «новых знаний», полученных из информационных материалов спецслужб. Первыми авторами были руководители проекта [16; 17; 3; 18]. По мере осуществления проекта его результаты становились предметом обсуждения на международных научных конференциях⁷. Росло как число авторов, активно использующих информационные материалы спецслужб, так и количество научных работ, среди которых были не только статьи, но и диссертации, монографии [4; 7; 1; 6]. Важно отметить, что проект дал импульс для появления аналогичных видовых публикаций регионального уровня [11].

Все сказанное о проекте — наглядный пример успешного международного сотрудничества ученых в изучении национальной истории России. Положительный опыт проекта, как организационный, так и научный позволяют говорить о перспективности и необходимости продолжения начатой В. П. Даниловым и его коллегами при поддержке руководства архивной службы ФСБ России работы по публикации новых документов. Известно, что информационная работа спецслужб, так обстоятельно описанная В. К. Виноградовым в исторических предисловиях к каждому тому проекта, была разнообразной и охватывала многие стороны жизни советского общества. Ресурсы периодических информационных материалов российских спецслужб намного больше, чем были возможности описанного проекта. Дальнейшее использование их в виде новых серийных публикаций позволит не только расширить источниковую базу научных исследований, но и создать подлинно научную историю России XX века.

⁷ 14—17 ноября 2003 г. на международной конференции в Японии, организованной профессором Токийского университета Х. Окуда («Фудзи-конференции»), 29—30 сентября 2005 г. на международной конференции в Стокгольмской школе экономики, организованной профессором Л. Самуэльсоном; 29 сентября — 2 октября 2010 г. на международной конференции в Екатеринбурге «История сталинизма: крестьянство и власть», организованной фондом «Президентский центр Б. Н. Ельцина» и др.

Литература

1. *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина. М., 2010.
2. Голод в СССР. 1929—1934: В 3 т. Т. 1. 1929 — июль 1932: В 2 кн. / Отв. составитель В. В. Кондрашин. М., 2011; Т. 2: Июль 1932 — июль 1933. М., 2012.
3. *Данилов В. П.* Необычный эпизод в отношениях между ОГПУ и сталинским политбюро (год 1931) // Вопросы истории. 2003. № 10.
4. *Ивницкий Н. А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928—1933 гг.). М.; Торонто, 2000.
5. *Ильиных В. А.* Единоличники Западной Сибири в 1930-е гг.: социальные изменения, стратификация // Отечественная история. 2006. № 6.
6. *Кананерова Е. Н.* Международные научные проекты по аграрной истории России (конец XX — начало XXI вв.) // Автореф. дисс... канд. ист. наук. Пенза, 2007.
7. *Кондрашин В. В.* Голод 1932—1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.
8. *Кондрашин В. В.* В. П. Данилов — публикатор документов по аграрной истории России первой половины XX века // Отечественная история. 2012. № 6.
9. *Кондрашин В. В.* Крестьянство России в гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.
10. *Окуда Х.* «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е — начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы международной научной конференции. Москва, 5—7 декабря 2008 г. М., 2011.
11. Рязанская деревня в 1929—1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы / Отв. ред.-сост. *Л. Виола, С. В. Журавлев* и др. М., 1998.
12. *Скорик А. П., Бондарев В. А.* К вопросу о классификации индивидуальных крестьянских хозяйств в колхозной деревне 1930-х годов (на материалах Юга России) // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 7. М., 2012.
13. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939 гг. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1: 1918—1922 гг. / Под ред. *А. Береловича, В. Данилова*. М., 1998; Т. 2: 1923—1929 гг. / Под ред. *А. Береловича, В. Данилова*. М., 2000; Т. 3. 1930—1934 гг. / Под ред. *А. Береловича, В. Данилова*. Кн. 1: 1930—1931 гг. М., 2003; Кн. 2: 1932—1934 гг. М., 2005; Т. 4: 1935—1939 гг. / Под ред. *А. Береловича, С. Красильникова, Ю. Мошкова* и др. М., 2012.
14. *Тархова Н. С.* Армия и крестьянство: Красная Армия и коллективизация советской деревни. 1928—1933 гг. М.; СПб., 2006.
15. *Тархова Н. С.* Красная армия и сталинская коллективизация. 1928—1933 гг. М., 2010.
16. *Danilov V., Berelowitch A.* Les documents de la VCK—OGPU—NKVD sur la campagne soviétique. 1918—1937 // Cahiers du Monde russe. 1994. Vol. XXXV. № 3. Juil. — sept.
17. *Werth N.* Une Source inédite: Les Svodki de la TCHEKA—OGPU // Revue des Etudes slaves. P. 1994. Vol. XXXV. № 1.
18. *Nicola Werth, Alexis Berelowitch.* L'Etat soviétique contre les paysans rapports secrets de la police politique (Tcheka, GPU, NKVD). Tallandier, 2011.

*Л. Н. Мазур*¹

Модели потребления крестьянства: от традиционности к модерну (по материалам Среднего Урала)

В статье рассматриваются эволюция моделей потребления крестьян во второй половине XIX — XX вв. на примере Среднего Урала. Приводится типология моделей потребления, их черты и региональные особенности. Подробно анализируется структура потребления уральского крестьянства 1960-х гг., иллюстрирующая проблемы перехода к советской модели потребительского общества.

Ключевые слова: модели потребления крестьян: традиционная, переходная, современная (урбанизированная); структура и источники доходов и потребления, продовольственное потребление, товарное потребление, Урал.

Образ жизни крестьянства тесно связан с такими показателями как доходы и потребление, которые, в свою очередь, находятся под влиянием экономических, демографических факторов и определяют качество жизни. Важной характеристикой потребления выступает его ориентация на внутренние или внешние по отношению к семье и семейному хозяйству ресурсы. В традиционном обществе обеспечение потребностей семьи осуществляется за счет семейного производства, т. е. фактически самообеспечения (традиционная модель потребления). Натуральный характер производственной деятельности определяет объемы, структуру потребления, ориентированную на удовлетворение базовых потребностей, ограниченный традиционный ассортимент продуктов и предметов потребления.

В условиях индустриального общества, благодаря специализации, развитию сельской торговли, структура потребления крестьянской семьи постепенно переориентируется на внешние источники. В результате складывается новая современная модель потребления, основанная на городских стандартах, когда практически полностью исчезают различия в объемах и структуре потребления между городским и сельским населением.

¹ Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Lmaz@mail.ru, Россия, г. Екатеринбург.

Рассматривая потребление крестьянства в исторической ретроспективе, необходимо выделить переходный вариант потребительской модели, которая складывается в России во второй половине XIX в. и получает распространение в условиях колхозно-совхозной системы в 1930—1950-е гг. Для нее характерно наличие двойного стандарта — обыденного и показного (демонстративного), которые существуют, дополняя и корректируя друг друга. Обыденный уровень потребления базируется на традиционных принципах и определяет образ жизни. Демонстративный вариант строится на использовании элементов городской материальной культуры (мебели, одежды, предметов быта и пр.) и предназначен для презентации общественного статуса семьи, ее «зажиточности».

Термин «демонстративное потребление» был введен еще в конце XIX в. американским экономистом Т. Вебленом, создавшим «теорию праздного класса» [4]. Феномен демонстративного потребления был зафиксирован им по отношению к новым представителям класса буржуазии, выбившимся из низов. В 1920-е гг. ряд экономистов отметили тенденцию эволюции «демонстративного» потребления в «модное», связав его с потребительством как стандартным вариантом поведения в современном обществе.

Несмотря на то, что демонстративное потребление первоначально считалось свойственным состоятельным людям, исторические факты и современные исследования экономистов свидетельствуют о том, что оно встречается среди бедных, позволяя им формировать о себе более выгодные представления и претендовать на более высокий статус [6]. Оно характерно для общества, где дифференциация по уровню доходов существенна и открывает зажиточным слоям более широкий круг возможностей для самореализации. Таким образом, демонстративное потребление тесно связано с процессами социально-экономического расслоения общества и в целом отражает маргинализацию образа жизни, некоторый переходный момент в жизни человека, семьи, социальной группы.

Принципиальное отличие переходной (демонстративной) модели от современного урбанизированного варианта — это индивидуализация потребительского поведения и особая мотивация, свойственные для общества потребления. В современном обществе потребление имеет подчеркнута рациональное обоснование. Основные сферы материального потребления (обстановка, жилье, одежда и обувь, бытовая техника, тип питания и пр.) формируют интегрированный, неразделенный предметный мир человека, соответствующий его представлениям об удобстве, полезности, функциональности и социальном статусе, в соответствии с которыми выделяются функциональный, рациональный, ценностный, модный и прочие типы потребления. Не углубляясь в их характеристику, отметим, что все они реализуют индивидуальные жизненные приоритеты человека и являются составной частью его образа жизни. Отражая разные подходы к потреблению, современная модель опирается не на ресурсы семьи, как производственной ячейки, а на ресурсы всего общества в целом, приобретая все более глобальные черты. И в этом видится основная закономерность развития сферы потребления — сочетание тенденций глобализации с индивидуализацией. Современные модели потребления различаются в зависимости от уровня доходов и социального

положения, но не по географическому принципу: в сельской местности она будет строиться по тем же образцам, что и в городской.

Создание новой модели потребления шло неравномерно и адресно. Изменения в потреблении коснулись в первую очередь «зажиточных» крестьян — той категории, которая начинает оформляться в пореформенный период в результате социально-экономической дифференциации, непосредственно связанной с развитием товарно-денежных отношений в деревне и разрушением натурального характера крестьянского хозяйства. Параллельно в этом процессе участвуют крестьяне-бедняки, которые также становятся субъектами товарно-денежных отношений в деревне, продавая свой труд. Но они поддерживают традиционную модель потребления, ориентированную на минимизацию и натурализацию всех основных статей расхода. Поэтому как агентов модернизации в сфере потребления их рассматривать нельзя. А вот зажиточные крестьяне представляют значительный интерес, поскольку индекс их покупательной способности влиял на темпы развития сельской торговли и условий жизни.

Представление о зажиточности было свойственно крестьянскому миру во все времена и включает два основных момента: во-первых, оно не связано с приобретением каких-либо качественных отличий, т. е. категория зажиточных крестьян не воспринимается как «чужая», их социальный статус не меняется. Она формируется и развивается в рамках заданной социальной общности — крестьянства; во-вторых, критерии зажиточности базируются исключительно на количественных характеристиках (больше, чем у других, земли, скота, техники, доходов и пр.).

Применительно к более раннему периоду (XIX в. — конец 1920-х гг.) к категории зажиточных относили, прежде всего, те хозяйства, которые отличались более высокими производственными показателями (земельный надел, поголовье скота, число работников), что влияло на более высокий уровень доходов и потребления, чем у большинства крестьянских семей. Следует подчеркнуть производственную составляющую понятия зажиточности в этот период, важнейшими источниками формирования которой были внутренние ресурсы крестьянского двора — демографические, земельные, производственные, технологические и пр. Так, например, описывая крестьянские хозяйства Пермской губернии, земские статистики относили к категории богатых хозяйств тех, кто имел 3—4 лошади, 3—4 дойные коровы, 6 овец, 3 свиней (не считая молодняка); к «среднякам» — хозяйства с 2 рабочими лошадьми, 2 коровами, 3 овцами, 2 свиньями; а к «беднякам» — хозяйства, где было 1—2 лошади, 1 корова, 2—4 головы мелкого рогатого скота².

Одновременно отмечалась относительность этих критериев, поскольку в южных уездах губернии сельскохозяйственная деятельность, в том числе животноводство, развивались более интенсивно, и это отражалось на количественных параметрах крестьянских хозяйств. В частности, зажиточными на юге Шадринского уезда считались семьи из 4—5 человек, которые имели в среднем 12—15 дес. земли, 4—6 голов рабочего скота, 6—10 голов крупного рогатого скота, 10—15 овец,

² См.: Списки населенных мест Российской империи. Т. 31: Пермская губерния. СПб., 1875. С. CCCXIV.

5—10 свиней. Таким образом, «зажиточность» необходимо воспринимать как релятивное понятие, критерии и содержание которого постоянно меняются вместе с окружающей средой и стандартами жизни.

Между зажиточностью и объемами потребления существует прямая связь, но она опосредуется таким понятием, как модель потребления, что представляется более важным для понимания мотивации хозяйственной деятельности и механизмов распределения полученного совокупного дохода.

Для традиционной модели потребления свойственна нацеленность на удовлетворение потребностей семьи за счет использования внутренних источников, что принято называть натуральным производством. Натуральность выступает как важнейшая черта крестьянской экономики, в условиях модернизации она начинает постепенно разрушаться, накладывая свой отпечаток на особенности трудовой стратегии и процессы дифференциации хозяйств. В частности, уже во второй половине XIX в. отмечается развитие товарности крестьянских хозяйств, но причины этого для разных категорий крестьян были различны. Так, например, середняки сохраняли преимущественно натуральный характер производства и концентрировали усилия на своем хозяйстве. Бедняки были вынуждены подрабатывать на стороне, т. к. собственное хозяйство не могло прокормить семью и нужно было как-то компенсировать этот недостаток. Зажиточные семьи, получив прибавочный продукт, могли его продавать, а доход использовать для расширения производства и потребления.

В начале XX в. денежные поступления от заработной платы или продажи сельскохозяйственной продукции у среднестатистического крестьянина составляли меньше половины совокупного дохода, а его модель потребления складывалась следующим образом: значительная часть произведенного продукта уходила в пищу и внутрихозяйственное потребление (зерновые и картофель), некоторая часть денежных доходов — на приобретение промышленных товаров (текстиля, чая и масла), практически не было трат на предметы культуры (книги, картинки), крайне мало средств вкладывалось в расширение производства — оборудование и инвентарь [9, с. 36]. Такая структура расходов была вполне типичной и не зависела от социальной категории. Сохраняя натуральные черты, она свидетельствует все же об определенных сдвигах в образе жизни, выразившихся в расширении круга внешних источников потребления.

Опосредованным показателем формирования новой потребительской модели выступает развитие сельской торговли и ремесел. Применительно к середине XIX в. источники фиксируют в целом низкий уровень развития ремесла в Пермской губернии. Только в Перми, Екатеринбурге, Кунгуре и Нижнем Тагиле отмечены ремесленные заведения с наемными рабочими и достаточно высоким объемом производства. В других городах оно не выходило за пределы семьи.

Во второй половине XIX в. ремесленное производство заметно активизируется, особенно в заводских поселениях. Из сельских промыслов в Пермской губернии во второй половине XIX в. получили развитие ткачество, шерстобитный промысел (с. с. Карташево, Елдунин, Пьянково), шитье тулупов, сундучный промысел, шитье платья и шапок (с. Полевское), шорное, бондарное производство

и пр. Промыслами занимались практически все крестьянские хозяйства, но были и свои особенности. Для бедного крестьянства характерно было производство лаптей, бондарной, гончарной продукции, плетение рогожи, циновок³. Более сложные производства (ковры, сундуки, медная посуда и пр.) получили развитие там, где это приобретало формы предпринимательства.

Расширение сельских промыслов, а также ремесленного и промышленного производства в городах имело особое значение для разрушения натуральной модели потребления. Появляются новые предметы обстановки, одежды, продукты питания, которые постепенно получают распространение в сельской местности.

Особенностью новой — переходной — модели потребления крестьян, которая складывается на рубеже XIX—XX вв., стала ее двойственность: в обыденной жизни потребление носило сугубо традиционный характер, а для демонстрации обществу, гостям — парадно-показной. Так, например, изучая обыденную культуру горнозаводского населения Урала, С. В. Голикова отмечает, что в интерьере домов заводских поселений уже во второй половине XIX в. появляются кровати, диваны, горки сундуков и даже трюмо и этажерки, которые украшались вышивками, салфетками, полы застилались половиками или ткаными коврами, но не они определяли быт семьи. Городские предметы обстановки украшали «чистую» половину дома, которая предназначалась для гостей или вообще не использовалась и стояла заколоченной. Вся семья при этом ютилась в пределе («кухне»), обстановка и оборудование которой сохраняли традиционный вид [5, с. 58—59]. Деление дома на «чистую» горницу и жилую половину получило распространение и в крестьянской среде.

Двойной стандарт потребительской модели также формируется в сельской местности. Он сохранился вплоть до середины XX в. и проявлялся в украшении горницы и приобретении статусных вещей — патефона, часов, создании особого праздничного гардероба, которые должны были демонстрировать обществу достаток семьи. При этом обыденный уровень соответствовал традиционной модели потребления; он, собственно, и определял качество жизни. Воспоминания об этом сохранились в рассказах крестьян: «Народ одевал холщовую (портяную) одежду. Мужики носили рубахи-косоворотки из пестряди с поясом с кисточками, штаны кипсовые полосатые. Холст ткали сами хозяйки, сами красили в разные краски. Женщины тоже носили портняные юбки с оборками. Летом носили в будни босишки из бересты и лапти. Зимой — валенки, шили кошули (шубный мех покрывали портяниной). В праздники одежда была иная. У мужчин были хромовые сапоги, брюки из вигони, рубаха сатиновая в полоску и пояс с кисточкой. Женщины одевали платья сатиновые с оборками, цветной платок с кистями, на ноги — ботинки с резинкой на боку или высокие со шнурком (двадцать глазков). Одежду очень берегли. Праздничная одежда хранилась отдельно в клети» [3, с. 129].

Создание особого праздничного гардероба не было чем-то новым, он был характерен и для традиционной модели потребления. Но если раньше он был рукодельным, то во второй половине XIX — начале XX в. все чаще праздничный гарде-

³ Списки населенных мест Российской империи. Т. 31. С. CCCXXV—CCCXL.

роб формируется через торговлю, из покупных вещей, и соответствует «модным» представлениям.

В результате коллективизации и утверждения колхозно-совхозной системы кардинально меняются источники формирования бюджета семьи, но не модель потребления. Уровень жизни и доходы колхозного крестьянства измеряются уже в другой системе координат и непосредственно связаны с положением дел в колхозе. Важнейшим источником доходов и потребления на протяжении всех лет советской власти оставалось приусадебное хозяйство. Причем на ранних этапах колхозного строя оно было едва ли не единственным источником, поддерживающим жизнь крестьянской семьи, поскольку оплата за работу в колхозе носила символический характер и не могла обеспечить в большинстве случаев прожиточный минимум. В результате в 1930-е гг., в военный и послевоенный период (пока в структуре совокупного дохода преобладали натуральные доходы) потребительская модель семьи колхозника опиралась в основном на внутренние ресурсы (приусадебное хозяйство и натуральная плата от колхоза) и воспроизводила двойной стандарт с общим низким традиционным уровнем потребления.

Ситуация меняется в конце 1950-х — 1960-е гг. Показатели совокупного дохода характеризуют устойчивую тенденцию роста. Если в 1950 г. средний месячный доход семьи колхозника из 2 человек по СССР составлял 29,1 руб., то в 1955 г. — 44,7 руб.; в 1960 г. — 50,7; в 1970 г. — 105,2 руб. [8, с. 24—25]. По Свердловской области среднегодовой денежный доход колхозников (на семью) вырос почти в 3 раза, составляя в 1951—1955 гг. 596,7 руб., в 1956—1958 гг. — 801,9 руб., в 1962—1965 гг. — 1460,5 руб. [7, с. 97]⁴.

Хрущевское десятилетие — время, когда в условиях общего роста уровня жизни крестьянства снова начинают действовать механизмы социально-экономической дифференциации, способствуя разделению его на категории в зависимости от уровня зажиточности. Ранее эта дифференциация была очень условной, т. к. ситуацию определяло общее нищенское положение колхозников, по отношению к которым понятие зажиточности применять было некорректно [2, с. 31]. В 1963 г. в Свердловской области малообеспеченные семьи, имевшие душевой доход менее 360 руб. в год, составляли 45,2%; среднеобеспеченные семьи с душевым доходом 361—900 руб. — 50,7%; зажиточные (свыше 900 руб. в год на одного члена семьи) — 4,1%. Основной для выделения этих категорий послужила группировка, полученная в результате обработки первичных данных бюджетных обследований (табл. 1), с учетом среднего показателя дохода, который составил в Свердловской области в 1963 г. 541 руб., а по СССР — 498 руб. в год, и прожиточного минимума, размер которого по данным статистики был равен 35 руб. в месяц. Семьи, получавшие доход на одного члена до 35 руб. в месяц, характеризовались как малообеспеченные⁵.

⁴ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3892. Л. 42, 63; ГАРФ. Ф. 374. Оп. 35. Д. 3234. Л. 139.

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 44. Д. 3677. Л. 14; ГАРФ. Ф. 374. Оп. 35. Д. 3234. Л. 53.

**Распределение семей колхозников Свердловской области
в 1963 г. по размерам реального дохода**

Доход на одного члена семьи, руб.	до 240	241—300	301—360	361—420	421—480	481—600	601—720	721—900	901—1200	1201 и более
Удельный вес семей колхозников, %	16,3	15,8	13,1	10,9	10,4	15,4	8,6	5,4	3,2	0,9

Источники: Бюджеты колхозников Свердловской области за 1963 г. (ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3529, 3581, 3584).

К зажиточным слоям советской деревни в 1950—1970-е гг. относились семьи высокооплачиваемых работников колхозов и совхозов: специалистов, административно-управленческого аппарата, механизаторов, частично животноводов. Получая сравнительно высокий денежный доход от работы в колхозе, они уже не зависели в такой степени, как остальные крестьяне, от личного приусадебного хозяйства, поэтому оно постепенно приобретает черты подсобного, вспомогательного производства. Характерно, что именно в среде более зажиточных селян быстрее прививаются стандарты городской культуры и образа жизни, а раскрестьянивание достигает своего логического завершения.

Хрущевское десятилетие стало не только временем существенных социально-экономических и политических сдвигов в обществе, но и переломным периодом, с которым связано создание общества потребления в советской вариации и современной модели потребления.

Изменения происходят не сразу. В первой половине 1960-х гг. еще отмечается преобладание в структуре потребления расходов на питание и предметы первой необходимости и, напротив, непозволительно низкие затраты на удовлетворение культурно-бытовых запросов, что свидетельствует об общем низком уровне благосостояния (табл. 2). При этом структура потребления колхозников и горожан существенно не отличается: расходы на питание преобладают в обоих случаях. Различается его модель: структура питания в крестьянских семьях складывалась из продуктов, произведенных в личном хозяйстве, которое полностью обеспечивало крестьян молоком, яйцами, мясом и на 93% овощами⁶. Торговля в середине 1960-х гг. мало влияла на рацион колхозников, обеспечивая их продуктами промышленного производства, конкретный перечень которых зависел от обеспе-

⁶ См.: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3892. Л. 62; ГАРФ. Ф. 374. Оп. 35. Д. 7996. Л. 92. Приведенные данные содержатся в аналитических записках статуправления Свердловской области за 1963 г. и представляются несколько завышенными.

ченности торговых предприятий бакалейными и гастрономическими товарами. В городе продукты питания в основном приобретались через торговлю.

Таблица 2

Структура расходов населения Урала в 1965 г.,%

Статья расхода	Уральский регион (колхозники)	Свердловская область (колхозники)	Свердловская область (рабочие и служащие)
Питание	50,7	50,2	41,0
Непродовольственные про- мышленные товары	25,9	26,9	20,0
из них на одежду, обувь	18,1	19,2	17,0
Алкоголь и табак	6,2	7,0	6
Культурно-бытовые нужды	2,8	3,7	3
Налоги и сборы	1,4	1,3	8
Прочие	13,0	10,9	22,0

Источники: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 35. Д. 3234. Л. 63—64; Д. 7896. Л. 212.

Чаще всего крестьянская семья в 1960–е гг. покупала в магазинах хлеб, причем часть приобретенного хлеба помимо личного потребления использовалась для хозяйственных нужд, в т. ч. для корма скота. По итогам статистических разработок в 1961 г. на эти цели расходовалось в месяц в среднем 268,2 кг хлеба на 100 хозяйств⁷. Две трети крестьянских семей покупали в магазине маргарин и жиры, максимальные расходы на эти продукты не превышали 30 руб. в год, а в большинстве случаев (71%) составляли 3—6 руб.⁸ Достаточно распространенной статьей семейного расхода было приобретение кондитерских изделий, на которые тратилось в большинстве семей (63%) до 24 руб. в год, а в каждом десятом хозяйстве расходы превышали 50 руб. Чуть больше половины крестьянских хозяйств (55,2%) покупали в магазинах чай и очень редко кофе, расходуя на них в среднем 1—2 руб. в год. Из мясных продуктов в магазинах крестьяне чаще интересовались колбасами и мяскопченостями, затраты на них в половине семей достигали 15 руб. в год, а в некоторых хозяйствах (2,7%) они превышали 60 руб. Такое же положение отмечается и с приобретением рыбной продукции — консервов, соленой и копченой рыбы. Более половины семей расходовали на покупку их до 15 руб. в год.

Обращает на себя внимание очень высокий удельный вес расходов на алкогольные напитки. Только в 0,9% обследованных семей не зафиксирована эта ста-

⁷ См.: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 2945. Л. 47.

⁸ Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, показатели получены на основе анализа первичных бланков бюджетов колхозников Свердловской области за 1963 г. (ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3529, 3581, 3584).

тъя расходов, а ее среднеарифметический показатель соответствует 109 руб. в год. При этом 21,3% хозяйств тратили на эти цели до 30 руб. в год, а 8,6% покупали винно-водочные изделия на сумму 241 и более рублей. Кроме того, существенную статью в расходах колхозников составляли закупки сахара, количество которого в значительной степени определялось потребностями семьи, ее составом. Можно предположить, что сахар выступал в качестве сырья для производства самогона, увеличивая затраты семьи по данной статье.

Высокие показатели расходов на спиртные напитки и традиционное для крестьян производство браги и самогона свидетельствуют об усилении негативных моментов в образе жизни крестьянства. Проблема народного пьянства поднималась еще земскими статистиками, которые отмечали, что «вино простым народом потребляется безвременно и притом сверх меры», порождая пьянство⁹. Винокуренные заводы Пермской губернии в 1867 г. производили до 0,5 ведра спирта на каждого жителя; кроме того, в крестьянской среде складывается обычай варить пиво и брагу, для чего многие выращивали на своих усадьбах хмель. В Шадринском уезде по берегам реки Исети и Течи были заросли дикого хмеля. Сельские общества откупали участки по 2—3 версты и собирали его. На семью приходилось до полупуда. Причем отмечалось, что на рынке этот товар не появлялся: весь уходил на внутреннее потребление.

В советское время самогоноварение было особенно распространено в довоенный и послевоенный периоды. В 1960-е гг. его производство сокращается, чему способствовали не только систематически проводившиеся акции милиции по изъятию самогонных аппаратов у населения, но и появление возможности приобретения алкоголя в магазинах. Часто алкогольные напитки покупались не только для личного потребления, но и для оплаты за некоторые услуги: помощь в строительстве и ремонте дома, вспашке огорода и т. д. При этом доля расходов колхозников на алкоголь была такой же, как и в городах, хотя в абсолютном выражении они тратили меньше.

Судить однозначно по расходам на алкоголь об уровне пьянства в деревне сложно. По воспоминаниям крестьян, перелом в отношении к спиртному приходится на послевоенный период [3, с. 112]. Совсем иная картина складывается из воспоминаний тех, детство которых прошло в городе: «Пили в городе сильно и много. В нашем доме была „Казенка“, там все продавалось — от чекушки до литра, все с разными наклейками и недорого. Если праздник какой-то, весь дом пьяный» [3, с. 130—131]. В 1960-е гг. доступность алкоголя и отношение к нему меняются, пьянство, в котором всегда подозревали деревню, становится реальной проблемой.

Таким образом, в 1960-е гг. торговля еще мало влияла на рацион колхозников, обеспечивая их продуктами, самостоятельное производство которых было затруднено. Определенную роль в поступлении ряда продуктов питания — мяса, молока, овощей, рыбы — играла внутридеревенская торговля. Общий объем потребляемой пищи зависел от физиологических потребностей человека, а структура питания и ассортимент продуктов формировались исходя из источников их

⁹ См.: Списки населенных мест Российской империи. Т. 31 С. CCCLI.

поступления, т. е. реальных возможностей семьи удовлетворить свои потребности, а главным источником формирования структуры питания оставалось в этот период личное подсобное хозяйство.

Анализируя структуру потребления колхозников в 1960-е гг., нужно отметить еще один момент — возрастание роли предприятий общественного питания. В урбанизированном обществе общественное питание становится элементом обыденности. В сельской местности система общественного питания начинала складываться в 1930-е гг., но носила сезонный характер, не влияя заметно на ежедневный рацион. По материалам бюджетов в 1960-е гг. колхозники питались главным образом дома: 21,7% колхозников вообще не пользовались услугами предприятий общественного питания; остальные в большинстве случаев тратили на него не более 20 руб. в год и только 4,6% — свыше 81 руб. В это число вошли также семьи, в которых дети обедали в дошкольных и школьных учреждениях.

Если структура питания колхозников в 1960-е гг. воспроизводит в целом традиционные черты, то другие сферы потребления семьи начинают активно меняться, в результате чего материальный мир крестьянской семьи постепенно приобретает городские черты. В первую очередь это относится к одежде и обуви, мебели и предметам обстановки, бытовой технике, транспортным средствам. В более ранний период приобретение «городских» предметов быта было эпизодическим явлением, диктовалось соображениями престижа и определялось созданием демонстративной модели потребления. В 1960-е гг. городские предметы начинают активно внедряться в быт крестьян и меняют представления о норме и образе жизни. Это время, когда накопившиеся изменения достигают критической массы, следствием чего становится полная перестройка всей материальной культуры села на макро- и на микроуровне, происходит слияние демонстративной и обыденной модели. Представления о зажиточности корректируются и моделируются другими общественными доминантами (модный, современный), что свидетельствует об индивидуализации потребления и формировании множества моделей потребления на микроуровне.

В целом, затраты крестьян на промышленные товары в 1963 г. по сравнению с 1953 г. выросли на 70%. Согласно результатам бюджетных обследований этого периода в деревнях стали появляться мотоциклы, стиральные машины, пылесосы и даже автомобили. Как и в городской семье в 1970-е гг. вещью-символом, демонстрирующим достаток семьи, становится висящий на стене ковер, но полы застилались половиками.

В среднем в 1965 г. по Свердловской области крестьянская семья тратила на одежду и обувь 309 руб. в год; на газеты, товары культурного назначения и спортивные принадлежности — 10 руб. В целом удельный вес расходов на непродовольственные товары составлял около четверти бюджета (26,9%), в том числе на одежду и обувь — 19,2% (см. табл. 2). Активно приобретались ткани, из которых деревенские швеи или самостоятельно шили наряды. Швейные машинки были почти в каждом доме (75,4 на 100 семей)¹⁰.

¹⁰ ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3272. Л. 1; ГАРФ. Ф. 374. Оп. 32а. Д. 7172. Л. 78.

Это сочетание традиционности и модерна в непродовольственном потреблении сохраняется и в 1970-е гг. во многом благодаря состоянию сельской торговли, не обеспечивающей потребности сельского населения в полной мере. Так, приобретение населением СССР ткани в 1965 г. составляло всего 61% к рациональной норме, бельевого трикотажа — 35%; верхнего трикотажа — 22%, обуви — 67% [1, с. 152]. Еще хуже обстояло дело с бытовой техникой. К 1965 г. в расчете на 100 семей в СССР в среднем приходилось 24 телевизора (19% рациональной нормы); магнитофонов — 2 (5%); холодильников 11 (10%); стиральных машин 21 (26%); пылесосов — 7 (12%) [1, с. 155]. Много это или мало? Много по сравнению с тем, что было, и в то же время мало, т. к. все эти блага все же не стали еще общедоступными. Приведенные цифры достаточно красноречивы и свидетельствуют об определенных сдвигах, но пока очень незначительных.

В сельских домах в 1960-е гг. появляется современная мебель, радиоприемники, проигрыватели, первые телевизоры, бытовые приборы. Если в 1960 г. холодильник был редкостью, то уже через 10 лет он стоял почти в каждом втором доме. В конце 1960-х гг. на Урале телевизионные программы принимали 66,7% сельских населенных пунктов. В Свердловской области по состоянию на 1970 г. 89,6% сельских поселений были обеспечены электричеством, 80,1% — телефонной связью; 75,5% — телевидением¹¹.

Изменение потребительских приоритетов получило непосредственное отражение в художественном кинематографе этого времени, где достаточно много внимания уделяется предметному миру деревни и его трансформациям. Еще в начале 1960-х гг. все «городские» чудеса (холодильник, телевизор, стиральная машина) воспринимались на селе как роскошь, доступная в городе, но не обязательная в сельской жизни. Эти вещи еще не нашли своего места в деревенской обыденности, хотя были уже знакомы и может быть даже желанны, но заработанные тяжелым трудом деньги нужны были на другое. Вещные приоритеты крестьян в этот период лаконично и достоверно сформулированы в фильме режиссера А. Кончаловского «История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж» (1967 г.), где звучит такой диалог:

— Дядя Прохор, а что бы ты сделал, если бы выиграл сто тысяч? Купил или что?

— Может быть, удавился бы такими деньгами.

— Ну а машину бы или нет, самолет купил?

— Нет, купил бы мебели мягкой. Хорошей. А остальное положил бы на книжку.

— А вот скоро буду машины, итальянские, хорошие. Купил бы?

— Да не надо мне машину!

Данный диалог интересен еще и потому, что он не постановочный¹². В фильме участвовали всего три профессиональных актера, а остальные роли сыграли жители села Безводное Горьковской области, которые просто и искренне, без участия сценариста, говорили о том, что их волнует. Главной же задачей режис-

¹¹ ГАСО. Ф. 1813. Оп. 12. Д. 433. Л. 22—24.

¹² См., подробнее о том, как снимался фильм: *Кончаловский А. Ася Клячина / Возвышающий обман. М., 1999. С. 39—41.*

сера было вызвать их на откровенность. Ни деньги, ни вещи не занимали мысли хлеборобов. Денег в советской деревне, как правило, было немного, и они воспринимались скорее как проблема: тратить их вроде и не на что, лучше положить на сберкнижку. В 1970-е гг. ситуация меняется: в фильме «Шла собака по роялю» (реж. В. Грамматиков, 1978) мечта молодого колхозника — после армии купить электрогитару, а потом накопить денег на автомашину. Меняются не только приоритеты, но и уровень возможностей. Характерно и то, что идет переориентации с предметов первой необходимости на вещи, в большей степени отражающие индивидуальные интересы.

Если учесть весь спектр изменений, которые происходят в условиях жизни сельского населения: рост доходов, изменение структуры расходов, то они свидетельствуют о том, что в СССР в 1950—1970-е гг. формируется общество потребления в его особой, советской, разновидности. Для него характерен общий низкий уровень жизни с нерациональной структурой потребления, наличием постоянного дефицита, использованием нелегальных способов приобретения товаров, созданием особых механизмов их перераспределения.

Общество потребления — одна из стадий индустриального общества, а вернее, — его высший этап развития, особенностью которого становится сближение потребительской модели жителей города и села, унификация и стандартизация основных потребностей, и не только материальных, но и культурных. Общество потребления в СССР, как и на Западе, формируется уже в 1960-е гг., а своей максимальной точки достигает в 1980-е гг., влияя на создание современной (урбанизированной) модели потребления в сельской местности.

Литература

1. *Баранова Л. Я., Левин А. И.* Потребности, доходы, потребление: экономический словарь-справочник. М., 1989.
2. *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России в 1930—1980-е годы: тез. научн. докл. Вологда, 2003.
3. *Бердинских В.* Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М., 2011.
4. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 1984.
5. *Голикова С. В.* «Люди при заводах»: обыденная культура горнозаводского населения Урала XVIII — начала XX века. Екатеринбург, 2006.
6. *Матч В.* Прилично ли жить в роскоши в разгар экономического кризиса // Итоги. № 49.651 (01.12.08). URL: <http://www.itogi.ru/obsch/2008/49/135039.html>
7. *Мотревич В. П.* Личное подсобное хозяйство колхозников Среднего Урала в 1946—1958 гг. // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни. 1917—1985 гг. Свердловск, 1988.
8. *Уровень нашей жизни в 1913—1993: аналит. справ.* М., 1995.
9. *Шанин Т.* Крестьянский двор в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.

*В. А. Ильиных*¹

Кампания по ограничению личных приусадебных хозяйств в Новосибирской области в конце 1930-х гг.

На материалах Новосибирской области предпринята реконструкция предпосылок, хода и итогов проведенной большевистским режимом в конце 1930-х гг. кампании по ограничению размеров личных приусадебных хозяйств колхозников и других жителей деревни. Сделан вывод, что кампания началась в конце 1938 г. Ее составными частями, помимо ограничения приусадебного землепользования, являлось изъятие у сельских жителей скота и существенное увеличение налогообложения личных подворий.

Ключевые слова: аграрная политика, личные приусадебные хозяйства, сельское хозяйство, колхозно-совхозная система, Сибирь.

В традиционный тематический набор советской историографии аграрного развития СССР в предвоенные годы (1938 — июнь 1941) неизменно входила проблема укрепления «колхозно-кооперативной» собственности. По мнению историков-исследователей, которые в целом повторяли постулаты, извлеченные из партийных документов конца 1930-х гг., колхозную собственность постоянно испытывали на крепость «отсталые элементы». «Нередко эти элементы, прикрываясь званием колхозника, делали попытки увеличить за счет колхозной земли приусадебные участки, игнорируя при этом интересы колхозного производства. Неумеренный рост личного хозяйства колхозников приводил к тому, что оно нередко теряло свой подсобный характер и превращалось в основной источник дохода его владельца» [9, с. 425].

Коммунистическая партия, вскрыв подобные «извращения», приняла решение покончить с нарушениями Устава сельхозартели, лимитирующего масштабы развития личного хозяйства, и в 1939 г. провела кампанию по ограничению его размеров. В отечественной историографии начало кампании связывалось с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», одобренным майским (1939 г.) пленумом ЦК ком-

¹ *Ильиных Владимир Андреевич*, доктор исторических наук, Институт Истории Сибирского отделения РАН, agro_iwa@mail.ru, Россия, г. Новосибирск.

партии [6, с. 109—115], а ее освещение соответственно сводилось к показу мероприятий по изъятию «излишков» земли у колхозников, а также единоличников и других жителей деревни [1, с. 40—44; 2, с. 29—31; 4, с. 24—27; 5, с. 22—23; и др.].

Однако выявленные нами документы показывают, что данное постановление было не первым в серии нормативно-директивных актов, определявших основные направления и параметры наступления на личный сектор сельской экономики. Само же наступление, начатое еще в декабре 1938 г., не ограничивалось лишь борьбой с «разбазариванием» колхозных земель, а включало в себя и изъятие у жителей деревни «лишнего» скота, и увеличение налогового пресса на личные приусадебные хозяйства (ЛПХ) сельских жителей.

Поставленная в настоящей статье задача реконструкции предпосылок, хода и итогов проведенной большевистским режимом в конце 1930-х гг. кампании по ограничению размеров ЛПХ колхозников и других жителей деревни решается на материалах Новосибирской области. Однако это не влияет на репрезентативность освещения темы. После перехода к массовой коллективизации деревни политика государства по отношению к крестьянству на всей территории страны стала проводиться по единому алгоритму, который задавался из Центра и им же жестко контролировался. Какой-либо принципиальной специфики аграрной политики для Новосибирской области, Сибири в целом или Белоруссии не существовало.

Появившееся на исторической арене с началом массовой коллективизации ЛПХ представляет собой своеобразный социально-экономический рудимент индивидуального крестьянского хозяйства. Образовалось личное хозяйство на базе приусадебного участка, на котором российские, включая и сибирских, крестьяне традиционно выращивали предназначенные почти исключительно для внутрисемейного потребления культуры (картофель, овощи и др.). Животноводческая часть ЛПХ также возникала из потребительского сектора крестьянского животноводства.

Размеры приусадебного хозяйства крестьян, волею или неволею превратившихся в 1930-е гг. в колхозников, определялись не столько их желанием и возможностями, сколько государством. В коммунах начального этапа коллективизации, где «обобществлялась» даже домашняя птица, оно часто сводилось лишь к небольшому огороду. В сельхозартелях, на устав которых в конечном итоге перешли все колхозы, их членам дозволялось иметь еще и минимальное количество крупного и мелкого рогатого скота, свиней. В связи с тем, что большая часть ранее принадлежавшего крестьянам скота была либо уничтожена, либо сдана в колхозы, многие колхозные семьи не имели не только коров, но и вообще никакого скота. После массового голода 1931—1933 гг., чтобы не допустить его повторения, руководители государства приняли решение укрепить ЛПХ. Местные власти обязывались ликвидировать их «бескоровность», оказав колхозникам помощь в приобретении и выращивании молодняка. Колхозам в свою очередь следовало организовать продажу скота своим членам. В 1935 г. был принят новый Примерный устав сельхозартеля, в котором предусматривались более высокие предельные нормы личного хозяйства, чем в старом.

Увеличение нормативных размеров ЛПХ в сочетании с дополнительным наделением землей и помощью в приобретении крупного рогатого и мелкого скота

дало положительный эффект. В 1938 г. приусадебный посев в хозяйствах колхозников Новосибирской области по сравнению с 1932 г. вырос в 3,4 раза. В конце 1937 г. крупного рогатого скота (КРС), коров, овец и свиней в ЛПХ колхозников стало больше, чем в 1932 г. в 3,0, 1,7, 2,5 и 6,8 раза. Число колхозных дворов на территории области за это время увеличилось на 40%. Темпы наращивания приусадебного хозяйства у проживающих в сельской местности рабочих и служащих были еще более высокими. Средняя обеспеченность их посевом выросла в 2,4 раза, поголовье КРС — в 9,6 раза, коров — в 6,6, овец — в 41,2, свиней — в 112,9 раза². При этом следует иметь в виду существенное увеличение числа проживающих в деревне рабочих и служащих (их доля в сельском населении по нашей оценке выросла с 10 до 35%), а также то, что ЛПХ у данной категории сельских жителей в начале 1930-х гг. фактически отсутствовали. Результаты развития колхозного сектора сельской экономики были менее впечатляющими: посевные площади увеличились на 75%, поголовье КРС — на 56, коров — на 39, овец — на 59, свиней — на 154%³.

В итоге в личных хозяйствах сельских жителей в 1938 г. скота⁴ содержалось больше, чем в «социалистическом» секторе экономики (см. табл. на след. стр.). На личном подворье животные получали надлежащие уход и кормление и давали соответствующую отдачу. Что же касается колхозного и совхозного животноводства, то его продуктивность росла крайне медленно. К числу факторов, сдерживающих его развитие, относились низкий уровень кормопроизводства, недостаток специализированных помещений, неудовлетворительный уход за животными. Достаточно высоким оставался падеж, особенно молодняка, который резко возрастал в недородные годы.

Личный сектор сельской экономики в Новосибирской области, и в целом в СССР, отличался гораздо более высокой производительностью и развивался более высокими темпами, чем «обобщественный». Колхозы и совхозы не выполнили поставленной перед ними задачи — в течение второй пятилетки удвоить объем сельхозпроизводства. Официальных причин неудач было названо много. Среди них — отвлечение значительных трудовых ресурсов на развитие ЛПХ. Действительно, колхозники предпочитали крайне низко оплачиваемой, а иногда практически неоплачиваемой работе на колхозных полях и фермах труд на своих личных подворьях, который не только представлял более стабильный источник дохода, но и позволял выжить в голодные годы. При этом они далеко не всегда ограничивали ЛПХ предельными нормами устава сельхозартеля, превышая их по количеству скота и размерам приусадебного участка. Подобное положение вызывало негативную реакцию режима. Его лидеры и лично И. В. Сталин в конце 1938 г. решили начать кампанию по ограничению размеров ЛПХ.

² Новосибирская область в 1939 г. Новосибирск, 1940. С. 160, 227—229; Новосибирская область. Спр. по хозяйству и культуре районов области. Новосибирск, 1940. С. 39.

³ Там же. В связи с ликвидацией части совхозов, поголовье скота в них увеличилось незначительно.

⁴ Удельный вес «социалистического» сектора в посевных площадях был абсолютно преобладающим, составляя в 1938 г. 96% (Новосибирская область в 1939 г. С. 160).

**Структура поголовья продуктивного скота в Новосибирской области
в 1932 и 1938 г. по категориям хозяйств (%)**

Тип хозяйства	Крупный рогатый скот	в том числе коровы	Овцы и козы	Свины
Июнь 1932 г.				
Колхозы	42,0	27,9	34,6	34,1
Государственные хозяйства	17,6	15,8	4,5	20,0
Итого по «социалистическому» сектору экономики	59,6	43,7	39,1	54,1
Хозяйства единоличников	20,1	26,2	30,0	22,8
ЛПХ колхозников	17,4	25,2	30,5	22,6
ЛПХ рабочих и служащих	2,9	4,9	0,3	0,5
Итого по индивидуальному сектору экономики	40,4	56,3	60,8	45,9
Январь 1938 г.				
Колхозы	38,8	30,1	35,1	24,7
Государственные хозяйства	12,2	10,0	7,8	13,7
Итого по «социалистическому» сектору экономики	51,0	40,1	42,9	38,4
Хозяйства единоличников	1,4	1,7	1,2	1,8
ЛПХ колхозников	31,1	33,1	48,7	43,9
ЛПХ рабочих и служащих сельской местности	16,4	25,0	7,2	15,9
Итого по индивидуальному сектору экономики	48,9	59,8	57,1	61,6

Источник: Новосибирская область в 1939 г. Новосибирск, 1940. С. 227—229.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР 4 декабря 1938 г. приняли постановление «О нарушении Устава сельскохозяйственной артели в колхозах Белорусской республики»⁵, в котором указывалось, что во многих колхозах БССР превышены нормы Устава сельхозартели по размерам приусадебных участков и количеству личного скота. Колхозники, имеющие большие ЛПХ, не выходят на колхозные работы. Подобная практика осуждалась «как антиколхозная». ЦК КП(б) Белоруссии и СНК БССР обязывались ликвидировать нарушения Устава сельхозартели. Приусадебные участки колхозников следовало привести в соответствие с уставными нормами до 15 апреля 1939 г. «Излишки» скота подлежали сдаче государст-

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 150а. Л. 57—61.

ву по ценам, установленным для мясопоставок⁶. При этом колхозникам надлежало объявить, что те из них, кто нарушает Устав сельхозартели, будут исключаться из нее и лишаться приусадебного участка, а председатели колхозов, в которых допускается нарушение Устава — «привлекаться к ответственности как допустившие нарушение закона».

Постановление адресовалось не только руководству Белоруссии, но имело общесоюзное значение. Не подлежащее публикации в открытой печати, оно передавалось в областные и краевые комитеты компартии и исполкомы других республик СССР, а затем и в районы. Через четыре дня в «Правде» появилась передовая статья «Воспитывать колхозников в духе строгого соблюдения колхозного устава», призывающая партийные и советские органы страны положить конец «незаконному» расширению личных подворий⁷. В ней подчеркивалось, что «рост доходов колхозников должен происходить путем роста трудодня, а не путем незаконного расширения приусадебных участков. Приусадебный участок, скот в личном пользовании колхозников имеют **подсобное** значение, а основное, главное — в колхозе, в общественном, социалистическом хозяйстве».

В Новосибирской области постановление по Белоруссии и передовица «Правды» обсуждались на бюро обкома ВКП(б) (9 декабря), совещаниях секретарей горкомов и райкомов (11 декабря) и председателей райисполкомов и горсоветов (28 декабря)⁸.

Обком направил в сельские районы бригады с целью изучения положения на местах. Результаты их работы были заслушаны на заседании бюро обкома 25 декабря, участники которого пришли к выводу, что «факты грубейших нарушений» Устава сельхозартели по размерам приусадебных участков и количеству скота в области не единичны. Колхозники, имеющие приусадебные участки и скот в размерах, превышающих установленные нормы, «как правило, плохо участвуют в обобщественном хозяйстве, вторые члены их семей имеют частые невыходы на работу или совсем не участвуют в общественном труде, чем дезорганизуют колхозное производство и подрывают трудовую дисциплину в колхозе». По итогам обсуждения было принято совместное постановление бюро обкома и президиума облисполкома, требующее от местных органов власти «ликвидировать» выявленные нарушения⁹.

⁶ Согласно существующему на момент принятия данного постановления законодательству (СЗ СССР. 1936. № 60. Ст. 452), колхозники, выполнившие имеющий характер налогового обязательства план мясопоставок государству, получали право продажи оставшегося скота на рынке или его реализации потребительской кооперации (т. н. госзакуп). При этом закупочные цены потребкооперации были на 20—25% выше твердых государственных цен, которые уплачивались крестьянам за обязательные мясопоставки, рыночные же цены на порядок превышали кооперативные. Постановление ЦК и СНК видоизменяло эту норму. «Лишний» скот должен был сдаваться государству по твердым ценам даже теми хозяйствами, которые план обязательных мясопоставок уже выполнили.

⁷ Правда. 1938. 8 дек.

⁸ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 33. Д. 63. Л. 49—50; Оп. 34. Д. 43; Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 39.

⁹ Там же. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 66. Л. 2—4.

13 января 1939 г., судя по всему в соответствии с полученным из аппарата ЦК указанием, бюро обкома решило «просить» центральный партийный орган распространить на Новосибирскую область действие постановления по Белоруссии¹⁰. Просьба, с которой обратились в Москву и другие обкомы, крайкомы и ЦК «нацкомпартий» была услышана. 21 января 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О нарушении Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», которое, на сей раз, официально имело общесоюзный характер¹¹.

Если судить по делопроизводственным документам партийных и советских органов Новосибирской области, кампания по ограничению личного животноводства зимой и в начале весны 1939 г. проходила достаточно активно. При этом власти натолкнулись на противодействие части колхозников, которые либо вообще отказывались сдавать государству «излишки» скота, либо забивали его для своих нужд, продавали на рынке, сдавали в счет госзакупа потребительской кооперации. В связи с этим ряд местных функционеров поставили перед областным руководством вопрос о масштабах применения к таким колхозникам мер воздействия, предусмотренных постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 января 1939 г. в части исключения их из колхозов и лишения приусадебных участков и привлечения председателей колхозов к судебной ответственности¹². Обком и облисполком разъяснили, что применять данные меры следует «к одному — не более двум наиболее злостным нарушителям закона, как колхозникам, так и предколхозов». «Остальные колхозные массы» следовало «воспитывать», «избегая массовых исключений из колхозов, а также массовой отдачи под суд предколхозов»¹³.

Приведение размеров приусадебных участков в соответствие с уставными нормами встретило иные трудности. Организация их массового обмера в условиях зимнего, а затем и весеннего бездорожья была практически невозможна. В связи с этим центральные власти приняли решение отложить на время кампанию по выявлению «излишков» приусадебных земель, возобновив ее после повсеместного завершения весенних полевых работ на основе публичной и более детальной нормативной базы.

27 мая 1939 г. пленум Центрального ВКП(б) утвердил вышеупомянутое постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» [6, с. 109—115]. В нем содержалось требование «ликвидации разбазаривания и расхищения колхозных общественных земель, приведения размеров приусадебных участков к уставным нормам, установления строгого контроля за неприкосновенностью общественных земель колхоза, решительного обуздания рваческих и спекулянтских элементов в колхозах». С этой целью надлежало до 15 августа 1939 г. произвести обмер всех приусадебных участ-

¹⁰ Там же. Д. 342. Л. 1—2.

¹¹ Там же. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 70. Л. 1—2. Данное постановление каких-либо принципиальных содержательных отличий от постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 4 декабря 1938 г. «О нарушениях Устава сельхозартели в колхозах Белорусской республики» не имело.

¹² 19 апреля 1938 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) запретили проведение массовых чисток колхозов (СП СССР 1938. № 18. Ст. 115).

¹³ ГАНУ. Ф. П-67. Оп. 14. Д. 12. Л. 31.

ков и до 15 ноября отрезать все выявленные «излишки» земли сверх установленных норм, включая посеы вне усадеб, присоединив их к «общественным» землям колхозов.

Данное постановление предусматривало также ограничение размеров землепользования единоличников¹⁴, сселение колхозников проживающих на хуторах «к одному месту» и введение в колхозах обязательного годового минимума трудодней¹⁵. Трудоспособные колхозники, не выработавшие в течение года данного минимума, подлежали исключению из колхоза с конфискацией приусадебного участка.

После проведения обмера приусадебных участков и изъятия «излишков» надлежало отграничить приусадебные земли от «общественных». Последние объявлялись неприкосновенными, а их размеры — «ни при каких условиях» не подлежащими сокращению без особого разрешения правительства СССР. Новые колхозные семьи впредь могли наделяться приусадебными участками только из приусадебного фонда. Пополняться он мог только за счет земель изъятых у единоличников, членов колхозов, не выработывающих установленного минимума трудодней и «считающихся в силу этого выбывшими из колхоза», а также «мнимых колхозников, давно оторвавшихся от колхозной жизни и фактически выбывших из состава колхоза». В том случае если все резервы для пополнения приусадебного фонда были исчерпаны, колхозники должны были внести изменения в устав своей сельхозартели, предусмотрев сокращение нормативных размеров земельных участков.

В развитие решений майского (1939 г.) пленума ЦК компартии в конце июля 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление, лимитирующее размеры приусадебных участков проживающих в сельской местности «рабочих и служащих, сельских учителей, агрономов и других не членов колхозов» 0,15 га, включая площадь, занятую постройками, и также как в случае с единоличниками и колхозниками требующее отрезки выявленных «излишков» с последующим их присоединением к колхозным землям [8, с. 719—720].

Партийные и советские органы Новосибирской области приняли постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР к «неуклонному» исполнению. Обмер приусадебных земель начался 1—3 июня и закончился к 1 сентября. «излишки» были выявлены у 11,5% хозяйств колхозников и 59,6% проживающих в сельской местности рабочих и служащих. До 1 ноября было отрезано 12,5 тыс. га в 54,8 тыс. хозяйствах¹⁶.

Кампания по выявлению и отрезкам «лишней» земли была продолжена в 1940 г. В начале марта 1940 г. президиум Новосибирского облисполкома признал неудовлетворительными результаты обмера приусадебных участков и изъятия вы-

¹⁴ Применительно к Новосибирской области максимальный размер землепользования единоличных хозяйств устанавливался в размере 1 га пашни и 0,2 га приусадебного участка, включая находящиеся на нем постройки.

¹⁵ Для колхозов Новосибирской области годовой обязательный минимум составлял 80 трудодней.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 116. Л. 14.

явленных в ее ходе «излишков» земли в Барзасском районе и обязал райисполком провести их заново¹⁷. В конце августа того же года вопрос о соблюдении Устава сельхозартели рассмотрело бюро обкома, констатируя его многочисленные нарушения как по нормам содержания скота, так и по размерам приусадебных участков. В постановлении бюро обкома местные органы власти обязывались немедленно пресекать «всякие попытки отсталой части колхозников, направленные к расширению личного хозяйства в ущерб общественным интересам колхоза»¹⁸.

Летом 1939 г. новый импульс получила кампания по изъятию у колхозников «излишков скота». В Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по развитию общественного животноводства» от 8 июля 1939 г. [8, с. 713—719] указывалось на то, что значительная часть колхозов не имеет животноводческих ферм, а многие из них «обзавелись лишь мельчайшими фермами, не дающими ни должной товарности, ни должной доходности». Подобное положение необходимо было исправить, значительно увеличив количество скота в колхозах и организовав в них новые животноводческие фермы. При этом каждому колхозу надлежало иметь не менее двух специализированных ферм. «Желательным и целесообразным» же признавалось наличие трех ферм. В качестве одного из способов пополнения колхозного стада в постановлении называлась добровольная продажа своего скота колхозниками по государственным ценам. Однако на деле личные подворья стали основным источником пополнения колхозных ферм, а закуп скота в них фактически приобрел принудительный характер.

В конце 29 августа 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР обратили внимание региональных партийных и советских органов власти на то, что «сентябрь и октябрь являются решающими месяцами в деле комплектования поголовьем скота колхозных животноводческих ферм». В связи с этим партийные и советские органы должны были рекомендовать колхозам «в течение этого времени приобрести у колхозников и не членов колхозов, а также в совхозах и других организациях необходимое количество молодняка и взрослого скота с тем, чтобы обеспечить организацию ферм в тех колхозах, где их не было, а также укомплектование поголовьем всех ферм в количествах, установленных для 1940 г.»¹⁹.

Ограничению пределов роста ЛПХ должны были способствовать и изменения в налоговом законодательстве. В «Законе о сельскохозяйственном налоге» принятом Верховным Советом СССР 1 сентября 1939 г.²⁰, который вводился в действие уже осенью текущего года²¹, на колхозников распространялись принципы обложения, ранее применяемые по отношению к единоличникам. Как и у послед-

¹⁷ Сборник постановлений и распоряжений президиума Новосибирского облисполкома. 1940. № 18. Ст. 46.

¹⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 193. Л. 77—78.

¹⁹ Там же. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 324. Л. 139—143.

²⁰ Ведомости Верховного Совета СССР. 1939. 23 сент.

²¹ Налоговая кампания 1939 г. началась еще в середине лета на основе действующего к тому времени законодательства. Однако после принятия закона от 1 сентября местные финансовые органы получили указание отменить уже проведенные к тому времени результаты учета объектов обложения и исчисления сельхозналога и провести их заново, в соответствии с новым законодательным актом (ГАНО. Ф. Р-1162. Оп. 3. Д. 33. Л. 13).

них, сумма налога с личных хозяйств членов колхоза теперь зависела от уровня годового дохода и исчислялась по прогрессивной шкале, тогда как в предшествующий период ставки их обложения были едиными и не коррелировались уровнем доходности того или иного двора. В свою очередь, облагаемый годовой доход от т. н. необобществленных видов сельхозпроизводства рассчитывался по принятым для данной местности нормам вмененной доходности, которые были едиными как для колхозников, так и для единоличников. Вводимые новым законом республиканские и региональные нормы доходности на порядок превышали действующие в предшествующий период (тогда — только для единоличных хозяйств). В облагаемую базу семей колхозников также включались все доходы, получаемые их членами от неземледельческих некооперированных видов трудовой деятельности, кроме доходов от продажи сельхозпродуктов на рынке [3, с. 59].

Результатом налоговой реформы стал резкий рост суммы сельхозналога, взимаемого с колхозников. В Новосибирской области в 1938 г. облагаемый колхозный двор в среднем должен был уплатить 34 руб. 91 коп., а в 1939 г. — уже 96 руб. 48 коп.²²

В конце 1930-х гг. выросла тяжесть не только денежного, но и натурального обложения ЛПХ. В 1939 г. были увеличены нормативные размеры поставок мяса и молока. В 1940—1941 гг. за счет яиц, козевенного сырья, сыра из овечьего молока («брынзы-сыра»), табака и махорки был расширен перечень сельхозпродуктов, подлежащих обязательным поставкам личными приусадебными хозяйствами колхозников [3, с. 132, 143].

Внимание верховных органов власти СССР не ограничилось лишь ЛПХ колхозников. С 1939 г. проживающие в деревне рабочие и служащие в случае наличия у них какого-либо подсобного хозяйства, стали привлекаться к уплате сельхозналога, а также к сдаче государству мяса и молока, если у них имелся скот²³. Согласно ранее действующему законодательству от выполнения этих обязательств данная категория населения (за исключением работников совхозов, которые привлекались к поставкам мяса и молока) освобождалась. В 1940 г. были приняты законодательные акты о привлечении ЛПХ рабочих и служащих, проживающих в сельской местности или дачных поселках к госпоставкам шерсти, картофеля и зерна [3, с. 59, 129, 130, 143].

С 1940 г. размеры поставок мяса индивидуальными сдатчиками стали зависеть от законодательно установленных пределов содержания скота в личных хозяйствах членов сельхозартелей. Чем больше скота разрешалось иметь колхозникам того или иного района, тем большие обязательства по сдаче мяса вручались проживающим на его территории селянам. При этом, нормативные размеры индивидуальных поставок во многих регионах страны увеличились [3, с. 143].

Итогом кампании по ограничению размеров ЛПХ стал спад в личном секторе сельской экономики. Площадь приусадебных посевов у колхозников Новосибир-

²² ГАНО. Ф. Р-1162. Оп. 2. Д. 37. Л. 4; Оп. 3. Д. 33. Л. 347—348.

²³ Колхозные дворы и хозяйства единоличников к обязательным поставкам мяса привлекались вне зависимости от наличия у них скота и птицы.

ской области в 1939 г. уменьшилась по сравнению с 1938 г. на 3%²⁴. В 1939/40 г. поголовье взрослых свиней на личных подворьях членов колхозов сократилось на 31%, коров на 2,8%, КРС в целом (по нашей оценке) не менее, чем на 14%²⁵.

Следует отметить, что увеличение объема налогового изъятия имело не только социально-регулирующее, но и фискальное значение. В условиях надвигающейся тотальной войны руководство страны начало новый виток индустриализации, а точнее, милитаризации экономики. Ресурсы для нее, как и прежде, было решено взять в деревне. Однако рецессия в личном секторе экономики привела к сокращению налогооблагаемой базы. Сумма сельхозналога, предъявленного к уплате колхозному двору Новосибирской области, уменьшилась до 93 руб. 30 коп.²⁶ Для компенсации потерь Верховный Совет СССР в марте 1941 г. внес поправки в действующий закон о сельхозналоге, пересмотрев в сторону повышения нормы вмененной доходности объектов обложения, а также ставки обложения. Размеры налога вновь резко выросли. В 1941 г. в Новосибирской области сумма сельхозналога без учета военной надбавки, предъявленная к уплате облагаемому колхозному двору, в среднем составляла 137 руб. 70 коп.²⁷

Сокращение производства в ЛПХ продолжилось в 1940/41 г. Наиболее существенно пострадало приусадебное животноводство. Помимо возросшего налогового и административного давления негативное влияние на состояние отрасли оказал сильный недород зерновых и трав 1940 г., который затронул также Омскую область и Алтайский край. Острая нехватка кормов вызвала массовый забой скота, в первую очередь молодняка. Налоговый учет, проведенный летом 1941 г., зафиксировал снижение поголовья облагаемого скота (коров — на 9,5%, овец и коз — на 18,9, свиней — на 34,0%). На 4,9% сократилась площадь приусадебных посевов²⁸.

Сокращение размеров ЛПХ в сочетании со сверхнормативным изъятием зерна в колхозах в ходе хлебозаготовительной кампании 1940/41 г. [7] и неурожаем стали причиной начавшегося зимой 1940 г. сильного голода на юго-западе области. Сельские жители ели суррогаты, мясо павших животных, опухали и умирали от недоедания. Распространенными явлениями стали коллективные невыходы колхозников на работу, их бегство из деревни. Аналогичная ситуация сложилась в Омской области и Алтайском крае. В итоге деревня Новосибирской области и Западной Сибири в целом вошли в Великую Отечественную войну с существенно ослабленным личным и «общественным» хозяйством.

Великая Отечественная война привела к тому, что власти фактически перестали обращать внимание на превышение дозволенных размеров ЛПХ, которое стало для сельских жителей фактически единственным источником получения продуктов и денег. Но как только война закончилась, действие принятых в 1939 г. законодательных актов было восстановлено в полном объеме, а в деревне в 1946 г.

²⁴ Новосибирская область в 1939 г. С. 160.

²⁵ ГАНО. Ф. Р-1162. Оп. 3. Д. 33. Л. 345; Оп. 4. Д. 26. Л. 163—164; Оп. 5. Д. 21. Л. 2.

²⁶ Там же. Оп. 4. Д. 26. Л. 164.

²⁷ Там же. Оп. 5. Д. 21. Л. 2—3.

²⁸ Там же. Оп. 4. Д. 26. Л. 163—164.; Оп. 5. Д. 21. Л. 2—3.

вновь проведена широкомасштабная кампания по ограничению размеров ЛПХ колхозников. Но и эта кампания оказалась не последней в ряду политических акций советского государства, направленных на регулирование личного сектора сельской экономики.

Литература

1. *Вылцан М. А.* Советская деревня накануне Великой Отечественной войны. М., 1970.
2. *Гущин Н. Я., Кошелева Э. В., Чарушин В. Г.* Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935—1941). Новосибирск, 1975.
3. *Ильиных В. А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х — начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.
4. История советского крестьянства. М., 1987. Т. 3: Крестьянство накануне и в годы Великой отечественной войны. 1938—1945.
5. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 7. М., 1985.
7. Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930—1941 гг. Разд. III.
8. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967). Т. 2. М., 1967.
9. *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. 3-е изд., доп. М., 1983. Т. 2.

*И. Е. Кознова*¹
**Бывший крестьянин:
между сельским прошлым и городским настоящим**²

На основе документов личного происхождения анализируется идентичность горожан — выходцев из крестьян. Изучается влияние памяти на процесс адаптации бывших крестьян в городе, способы и формы культурного освоения ими городского пространства. Рассматриваются содержательные и ценностно-смысловые стороны воспоминаний о деревенском прошлом.

Ключевые слова: идентичность, память, прошлое, крестьяне, горожане, деревня, город.

На протяжении последних полутора столетий Россия пережила несколько волн деревенской миграции в города, принимавшей разный по интенсивности, формам и содержанию характер. Наиболее активно этот процесс проходил в советский период. Его антропологические аспекты стали предметом изучения в разных областях гуманитарного знания [1; 2; 5; 9; 10; 13; 14; 15]. Важное место занимает анализ многообразных практик выходцев из деревни в процессе их городской адаптации, различных культурных форм, возникающих в ходе взаимодействия традиций «малого» и «большого» обществ, формирования советской культурной модели. Обсуждается содержание культурной модели городских народных масс с точки зрения проявления в ней крестьянского наследия и преодоления последнего, превращения крестьянина в некрестьянина. Привлекаются различные документы личного происхождения, используются биографический метод, «устная история» и т. д. Поставлен вопрос о специфике памяти бывших крестьян.

Память — символический образ прошлого, конструируемый в контексте социальных действий. Потребность понимания обществом или индивидом себя в настоящем стимулирует работу памяти. Важным при анализе памяти является вопрос, что и как люди вспоминают из своего прошлого и о чем они умалчивают.

¹ *Кознова Ирина Евгеньевна*, доктор исторических наук, Институт философии РАН, i.koznova@gmail.com, Россия, г. Москва.

² В основу статьи положен доклад на X Конгрессе этнологов и антропологов России (Москва, 2—5 июля 2013 г.).

В настоящей статье предпринята попытка показать работу памяти о прошлом в процессе освоения бывшими крестьянами культурного городского пространства применительно к советской истории 1930-х гг.

Уже с середины XIX в. городская культура различными путями и в разных формах проникала в сельскую местность, включались в городскую жизнь и крестьяне. Это был двусторонний процесс. У крестьян существовали различные побудительные мотивы для миграции — «выталкивание», «притягивание», чаще они действовали в комплексе; в городе — разные стратегии адаптации, как индивидуальные, так и групповые. В условиях «Великого перелома» миграционная активность деревни значительно повысилась. Складывались всевозможные пути интеграции мигрантов, которые включали профессиональный и образовательный рост, повышение «культурности» масс, включение их в общественную и/или комсомольско-партийную работу, формирование новой досуговой среды, повседневное общение с носителями городской культуры. Несомненно, большую роль играл личностный фактор, готовность бывшего крестьянина принять новые жизненные условия и правила.

* * *

В научной литературе вопрос о степени «переваривания» крестьянина городом до сих пор остается одним из дискуссионных [8, с. 12—23, 80—90]. Проведенные на российском материале исследования демонстрируют неоднозначность процесса.

Так, Д. Хоффман подчеркивал, что именно крестьянская культура способствовала поддержанию социальной идентичности мигрантов. На примере довоенной Москвы он показал, что в советских условиях эта культура претерпела определенную эволюцию, утратив одни свои стороны, сохранив другие, обогащаясь новыми элементами под влиянием официальной и неофициальной городской культуры. Серьезные изменения затронули ее религиозную основу, порождая культурные конфликты между поколениями. В целом образ мыслей и поведение горожан первого поколения Хоффман определил как специфический гибрид или, точнее, субкультуру, в которой городские и сельские элементы были причудливо переплетены. Исследователь обратил внимание на связанные с наплывом крестьянской массы в города проблемы. С его точки зрения, хотя власть на протяжении 1930-х гг. предпринимала шаги для формирования рабочего сознания у бывших крестьян, она потерпела неудачу. К тому же трудности социалистического строительства только усиливали прежние крестьянские и родственные связи.

Важно и то, что город сам менялся в результате присутствия бывших крестьян. Новые рабочие использовали всевозможные формы пассивного сопротивления, характерные для крестьянской культуры. Все это, по мысли Хоффмана, имело далеко идущие последствия. Для включения бывших крестьян в орбиту советского строительства власть вынуждена была делать ставку как на принуждение, так и на энтузиазм, соединять социальный авторитаризм с патернализмом, опираясь в идеологии не столько на марксизм, сколько на национализм и культ вождя.

Основной вывод Д. Хоффмана заключался в том, что городские приезжие первого поколения и их дети не смогли глубоко интегрироваться в городскую социальную структуру, находились в конфронтации с городским миром, отвергали идентичность с новым советским человеком, которую официальные власти навязывали [15, p. 216—220].

Д. Берто и М. М. Малышева рассмотрели разные этапы перехода бывших крестьян в статус горожан, показали общие черты и различия двух волн миграции — в 1930-е и 1950-е гг. По их мнению, вследствие адаптации бывших крестьян к московской жизни образовался маргинальный «культурный гибрид». В его основе лежала общинная культурная модель. Имея в основе крестьянские корни, эта модель не была уничтожена, а приобрела новую форму благодаря специфике советских городов [2; 13, с. 70—98]. Судя по аналогичным исследованиям, предпринятым М. А. Витухновской на ленинградском материале [5], существовали как общие черты, так и специфика аккультурации «новых горожан». Она определялась особенностями еще дореволюционной стадии индустриализации, в частности, характером промышленной и жилищной структуры в обеих столицах.

Н. Н. Козлова, напротив, акцентировала внимание на проблеме обретения советской идентичности горожанами и, в частности, бывшими крестьянами. Она полагала, что типичный «советский человек» — бывший крестьянин, ставший городским жителем. Проанализировав различные стратегии и тактики — «социальные коды», используемые мигрантами крестьянского происхождения в процессе их городской адаптации, Козлова показала, что социальное поколение бывших крестьян, прежде всего молодежь, участвовало в формировании советской системы — «изобретало советское общество». При этом участие в «изобретении советского человека» не было всеобщим для бывших крестьян и тем более — для всех крестьян. Для одних ценой вопроса было выживание, для других — переделывание себя, добровольный самоконтроль, социальное превращение. Именно из таких молодых людей получались советские люди [9, с. 100—196].

* * *

В крестьянской культуре хозяйствование на земле выступает в качестве «социальных рамок» памяти, организующих целостность жизни. Память имеет нормативный, репродуктивный, обрядово-ритуальный, устный характер; поддерживает профанно-сакральный порядок и коллективную идентичность, формирует отношение к миру, сельскому обществу, городу и власти. Для крестьянской культуры характерны неотделимость пространства от времени, преобладание памяти-действия над памятью-воображением. Эта память встроена в тело каждого отдельного крестьянина. Для бывших крестьян память является наследием, с которым они приходят в городской мир, опираясь, по выражению Н. Н. Козловой, на «инкорпорированные в тело социальность и историю». В городе они приобщаются к иному типу памяти — письменному, рефлексующему. Вступая в городское общество Модерна (советское общество — его разновидность), бывший крестья-

нин включался в цивилизацию нормы, проекта, больших идеологий и централизованных систем насилия [10, с. 471—487].

В этом плане показательны воспоминания рабочих-стахановцев. Обратимся к двум из них — И. И. Гудову и А. Х. Бусыгину [3; 6]. Литературно обработанные рассказы того и другого о жизни, опубликованные в конце 1930-х гг. — модельные биографии новых героев, призванные продемонстрировать возможности социального превращения в советских условиях. В целом они укладывались в схему, присущую советской агитационно-пропагандистской литературе, например, сборнику «Прежде и теперь», опубликованному к 20-летию Октября [12]. И сборник, и отдельные биографии строителей социализма должны были показать разительные изменения в положении трудящихся по сравнению с царским временем.

И. И. Гудов и А. Х. Бусыгин были крестьянскими сыновьями. Траектории их движения к городу имели как черты сходства, так и различия. Согласно советскому агиографическому жанру, оба родились в глухих, заброшенных уголках Центральной России, где все было мрачно и беспросветно в прямом и переносном смысле (например, символично название места рождения Гудова в Калужской губернии — село Дебри), а овладение рабочей специальностью и самое главное — участие в стахановском движении, было равноценно выходу из тьмы на свет. Подобные публикации изобиловали массой клише и мифологизировали прошлое в контексте идеологии классовой борьбы.

Деревня в изображении Гудова представляла собой исключительно нищую, отсталую среду, была средоточием острых классовых противоречий и конфликтов. Характерны фразы из рассказа Гудова: «все село — беднота, а наша часть — беднейшие, голытьба»; «много людей пухло в нашем селе с голоду». В раннем детстве Гудов остался сиротой, затем батрачил в разных местах. Важной частью его повествования были рассказы о лишениях, а также столкновениях с «кулацкими детьми и поповскими дочками». Рубеж в биографии — 1921 г., когда он в 14 лет «записался» в комсомол, стал активистом. Со временем, работая в разных местах — по найму, на торфоразработках, осознал, что у него «одна дорога — на фабрику». При этом «очень хотелось в город, хотелось чему-нибудь научиться». В начале 1930-х гг. открылись возможности устроиться на завод в Москве: «Я знал, что во всяком случае буду сыт. Руки у меня с малых лет привыкли к труду». Столица произвела на Гудова ошеломляющее впечатление обилием объявлений «Требуются...». Появился еще один принципиальный рубеж в биографии — он стал рабочим станкостроительного завода.

Если судить по рассказу И. И. Гудова, прошлая деревенская жизнь не имела для него никакой ценности (это было вполне в духе эпохи), разве что только тот опыт «трудовой закалки», который был приобретен им за годы работы в разных местах. Строго говоря, Гудов давно покинул деревню, и формулой его жизни до приезда в Москву было унаследованное от старших поколений односельчан не вполне крестьянское поведение: «мужики шатались и бродяжничали в поисках черствого куса хлеба». Деревня была символом неустойчивой жизни, источником «миграционных настроений» [6, с. 3—31].

В 1938 г. в Кремле проводилось совещание стахановцев, на котором И. И. Гудов познакомился с А. Х. Бусыгиным. Между ними состоялся диалог, который, на наш взгляд, показателен с точки зрения работы памяти, разных моделей презентации прошлого.

А. Х. Бусыгин: Думаю о нашей прошлой жизни.

И. И. Гудов: Она канула в вечность.

А. Х. Бусыгин: Неправильно. О старом думать надо. А на деревне-то как жили раньше, так и как теперь! [6, с. 42].

Характерно, что рассказ Бусыгина о жизни открывался эпизодом коллективных воспоминаний рабочих автозавода о прошлом. Отдельные рассказы сливались в единый нарратив о безрадостном детстве, прошедшем «в тяжелом, подневольном труде, в голоде, холоде, нищете». Никто, как замечал Бусыгин, «почти не знал радости, любви, тепла»: у одного в семье — «орава вечно голодных и голых ребят», другой был с раннего детства сиротой, третий вспоминал о своих «глазенках», слипавшихся от монотонной работы по изготовлению рогожек, четвертый нищенствовал. Это были истории, близкие по судьбе с Гудовым.

Автобиографический рассказ А. Х. Бусыгина тоже выстраивался по схеме «из бедного и голодного мужика в передовые рабочие». Однако акценты здесь были расставлены иначе, чем у И. И. Гудова, поскольку до коллективизации Бусыгин имел свое небольшое хозяйство, а в колхозе успел поработать бригадиром. В центре его памяти была «тяжелая доля крестьянская»: 14 «ртов» в семье отца; «отдавали хлеб за бесценок, а потом покупали в городе»; «некуда было мужику деваться»; «помню, что всегда хотелось есть»; «помню, как урядник пришел описывать за недоимку корову. Помню, как убивалась, как рыдала мать, какие низкие поклоны отбивала она ему». Став после раздела семьи самостоятельным хозяином, Бусыгин «долго рвался, но лошадь раздобыл, телегу справил». Однако все равно: «жили — каждый кусок считали». Ключевым моментом рассказа Бусыгина стала фраза «Крепко осточертела мне жизнь крестьянская». Крестьянской жизни противопоставлялась жизнь новая, колхозная. Однако и она не заладилась — по незнанию, а также из-за «вредителей и перегибщиков».

Осенью 1930 г. в возрасте 22 лет Бусыгин пешком (символично!) ушел на строительство Горьковского автозавода, впервые покидая деревню. В его описании уход произошел буднично: «Уложила жена в сумку ковригу хлеба, кусочек сала, картошки, белья, две верхние кумачовые рубахи, взял немного денег». Шел по грязи босиком, на строительстве тоже было много грязи, но уже от машин и множества людей. Новое место поразило: «Никогда не забуду первого дня пребывания на строительстве. Из глуши, из деревушки с сотней жителей попал в большой, день и ночь живущий город — Автострой». Растерянность и первые трудности сменились активным включением в борьбу за темпы и качество. Далее шел рассказ о том, «как перековывался человек»: «Еще год назад „своя“ избенка, „своя“ корова заслоняли в его глазах весь свет, а тут глаза открывались. Я сам прошел через все это. Только на Автострое понял, что значит работать во имя социализма <...>. Одно было ясно — обратно в деревню не вернусь. Крепко врос я в завод, уже не оставлю его» [3, с. 3—17].

В качестве депутатов Верховного Совета оба — и Гудов, и Бусыгин — побывали в родных местах. Оба в своих повествованиях конструировали образы новой сельской жизни. Для Гудова он был воплощен в закрытой церкви, отсутствии его старого обидчика-попа и икон в домах колхозников (напомним, что перепись 1937 г. зафиксировала совершенно иную ситуацию в отношении религиозности населения). Что касается Бусыгина, то его образ новой деревни был представлен сквозь призму традиционного народного (крестьянского) восприятия: «Деревня теперь ест сытно».

Безусловно, важный момент заключается в том, что оба стахановца сделали себя сами, воспользовавшись условиями, которые предоставила им жизнь.

Дневник С. Ф. Подлубного показывает, как работала память в неофициальном случае и к тому же в неблагоприятных для человека обстоятельствах [10, с. 189—253]. Восприятие Подлубным происходящего было связано с потрясением, болью и травмой: семья раскулачена, отец выслан в Архангельскую губернию. В 1930 г. в 16 лет С. Ф. Подлубный оказался в Москве, скрыл свое социальное происхождение, зарегистрировался на бирже, стал учиться в ФЗУ. Затем вступил в комсомол и ударную бригаду. В 1931 г. начал вести дневник, описывая в нем жизнь скрывающего свое прошлое «человека с двойным дном», процесс вхождения в новые социальные условия. Как отмечала Н. Н. Козлова, пытаясь освободиться от стигматизации, люди отказывались от прошлого, от крестьянского, начинали включаться в устанавливаемые «сверху» социальные «игры номинации»: стремились собрать распавшийся мир, самоопределились [10, с. 200].

Включился в подобные игры и С. Ф. Подлубный, демонстрируя свою «нормальность» и в рабочее, и в свободное время. Дневник изобилует различными примерами мимикрии. Так, летом 1933 г. «фабзайцев» посылали на сельхозработы. Подлубный принял решение скрыть свою привычку к работе в поле: «А я ведь числюсь чистокровным рабочим». «Неужели я буду отличаться от других?» — вопрос, который занимал его постоянно. Дневник фиксировал процесс поиска образца для подражания, параллельно отмечались черты наследства, которое он маркировал как отсталое и от которого следовало отказаться. Подлубный был готов буквально выдавливать из себя любые следы деревенского, чтобы стать соответствующим эпохе — «культурным», учился планировать свое время.

В дневнике Подлубный рисовал образ отца-мучителя: «Сволочь, тиран <...> Мучил меня с малых лет, как скотину не бьют, изуродовал, искалечил меня на всю жизнь. Тумаки кулаками и побои ногами — незабываемые долго». Н. Н. Козлова обращала внимание, что для Подлубного отец-лишенец, само наличие которого толкало к тому, чтобы вести двойную жизнь, вызывал раздражение. Отец воплощал прошлую жизнь, подражать ему не хотелось, да и было нельзя. Порывание с родителями — важная особенность культуры того времени [10, с. 206—207].

Подлубному хотелось забыть прошлое, но одновременно он вспоминал счастливые вечера Украины. В 1934 г. он даже посетил родные места, «жажда встретить знакомых и боясь встречаться в то же время». Между тем прошлое в социально-политических условиях 1930-х гг. постоянно напоминало о себе. Паспортная кампания («сортировка людечистка новейшей конструкции»), призыв в армию,

поступление в институт — все эти варианты «сита» и «решета» обостряли моменты опасности. Для демонстрации своей лояльности Подлубный стал информатором ОГПУ, однако и это не спасало от страха и лишь оттягивало разоблачение. Н. Н. Козлова обращала внимание, что в момент разоблачения, когда одиночество Подлубного достигло апогея, он обнаружил новую группу идентификации: оказывается, «бывшие» были повсюду. И именно в тот момент он начал восстанавливать историю семьи, предков по отцу: и прадед, и дед работали на паншине. В дневнике содержалось подробное описание судьбы большой крестьянской семьи, которая то поднималась, то падала. Автор дневника ушел от традиционного общества, но, перестав отрекаться от самого себя, каким он был раньше, от семьи, от предков, он обрел свободу [10, с. 245].

Разумеется, оказавшиеся в городе и пытавшиеся адаптироваться к нему крестьяне не были изолированы от деревни. Посещение родных мест (хотя в случае бывших «кулаков» это было риском), всевозможные контакты с деревенскими родственниками и знакомыми; выражение недовольства политикой власти в деревне в той или иной форме (разговоры, письма во власть, обращения, частушки) способствовали как поддержанию памяти, так и размежеванию с сельским началом, установлению границы, перевода крестьянского в ранг прошлого.

* * *

Как менялось восприятие деревни по мере течения жизни?

Для одних из первого поколения бывших крестьян деревенское прошлое, судя по всему, становилась лишь кратким начальным эпизодом их биографии, именно прошлым, к которому не было желания или смысла обращаться вновь.

Например, в написанных в 1970-е гг. воспоминаниях В. И. Васильева практически нет интереса к сельскому прошлому. Он рано ушел из тульской деревни, в 1921 г. в 15 лет вступил в комсомол, затем прошел различные ступени образования, партийной, советской работы, стал инженером. Деревня для него была символом косности и отсталости. Кроме того, с ней было связано одно из наиболее болезненных воспоминаний. Их фрагмент, названный Н. Н. Козловой «Веребочка», повествовал как в 1922 г., в канун Рождества Васильев по заданию укома выявлял сельских самогонщиков. У него не было ни шубы, ни валенок, а невыполнение партийного задания грозило арестантским домом (ардом). Васильев нашел выход: привязал себя к саням веревочкой и бежал рысцой за ними по морозу. Задание было выполнено, но незаживающая рана осталась: «Долго в минуты размышления о чем-либо рукой бессознательно выводил на бумаге... „ардом“, „ардом“» [10, с. 77—106].

Новое издание своих воспоминаний, относящихся к началу 1970-х гг., И. И. Гудов начал с момента, как устроился на московский завод, а главу «Откуда я, кем я был до завода» поместил ниже, внося в нее несколько эпизодов, характеризующих его личные качества, важные для будущего передового рабочего (уверенность, ответственность, умение работать с механизмами) [7, с. 111—123]. В этом же издании содержался абзац о А. Х. Бусыгине: «На совещании в Кремле

Бусыгин более других выглядел по-деревенски. Говорил резко, грубовато, но искренне» [7, с. 71].

В свою очередь А. Х. Бусыгин добавил в новое издание воспоминаний выразительный момент, связанный с первой бессонной ночью в общежитии Автостроя, с сомнениями по поводу расставания с деревней. Бусыгину виделось, как жена, заливаясь слезами, провожала его в дорогу. Оказавшись в непривычном пространстве общежития — много людей, все чистое, белое (потолок, стены, белье на кровати, занавески на окнах), он вспоминал пусть темное, глухое, но родное, привычное. Слышал «как дышат другие работяги, а сам видел родную избу, печь, огромный стол, полати. Повернется сосед, всхрапнет, а мне кажется — теленок за печкой зашевелился, поросенок повизгивает» [4, с. 6—8]. Собственно, этот яркий, с оттенком ностальгии эпизод воспоминаний лишь оттенял главное: уверенность в состоятельности, а главное — правильности жизненного пути, чему и были посвящены воспоминания Бусыгина.

Н. Н. Козлова обратила внимание, что для бывших крестьян в плане переконструирования их биографий, расстановки новых акцентов в памяти о прошлом серьезным толчком послужило появление «деревенской прозы» — знак того, что крестьянская культура перестает рассматриваться как область пережитков и превращается в ценность [10, с. 130—131]. Напомним также, что с середины 1960-х гг. в общественном сознании значительно повысился интерес к национально-культурному и историческому наследию.

Когда И. И. Белоносков (1908 г. р., Пермская губерния) описывал свой жизненный путь, было очевидно, что он стремился вырваться не только за пределы крестьянского круга, но вообще за пределы любой работы, связанной с физическим трудом. Так что направление в педагогический техникум положило начало истории его «становления из ничего в передового молодого человека. Дорога в жизнь была открыта». В своем поколении он, по его признанию, оказался «удачливым». Неоднократно на протяжении своей жизни Белоноскову приходилось писать автобиографии. В зависимости от обстоятельств он по-разному позиционировал себя с точки зрения социального происхождения (от крестьянина-бедняка до рабочего) и конструировал свое прошлое; были варианты, в которых даже не упоминал о единоличном хозяйствовании. В целом же он строил образцовую биографию советского человека: из беднейшего крестьянина, через учебу и армию в дипломаты.

Именно с появлением «деревенской прозы» Белоносков начал активно вспоминать сельскую жизнь и с сожалением признавался, что сам он, в отличие от матери, растерял приобретенную веками крестьянскую культуру. Но стал более явным и острым интерес к корням, к истории рода [10, с. 107—145].

В. И. Едовин начал писать воспоминания о прошлом в конце 1970-х гг., когда ему было под 60 лет, после прочтения в архангельской областной газете статьи, посвященной семейным реликвиям [10, с. 145—186]. Поворотным моментом в его жизни стал вынужденный отъезд из деревни в 1937 г., а в повествовании о прошлом заметны два пласта. Первый был болевой точкой памяти и касался социальной травмы — раскулачивания отца в 1930 г. Жизнь разделилась на «до» и «по-

сле». Хотя вскоре его реабилитировали, следы от стигматизации оставались: отца отправили на лесозаготовки, круг общения сузился, одноклассница обзывала «кулаком». Яркой была память о приготовлении семьи к ссылке. В 1932 г. отец вынужден был вступить в колхоз, даже стал казначеем, и «по тем временам в нашем колхозе жили неплохо, некоторые даже хорошо». Однако когда в 1937 г. Едовину представился удачный случай уехать в Подмоскowie, он быстро воспользовался им. Москва показала ему другие возможности. Он стал пионером, решил, что «без образования придется работать в колхозе на физической работе».

Второй пласт памяти В. И. Едовина связан с репрезентацией своей жизни в новом качестве. Для него было принципиально показать, как сын раскулаченного крестьянина стал советским человеком, прошел фронт, входил в партийную номенклатуру районного и городского уровня. Так, работая после войны штатным пропагандистом райкома партии, он не только наблюдал жизнь деревни со стороны, а уже в пределах своих полномочий распоряжался ею: проводил различные кампании, вместе с начальником милиции обеспечивал «выполнение плана сдачи хлеба государству колхозами».

Н. Н. Козлова отмечала, что вступая в новую для себя социальную игру, Едовин действовал в соответствии с крестьянским габитусом, и многое в его поведении партийного работника воспроизводило крестьянские (шире — народные) способы проскальзывания и ускользания [10, с. 166—178]. Таким образом, некрестьянский пласт памяти пронизан крестьянским началом. И в нем также находилось место для памяти о деревне. Только деревня представляла не источником опасности, а источником притяжения, и память приобретала ностальгический оттенок. Вот несколько фрагментов: «Лучшей порой лета был, конечно, сенокос... Сцена обеда на сенокосе прекрасна: на берегу реки множество людей сидит группами или сплошь, пестрая одежда, разные позы, интересная домашняя утварь. И какая красивая пора — осень! <...> А поля! <...> Суслоны ставились в правильные ряды — все делалось со вкусом, старанием: никому не хотелось быть хуже других, даже у ленивых, нерадивых хозяев, и то суслоны были в порядке». В круг воспоминаний были включены деревенские обычаи, праздники и детские игры, вкуснейшая разнообразная домашняя пища. Безвозвратно ушедшее время счастья и радости — прошлое время.

* * *

Массовый интерес к крестьянскому прошлому, прежде всего в контексте «Великого перелома» обозначился в период Перестройки, и именно бывшие крестьяне поддерживали снятие табу на память о насильственной коллективизации, а также способствовали становлению фермерского уклада. С середины 1990-х гг., в условиях формирования в официальной риторике национально-патриотического дискурса, в массовом сознании, наряду с сохранением представления о коллективизации как трагедии советской деревни, сформировалась ностальгия по «советскому». Это нашло отражение и в воспоминаниях, связанных с миграцией в города из деревни в годы первых пятилеток.

Например, для Е. И. Правдиной, родившейся в 1913 г. в Петербурге и после смерти матери отведенной в 1917 г. в тверскую деревню к тете, северная столица стала в последующем источником притяжения. Отрывочные и яркие моменты городского детства сопровождали ее всю жизнь: «как во сне помню все до сих пор». Семья тети была вынуждена в революцию вернуться в деревню, и память о ней для Правдиной концентрировалась в особом положении этой семьи и восприятии ее сельской общностью. Оно стало источником сначала повседневного, но затем и социально-политического конфликта: «<...> уже по-другому себя там держали, не так, как все. А тем было неприятно. Они спали на дерюжках. А у нас было, конечно, по-другому. Все привезли из города и на простынях спали. Тетка постирает, а они грязью закидают. Она, когда весной что оставалось из продуктов, все разносила по бедным, все раздавала. Все равно — зачем вот у вас вот так, а не так, не нравилось никому». В трактовке Правдиной, семья тети отличалась еще и исключительным трудовым характером: «Ну, знаете, бедные-то не очень любили работать. Вот мы работали, я-то — меня мало брали, я еще маленькая была, в поле не работала, мне дома хватало работы. <...> В два часа ночи — с поля только идем. А уже все спят, бедняки-то. <...> Вечером, слышим, гармошка играет, а мы — на поле». В то же время, с одной стороны, в том, что касалось приверженности цивилизованному и трудовому началу, Правдина отождествляла себя с семьей тети в качестве «мы» против «их», то есть односельчан. С другой, противопоставляла себя этой семье, свою личную удачу — неудаче родственников: «их» раскулачили, а Правдиной удалось избежать этой участи, она «успела уехать» в Ленинград, поскольку ее «не успели удочерить». По мнению Правдиной, раскулачили «ни за что, можно сказать. <...> Это каждый мог иметь».

Вспоминая свою жизнь, Правдина использовала сравнения «прежде» и «теперь». Главная роль в «раньше» отводилась не деревенскому прошлому, а городскому — после возвращения в Ленинград в 1930 г. Это «раньше» — время молодости, ударной работы в молодежной бригаде, удачной адаптации и обретения городской идентичности — воспринималось позитивно и с известной долей ностальгии. Деревенское прошлое воспринималось ситуационно. А трудовая закалка в хозяйстве тети не пропала даром: на заводе, куда устроилась Правдина, «видели, что я очень трудолюбивая» [11, с. 72—96].

Ярославец А. К. Яковлев в 1932 г. в 19 лет фактически убежал из колхоза в Ленинград. Поселился в бараке, устроился на завод, первое время испытывал и голод, и холод. Он был нацелен на интеграцию в городскую жизнь: «Мне было недостаточно моего образования. Я пошел потихоньку, потихоньку. <...> Работал, учился, халтурил по вечерам». Однако когда Яковлев женился и получил квартиру, повседневность его семьи приобрела негородские черты: построили сарай, где в довоенное время держали поросят, козу, даже корову. Но «здесь у многих так было». Он и воспринимал традиционно. А поездки в центр Ленинграда совершались не ради города как такового, а для общения с родными и знакомыми: «Ну, город был как... как своя деревня». Опираясь на свою индивидуальную стратегию адаптации, Яковлев полностью использовал Ленинград в своих интересах — не только по отношению к собственной семье, но и к ближайшим родственникам, что

вызывало его гордость. Всех своих братьев (их было трое), он «перетащил» на ленинградские заводы. Деревенская жизнь для рода Яковлевых стала реальным прошлым и судя по всему, он не испытывал ностальгии по ней [11, с. 163—169].

Н. Ф. Колокольцева приехала в Ленинград в 1932 г. с тверской земли после смерти бабушки. Сначала Колокольцева (ей было 14 лет) устроилась домработницей, а затем перешла рабочей на фабрику. Реконструктивная часть ее памяти о деревне скудна: немного о хозяйстве бабушки, больше — о собственной работе «в няньках», которая была приурочена к ритмам крестьянского аграрного календаря. А вот поведенческий аспект памяти показывает, что вся последующая адаптация в Ленинграде проходила с опорой на деревенскую традицию, на групповую стратегию.

Так, выбор трудового места был связан с тем, что фабрика находилась на окраине города, рядом с домом, где она поселилась вместе с другими мигрантами. Узким, точнее — локальным был и круг общения, в который включались исключительно родные и знакомые, т. е. те же приехавшие из деревни, и в котором не находилось места для ленинградцев. Всегда и везде — по крайней мере, в первое время — Колокольцева руководствовалась установками родственников, знакомых, прежде всего — старших: «Я должна посоветоваться, да спросить и ту, и другую тетю»; «старухи если учили, я слушала. И меня бабушка учила: „Доченька, никогда не отвечай старшим. Пускай говорят, а ты слушай. Не отвечай старшим“».

Девушки-подростки, не прошедшие полностью соответствующую их половозрастной стратегию деревенскую школу межличностной коммуникации, нуждались в своем, родовом: «Нам хотелось как-то быть с компанией <...> Много девчонок было — с наших же деревень, да, все старые знакомые, друг по дружке так и узнавали». Недалеко от фабрики располагалась роща, и в свободное время землячки будто возвращалась на малую родину: «Зайдем за березы, „ты-ны-ны — ты-ны-ны“ — языком, и — плясать. Вот чем занимались». Даже если, собравшись группой, девушки ездили в другие районы Ленинграда, то и там «вот языком играем и танцуем». Городские варианты досуга — клубы, кинотеатры, прогулки по Невскому их не интересовали, а во время оперного спектакля все заснуло: «А мы здесь хоть ты-ны-ны, ты-ны-ны, а если кто-нибудь возьмет гитару — и песни, и танцевать». Это «ты-ны-ныканье» — ключевое слово ее памяти, слово-образ и словодействие.

Колокольцеву привлекали коллективные выезды за город. Она любила ходить на демонстрации. Руководствуясь деревенской привычкой соотносить свои действия с народным знанием, облекая их в формы пословиц, Колокольцева мотивировала собственное поведение просто: «На народе и смерть красна. Идешь как-то весело день проходит <...> Я без народа никогда не была в одиночестве, никогда. Я всегда в компании была». Так же «вместе с народом» (бригадой) она включалась в орбиту советской праздничной традиции: «С ней работаешь, с ней и отмечаешь... А так, чтобы с улицы с кем-то познакомиться — нет, у меня не было такого». Бригада, как вероятно, и в случае Е. И. Правдиной, на начальном этапе заменила семью. Н. Ф. Колокольцева тоже считала, что «раньше» было лучше, но критерии отбора — другие [11, с. 142—156].

Л. В. Гурина, ровесница Н. Ф. Колокольцевой, приехала в Ленинград в 1935 г.: в колхозе стало голодно. В воспоминаниях колхозная жизнь противопоставлена «раньше», т. е. единоличной с ее крестьянским порядком. Гурина гордилась своей середняцкой семьей: «Трудолюбивая семья была. Когда мамочка идет жать, она старшей сестре уже не давала бегать: „Доченька, идем колосочки собирать“ И вот каждый колосок собирают с полосы, потом сушат и обмолачивают. И задания давали — вот уйдет мама — чтоб водички принесла, дрова, горшочки чтобы вымыть, столик — не давали бегать, поросенку дать травы — это все надо было. Работали все. Детям не давали как сейчас — в школу, после школы институт кончают, а все еще свои штаны не умеют стирать».

По выражению Гуриной, ее семья «не пострадала от коллективизации» — с той точки зрения, что не была раскулачена. Но в деревне («у нас») две семьи выслали. Пожалуй, Гурина идентифицировала себя с ними. С дочерью одного «кулака» она дружила. Объединяющее начало — трудовой этос — имелось у ее семьи и с другой семьей также несправедливо раскулаченных: «Я вот живой свидетель: три брата работали, три сестры и он сам. У них молотилка была, косилка, они все своими трудами — и в Сибирь. Где-то там умерли. Отобрали дом двухэтажный. А бедным, которые к солнышку задницу свою грели, дали этот дом. И ни огурчика, ни лука никогда не было <...>». Степень трудничества раскулаченного мифологизируется: «У него умерла 12-летняя дочь, надо хоронить, а он говорит: „Нет, надо сено грести“». Остался на пустоши и дочку не поехал хоронить».

В коллективизацию произошло социально-политическое ранжирование, и в итоге судьбы у семей оказались разными: «Мы вступили в колхоз, а их не взяли». Однако бабушка избежала новой идентичности — колхозница: «Бабушка говорила моему папе: „Ты меня в колхоз не записывай, я не хочу в колхоз идти“ <...>. Она так и умерла, не записана. В 32-м году она умерла».

Строго говоря, семья Гуриных тоже пострадала от коллективизации, хотя и в другом плане. Память расставляла только основные акценты: «Хлеба было мало. Кормежка-то земли уже не та. Был навоз — свои лошадки, коровы, а там уже другое совсем. Не было своего, только колхозное, а свой — огород у дома». Однажды 1938 г. Гурина услышала разговор брата с женой: «Пусть Лида едет в Ленинград, а то у нас хлеба мало совсем». Гуриной очень не хотелось уезжать из родного дома, тем более, «в лето». Однако принципы функционирования семейного хозяйства взяли верх: «А папа уже слова не мог сказать, раз невестка сказали с братом — уже все» (мать к этому времени умерла).

Оказавшись в 19 лет в Ленинграде, Гурина устроилась домработницей, проработав так всю жизнь. Ей повезло с хозяйками, особенно с первой, которая стала для нее «как мать родная». Процесс адаптации проходил мягко. Жили в коммунальной квартире дружно, хозяйка учила ведению городского домохозяйства. На Гурину произвел сильное впечатление красавец-город, в выходные она изредка ходила в кино, музеи. Однако главным местом, в котором она поддерживала свою идентичность, стала церковь. Верующими были родители и не пожелавшая вступать в колхоз бабушка. Во время переписи 1937 г. Гурина заявила о себе как о верующей. Посещение служб способствовало знакомству с такими же бывши-

ми деревенскими жительницами, образованию компании. Как и Колокольцева, Гурина прошла процесс групповой адаптации, однако это было совершенно другое сообщество. Бывшим крестьянкам удалось гармонично совместить свои ценности с новой средой: «Мы не стеснялись, и до войны ходили, и после войны. Потому что если и будут гонения, мы все равно от Бога не откажемся. Если и сейчас спросят, скажу — верующий. Пусть они хоть расстреливают, высылают, скажу — верующий».

Гурина была довольна жизнью: «Да, в церковь я свободно ходила, а что мне больше? Свободно ходила, и я не обижалась на советскую власть. У хозяев жила — очень хорошо мне было, на всем готовом, и денежки еще получала, так что я довольна была». В деревне в те годы она бы этого не получила. Ей предлагали работу официанткой на военном предприятии (вероятно, с перспективой выйти замуж). Однако Гурина руководствовалась своим представлением о счастье: «в домработницах лучше — всегда чистенький, всегда сыт и всегда денежки есть». К этим слагаемым хорошей жизни добавлялась и привычка, которая «всегда много значит» [11, с. 172—182].

* * *

Анализ культурной истории социального посредством обращения к памяти позволяет увидеть различные аспекты ее проявления — с точки зрения актуализации накопленного опыта, а также с точки зрения восприятия прошлого как такового. Бывшие крестьяне обращались к памяти прагматически — для выживания и адаптации в городской среде, но также и для поиска смысла в настоящем.

Наше описание памяти бывших крестьян носит предварительный характер и далеко от завершения. Безусловно, исследование требует продолжения. Необходимо проанализировать взаимодействие поведенческой и реконструктивной сторон памяти в контексте различных волн миграции из деревень в города. Важно изучить общероссийские и региональные проявления социокультурных сторон городской рурализации, имея в виду и обратное влияние урбанизационных процессов на российское село, в котором активно шло раскрестьянивание. Наконец, память бывших крестьян нуждается в типологическом сравнении с крестьянской памятью.

Литература

1. *Бабашкин В. В.* Крестьянский менталитет: наследие России царской и России коммунистической // *Общественные науки и современность.* 1995. № 3.
2. *Берто Н., Мальшева М.* Культурная модель русских народных масс и вынужденный переход к рынку // *Биографический метод. История, методология и практика.* М., 1994.
3. *Бусыгин А.* Жизнь моя и моих друзей. М., 1939.
4. *Бусыгин А.* Свершения. М., 1972.

5. *Витухновская М.* «Старые» и «новые» горожане: мигранты в Ленинграде 1930-х годов // *Нормы и ценности повседневной жизни: Становление соц. образа жизни в России, 1920—30-е годы.* СПб., 2000.
6. *Гудов И.* Путь стахановца. Рассказ о моей жизни. М., 1938.
7. *Гудов И. И.* Судьба рабочего. М., 1970.
8. *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009.
9. *Козлова Н. Н.* Горизонты повседневности советской эпохи (Голоса из хора). М., 1996.
10. *Козлова Н. Н.* Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.
11. На корме времени: Интервью с ленинградцами 1930-х г. / Под общ. ред. *М. Витухновской.* СПб., 2000.
12. Прежде и теперь. Рассказы рабочих, колхозников и трудовой интеллигенции о своей жизни при царизме и при Советской власти. М., 1938.
13. Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. М., 1996.
14. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Пер. с англ. М., 2001.
15. *Hoffmann David L.* Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929—1941. Ithaca and London: Cornell University Press, 1995.

*Л. Н. Мазур, О. В. Горбачев*¹

Материальная культура советской деревни второй половины XX в.: опыт интерпретации художественного кино²

В статье на основе данных статистики и анализа деревенского художественного кино 1950—1980-х гг. рассматриваются изменения в материальной культуре советского крестьянства, связанные с процессами урбанизации. Внимание авторов сосредоточено на рассмотрении визуальных репрезентаций наиболее знаковых предметов материальной культуры — радио, телевизоров, бытовой техники, оценке их места и роли в жизни колхозников, определении иерархии предметного ряда.

Ключевые слова: материальная культура, художественное кино, сельский образ жизни, радио, телевидение, бытовая революция.

Материальная культура российской деревни, условия жизни крестьян претерпели в XX в. существенную трансформацию, причиной которой стали как глобальные факторы (урбанизация, индустриализация), так и цивилизационные (коллективизация). За сто лет деревня кардинально изменилась, пройдя сложный путь от традиционного села до урбанизированного поселения. Особенностью данного этапа стала быстрая смена культурных слоев, связанная с практически полным уничтожением предметов материальной культуры переходного периода. Уже сейчас возникают проблемы с реконструкцией колхозного мира, так как фермы и скотные дворы, машинно-тракторные станции, клубы и прочие хозяйственные и культурные сооружения стоят в руинах. Утрачены и многие предметы быта, которые определяли сельскую жизнь в середине и второй половине XX века. В обществе потребления вещи не хранят, их уничтожают.

Традиционно под материальной культурой понимается все многообразие производимых человеком предметов (орудия, машины, инструменты, предметы быта, одежда, украшения, культовые и ритуальные предметы, оружие, музыкальные

¹ *Мазур Людмила Николаевна*, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Lmaz@mail.ru, Россия, г. Екатеринбург; *Горбачев Олег Витальевич*, доктор исторических наук, Уральский государственный педагогический университет, og_06@mail.ru, Россия г. Екатеринбург.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-01-00352а).

инструменты и т. п.), а также природные вещи и явления, измененные воздействием человека (например, обработанные природные объекты или так называемые техногенные ландшафты) [6]. В этом определении присутствует ярко выраженная производственная доминанта, между тем как существует и другая сторона материального мира — потребление.

Дефиниция материальной культуры как результата материализации человеческих потребностей была предложена М. Харрисом [14] и в значительной мере ориентирована на антропологический подход к ее изучению. Последний, в свою очередь, предполагает решение задачи реконструкции вещного пространства на уровне первичной ячейки общества — семьи, и приближает нас к пониманию роли и значения вещей, предметов материальной культуры в жизни человека — не в глобальном смысле, а на уровне обыденности.

В истории человечества были периоды, когда оба режима функционирования материальной культуры (производственный и потребительский) совпадали, формируя неразделенное вещное пространство конкретного человека. Таковы, например, материально-культурные комплексы традиционного общества, связанные с натуральным типом хозяйства. В российской крестьянской среде такая модель материальной культуры, когда производство и потребление было интегрировано и сосредоточено в границах крестьянского двора, сохранялось очень долго, вплоть до середины XX в. В городах уже на ранних этапах их существования происходит разделение предметно-производственного и предметно-потребляемого мира. Их дифференциация усиливается в условиях урбанизации. В конечном итоге она охватывает не только городскую, но и сельскую местность, формируя свои подтипы городской и сельской материальной среды, которые пересекаются между собой, но не совпадают полностью.

Таким образом, материальная культура советской деревни представляет собой модель вещного пространства, окружающего и сопровождающего сельского жителя в его ежедневных практиках (хозяйственных, бытовых, культурных). В целом можно говорить об определенных тенденциях эволюции предметного мира человека в условиях урбанизации, которые связаны, с одной стороны, с унификацией и стандартизацией процессов производства и потребления, а с другой — с более глубокой их дифференциацией. Ее основой выступают не «объективные» факторы (социальные, экономические, этнокультурные и проч.), а субъективные предпочтения, связанные с образом жизни, системой ценностей человека, его индивидуальными потребностями. Эти предпочтения становятся посылом для оформления различных субкультур (молодежных, арт-, музыкальных, интернет, и пр.), получающих свое материальное воплощение.

При анализе предметного пространства человека очень важно, помимо обыденной материальной среды, окружающей его и определяющей образ жизни, выделить вещи-символы, которые позволяют проникнуть во внутренний мир личности, важны для характеристики ее жизненных стратегий и приоритетов. При таком подходе модель материальной культуры человека/социальной группы будет включать два уровня, отражающих разный режим потребления: утилитарный и символичный. Утилитарный уровень формируется средой существования. Чело-

век принимает его как данность, тем самым воспроизводя сложившиеся типичные схемы производства и потребления. Утилитарный уровень охватывает вещный мир, связанный с такими материальными структурами как поселение, жилище, одежда, занятия (производство, быт, досуг, праздник). Символьный уровень связан с сознательным отбором предметов материального мира, представляющих для человека наибольшую ценность и отражающих его либо мировоззренческие, либо поведенческие приоритеты [15]. Он определяется социальными (например, сословными) факторами, хотя может иметь и духовную, экономическую природу с учетом приоритетов личности.

Символьный предметный уровень материальной культуры очень динамичен, поскольку ценность и знаковость вещей могут меняться, теряя или приобретая новые смыслы [16]. Динамика предметно-символьного пространства определяется интенсивностью межкультурных коммуникаций, в результате чего вещь мигрирует из одной культурной системы в другую (например, из городской среды в сельскую), приобретая новые смыслы. Другим значимым фактором смысловых трансформаций выступает подвижность/инновационность самой культурной среды, порождающей новые вещи-символы и уничтожающей старые.

Таким образом, основные сферы материальной культуры (поселение, обстановка, жилье, одежда и обувь, бытовая техника, тип питания и пр.) на макро- и микроуровне общества формируют нераздельный предметный мир человека, соответствующий его представлениям о полезности, функциональности и социальном статусе. В приведенной ниже схеме систематизированы основные категории материальной культуры и их вещная презентация на макро- и микроуровне, а также вещи-символы, знаменующие ситуацию перехода от традиционной модели производства/потребления к современной, урбанизированной.

Обращает на себя внимание то, что практически все выделенные в схеме структурные элементы материальной культуры имеют завершенный процесс перехода на макро- и микроуровне, за исключением одной — это «сельскохозяйственное производство». Знаковые вещи перехода в данной категории отражают только макроуровень, на микроуровне (крестьянское подворье) они отсутствуют, так как орудия труда и технологии в крестьянском хозяйстве оставались ручными, модернизация их практически не коснулась. В этом специфика советской модели: крестьяне-колхозники не могли приобрести ни сенокосилок, ни бензопил, ни культиваторов, ни другой сельскохозяйственной техники, поскольку ее либо не производили вообще, либо она была в дефиците.

Если другие элементы материальной культуры модернизировались достаточно активно (особенно средства коммуникации и транспорт), то в данном сегменте наблюдался застой, который пытались преодолеть ремесленным способом, приспособив под производственные нужды то, что есть под руками. В результате встречаются удивительные примеры народной «сообразительности», о которой восхищенно писал В. Белов: «Человек, приспособивший пылесос для растопки сырых дров и очистки от сажи печных поворотов, вызывал во мне чувство радости. За одну только мысль — приспособить стиральную машину для сбивания ко-

Классификационная схема сельской материальной культуры

МОДЕЛЬ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ		
<i>Материальная макросреда</i>	<i>Материальная микросреда</i>	<i>Вещи — знаки перехода</i>
Система расселения , поселение	Жилье	Каменные, многоквартирные дома
Благоустройство поселения (электричество, водоснабжение, теплоснабжение, газ, торговое и бытовое обслуживание, общественное питание)	Благоустройство жилья, обстановка, одежда, питание	Электроприборы, мягкая и функциональная мебель, Женская одежда (пальто, платья, брюки, куртка), мужская одежда (костюм, куртка, ботинки)
Сельскохозяйственное производство (земля, скот, орудия труда, техника, технологии, производственные постройки)	Крестьянское подворье (приусадебный участок, скот, орудия труда, хозяйственные постройки)	Тракторы, комбайны, автомашины, доильные аппараты, кормоцепа и пр.
Транспортные коммуникации (транспорт, дороги, мосты)	Личные транспортные средства	Велосипед, мотоцикл, автомобиль
Социальная инфраструктура (школа, библиотека, клуб, церковь, медицинские учреждения)	Индивидуальные предметы культуры и быта (книги, бытовая техника, посуда, игрушки, музыкальные инструменты и техника и пр.)	Книги, гитара, магнитофон
Коммуникации (почта, телефон, телеграф, радио, телевидение)	Персональные средства коммуникаций	Радиоприемник, телевизор, телефон

ровьего масла — я бы выдал Гаврилову любую медаль, не то, что грамоту. Любую, какую бы он ни пожелал...» [4].

Таким образом, материальная микросреда в значительной степени вторична и определяется состоянием, доступностью макросреды, но имеет и определенную автономность, так как формируется под воздействием не только объективных, но и субъективных факторов. В целом, для образа жизни советского колхозника были характерны следующие черты: 1) более низкий в сравнении с городом уровень жизни и потребления, сохраняющий некоторые традиционные черты в структуре питания, одежде, организации жилой среды и проч.; 2) преобладание ручных видов труда, низкий уровень профессионализации и специализации; 3) сохранение элементов народной культуры в повседневной и праздничной деятельности.

Переломной точкой, своеобразным пиком трансформационных процессов в материальной среде выступают 1960-е гг. К концу 1960-х гг. в основном были решены задачи электрификации сельской местности, формирования новой информационной среды: стали общедоступными радио, телевидение и телефон. Изменения в макросреде, вместе с развитием торговли, транспортных коммуникаций, жилищно-бытовым строительством и ростом уровня доходов колхозников, существенно повлияли на изменение индивидуальной модели материальной культуры.

Характеристика каждого уровня материальной культуры опирается на свою источниковую базу. Реконструкция *макроуровня* (системы расселения, инфраструктуры поселений и пр.) строится на разнообразных письменных источниках, прежде всего статистических. В общем количественном выражении он изучен достаточно полно в работах историков-аграрников [3; 7; 8; 10; 11; и др.]. Другое дело *микроуровень*, непосредственно связанный с индивидуальным потреблением и образом жизни колхозников-крестьян. Письменные источники здесь оказываются практически бесполезными (за исключением, пожалуй, материалов бюджетных обследований 1932—1991 гг., а также единовременных бюджетных обследований 1960—1970-х гг., посвященных изучению жилищных условий, использованию предметов культуры, бюджету времени и т. д.). Существенным подспорьем при изучении условий жизни крестьян и их повседневных практик может служить устная история [5; 12; и др.]. Однако сбор устных исторических сведений требует значительных материальных и временных затрат, и эти данные дают лишь самое общее представление о предметном мире. Между тем, вещь обладает не только символическими и прагматическими смыслами, но и визуальностью, которая не менее важна для ее характеристики.

Решить проблемы исторической реконструкции материальной среды российской деревни середины — второй половины XX в. с учетом экономического, национального и географического факторов можно, привлекая художественные фильмы о деревне. В 1950—1980-е гг. в российском кинематографе сложилось особое направление — «деревенское кино». Как и деревенская проза, оно стало явлением культуры, обращенным к проблемам *современной* деревни и порожденным той модернизационной перестройкой, которую она переживала. Расцвет деревенского кино приходится на хрущевский и брежневский периоды, затем количество фильмов сокращается, отражая в известной мере завершение того исторического процесса (урбанизации), который стал одной из причин появления рассматриваемого художественного феномена.

В общей сложности в 1953—1991 гг. в СССР было создано около 600 фильмов на сельскую тему, в том числе более половины (371) *актуальных*, т. е. отражающих современные проблемы. Они составили основной массив картин, определивших эстетику и идеологию «деревенского» кинематографа. Для него характерны следующие черты:

- 1) *обращение к личности обычного человека*;
- 2) *стремление к достоверной реконструкции деревенского быта*;
- 3) *поэтизация деревни как особого мира*, наполненного искренними чувствами, мудростью, подлинной нравственностью.

Одним из важнейших творческих приемов «деревенского» кинематографа, начиная со второй половины 1950-х гг., стало *правдивое* отображение жизни современной деревни. Для исследователя эта установка принципиально важна. *Идеологически* кинореализм в советском кино подпитывался необходимостью «возврата к правде» в ходе хрущевской «оттепели», *эстетически* — мощным влиянием итальянского неореализма, *теоретически* — идеями ряда авторов, среди которых важное место занимал Андре Базен, чьи работы были доступны в СССР. Этот французский теоретик кинематографа, полемизируя со сторонниками популярной в 1920—1940-е гг. так называемой «линии Эйзенштейна», утверждал, что кино обязано быть реалистичным, должен сработать эффект узнавания, иначе оно не будет убедительным («Кинематографическое изображение может быть лишено всякой реальности, кроме одной: реальности пространства <...>. Экран обязан передавать смысловые значения исключительно посредством реальности» [2, с. 179, 181; 13]).

Сознательная ставка на вымысел как элемент творческого метода уступила место стремлению к жизненной правде. В результате у исследователя российского села появляется возможность проследить по фильмам эволюцию предметного мира деревни в 1950-х — конца 1980-х гг. При этом фильмы позволяют зафиксировать не только сам факт использования тех или иных предметов, техники, но и понять роль вещей в становлении нового образа жизни, отношение к ним крестьян, дифференцированность восприятия различных предметов и стандартов иной (городской) культуры сельским социумом на разных этапах советской истории.

1950-е гг. имели особое значение для советской деревни. В 1953 г. началась смена эпох: уходил в прошлое сталинизм с его системой репрессий и силовыми инструментами власти, ему на смену пришла хрущевская «оттепель», известная либерализацией политической системы и аграрными преобразованиями. Эти реформы (изменение ценовой и налоговой политики, освоение целины, реорганизация МТС, укрупнение колхозов, их перевод в совхозы и пр.) способствовали подъему сельского хозяйства, повышению уровня жизни крестьян и преобразованию сельской местности. На селе развернулось массовое производственное и жилищное строительство, реализовывались различные социальные программы, призванные изменить жизнь людей на селе. Все эти процессы получили отражение в кинематографе.

Принципиальное отличие «деревенского» кино от сталинских фильмов на сельскую тему состоит в характере отражения происходящих процессов. В фильмах послевоенного периода (Сельская учительница, реж. М. Донской, 1947 г.; Кубанские казаки, реж. И. Пырьев, 1949 г.; Кавалер Золотой звезды, реж. Ю. Райзман, 1950 г.; Сельский врач, реж. С. Герасимов, 1951 г.; и др.) последовательно реализуется пропагандистская функция. Сталинское кино — это плакат, направленный на формирование нужных власти образов и мифов в сознании советских людей. В фильмах послевоенных лет широко используются приемы павильонной съемки. Так, например, в фильме 1950 г. «Кавалер Золотой звезды», рассказывается о строительстве межколхозной электростанции — реальном факте

политики сплошной электрификации того времени, но натурные планы в картине практически отсутствуют. Мы видим на экране поля с колосющейся пшеницей, тучные стада на лугу, застолье в саду, т. е. визуальную презентацию богатой колхозной жизни, но не видим реальных деревенских пейзажей, домов колхозников, колхозных строений, жилых интерьеров. Весь материальный мир фильма создан искусственно «под заказ» и не может восприниматься как достоверный.

«Хрущевское» кино — другое, плакатность кинопрезентации сохраняется, но она гораздо более реалистична и нацелена не столько на мифотворчество, сколько на воспитание. Это кино достаточно глубоко отражает существующие проблемы и одновременно предлагает санкционированные властью рецепты их решения. Используемые в фильмах образы приобретают узнаваемые черты. Уже во второй половине 1950-х гг. в кинематографе явно обнаруживается стремление к показу трудностей и достижений колхозной деревни (см., например: Чужая родня, реж. М. Швейцер, 1955 г.; Дело было в Пенькове, реж. С. Ростоцкий, 1957 г.; Тугой узел, реж. М. Швейцер, 1957 г.; Простая история, реж. Ю. Егоров, 1960 г.; Председатель, реж. А. Салтыков, 1964 г.; и др.).

Среди наиболее серьезных проблем деревни выделяются производственные (низкая производительность труда, нежелание крестьян работать бесплатно, тяжелый ручной труд), социальные (бегство из деревни, низкий уровень жизни, отсутствие достойных условий для труда и отдыха), культурные (неразвитость культурно-бытовой сферы). Признание проблем в развитии колхозного строя прямо повлияло на специфику их отображения в кино. Сюжеты фильмов построены на противопоставлении «старого» и «нового», презентации накопившихся проблем и способов их решений. Эта дихотомия нашла отражение в реконструкции материального мира российской деревни 1950-х гг., где сталкиваются прошлое и будущее. Образ «прошлого» — это традиционная деревня, которая, несмотря на социалистические преобразования 1930-х гг., в материальном / вещном плане принципиально не изменилась. Образ «будущего» формируется преимущественно путем использования вещей-символов, дополняющих и постепенно замещающих традиционные интерьеры. В результате в ретроспективе фильмов 1950—1980-х гг. постепенно меняется внешний облик поселений, жилье, транспорт, обстановка и внешний облик крестьян (их одежда, личные предметы). Рассмотрим более глубоко только один из срезов материального мира — те предметы, которые определяли быт колхозников и с которыми связано понятие «бытовая революция».

Из наиболее значимых достижений данного периода, преобразивших деревню, следует отметить электрификацию. Уже в фильмах 1950-х гг. электричество выступает в качестве обязательного элемента быта: в каждой избе есть освещение. Электричество меняет жизненные циклы, расширяет информационное поле деревни, включая ее в городскую политическую, культурную медиасреду.

В деревенском кинематографе 1950-х гг. нашел отражение завершающий этап электрификации села. Переход к сплошной электрификации относится к послевоенному времени, когда повсеместно началось строительство малых электростанций. Об этом сюжет фильма «Кавалер Золотой звезды», снятого в духе позднесталинского пропагандистского кино и напоминающий по стилистике и ан-

туражу знаменитый фильм И. Пырьева «Кубанские казаки». Фильм презентует те ожидания власти, которые были связаны с электрификацией села: в эпилоге фильма колонны тракторов на электрической тяге пахут колхозную землю, с помощью поливальных установок орошаются поля, в овчарнях овец стригут электроножницами, на колхозных фермах установлены автопоилки и доильные аппараты, а в центре всего колхозного пейзажа как звезда сияет огнями электростанция. Это сказка, мечта, не менее фантастичный ремейк которой мы можем видеть в фильме «Дело было в Пенькове» — одной из первых картин, снятых в эстетике деревенского кино. Разница состоит в подаче материала: в фильме С. Росточкина речь идет о будущем деревни (Тоня рассказывает Максиму о том, как трактора будут работать без трактористов, управляемые ЭВМ), а в сталинском кино — все чудеса демонстрируются как уже свершившийся факт.

Между тем процесс электрификации оказался достаточно долгим и сложным. Построенные в начале 1950-х гг. малые электростанции были в большинстве своем убыточными, постоянно ломались. В фильмах 1950-х гг. (Дело было в Пенькове; Простая история) встречаются эпизоды с отключением электроэнергии по ночам в связи с маломощностью электродвигателей, их постоянным ремонтом. В 1960-е гг., когда основным источником электроэнергии для деревень становятся сети, эти эпизоды исчезают, электрификация перешла на новый уровень, формируя новые возможности для изменения не только труда, но и быта колхозников.

Бытовая революция, которая охватывает городскую среду в 1950-е гг., приходит в российскую деревню позже и в полной мере проявляется только в 1970-е гг. Она достаточно четко прослеживается по фильмам данного периода, позволяя изучить потребительские приоритеты сельских жителей.

Перестройка сельского быта в связи с появлением электричества подчеркивается увеличением в кадре числа предметов и вещей, работающих на электричестве. В фильмах 1950-х гг. их немного: в интерьере сельского дома заметны только лампы под жестяным кожухом или абажуры (деталь зажиточной семьи), почти всегда где-то рядом можно увидеть керосиновую лампу. Кроме того, в фильмах второй половины 1950-х гг. встречаются радиоприемники и даже телевизоры (Простая история). Телевизор становится наиболее значимым символом прогресса, коренных перемен — это окно в мир, благодаря которому замкнутый мир деревни начинает меняться.

К концу 1960-х гг. количество предметов, работающих на электричестве, увеличивается: в домах появляются люстры, настольные лампы, бра, электроприборы — утюги, радиолы, телевизоры, холодильники (Зареченские женихи, реж. В. Миллионщиков, 1967 г.; Человек на своем месте, реж. А. Сахаров, 1972 г.; и др.).

Наиболее показательны с точки зрения бытовой революции динамика и режимы использования таких сложных бытовых электроприборов как электроутюг, радиола, магнитофон, телевизор, холодильник, стиральная машина, пылесос. Статистика фиксирует, что уже к началу 1960-х гг. все эти вещи присутствуют в сельской местности, хотя встречаются очень редко (табл. 2).

Обеспеченность крестьян Урала бытовыми приборами и товарами культурного назначения в 1963 г., в среднем на 100 хозяйств, шт.

Наименование товара	Уральский регион	Свердловская область
Телевизор	0,3	3,6
Радиоприемник	21,2	58,7
Электропроигрыватель	0,2	5,8
Стиральная машина	1,2	27,4
Пылесос	—	0,3
Электроутюг	нет свед.	79,5
Фотоаппарат	1,7	7,5
Швейная машина	48,0	75,4
Часы ручные	нет свед.	137,1
Мотоцикл	4,8	11,4
Велосипед	39,2	71,5
Автомобиль	0,2	0,2
Аккордеон, баян	10,2	2,8
Книг	806,1	994,3
Газет	88,2	105,5

Источник: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3272. Л. 1; ГАРФ. Ф. 374. Оп. 32а. Д. 7172. Л. 78.

Статистику по Уральскому региону можно рассматривать как вполне типичную для СССР. Показатели по Свердловской области в два, а иногда и в три раза выше, чем в целом по Уралу (за исключением обеспеченности аккордеоном/баяном), и это во многом определяется более высоким уровнем урбанизации территории и ее промышленным потенциалом, т. е. процессы изменения образа жизни в сельской местности здесь протекают заметно активнее. Несмотря на различие в показателях, наиболее высокий уровень обеспеченности был достигнут по радиоприемникам, швейным и стиральным машинам, электроутюгам (см. табл. 2). Телевизоров, проигрывателей, холодильников было очень мало. Их нужно рассматривать как знаковые вещи, поскольку они свидетельствовали о достатке, либо об особом статусе владельца. В фильмах на этих предметах сделаны особые акценты, в результате наблюдается заметный разрыв между частотой визуальных кинопрезентаций и статистическими данными. Остановимся подробнее на анализе динамики потребления отдельных бытовых предметов, меняющих условия и образ жизни колхозников.

Символом новой деревни на рубеже 1950—1960-х гг., помимо электричества, становится радио. И по данным статистики, и по частотному анализу кинопрезентаций радиоприемник можно воспринимать как символ хрущевского

времени, определяющий не столько уровень, сколько качество жизни сельского жителя.

Массовая радиофикация сельской местности начинается в послевоенный период. Вместе с электричеством в деревню приходит радио: репродукторы — «тарелки» устанавливали на уличных столбах, чтобы слышали все. Традиция уличного колхозного радио сохранялась на протяжении всего советского периода, и оно выступало своеобразным регулятором потребления информации. Уличный репродуктор невозможно было отключить или переключить на другую волну. Голос диктора, передающего колхозные новости, объявления правления колхоза, эстрадная советская музыка, позывные «Маяка» создавали особый звуковой фон деревенской жизни, который мы можем услышать в очень немногих фильмах: «Человек на своем месте», «Деревенский детектив» (реж. И. Лукинский, 1968 г.), «Деревенская история» (реж. В. Каневский, 1981 г.) и др. Гораздо чаще сюжет деревенских фильмов иллюстрировался специально написанной лирической музыкой, исполняемой на гармонии или балалайке. В 1970—1980-е гг. зазвучали аккордеон и гитара. Эти инструменты воспринимались кинематографистами как элемент деревенской / народной культуры и помогали создавать лубочный образ деревни как особого мира.

Помимо проводного, в деревенском кинематографе получило отражение беспроводное радиовещание. В домах колхозников стали появляться индивидуальные радиоприемники (сначала — массивные настольные, затем — в составе радиолы). Особую смысловую нагрузку радиоприемник выполняет во многих фильмах 1950-х гг. Так, например, в фильме «Чужая родня» (реж. М. Швейцер, 1955 г.), поставленном по повести В. Тендрякова «Не ко двору», приемник — едва ли не все имущество героя картины, тракториста Федора. Он сопровождает Федора в разных перипетиях сюжета. И такое внимание к радиоприемнику не случайно. Для 1950-х гг. радио можно рассматривать как знаковую вещь. Во-первых, радио было основным источником новостей, позволяло культурно расти, разрывало замкнутый мир деревни, раскрывая широкие горизонты окружающего мира; во-вторых, радиоприемник являлся элементом образа героя, подчеркивая его современность, техническую и нравственную грамотность, а в-третьих, радиоприемник как личная вещь символизировал переход от общественного радио к индивидуальному с возможностью выбора радиостанций, передач для прослушивания, т. е. к новому уровню медиакоммуникаций. В том же фильме «Чужая родня», уходя из семьи родителей жены, Федор оставляет радиоприемник в их доме, подспудно надеясь на «цивилизаторскую» миссию этого предмета.

Большие радиоприемники, которые постоянно фиксируются кинокамерой в интерьерах крестьянских домов конца 1950-х гг., дополняются и вытесняются в 1960-е гг. мобильными переносными радиоустройствами. Транзистор мы можем видеть и слышать в фильме «История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж» (реж. А. Кончаловский, 1967 г.). Голос неумолкающего радиоприемника сопровождает практически все сцены этого фильма, фиксируя события текущего момента: землетрясение в Ташкенте, визит де Голля в Москву. Транзистор в фильме выступает как привычный предмет быта, включенный

в сельскую повседневность не только молодого поколения, но и представителей среднего и старшего возраста. Индивидуальные приемники позволяли управлять процессом прослушивания и реализовывать индивидуальный выбор. Проводное и беспроводное радио участвовало в создании особой полифонии звуковой среды деревни, которая очень важна для понимания сельского сознания и образа жизни.

В 1970—1980-е гг. не только вещный, но и звуковой мир расширяется за счет использования электропроигрывателей и магнитофонов вместо прежних патефонов (Встречи на рассвете, реж. Э. Гаврилов, В. Кремнев. 1968 г.; Вдовы, реж. С. Микаэлян, 1976 г.; Человек на своем месте, и др.). В фильме «Прости-прощай» (1979 г., реж. Г. Кузнецов) уже не под гармошку, а под магнитофон молодежь села танцует вечером на околице села. Из него звучит не «своя», а зарубежная эстрадная музыка. По мнению авторов фильма, эта музыка неуместна, и в сюжете делается акцент на столкновении народной песенной традиции с современной эстрадной. Происходит своеобразное состязание: в разгар танцев из-за реки звучит народная песня, исполняемая старшим поколением, и молодежь сначала затихает, а потом поддерживает стариков молодыми, сильными голосами. Идея фильма понятна, но вот реальность все же была иной. Доступность советской и зарубежной эстрады благодаря радио, телевидению, проигрывателям и магнитофонам, включение ее в повседневность постепенно меняет песенную традицию.

В фильме «Вдовы» свадебное застолье, с которого начинается фильм, сопровождает не гармонь и не частушки, а популярная эстрадная песня, которую с удовольствием слушают и молодые, и пожилые участники праздника. А сами героини фильма, старушки, помогая себя в долгих переходах по бездорожью, поют не народные, а советские песни военного или послевоенного времени. Экспансия новой звуковой среды, транслируемой через радио, проигрыватели, телевидение, создание с помощью нее новых эстетических эталонов, не могли не повлиять на песенный репертуар сельчан, их язык, сознание и поведение. Живую песенную традицию начинает постепенно вытеснять механическая. Деревня перестает петь и становится слушателем.

Важным предметом обстановки, свидетельствующим о значимых переменах в сельском образе жизни, стал телевизор. Впервые в деревенском кино он появляется в фильме «Простая история» (1960 г.) как свидетельство превращения колхоза в передовое хозяйство. По сюжету телевизор есть в клубе, в доме председателя колхоза Саша Потаповой, а также у ее заместителя, который приобрел его благодаря своей оборотистости и хозяйской хватке, т. е. телевизор — это знак особого положения и зажиточности. В фильме он необходим, чтобы подчеркнуть какие-то черты образа героев, необычность ситуации.

В фильмах 1960-х гг. телевизоры встречаются очень редко, но уже в 1970—1980-е гг. они превращаются в типичный предмет обстановки, теряя свою знаковую функцию (Деревенский детектив; Молодая жена, реж. Л. Менакер, 1978 г. и др.). В фильме «Человек на своем месте», посвященном проблемам реконструкции деревни, из уст одного из героев звучит фраза, что в каждой семье есть телевизор. Даже если принять во внимание плакатность картины и ее пропагандистский

подтекст, можно уже говорить о реальной доступности телевизора для среднестатистического колхозника.

В фильмах 1980-х гг. в зажиточных домах можно увидеть уже цветной телевизор (Год теленка, реж. В. Попков, 1986 г.). Таким образом, телевизионный приемник прочно вошел в жизнь сельских жителей, меняя их образ жизни, влияя на формирование новых традиций досуга. Опрос жителей ряда сел Челябинской области, проведенный в 1970-е гг., показал, что 44,4% из них предпочитали проводить свободное время у телевизора, а не принимать участие в клубных мероприятиях [9, с. 350].

Более трудную судьбу в деревенском быту имели такие предметы как холодильник, стиральная машина и пылесос. Холодильник начинает появляться в кадре в 1960-е гг. («Зареченские женихи», 1967 г.) а в 1970-е гг. уже воспринимается как типичный, но достаточно условный предмет обстановки, который должен быть в колхозном доме, однако полезность его очень условна (в кадре им не пользуются).

Еще любопытнее ситуация со стиральными машинами. Этот предмет появляется в фильме «Когда деревья были большими» (реж. Л. Кулиджанов, 1961 г.), где он стал поводом для принятия Кузьмой Иордановым, героем фильма, судьбоносного решения. Желая подработать, из-за неловкости он разбивает чужую новую стиральную машину — подарок молодой семье, и в итоге попадает сначала в больницу, а потом в деревню, решив назваться отцом девушки-сироты Наташи. Весь контекст презентации стиральной машины связан с восприятием ее как большой редкости и ценности даже для города.

В «Истории Аси Клячиной...» отвергнутый жених главной героини, нелюбимый ею Черкунов среди прочих подарков к свадьбе предлагает Асе стиральную машину, которая воспринимается им как роскошь, которую в деревне не могут себе позволить. В фильмах 1970—1980-х гг. стиральные машины не фиксируются, хотя статистика свидетельствует о широком их применении в сельском сообществе. Уже в 1963 г. на 100 сельских семей в Свердловской области приходилось 27,4 стиральных машин (больше, чем телевизоров и электропроигрывателей).

В 1970-е гг. их численность еще более возрастает, но в фильмах отсутствуют сцены с демонстрацией применения этой техники, а вот полоскание белья в реке воспроизводится постоянно. Причем это не просто показ сельской специфики для придания особого колорита фильму: традиция полоскания белья в проточной воде сохраняется в российских селах на протяжении всего изучаемого периода и встречается даже в начале XXI в., вызывая у этнографов живой интерес к причинам живучести данной практики. Так, например, С. Б. Адоньева, рассматривая различные коннотации акта стирки белья в народной культуре, подчеркивает, что он нес не только ритуальную, символическую, но и практическую нагрузку [1]. Полоскание белья в субботний день в речной проточной воде — это завершающий этап стирки, придающий белью особую чистоту. Подобное совмещение традиционных и современных практик стирки непосредственно влияло на предметный мир. На крестьянском дворе наряду с корытом и стиральной машиной обязательными были бельевая корзина из луба, шест или кичига, а также средство для транспортировки белья.

Подобную ситуацию мы наблюдаем и с визуальной репрезентацией пылесоса. Он ни разу не встретился в просмотренных деревенских фильмах, что, однако, не свидетельствует о том, что пылесос совсем не использовали в деревне. Отсутствие пылесоса в кадре является скорее отражением его несоответствия создаваемым в кино деревенским образам. Он не стал знаковым предметом и не заменил в крестьянском быту традиционных практик наведения чистоты: мытья полов, выбивания пыли колотушками из перин, меховой одежды, половиков и проч. Кстати, в целом в советском кино 1970-х гг. пылесос обычно имел комическую коннотацию («Иван Васильевич меняет профессию», реж. Л. Гайдай, 1973 г., мультфильм «Малыш и Карлсон», реж. Б. Степанцев, 1968 г., и пр.) и не поднимается до значения символа, несмотря на его практичность.

Смена моделей бытовой техники, в том числе марок телевизоров (от «КВН» с лупой до цветного «Рубина»), которая прослеживается при последовательном просмотре деревенских фильмов 1950—1980-х гг., позволяет говорить о постепенной синхронизации динамики потребления предметов бытовой техники сельского и городского населения, что тоже важно. Это свидетельствует, в частности, об изменении в деревенской среде традиций сохранения вещей и формировании свойственного урбанизованному обществу потребительского отношения к предметному миру.

Бытовая революция на селе и стремительный процесс замещения старых вещей новыми были связаны с кардинальной перестройкой крестьянской психологии — еще одним важным аспектом раскрестьянивания. Эту ломку, хотя она и носила очень личный характер, можно проследить по деревенским фильмам. Так, например, в основе сюжета картины «Чужая родня» (1955 г.) лежит конфликт традиционного крестьянского и нового советского сознания. Крестьянское сознание характеризуется бережным отношением к вещам, их тщательно хранят, за ними ухаживают. Одна из центральных сцен фильма, призванная раскрыть мелкобуржуазную природу зажиточной семьи Ряшкиных — весенний разбор сундуков, где сложены сарафаны, шубы, тулупы, расшитые кофты, которые «еще бабка носила». В новой советской системе ценностей бережное отношение к вещам, которое было всегда свойственно крестьянам, рассматривается как жадность, стяжательство и накопительство. Для молодого тракториста Федора, пришедшего в эту семью, главное — колхоз, а не свое хозяйство. Его отношение к вещам совсем другое: он предлагает отдать старые сарафаны в клуб для драмкружка (но не выбросить!), охотно делится с окружающими своими вещами. Его окружают другие предметы (уже упомянутый радиоприемник, книги, одеколон, бюст Пушкина).

Основная фабула фильма — неизбежное столкновение двух систем ценностей. В конце фильма Федор привозит жену с ребенком в комнату, которую ему выделили от МТС. Здесь ничего не напоминает дом тестя: в комнате мы видим стол, стулья, кровать за занавеской, патефон, портрет Ленина, детскую ванночку, велосипед — обычная комната в коммуналке 1950-х гг., заставленная типовыми безликими вещами.

Любопытную картину смешения старого и нового рисует фильм «Зареченские женихи» (1967 г.). Сюжетная линия представляет собой рассказ о неудачном

сватовстве деревенского ловеласа шофера Петра Бычкова. Фильм комедийный, и вещный мир, где соседствуют разнородные предметы, используемые не всегда по назначению, является элементом комического. Тем не менее, репрезентация весьма интересна. В доме у героя, где он проживает со своей верующей матерью, есть все — телевизор, который стоит в красном углу под божницей, радиола, холодильник, электрический утюг. Однако холодильник не используется для хранения продуктов («Зачем он нужен, если есть и подпол, и погреб!»), в нем держат такую неожиданную вещь, как икона (чтобы спрятать от посторонних глаз). Мебель в доме вполне городская: шкаф с зеркалом, комод, кровать, обязательный фикус (в советской эстетике символ мещанства) и шторы с гардинами. В общем, перед нами богатый жених в костюме с бабочкой. Его счастливый соперник (тоже шофер) не обременен вещами, его главное богатство — не вещи, а книги. У него нет всех перечисленных выше престижных предметов быта, и это — часть положительного образа.

Многие доступные в городе предметы в 1960-е гг. воспринимаются на селе как необязательная роскошь. Эти вещи еще не нашли свое место в деревенской обыденности, хотя уже знакомы и может быть даже желанны. В 1950-е гг. эпизодическое приобретение сложных бытовых предметов диктовалось соображениями престижа, и было связано с реализацией демонстративной модели потребления. В конце 1960-х гг. городские предметы начинают определять обыденный уровень, меняют представления о норме и образе жизни. Затраты крестьян на промышленные товары в 1963 г. по сравнению с 1953 г. выросли на 70% [9, с. 408]. Согласно результатам бюджетных обследований этого периода, в деревнях стали появляться мотоциклы и даже автомобили.

Таким образом, можно говорить о разной скорости внедрения в быт крестьянских семей различных предметов. Некоторые из них — книги, радио, телевидение, монофункциональная мебель достаточно легко входят в жизнь сельчан и интерьер крестьянских домов, начинают занимать там определенное, значимое место, рассказывая о достатке, социальном статусе, увлечениях хозяев. Наряду с ними выделяются предметы, которые выступали дополнением или дублировали традиционные бытовые практики. Это касается холодильника (наряду с которым в каждой сельской семье использовался погреб), пылесоса, стиральной машины. Они не обеспечивали полноты выполнения связанных с ними потребительских задач и принципиально не меняли сложившихся традиционных практик. Соответственно, их ценность для крестьян, а также символическая нагрузка не были очень высокими.

В условиях перехода к городскому быту формируется новое отношение к вещам: неприятие старых предметов, которые рассматриваются как символы деревенского «прошлого», не соответствующие современным требованиям вкуса, моды, удобства. Кроме того, кино реализовывало воспитательную функцию, ориентируя зрителей на сохранение минимализма в потреблении и скромность в быту и одежде.

Интересна эволюция отношения к деревенской материальной культуре на протяжении 1960—1980-х гг. В фильмах 1960-х гг. она рассматривается как

проявление мещанства, безвкусицы. Так, например, в картине «Живет такой парень» (реж. В. Шукшин, 1964 г.), «интеллигентная» попутчица главного героя Паши Колокольниково рассуждает о «пошлости» колхозного быта: «Я была в доме одной молодой колхозницы. Господи, чего только нет — подушечки, думочки, слоники какие-то дурацкие? Для чего Вы думаете? Для счастья... Поймите, это же пошлость. Элементарная пошлость. Неужели трудно вместе всего этого повесить 2—3 современные репродукции, тахту поставить вместо этой купеческой кровати, купить торшер. На стол поставить красивую современную вазу. А ведь денег на всю эту обстановку пойдет не больше. Я в этом совершенно уверена».

В конце 1970-х — 1980-е гг., напротив, народная крестьянская культура становится модной и востребованной горожанами (И снова Анискин, реж. М. Жаров, В. Иванов, 1978 г.; Шла собака по роялю, реж. В. Грамматиков, 1978 г.; Деревенская история, реж. В. Каневский, 1981 г.; За Ветлугой-рекой, реж. С. Линков, 1986 г.; Зеленинский погост, реж. Б. Лизнев, 1989 г.). Кино проявляет интерес к ремесленным изделиям — наличникам, глиняным игрушкам, росписи по стенам, вышивкам и проч. Но все это уже воспринимается скорее как экзотика, редкость, в том числе и для жителей деревни, являясь не основой, а фасадом деревенской материальной культуры.

Трансформация материальной культуры проходила в достаточно сложных условиях культурного противостояния города и деревни. При этом судьба русского села ставилась в прямую зависимость от того, насколько быстро и глубоко будут внедрены в сельский образ жизни элементы городской культуры. Изменения коснулись в первую очередь одежды, обстановки, жилья, предметов быта, но качество жизни осталось на традиционном уровне, вызывая у сельских жителей неудовлетворенность и усиливая кризис сельской местности.

Литература

1. *Адоньева С. Б.* Полосканье белья: символический порядок повседневных практик. URL: http://www.folk.ru/Research/adonyeva_rinsing.php
2. *Базен А.* Что такое кино? М., 1972.
3. *Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В.* Повинности российского крестьянства в 1930—1960-х гг. Вологда, 2011.
4. *Белов В.* Эпоха НТР // Раздумья о Родине: очерки и статьи. М., 1986 [электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/raz/dum/ya/5.htm#5>
5. *Бердинских В.* Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX в. М., 2011.
6. *Ионин Л. Г.* Культура материальная и духовная // Новая философская энциклопедия [электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru/elib/1576.html>
7. *Карпов С. Г.* Социальные процессы в российской деревне в 1960—1990-е гг. Вологда, 2007.
8. *Мамяченков В. Н.* Роковые годы: материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946—1960 гг.). Екатеринбург, 2002.

9. *Мазур Л. Н.* Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX — XX в.). Екатеринбург, 2012.
10. *Мазур Л. Н., Бродская Л. И.* Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург, 2006.
11. *Наухацкий В. В.* Модернизация сельского хозяйства и российская деревня. 1965—2000 гг. Ростов-на-Дону, 2003.
12. *Щеглова Т. К.* Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул, 2008.
13. *Bazin André.* Qu'est-ce que le cinéma? (en 4 volumes), Éditions du Cerf, collection "Septième Art", 1958—1962. IV. Une esthétique de la Réalité: le néo-réalisme.
14. *Harris M.* Cultural Materialism: The Struggle for a Science of Culture. N. Y., 1979.
15. *Hodder Ian.* The Meaning of Things: Material Culture and Symbolic Expression. L., 1989.
16. *Thomas N.* Entangled Objects: Exchange, Material Culture and Colonialism in the Pacific. Cambr. (Mass.), 1991.